

БЛАГИЕ
ЗНАМЕНАНИЯ

Good Omens

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ НИЛ ГЕЙМАН

БЛАГИЕ ЗНАМЕНАНИЯ

Good Omens

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
НИЛ ГЕЙМАН

TERRY PRATCHETT & NEIL GAIMAN

TERRY PRATCHETT NEIL GAIMAN

Good Omens

ЭКСМО

Москва

2012

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ НИЛ ГЕЙМАН

Благие знамена

ЭКСМО

Москва

2012

УДК 82-312.9
ББК 84(7США)
П 68

Terry Pratchett & Neil Gaiman

GOOD OMENS

Copyright © 1990 by Neil Gaiman and Terry Pratchett
This edition published by arrangement with
Writers House and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Маргариты Юркан*
под редакцией *Михаила Назаренко*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Пратчетт Т.

П 68 **Благие знамения / Терри Пратчетт, Нил Гейман ;**
[пер. с англ. М. Юркан]. — М. : Эксмо, 2012. — 512 с. —
(Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-699-59223-4

Говорят, мир закончится в субботу. А именно в следующую субботу. Незадолго до ужина. К несчастью, по ошибке Мэри Тараторы, сестры Неумолчного ордена, Антихриста не пристроили в нужное место. Четыре всадника Апокалипсиса оседлали мотоциклы. А представители Верхнего и Нижнего Миров сочли, что им очень симпатичен человеческий род...

УДК 82-312.9
ББК 84(7США)

© Юркан М., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-59223-4

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Дети! Устраивать Армагеддон может
быть опасно.
Не пытайтесь повторять это дома.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Авторы присоединяются к мнению
демона Кроули и посвящают роман
памяти Г.К. Честертона — человека,
который понимал, что происходит.

В НАЧАЛЕ

...Был чудесный день.

Чудесными тогда были все дни, ведь их всего-то прошло чуть больше семи, и сотворить дождь еще не успели. Однако на востоке от Эдема собирались тучи, что означало: первая гроза уже на подходе, и будет она нешуточной.

Укрываясь от первых капель дождя, ангел Восточных врат сложил крылья над головой.

— Прости, — вежливо промолвил он. — Что-что ты сказал?

— Шутка, говорю, не очень-то удалась, — ответил змий.

— А. Ну да, — кивнул ангел, которого звали Азирафаэль.

— Как по мне, так Он малость переборщил, — продолжал змий. — Это ведь их первый привód, а раньше они — ничего такого... И вообще — что плохого в том, чтобы познать различие между добром и злом?

— Наверное, что-то да есть, — возразил Азирафаэль слегка озабоченно. Он сам недопонимал, что

такого страшного случилось, и от этого ему было немного не по себе. — Иначе ты бы в этом не участвовал.

— Мне просто сказали: «Ползи туда и устрой скандалчик», — сообщил змий, которого звали Кровлей, хотя он уже подумывал сменить имя. Хотелось чего-нибудь этакого, посолиднее.

— Да, но ты же демон. Ты, кажется, вообще на хорошие дела не способен, — пожал плечами Азирафаэль. — Так тебе положено, гм, по природе. Ничего личного, пойми меня правильно.

— Однако признай, слишком уж все это смахивает на какую-то клоунаду, — ответил Кровлей. — Ну представь, прямо посреди сцены торчит Древо, а на нем табличка с аршинными буквами: «НЕ ТРОГАТЬ». Очень тонкий подход. Спрашивается, почему бы не посадить его в каком-нибудь укромном местечке, на вершине горы или еще где? Остается только гадать, что Он замыслил на самом деле.

— Право, лучше всего вообще не гадать, — заметил Азирафаэль. — Я всегда говорил: никто не достигнет непостижимое. В мире есть «Правильно» и «Неправильно». Если ты поступаешь Неправильно, когда тебе велели поступить Правильно, то заслуживаешь наказания. М-да...

В воздухе повисла неловкая пауза. Ангел и змий в молчании смотрели, как капли дождя лупят по лепесткам первых цветов.

— Слушай, а где это твой пламенный меч? — наконец поинтересовался Кровлей.

— Э-э... — сказал ангел. Виноватая тень пробежала по его лицу, а затем вернулась, чтобы обосноваться там как следует.

— Я точно помню, у тебя был меч, — настаивал Кровлей. — Нехило так пламенел.

— Э-э, ну...

— И выглядел весьма впечатляюще.

— Да, но...

— Ты что, его потерял?

— Да нет! Не то чтобы потерял, скорее...

— Что?

На Азирафаэля невыносимо было смотреть.

— Ну, если уж тебе непременно нужно знать... Я его подарил! Вот! — сообщил он не без запальчивости.

Кровлей изумленно уставился на него.

— Ну, в общем, так получилось, — продолжал ангел, смущенно потирая руки. — Они совсем замерзли, бедняжки, и она уже ждала ребенка, и еще эти, дикие звери, да и гроза уже надвигалась, и я подумал, да ладно, чего там, и говорю: слушайте, назад вам дороги нет, а то начнется скандал до небес, но вот вам меч на всякий случай, нате, не нужно благодарностей, просто сделайте всем одолжение: двигайте отсюда, и скатертью дорога. — Он неуверенно улыбнулся. — Я хорошо поступил, как по-твоему?

— Не думаю, что ты вообще способен на плохие дела, — ехидно ответил Кровлей.

Азирафаэль насмешки не заметил.

— Я так на это надеюсь! — кивнул он. — Очень сильно. Весь день сегодня переживаю.

Они немного понаблюдали за дождем.

— Забавно получается... — протянул Кровлей. — Я вот тоже волнуюсь: а вдруг эта история с яблоком обернется каким-нибудь добром? За доброе дело демон может схлопотать серьезные неприятности. —

Он ткнул ангела локтем в бок. — А что, если мы оба не правы? Вдруг я поступил хорошо, а ты — плохо? Смешно, правда?

— Да как-то не очень, — сказал Азирафаэль.

Кровлей смотрел на дождь.

— Согласен, — мрачно кивнул он.

Аспидно-черная завеса накрыла Эдем. По холмам прокатились громовые раскаты. Недавно поименованные твари лесные забились в норы от грозы.

Где-то далеко в насквозь промокшем лесу среди деревьев блеснуло что-то ярко-огненное.

Ночь сулила быть темной и бурной.

БЛАГИЕ ЗНАМЕНΙΑ

Повествование о Неких Событиях, имевших место на протяжении последних одиннадцати лет человеческой истории, — как будет показано далее, в точном соответствии с

«Превосходными
и Недвусмысленными Пророчествами
Агнессы Псих».

Составлено и отредактировано, а также снабжено
Примечаниями Образовательного Характера и На-
ставлениями для Здравомыслящих

Нилом Гейманом и Терри Пратчеттом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сверхъестественные существа

Бог (Бог)

Метатрон (Глас Божий)

Азирафаэль (ангел и по совместительству букинист)

Сатана (падший ангел, враг рода человеческого)

Вельзевул (также падший ангел и князь преисподней)

Хастур (еще один падший ангел и герцог преисподней)

Лигур (опять-таки падший ангел и герцог преисподней)

Кроули (ангел, не столько падший, сколько катившийся по наклонной)

Всадники Апокалипсиса

Смерть (Смерть)

Война (Война)

Голод (Голод)

Загрязнение (Загрязнение)

Люди

Не-Прелюбы-Сотвори Пульцифер (ведьмолов)

Агнесса Псих (пророчица)

Ньютон Пульцифер (бухгалтер, рядовой Армии ведьмоловов)

Анафема Гаджет (практикующая оккультистка, не так по призванию, как по наследству)

Шедвелл (сержант Армии ведьмоловов)

Мадам Трейси (Нарумяненная Иезавель [часы приема: будни по утрам, четверг по предварительной записи] и медиум)

Сестра Мэри Таратора (монахиня-сатанистка из Неумолчного ордена святой Бериллы)

Мистер Янг (отец)

Мистер Тайлер (председатель муниципалитета)

Посыльный

Эти

Адам (Антихрист)

Пеппер (девочка)

Уэнслидэйл (мальчик)

Брайан (мальчик)

Массовка

Обитатели Тибета, иных планет, Америки, Атлантиды и прочие редкие и странные Создания Последних Дней.

А также

Барбос (дьявольский цербер и гроза кошек)

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Современные теории о сотворении Вселенной утверждают, что если она вообще была создана, а не просто началась, так сказать, неофициально, то день ее рождения случился десять-двадцать миллиардов лет тому назад. Согласно тем же вычислениям, Земля существует уже около четырех с половиной миллиардов лет.

Эти цифры неточны.

Средневековые иудеи утверждали, что мир был сотворен в 3760 году до Рождества Христова. Православные теологи отнесли это событие к 5508 году до Р.Х.

Но их теории также далеки от истины.

Архиепископ Джеймс Ашер (1580–1656), опубликовавший в 1654 году свои «Анналы Ветхого и Нового Заветов», предположил, что небо и землю сотворили в 4004 году до Р.Х., а один из его помощников, проведя более тщательные вычисления, торжественно объявил, что Земля появилась на свет в воскресенье, 21 октября 4004 года до Р.Х., ровно в девять часов пополудни, поскольку Господь предпочитает творить с утра пораньше, на свежую голову.

Эти данные тоже грешат некоторой неточностью. Примерно в четверть часа.

Палеонтологи так до сих пор и не поняли, что окаменелые скелеты динозавров — попросту шутка.

Из вышесказанного следуют два вывода.

Во-первых, пути Господни исключительно неисповедимы, и даже более того — крайне окольные. Бог играет со Вселенной вовсе не в кости; нет, Он ведет непостижимую игру собственного изобретения, с точки зрения остальных игроков¹, больше всего похожую на очень сложный и запутанный вариант покера, причем партия разыгрывается в совершенно темной комнате, на картах нет ни одной картинки, ставки бесконечно велики, а правила известны только Раздающему, который *все время улыбается*.

Во-вторых, Земля по зодиаку — Весы.

В тот день, когда началась эта история, колонка «Астрологический прогноз» из тафилдского «Адвертайзера» давала Весам такие советы:

ВЕСЫ. 24 сентября — 23 октября.

Вероятно, вы чувствуете подавленность, как будто все время движетесь по кругу и выхода нет. Хозяйственные и семейные дела выдвигаются на первый план и настоятельно требуют вашего внимания. Избегайте ненужного риска. Друг окажет вам неоценимую поддержку. Отложите принятие важных решений до тех пор, пока ситуация не прояснится. Сегодня наиболее уязвим желудок, поэтому лучше отказаться от салатов. Помощь может прийти с неожиданной стороны.

За исключением рекомендации по поводу салатов, прогноз оказался на редкость точным.

¹ Т.е. всех прочих.

Эта ночь не была особенно темной и бурной.

Ей следовало быть таковой, но что возьмешь с погоды. На каждого сумасшедшего ученого, весьма кстати для которого гроза разражается в ту самую ночь, когда он завершает свое Великое Делание, приходится множество неудачников, просиживающих штаны под мирными звездами, пока Игорь подсчитывает свои сверхурочные.

Однако не позволяйте туману (на смену которому вскоре придет небольшой дождь, а температура упадет до семи-восьми градусов по Цельсию) усыпить вашу бдительность. Даже приятным теплым вечером посланцы темных сил не дремлют. Они никогда не дремлют. Они *повсюду*.

Повсюду и всегда. В этом-то все и дело.

Вот и сейчас двое посланцев этих самых сил таились на заброшенном кладбище. Один сутулый и коренастый, другой зловеще-тощий, оба — мастера скрадывания олимпийского класса. А если бы Брюс Спрингстин вдруг собрался записать альбом «Рожденный таиться», эта пара достойно смотрелась бы на обложке. Они таились в тумане уже целый час; впрочем, они только раскачивались: их таения вполне хватило бы на всю ночь, да еще осталось бы зловещести на финальный рывок перед рассветом.

Наконец по прошествии очередных двадцати минут один из них буркнул:

— И где только его черти носят? Договорились же не опаздывать.

Говорившего звали Хастур, и был он герцогом преисподней.

Доказательств тайного вмешательства Сатаны в дела человеческие более чем достаточно: войны, эпидемии чумы, неожиданные налоговые проверки... Однако все знатоки демонологии единогласно признают: лондонская окружная трасса M25 — это доказательство № 1.

И если они ошибаются, то лишь в одном: проклятие кольцевой дороги вовсе не ограничивается тем, что на ней ежедневно происходит невероятное количество жутких столкновений и аварий.

В действительности лишь несколькими избранным мира сего известно, что уже сами очертания M25 формируют знак «одегра», означающий на языке Черных жрецов древнего Му «Слава Великому Зверю, Пожирателю Миров». Тысячи автомобилистов, которые ежедневно газуют по извивам дороги, производят ровно такое же действие, что и вода, льющаяся на молитвенное колесо: так возникают незаметные глазу, но крайне ядовитые миазмы низкопробного зла, отравляющие метафизическую атмосферу на много миль вокруг.

Кроули считал трассу одним из лучших своих достижений. На это ушли годы, три хакерские атаки, два грабежа со взломом, одна мелкая взятка, а когда все оказалось тщетно — два часа промозглой ночью, в грязи, покуда Кроули перемещал топографические колышки всего лишь на пару метров, чрезвычайно важных с оккультной точки зрения. Позже, наблюдая за первой пробкой длиной в добрых тридцать миль, Кроули испытал истинное удовольствие от сознания хорошо выполненного злодейства.

Ему была объявлена благодарность.

Сейчас Кроули мчался со скоростью в сто десять миль в час чуть восточнее Слау. Внешность его особой демоничностью не отличалась, во всяком случае, по классическим стандартам: ни рогов, ни крыльев. Да, он слушал избранные песни группы «Queen», но с выводами спешить не стоит: пролежав две недели в бардачке машины, любая кассета превращается в «Best of Queen». И никаких особенно демонических мыслей — Кроули всего лишь рассеянно размышлял о том, какое Фредди дело до Никиты Сергеевича Хрущева.

Высокие скулы, темные волосы, туфли из змеиной кожи... если, конечно, это были туфли. Языком Кроули умел проделывать удивительные вещи, а если забывался, иной раз мог и зашипеть.

Кроме того, он очень редко моргал.

Машина Кроули была черным «Бентли» 1926 года, и с самого дня выпуска она верой и правдой служила единственному хозяину. Кроули хорошо о ней заботился.

Опаздывал он по простой причине: ему чрезвычайно нравилось жить в двадцатом веке. Это столетие, с его точки зрения, выгодно отличалось от семнадцатого, не говоря уже о четырнадцатом. Время тем и прекрасно, говаривал Кроули, что оно неуклонно уносит тебя все дальше и дальше от четырнадцатого века, самого паршивого и скучного столетия, какое только видывали, извините за выражение, небеса. А вот двадцатый век скучать никому не давал. К примеру, синяя мигалка, маячившая в зеркале заднего вида последние пятьдесят секунд, недвусмысленно заявляла, что Кроули преследует машина, двое пассажиров которой намерены сделать его жизнь еще более интересной.

Он глянул на ручные часы, предназначенные для богатеев-аквалангистов, которым и на морском дне хочется знать, сколько же времени нынче в двадцати одной столице подлунного мира¹.

«Бентли» с ревом промчался по выездному пандусу, заложил вираж на двух колесах и рванул по усыпанной листьями дороге. Синяя мигалка не отставала.

Кроули вздохнул, снял руку с руля и, чуть повернувшись, сделал над плечом замысловатый жест.

Мигалка быстро исчезла вдаль, поскольку полицейская машина, к большому удивлению ее водителя и пассажира, вдруг остановилась. Спустя минуту они изумились еще сильнее, открыв капот и обнаружив, во что превратился двигатель.

Тем временем на кладбище Хастур — тот демон, что повыше, — передал бычок низкорослому (и более поднаторевшему в искусстве таиться) Лигуру.

— Кажется, я вижу свет, — сказал он. — Явился не запылится наш щеголь.

— На чем это он прикатил? — спросил Лигур.

— Это называется машина. Такая самобеглая карета, — пояснил Хастур. — Полагаю, во время твоего последнего визита их еще не изобрели. Во всяком случае, не запустили в массовое производство.

— А, помню. Впереди них всегда ходил тип с красным флагом, — откликнулся Лигур.

¹ Эти часы сделали на заказ персонально для Кроули. Подобные безделицы — невероятно дорогое удовольствие, однако он мог себе такое позволить. *Его* часы показывали время двадцати столиц мира подлунного и еще одной столицы Мира Иного, время в которой навечно застыло на отметке «Слишком Поздно».

— Ну, с тех пор тут кое-что изменилось.

— Кто он хоть такой, этот Кроули? — спросил Лигур.

Хастур сплюнул.

— Ошивается здесь с давних пор, — проворчал он. — С самого Начала. И, по-моему, совсем отуземился. Разъезжает на машине и прямо за рулем треплется по телефону.

Лигур пытался оценить услышанное. Подобно большинству демонов, он имел очень скудные понятия о технологии и как раз собирался сказать, что для этого, должно быть, нужна целая уйма проводов, но в эту самую минуту «Бентли», взвизгнув шинами, остановился у ворот кладбища.

— И вечно шляется в солнцезащитных очках, — фыркнул Хастур. — Даже по ночам. — Он немного повысил голос. — Слава Сатане!

— Слава Сатане! — повторил Лигур.

— Приветик, — сказал Кроули, небрежно помахав рукой. — Уж извините за опоздание, но сами знаете, как сложно проехать по А40 возле Дэнхема, так что я попытался срезать и рванул через Чорли-Вуд, а потом...

— Ныне, когда мы встретились наконец, — многозначительно прервал его Хастур, — нам должно отчитаться за Деяния минувшего дня.

— А, ну да... Деяния, — проворчал Кроули со слегка виноватым видом, какой бывает у человека, впервые за долгие годы заглянувшего в церковь и успевшего подзабыть, что, собственно, там полагается делать.

Хастур прочистил горло.

— Я искусил священника, — сказал он. — Он шел по улице и взглянул на загорающих красоток, а я за-

ронил в его душу Сомнение. Он мог бы стать святым, но теперь лет через десять будет наш.

— Мило, — с готовностью похвалил Кроули.

— А я совратил политика, — сообщил Лигур. — Внушил ему, что в небольшой взятке нет ничего страшного. За год он будет наш.

Оба герцога выжидающе взглянули на Кроули, ответившего им широкой улыбкой.

— Вам это понравится, — пообещал он.

Его улыбка стала еще более заговорщицкой и лучезарной.

— Я на сорок пять минут во время обеденного перерыва заблокировал все мобильные телефоны в центре Лондона, — сказал Кроули.

Наступила тишина, которую нарушало лишь далекое шуршание машин.

— Ну? — наконец сказал Хастур. — И что?

— Послушайте, это было нелегко, — заметил Кроули.

— Это все? — хмыкнул Лигур.

— Поймите, люди...

— Что именно ты сделал, дабы обеспечить нашего владыку грешными душами? — поинтересовался Хастур.

Кроули постарался взять себя в руки.

Что он мог сказать? Что двадцать тысяч человек были чертовски разъярены? Что по всему городу сжались артерии, даже треск пошел? И что, вернувшись на рабочее место, люди принялись срывать свой гнев на дорожных инспекторах, секретарях или вообще на первом встречном? Что они заразили своим гневом окружающих, а те — и это самое главное! — весь остаток дня *сами измышляли* всевозможные

способы мелкого отмщения? Последствия трудно даже вообразить. Тысячи и тысячи душ покрылись тонкой патиной порока, а Кроули практически пальцем о палец не ударил.

Впрочем, таким, как Хастур и Лигур, объяснить это было невозможно. Умственное развитие большинства демонов — на уровне четырнадцатого века. Они долгие годы тратят на совращение одной-единственной души. Конечно, *мастерства* у них не отнимешь, однако в нынешние дни нужно мыслить иначе. Теперь главное — не глубина, а широта охвата. Учитывая, что население Земли увеличилось до пяти миллиардов, нельзя уже таскать грешников в Ад поодиночке; пора действовать масштабнее. Но демонам типа Лигура и Хастура этого не понять. Им в жизни не выдумать такую штуку, как телевидение на валлийском. Или налог на добавленную стоимость. Или Манчестер.

Манчестер его особенно радовал.

— Власти предержажие, кажется, вполне довольны моими действиями, — пожал плечами Кроули. — Времена меняются. Ну а вы с чем ко мне пожаловали?

Хастур пошарил за надгробием.

— А вот с чем, — сказал он.

Кроули уставился на корзину.

— О нет, — выдохнул он.

— О да, — ухмыляясь, возразил Хастур.

— Уже?

— Ага.

— И, гм, значит, я должен?..

— *Именно.* — Хастур явно наслаждался.

— Но при чем здесь я? — в отчаянии воскликнул Кроули. — Ты же меня знаешь, Хастур, это совсем не моя сфера...

— Как раз твоя, — перебил Хастур. — Твоя сфера деятельности. Твоя звездная роль. Радуйся. Времена меняются.

— Точно, — ухмыляясь, поддакнул Лигур. — Недолго им осталось, временам-то.

— Но почему я?

— Видимо, к тебе относятся с особой благосклонностью, — процедил Хастур. — Думаю, ради такой возможности Лигур не раздумывая пожертвовал бы своей правой рукой.

— Что верно, то верно, — согласился Лигур. «Уж чьей-то рукой наверняка, — добавил он про себя. — Мало, что ли, вокруг правых рук — зачем своей-то разбрасываться?»

Хастур извлек из-под полы грязного плаща планшет.

— Распишись. Здесь, — велел он, сделав между словами жуткую паузу.

Кроули рассеянно пошарил во внутреннем кармане и извлек ручку. Блестящую, матово-черную — казалось, ей ничего не стоит преодолеть звуковой барьер.

— Симпатичная вещица, — заметил Лигур.

— Может писать даже под водой, — пробормотал Кроули.

— До чего они только еще додумаются? — покачал головой Лигур.

— Ни до чего, если не будут шевелить мозгами быстрее, — хмыкнул Хастур. — *Нет*. Не А.Д. Кроули. Подписывайся настоящим именем.

Кроули мрачно кивнул и изобразил на бумаге сложный витиеватый знак, который на мгновение полыхнул огнем и погас.

— И что мне теперь делать? — спросил он.

— Придет время, получишь инструкции, — хмуро ответил Хастур. — Чего это ты так волнуешься, Кроули? Близится час, ради которого мы трудились все минувшие столетия!

— Да. Верно, — согласился Кроули. Сейчас он сильно отличался от того раскованного, ловкого парня, который легко выскочил из «Бентли» несколько минут назад. Вид у него стал каким-то загнанным.

— Близится час нашего вечного триумфа!

— Триумфа. Да, — сказал Кроули.

— И ты станешь орудием великого предназначения!

— Орудием. Да, — пробормотал Кроули. Он взял корзинку с такой осторожностью, словно опасался, что она вот-вот взорвется. Образно говоря, именно это с ней вскоре и произойдет. — Э-э. Ну ладно, — сказал он. — Тогда, пожалуй, э-э, мне пора. Ну, я пошел? Хочется побыстрее со всем этим покончить. Да нет, не в смысле «покончить», — поспешно добавил Кроули, осознав, что может случиться, если Хастур представит начальству отрицательный отзыв о нем. — Но вы же меня знаете. Работа прежде всего.

Старшие демоны молчали.

— Значит, буду ждать инструкций, — промямлил Кроули. — Увидимся, парни... До скорой встречи. Э-э. Все путем. Чао.

Глядя, как «Бентли» исчезает в ночной тьме, Лигур спросил:

— Какой такой путь? И при чем здесь чай?

— Не чай, а чао. По-итальянски это значит «еда», — ответил Хастур. — Кажется.

— Занятно он выражается. — Лигур пристально поглядел вслед задним фарам «Бентли». — Ты ему доверяешь?

— Нет, — отрезал Хастур.

— И правильно, — сказал Лигур. «Плохи были бы дела, — мельком подумал он, — если бы демоны вдруг начали доверять друг другу».

Кроули на своем «Бентли» со свистом мчался в ночи где-то западнее Эмершема. Пошарив в бардачке, он наугад вытащил кассету и извлек ее из хрупкого пластмассового футляра, одновременно пытаясь не слететь с дороги. Встречные фары озарили этикетку: «Времена года» Вивальди. Спокойная музыка, как раз то, что надо.

Он вставил кассету в магнитофон.

— Очерточерточерт... Ну почему именно сейчас? Почему я? — бормотал он, а тем временем его омывали вечнозеленые мелодии: лучшие песни группы «Queen».

И вдруг с ним заговорил Фредди Меркьюри:

ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЗАСЛУЖИЛ ЭТО, КРОУЛИ.

Кроули сквозь зубы благословил магнитофон. Это ведь он предложил использовать электронику в качестве канала связи, и Внизу сразу подхватили его идею — но, как водится, совершенно ее извратили. Он-то надеялся, что убедит их закупить мобильники, но вместо этого, когда возникала надобность, они просто прерывали то, что он слушал, и вещали свое.

Кроули вздохнул.

— Премного благодарен, владыка, — сказал он.

МЫ ВЕРИМ В ТЕБЯ, КРОУЛИ.

— Благодарю, владыка.

ТЫ ПОЛУЧИЛ ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ, КРОУЛИ.

— Я понял, понял.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНОЕ, КРОУЛИ.

— Положитесь на меня, владыка.

ЧТО МЫ И ДЕЛАЕМ, КРОУЛИ. И ЕСЛИ ЧТО-ТО СОРВЕТСЯ, ВСЕ ПРИЧАСТНЫЕ СИЛЬНО ПОСТРАДАЮТ. ДАЖЕ ТЫ, КРОУЛИ. ОСОБЕННО ТЫ.

— Понятно, владыка.

ВОТ ТВОИ ИНСТРУКЦИИ, КРОУЛИ.

Миг — и знание пришло к нему. Кроули поморщился. Неужели нельзя просто рассказать? Нет, обязательно надо сбросить прямо в мозг холодные слова. Итак, он должен ехать в какую-то богдельню.

— Я буду там через пять минут, владыка, нет проблем.

ХОРОШО. Вижу я — чей-то стоит силуэт, скарамуш, скарамуш, может, спляшем фанданго?..

Кроули саданул по рулю. Последние несколько столетий все шло так прекрасно, все было под контролем... И что в итоге? Стоит вообразить, будто стоишь на вершине мира, как вдруг — вот тебе, бабушка, и Армагеддон. Великая война, Последняя битва. Рай против Ада, три раунда, одно Падение, апелляции не принимаются. И всё, приехали. Конец света. Иначе говоря, конец мира. Мир закончится, и останутся

лишь вечные Небеса или, если выиграет другая сторона, вечный Ад. Еще неизвестно, что хуже.

Ну, Ад, разумеется, хуже по определению. Однако Кроули неплохо помнил Рай и знал, что между ним и Адом есть кое-что общее. Во-первых, приличной выпивки ни там, ни там не сыщешь. А во-вторых, райская скука так же ужасна, как адские страсти.

Но выхода все равно нет. У демонов нет свободы воли.

— *Я тебя не отпущу (отпусти!)*...

Что ж, по крайней мере, все это случится не в нынешнем году. Он еще успеет кое-что предпринять. Первым делом надо избавиться от долгосрочных вкладов...

«Интересно, — вдруг подумал он, — а что, если остановить сейчас машину, прямо здесь, на этой темной, мокрой, пустынной дороге, взять корзинку, раскрутить ее посильнее и ка-а-ак отпустить...»

Случится нечто ужасное, это уж точно.

Когда-то он был ангелом. И о Падении даже не помышлял. Просто связался с дурной компанией.

«Бентли» мчался в черноте ночи; стрелка, показывающая уровень бензина в баке, замерла на нуле. Она стояла там уже седьмой десяток лет. Все-таки в жизни демонов есть свои плюсы. Прежде всего, не надо покупать бензин. Единственный раз Кроули купил бензин в 1967 году, чтобы бесплатно заполучить переводную картинку из Джеймса Бонда, фильма про которого в то время с удовольствием смотрел. Клевая такая картинка была, как будто тебе в ветровое стекло попала пуля...

Существо в корзине, стоявшей на заднем сиденье,

зашлось в крике: вопль новорожденного, подобный вою сирены перед воздушным налетом. Пронзительный. Бессловесный. И древний.

«А больница очень даже ничего, — подумал мистер Янг. — Если б не монахини, тут было бы еще и спокойно».

Впрочем, монашки ему нравились. Не то чтобы он был извращенцем каким. В церковь мистер Янг почти не ходил, но при этом был твердо уверен: уж если не ходить, то в старинную, почтенную англиканскую церковь Святого Сесила и Всех Ангелов, а о других и речи быть не может. Там все не так: не та мастика для полов в Низкой церкви, довольно сомнительный ладан в Высокой. Где-то в глубине кожаного кресла своей души мистер Янг понимал, что Господа смущают подобного рода вещи.

В то же время к монашкам мистер Янг относился с симпатией — как, допустим, к Армии спасения. Глядя на тех и на других, он чувствовал некую уверенность, что *все в порядке* и благодаря таким людям мир еще вертится.

Однако к испытанию Неумолчным орденом святой Бериллы¹ он оказался не готов. Дейдре, его

¹ Согласно одной из версий легенды, Берилла была задушена князем Казимиром через три недели после свадьбы, так и не став его женой. Она умерла девственной мученицей, не умолкая до самой кончины.

Правда, согласно другой версии, Казимир обзавелся пачкой затычек для ушей, и святая Берилла умерла в возрасте шестидесяти двух лет, мирно почив в супружеской постели.

Послушницы Неумолчного ордена дают обет неустанно следовать примеру своей покровительницы, за исключением получасовой паузы во вторник после полудня, когда монахиням разрешается хранить молчание и при желании играть в настольный теннис.

жена, случайно познакомилась с монашками во время одной из своих авантур — возможно, той, что была связана с кровожадными латиноамериканцами, воюющими против других, не менее кровожадных латиноамериканцев, тогда как священники, вместо того чтобы читать миролюбивые проповеди и составлять графики дежурства в церквях, только подливали масла в огонь.

Суть в том, что монахини должны быть тихими. Именно этого от них и ждешь — как, скажем, от тех шутовщин, которые, как туманно представлялось мистеру Янгу, используют при тестировании аудио-центров. В общем, монахиням не следует непрерывно трещать.

Он наполнил трубку табаком (и вот это они называют табаком, нет, я бы это табаком не назвал, то ли дело старый добрый табак) и задумался, уместно ли спросить у монашки, где тут мужская уборная. Папа римский вполне может прислать возмущенную открытку. Мистер Янг поерзал на стуле и взглянул на часы.

Правда, есть один плюс: по крайней мере, здешние монахини решительно воспротивились тому, чтобы он присутствовал при родах. А Дейдрэ именно об этом и мечтала. Опять начиталась какой-то чепухи. Ожидая второго ребенка, она вдруг заявила, что роды должны стать самым радостным совместным переживанием любящих супругов. Вот что бывает, если позволить жене самостоятельно выписывать прессу. Мистер Янг не доверял газетам, в которых были разделы типа «Твой стиль жизни» или «Дискуссионный уголок».

Вообще-то он ничего не имел против радостных совместных переживаний, даже наоборот — скло-

нялся к мысли, что их в мире должно быть как можно больше. Однако мистер Янг вполне ясно дал понять, что этим конкретным совместным переживанием Дейдре насладится в одиночку.

И монашки согласились. Они не видели смысла привлекать к этому делу отца. Хотя, если задуматься, рассудил мистер Янг, они и в самих отцах, скорее всего, смысла не видели.

Мистер Янг закончил утрамбовывать в трубке так называемый табак и свирепо глянул на табличку, которая сообщала, что посетителям ради их собственного благополучия рекомендуется воздерживаться от курения. Тогда он решил ради собственного благополучия пойти и постоять на крыльце. А если рядом найдутся кустики погуще, то его благополучие будет совсем счастливо.

Пройдя пустыми коридорами, он обнаружил дверь, которая вела в умытый дождем двор, полный добродетельных контейнеров с мусором.

Поежившись, мистер Янг сложил ладони домиком, чтобы разжечь трубку.

Такое с ними бывает, с женами то есть, в определенном возрасте. После двадцати пяти лет безупречной совместной жизни они вдруг как с цепи срываются. Надевают розовые гетры с обрезанными носками, дергаются, как роботы, и называют это физическими упражнениями. Упрекают вас в том, что им никогда не приходилось зарабатывать на жизнь. В гормонах все дело, а может, еще в чем.

К мусорным контейнерам подкатила большая черная машина, из которой под моросящий дождик выскочил молодой человек в черных очках. Он осто-

рожно направился к крыльцу, держа в руках нечто вроде переносной колыбельки.

Мистер Янг вытащил изо рта трубку.

— Вы забыли погасить фары, — любезно подсказал он.

Бросив на него бессмысленный взгляд, однозначно говоривший, что фары сейчас волнуют его меньше всего на свете, мужчина неопределенно махнул рукой в сторону «Бентли». Огни погасли.

— Как удобно, — заметил мистер Янг. — Инфракрасный выключатель, да?

Его слегка удивило, что, несмотря на дождь, мужчина выглядит совершенно сухим. А также что колыбелька, похоже, не пустая.

— Ну как, началось? — спросил незнакомец.

Мистер Янг почувствовал смутную гордость от того, что в нем сразу признали будущего родителя.

— Ага, — подтвердил он и с благодарностью в голосе добавил: — А меня выгнали.

— Уже? И долго нам еще ждать?

«Нам», — отметил про себя мистер Янг. Очевидно, это врач, которому импонирует идея совместных родов.

— Кажется, мы, э-э, вот-вот закончим, — сказал мистер Янг.

— В какой она палате? — быстро спросил незнакомец.

— Мы в третьей, — ответил мистер Янг. Похлопав себя по карманам, он вытащил потрепанную пачку, которую, согласно традиции, захватил с собой. — Не желаете ли разделить со мной радостное сигарное переживание? — осведомился он.

Но незнакомец уже исчез.

Мистер Янг аккуратно убрал пачку в карман и задумчиво поглядел на свою трубку. Всегда-то они в спешке, эти доктора. Трудятся без роздыху целый Божий день.

Есть такой фокус с горошиной и тремя наперстками, за перемещением которых чертовски трудно уследить. Вот и сейчас произойдет нечто подобное — правда, ставки значительно выше, чем пригоршня мелочи.

Текст романа будет специально замедлен, чтобы читатель мог разглядеть каждое движение.

Миссис Дейрдре Янг в третьей палате рождает златовласого младенца мужского пола, которого мы назовем «Ребенок № 1».

Супруга американского атташе по культурным связям, миссис Гарриет Даулинг, в четвертой палате рождает златовласого младенца мужского пола, которого мы назовем «Ребенок № 2».

Сестра Мэри Таратора с рождения была убежденной сатанисткой. Девочкой она ходила в Шабашную школу, где неизменно получала черные звезды за чистописание и дурное поведение. Когда ей велели вступить в Неумолчный орден, Мэри смиренно приняла назначение — к болтовне у нее был природный талант, да к тому же она знала, что окажется среди друзей. Смышлености Мэри было не занимать (что так и осталось для нее тайной, ибо жизнь не предоставила ей шанса в этом убедиться), однако она давным-давно обнаружила, что ротозеям куда легче идти по жизни. В настоящий момент ей вручают златовласого младенца мужского пола, которого

в дальнейшем мы будем называть Врагом Рода Человеческого, Разрушителем Царств, Ангелом Бездны, Великим Зверем, имя коему Дракон, Князем Мира Сего, Отцом Ажи, Порождением Сатаны и Владыкой Тьмы.

Следите внимательно. Вот шарик есть...

— Неужели это он и есть? — спросила сестра Мэри, вглядываясь в младенца. — Я-то думала, у него глаза будут странные. Красные там или зеленые. Или хоть крохотные копытца. Или симпатичный хвостик, — трещала она, взяв младенца на руки и разглядывая его со всех сторон. Даже рожек — и тех не было. Дьявольский ребенок выглядел злое еще нормальным.

— Да, это он, — сказал Кроули.

— Вот уж не думала, не гадала, что мне доведется держать на руках самого Антихриста, — призналась сестра Мэри. — Купать Антихриста в ванночке. Пересчитывать ути-какие пальчики...

Она уже тетешкала младенца, полностью погрузившись в свой мир. Кроули помахал ладонью у нее перед глазами.

— Эгей? Сестра Мэри? Очнитесь!

— Простите, сэр, но он такая бубочка. И что, похож на своего папу? Ну, конечно, мы похожи, мы так похожи на нашего папочку...

— Совсем не похож, — перебил ее Кроули. — А сейчас я бы на вашем месте поспешил в родильные палаты.

— Интересно, а он вспомнит меня, когда вырастет? Как вы думаете? — мечтательно спросила сестра Мэри, шагая по коридору.

— Молитесь, чтобы не вспомнил, — бросил Кроули и был таков.

Сестра Мэри шла по ночной больнице, держа в руках Врага Рода Человеческого, Разрушителя Царств, Ангела Бездны, Великого Зверя, имя коему Дракон, Князя Мира Сего, Отца Ажи, Порождение Сатаны и Владыку Тьмы. Отыскав свободную кровать, она положила туда младенца.

Малыш забулькал. Она пощекотала его.

В дверь просунулась голова старшей сестры.

— Сестра Мэри, что вы здесь делаете? Разве ваше место сейчас не в четвертой палате?

— Но господин Кроули сказал...

— Ну же, дорогая моя, поторапливайтесь. Вы не знаете, куда подевался наш новоиспеченный отец? Его нет в приемной.

— Я видела только господина Кроули, и он сообщил мне, что...

— Разумеется, разумеется, — резко прервала ее сестра Грейс Многоречива. — Полагаю, мне лучше пойти и разыскать беднягу. А вы идите в палату и глаз не спускайте с матери, ясно? Она еще не совсем пришла в себя, но с младенцем все отлично. — Сестра Грейс помедлила. — Почему вы все время подмигиваете? Соринка в глаз попала?

— Ну, вы же знаете! — прошептала сестра Мэри. — Младенцы. Обмен...

— Конечно, конечно. Но всему свое время. Нельзя же, чтобы по нашей больнице шнырял потерявшийся отец, правда? — заметила сестра Грейс. — Мало ли куда ему вздумается сунуть нос. Будьте умницей, ждите здесь и приглядывайте за ребенком.

Она медленно уплыла по сияющему чистотой коридору. Сестра Мэри, толкая перед собой кроватку, вошла в родильную палату.

Миссис Янг и правда еще не совсем пришла в себя. Точнее, она крепко спала с умиротворенным и слегка самодовольным видом человека, который знает, что его работа выполнена и теперь суетиться должны другие. Ребенок № 1 сопел рядом, взвешенный и снабженный ярлычком с именем. Сестра Мэри, с юных лет приученная не сидеть без дела, сняла ярлычок, скопировала его и прицепила дубликат к младенцу, отданному на ее попечение.

Младенцы выглядели почти одинаково: оба маленькие, пятнистые и чем-то — но не вполне — похожие на Уинстона Черчилля.

А теперь, подумала сестра Мэри, я бы не отказалась от чашки чаю.

Монахини ордена по большей части были сатанистками старой закалки, вслед за родителями и пращурами. Их с рождения воспитывали в соответствующем духе, но, если разобраться, особого зла они не приносили. Вообще, люди в большинстве своем не так уж злы. Они просто слишком увлекаются новыми идеями. Интересно же взлезть в высокие сапоги и расстрелять кого-нибудь, или принарядиться в белые простыни и кого-нибудь линчевать, или натянуть вываренные джинсы и сбавать кому-нибудь на гитаре. Предложите людям новое кредо вкупе с новым нарядом, и вы мгновенно завладеете их сердцами и умами. Но если вас взрастили сатанистом, ничего свежего в этом учении вы уже не найдете. Да, есть чем заняться в субботу вечером, но все остальное время вы, как и любой человек, жи-

вете в меру сил и возможностей. Кроме того, сестра Мэри была медсестрой, а медсестры, какую бы веру ни исповедовали, в первую очередь верны своей профессии: носят часы циферблатом вниз, хранят спокойствие в чрезвычайных ситуациях и лелеют мечту о чашке чая. Сестра Мэри очень надеялась, что скоро ее кто-то подменит; свою миссию она исполнила, и сейчас ей хотелось чаю.

Человеческую историю гораздо легче понять, если уяснить себе: большинство великих побед и трагедий произошло не потому, что их виновники были по натуре своей плохими или хорошими. Они по натуре своей были людьми.

Раздался стук в дверь. Сестра Мэри открыла.

— Ну как, уже? — спросил мистер Янг. — Я отец. Муж. Неважно. Оба.

Сестра Мэри ожидала, что американский атташе по культурным связям будет похож на адвоката из «Династии» или «Санта-Барбары», а мистер Янг вообще не походил на американцев, как их показывают по телевизору. Ну, разве что на добродушного шерифа из хорошего детективного сериала¹. Вид у него был не слишком впечатляющий, да и джемпер оставлял желать лучшего.

Она постаралась скрыть разочарование.

— А-а, да-да-да, — сказала она. — Поздравляю. Ваша супруга спит, бедняжка.

Мистер Янг заглянул ей через плечо.

— Близнецы? — спросил он и полез в карман за трубкой. Потом вынул руку из кармана и снова за-

¹ Где расследование ведет хрупкая благообразная старушка. И никаких автомобильных гонок, разве что на первой скорости.

пустил ее туда. — Двойня? Нам насчет близнецов ничего не говорили.

— Нет-нет! — поспешно воскликнула сестра Мэри. — Вот этот ваш. А другой... э-э... тут есть еще одна роженица. Мне просто велели присмотреть за ним, пока сестра Грейс не вернется. Нет, — повторила она, указывая на Врага Рода Человеческого, Разрушителя Царств, Ангела Бездны, Великого Зверя, имя коему Дракон, Князя Мира Сего, Отца Лжи, Порождение Сатаны и Владыку Тьмы. — Вот этот ваш. Точно. От макушечки до самых что ни на есть копытушек... которых у него, конечно, нету, — торопливо добавила она.

Мистер Янг воззрился на младенца.

— М-м, да, — произнес он с сомнением. — Видимо, в мою родню пошел. У него... э-э... все в порядке?

— Ну конечно! — тут же откликнулась сестра Мэри. — Вполне нормальный ребенок. Очень даже нормальный.

Пауза. Они молча разглядывали спящего малыша.

— А у вас и акцента почти нет, — сказала сестра Мэри. — Давно здесь живете?

— Лет десять, — пожал плечами мистер Янг, слегка озадаченный вопросом. — Перевели по службе, ну, я и переехал.

— Мне всегда казалось, что ваша работа ужасно интересная, — заметила сестра Мэри.

Мистер Янг просиял. Не всякий способен по достоинству оценить бухгалтерское дело.

— Наверное, у вас на родине все совсем по-другому, — продолжала сестра Мэри.

— Пожалуй, что так, — кивнул мистер Янг, хотя никогда об этом не задумывался. Лутон, сколько помнилось, мало чем отличался от Тадфилда. Такие

же изгороди между домами, такая же станция на железной дороге. И люди, в общем, такие же.

— Ну, во-первых, дома́ у вас там, конечно, повыше... — продолжала сестра Мэри, отчаянно пытаясь поддержать беседу.

Мистер Янг в недоумении воззрился на нее. Единственным высоким зданием, которое он мог припомнить, был банк «Альянс и Лестер».

— Да и все эти приемы... Устаете, наверное, очень? — продолжала монахиня.

Наконец-то. Теперь он почувствовал себя более уверенно. Дейдре очень любила гостей.

— О да, — с чувством подтвердил он. — И Дейдре сама делает джем. А мне обычно приходится стоять на раздаче слонов.

Сестра Мэри никогда не знала, что в Букингемском дворце имеется слонятник. Конюшни — да, были. Впрочем, кто их знает, этих аристократов?

— Что ж, — осторожно предположила она, — подарки всякие бывают. Нашей королеве чего только не дарят, я читала.

— Простите?

— Я просто обожаю семью ее величества!

— И я тоже! — сказал мистер Янг, с благодарностью вспрыгивая на новую льдину, которую принес поток сознания этой странной медсестры. Да, с королевской семьей не пропадешь. Разумеется, с теми, кто делом занят — машет подданным или торжественно открывает мосты. А не с теми, кто отплясывает на дискотеках и спьяну блюет на папарацци¹.

¹ Здесь не лишним будет упомянуть, что мистер Янг искренне полагал, будто папарацци — это итальянский линолеум.

— Хорошо-то как! — обрадовалась сестра Мэри. — Я-то думала, у вас их не очень жалуют, после всех этих революций, когда вы чайные сервизы в реку побросали.

Она продолжала трещать, вдохновляемая уставом своего Ордена, основной постулат которого гласил: болтай все, что на ум придет. Вскоре мистер Янг окончательно потерял нить разговора, но он уже слишком устал, чтобы этим огорчаться. Монашеская жизнь, решил он. И не такого от человека можно ждать. Больше всего на свете ему хотелось одного: чтобы миссис Янг поскорее проснулась. Но вдруг одно из слов в пространном монологе сестры Мэри нашло в его душе живой отклик.

— Кстати, — отважился вставить он, — нельзя ли здесь у вас выпить чашечку чая?

— Ой, надо же! — воскликнула сестра Мэри и в ужасе прикрыла рот рукой. — О чем я только думаю?

На это мистер Янг ничего не ответил.

— Сейчас же все устрою, — сказала она. — А может, кофе? У нас на втором этаже есть автоматическая кофеварка.

— Чай, пожалуйста.

— Подумать только, вы ну совсем отуземились! — весело заметила сестра Мэри, выбегая из палаты.

Оставшись наедине с дремлющей женой и двумя сопящими младенцами, мистер Янг без сил опустился на стул. Должно быть, все здесь поднимаются ни свет ни заря, творят молитвы и все такое прочее. Добрые люди, ничего не скажешь, но не совсем вменяемые. Он смотрел однажды фильм Кена Рассела, там тоже были монашки. По сравнению с тем фильмом

все, что здесь творится, — еще цветочки. Правда, нет дыма без огня и так далее...

Он вздохнул.

Тут Ребенок № 1 проснулся и принялся довольно громко вопить.

Мистеру Янгу уже давненько не приходилось успокаивать орущих детей. Да особой склонности к этому занятию он и не испытывал. Мистер Янг слишком уважал сэра Уинстона Черчилля, чтобы вот так запросто похлопать по попке его маленькую копию.

— Добро пожаловать в этот мир, — устало сказал он. — Ничего, привыкнешь.

Младенец закрыл рот и сердито уставился на мистера Янга, словно император — на мятежного генерала.

Сестра Мэри подросла со своим чаем как раз вовремя. Что бы там ни говорили о сатанистках, она даже захватила блюдо с печенюшками, какие всегда остаются несъеденными. Мистеру Янгу досталось печенье, покрытое хирургически-розовой глазурью и украшенное белым сахарным снеговиком.

— Наше традиционное угощение к чаю, — сообщила сестра Мэри. — Вы называете их печеньем, а мы — бисквитами.

Мистер Янг хотел было объяснить, что в Лутоне обычаи точно такие же, но вдруг в палату влетела вторая монахиня, изрядно запыхавшаяся.

Она метнула взгляд на сестру Мэри, однако, узнав в мистере Янге человека, который в жизни не видел ни единой пентаграммы, ограничилась лишь тем, что показала на Ребенка № 1 и заговорщицки подмигнула.

Сестра Мэри кивнула и подмигнула в ответ.

Монахиня выкатила из палаты коляску с ребенком.

Подмигивание — весьма многозначный способ человеческого общения. Можно многое сказать одним подмигиванием. Например, вторая монахиня имела в виду:

Где, черт возьми, тебя носит? Ребенок № 2 уже родился, мы готовы поменять младенцев местами, а ты торчишь в другой палате с Врагом Рода Человеческого, Разрушителем Царств, Ангелом Бездны, Великим Зверем, имя коему Дракон, Князем Мира Сего, Отцом Ажи, Порождением Сатаны и Владыкой Тьмы и чаи гоняешь. А меня чуть не пристрелили!

Ответное подмигивание сестры Мэри было истолковано так: *Вот он, Враг Рода Человеческого, Разрушитель Царств, Ангел Бездны, Великий Зверь, имя коему Дракон, Князь Мира Сего, Отец Ажи, Порождение Сатаны и Владыка Тьмы, но я не могу сейчас говорить, поскольку здесь посторонний.*

Тогда как сестра Мэри решила, что условное подмигивание сестры Грейс значило нечто вроде:

Как славно, сестра Мэри, что ты успела поменять младенцев. Теперь покажи мне лишнего ребенка, и я увезу его, чтобы ты могла и дальше распивать чаи с его культурнейшим превосходительством.

И следовательно, ее собственное подмигивание переводилось вот как:

Дорогуша, вот Ребенок № 2, уноси его скорее, а я еще немножко поболтаю с его превосходительством. Мне всегда хотелось узнать, зачем эти аме-

риканцы строят такие высоченные дома, да еще сплошь покрытые зеркалами.

Тонкости их молчаливого диалога были совершенно недоступны для понимания мистера Янга, до крайности смущенного подмигиванием, которое явно свидетельствовало о тайной любовной связи. В голове у него крутилось только одно: «Да, мистер Рассел знал, о чем говорит!»

Вторая монашка могла бы распознать ошибку сестры Мэри, если бы не агенты спецслужбы, которые расположились в палате миссис Даулинг и глядели на сиделку с нарастающим беспокойством. Их профессиональная подготовка подразумевала вполне определенное отношение к людям в длинных ниспадающих одеяниях и объемных головных уборах, так что сейчас они испытывали весьма противоречивые чувства. А людям, носящим огнестрельное оружие, строго противопоказано волноваться. Вдобавок совсем недавно секретные агенты стали свидетелями естественного процесса родов, который весьма отличался от американского способа прироста населения. К тому же они слышали, что этот дом кишмя кишит религиозными фанатиками.

Миссис Янг пошевелилась.

— Вы уже решили, как назовете малыша? — игриво спросила сестра Мэри.

— Гм-м-м? — сказал мистер Янг. — А. Нет, еще не совсем. Если бы родилась девочка, ее назвали бы Люсиндой в честь моей матушки. Или Жермен — так хотелось Дейдре.

— А мне Полынь нравится, — сказала монахиня, припоминая классику. — Или Демьен. Демьен — это сейчас модно.

Анафеме Гаджет («Какое прекрасное имя!» — решила ее мама, не слишком сведущая в религиозных вопросах) было восемь с половиной лет. Спрятавшись под одеялом и вооружившись фонариком, она читала Книгу.

Обычные дети учатся читать по букварям с цветными изображениями арбузов, барашков, вредителей домашних и так далее. Но только не в семействе Гаджет. Анафема училась читать по Книге.

В этой Книге не было ни арбузов, ни барашков. Зато имелась довольно приличная гравюра восемнадцатого века, запечатлевшая сожжение Агнессы Псих на костре. Впрочем, судя по картинке, ведьму вполне устраивало такое развитие событий.

«Превосходная», — шевеля губами, прочла девочка. Редкий ребенок в возрасте восьми с половиной лет осознает, что иногда слово «превосходные» значит «совершенно точные», но Анафема была как раз из этих немногих.

Далее сообщалось, что пророчества Агнессы еще и «недвусмысленная».

А начиналась Книга следующим образом:

«Истинно глаголю те и вверяю тебе словеса сии. Се, явятся Четверо на конех, и паки Четверо, и Трое с теми в небеса поскачут, и Един помчится во пламени. И не заградит путь их ни рыба, ни гроза, ни дорога, ни Дьявол, ниже Ангел. И будеши с теми, Анафемо».

Анафеме нравилось читать о себе.

(Любящие родители, которые выписывают правильные воскресные газеты, порой заказывают для

своих детей книжки, в которых героев зовут так же, как этих самых детей. Так пробуждают интерес ребенка к чтению. Но в этой Книге рассказывалось — и притом правдиво, насколько можно было судить, — не только про Анафему, но и про ее родителей, а также бабушек и дедушек и всех прочих предков вплоть до семнадцатого века. Анафема была еще слишком мала и всецело поглощена собственной персоной, а потому не замечала, что в Книге ничего не говорится о ее детях и вообще ее будущее предсказано лишь на одиннадцать лет вперед. Когда вам всего восемь с половиной, грядущие одиннадцать лет кажутся целой жизнью — впрочем, если верить Книге, именно так дела и обстояли.)

Анафема была черноволосой и черноглазой девочкой с умным бледным лицом. Как правило, в ее присутствии люди чувствовали себя неловко — эту черту Анафема унаследовала от своей прапрапрапрабабушки вместе с талантом медиума, который, пожалуй, временами был тяжеловат для ее плеч.

Не по годам развитая девочка обладала также завидной выдержкой. Единственное, к чему осмеливались придираться учителя, так это к ее правописанию, которое было не то чтобы ужасно безграмотным, но устаревшим лет на триста.

Монахини взяли Ребенка № 1 и подменили им Ребенка № 2 прямо под носом у супруги атташе и агентов спецслужбы посредством хитрой уловки: они увезли одного младенца («надо взвесить вашего малютку, таковы правила») и чуть позже привезли обратно уже другого.

Самого атташе по культуре, Тадеуша Дж. Даулинга, несколько дней назад спешно вызвали в Вашингтон, но он был на связи у телефона от начала и до конца родов, поддерживая супругу и помогая ей правильно дышать.

К сожалению, одновременно он разговаривал по другой линии со своим советником по инвестициям. Один раз ему даже пришлось на целых двадцать минут переключить жену в режим ожидания.

Но все прошло благополучно.

Мистер Даулинг считал рождение ребенка самым радостным совместным переживанием любящих супругов и не желал упустить ни секунды.

Поэтому он поручил одному из агентов записать весь процесс на видео.

Зло, как правило, не дремлет, а потому не понимает, с чего бы спать всем остальным. Но Кроули любил вздремнуть, почитая сон одной из радостей жизни в земном мире. Особенно после сытной трапезы. Он проспал, к примеру, почти весь девятнадцатый век — не потому, что нуждался в отдыхе, а просто удовольствия ради¹.

Одно из наслаждений земной жизни. Надо бы уделить побольше внимания и остальным, пока еще есть время.

«Бентли» с ревом мчался по ночной дороге, направляясь на восток.

Конечно, в общих чертах Кроули горячо поддерживал идею Армагеддона. Если бы его спросили,

¹ Хотя в 1832 году он все же проснулся, чтобы сходить в уборную.

чего ради он провел множество столетий, так и сяк вмешиваясь в дела человеческие, то он ответил бы: «Ну а как же? Ради грядущего Армагеддона и победы Адовой». Но одно дело — химичить потихоньку во имя туманного приближения этих событий, и совсем другое — стремиться к тому, чтобы они и вправду произошли.

Кроули всегда знал, что рано или поздно ему придется своими глазами увидеть конец света — поскольку он был бессмертен, других вариантов не предусматривалось. Но он надеялся, что до этого еще далеко.

И людей он почти полюбил. Непозволительная слабость для демона.

Разумеется, он прилагал все усилия, чтобы сделать их короткие жизни как можно более несчастными, такая уж работа, но его каверзы были гораздо невиннее тех, что люди придумывали себе сами. У них к этому просто талант. Природный дар, почему-то встроенный в исходный замысел. Придя в мир, полный неприятностей и опасностей, человек посвящает львиную долю энергии тому, чтобы сделать его еще хуже. Кроули уже давно обнаружил, что ему становится все труднее придумать хоть какое-то демоническое деяние, которое выделялось бы на фоне общепринятых гадостей. За прошедшую тысячу лет ему не раз хотелось отправить Вниз послание: «Послушайте, мы можем с тем же успехом бросить все прямо сейчас, попросту закрыть Дит, Пандемониум и прочие лавочки и перебраться сюда; мы не в силах сделать ничего, что бы люди сами себе ни причинили, зато они творят много такого, до чего нам никогда не додуматься, причем нередко — с использовани-

ем электричества. Они обладают тем, чего нам так не хватает. У них есть *воображение*. Ну и электричество, разумеется».

Впрочем, не об этом ли написал один из них?.. «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»

Кроули получил благодарность за испанскую инквизицию. Он и правда жил тогда в Испании, проводя время главным образом в тавернах, и понятия не имел ни о какой инквизиции, пока не получил поздравления с удачно выполненной работой. Тогда он отправился выяснить, за что же его хвалят, и, вернувшись, пил целую неделю.

А этот их Иероним Босх? Вот уж псих-то.

Но стоит вам решить, что люди порочнее всех обитателей Ада, как они вдруг проявляют такое милосердие, что и Небесам не снилось. Причем зачастую речь идет об одном и том же существе. Конечно, во всем виновата так называемая свобода человеческой воли. Фигня редкая.

Однажды (где-то около 1020 года, когда они заключили небольшое Соглашение) Азирафаэль попытался объяснить ему, в чем загвоздка.

— Вся суть, — говорил он, — в том, что человек может быть плохим или хорошим по собственному выбору. В то время как ангелам и демонам раз и навсегда предначертан определенный путь. Люди не смогли бы стать поистине святыми, сказал он, не будь у них возможности стать совершенными чудовищами.

Какое-то время Кроули размышлял над его словами, а потом, около 1023 года, спросил:

— Погоди, но ведь это все работает, только если изначально создать равные условия, так? Нельзя

рассчитывать, что нищий из грязной лачуги в районе военных действий будет вести себя так же, как тот, кто родился во дворце.

— А! — воскликнул Азирафаэль. — В том-то и фокус. Чем ниже ты начинаешь, тем больше возможностей перед тобой открыто.

— Но это же нелепо, — сказал Кроули.

— Нет, — возразил Азирафаэль. — Всего лишь непостижимо.

Азирафаэль. Он, разумеется, враг. Но враг на протяжении шести тысяч лет — это почти друг.

Кроули наклонился и достал телефон.

Пусть демонам и не положено иметь свободной воли, невозможно прожить столько времени среди людей и не научиться у них кое-чему.

Мистеру Янгу не слишком-то понравились имена Демьен и Поляр. Как, впрочем, и остальные предложения сестры Мэри Тараторы, почерпнутые отчасти из демонических источников, отчасти из голливудской классики.

— И все-таки, — слегка обиженно заметила она, — не знаю, чем вам не по душе имя Эррол. Или Кэри. Очень славные американские имена.

— Мне бы хотелось чего-то более, так сказать, традиционного, — пояснил мистер Янг. — Доброе старое имя, как принято в нашей семье.

Сестра Мэри просияла.

— Вот и правильно. Как по мне, так старые имена самые лучшие.

— Приличное имя можно найти в Библии. Матфей, Марк, Лука, Иоанн, — задумчиво произнес

мистер Янг. Сестра Мэри поморщилась. — Хотя, по правде сказать, эти имена только в Библии и встречаются, — добавил он. — Устаревшие они какие-то. Разве что Марк...

— Саул — чуждое имя, — предложила сестра Мэри.

— Слишком патриархально, — заметил мистер Янг.

— Или Каин. Звучит вполне современно, Каин, право же.

— Гм-м... — Мистер Янг явно сомневался.

— Или, в конце концов... ну, всегда можно назвать мальчика Адамом, — сказала сестра Мэри. «Вреда от этого не будет», — подумала она.

— Адамом? — переспросил мистер Янг.

Мы были бы рады предположить, что сатанистки как-то устроили судьбу лишнего младенца, то есть Ребенка № 2. Что его усыновили и он рос нормальным, счастливым, веселым мальчиком, бойким и жизнерадостным, а в итоге стал обычным, вполне довольным жизнью взрослым мужчиной.

Может, именно так все и было.

Представьте себе грамоту за правописание, которую он получил в начальной школе; его ничем не примечательные, но весьма приятные университетские годы; его работу в бухгалтерском отделе Тадфилд-Нортонской строительной компании; его очаровательную жену. Возможно, вы захотите также придумать ему детей и какое-нибудь хобби — к примеру, реставрацию старинных мотоциклов или разведение тропических рыбок.

Вам лучше не знать, что могло бы случиться с Ребенком № 2.

В любом случае нам больше нравится ваша версия. Пусть себе получает призы за тропических рыбок.

В окне спальни одного из домиков Доркинга, графство Суррей, горел свет.

Ньютону Пульциферу, двенадцатилетнему тощему очкарику, уже давно следовало быть в постели.

Однако его мать, убежденная в гениальности своего чада, позволяла ему полуночничать и заниматься «экспериментами».

Нынешний эксперимент состоял в замене штепселя у старинного бакелитового радиоприемника, который мама отдала ему в игрушки. Ньютон сидел за выдавшим виды столом, носившим гордое имя экспериментального стенда. Стол был завален мотками проволоки, батарейками и электрическими лампочками, здесь же покоился и самодельный детекторный приемник, доселе не издавший ни звука. Бакелитовое радио тоже упрямо молчало. Впрочем, еще ни один эксперимент Ньютона не увенчался успехом.

Под потолком спальни покачивались на бечевках три кривоватые модели самолетов. Даже небрежный наблюдатель подметил бы, что они сделаны человеком очень старательным и усердным, но несколько не преуспевшим в моделестроении. Ньютон же отчаянно гордился ими, даже «Спитфайром», у которого он жутко напортачил с крыльями.

Подтолкнув на нос съехавшие очки, Ньютон скосил глаз на штепсель и отложил отвертку.

На сей раз он имел все основания надеяться на лучшее: он выполнил все инструкции по замене штепсельных вилок, приведенные на пятой странице его настольной книги, которая называлась «Справочник юного радиолюбителя. Плюс сто один полезный и абсолютно безопасный совет касательно электричества». Ньютон правильно подсоединил к контактам промаркированные по цвету проводочки, проверил силу тока на предохранителе и закрутил на место все винтики. Итак, все в порядке.

Он вставил вилку в розетку. Включил радиоприемник.

Свет погас во всем доме.

Ньютон засиял от гордости. Это был большой шаг вперед. В предыдущий раз света лишился весь Доркинг, так что дежурный электрик даже зашел побеседовать с его мамой.

Ньютон пылал страстью к электрическим приборам — но без взаимности. В школе стояла вычислительная машина, и полдюжины особо прилежных учеников оставались после уроков, чтобы позаниматься с перфокартами. Когда же учитель информатики, вняв настойчивым мольбам Ньютона, включил его в эту группу, мальчик успел ввести в компьютер лишь одну-единственную перфокарту. Машина проглотила ее и подавилась насмерть.

Ньютон был уверен, что будущее принадлежит компьютерам и, когда это будущее настанет, он должен быть во всеоружии, в первых рядах освоения новой технологии.

Но будущее имело на сей счет собственные планы. Которые описывались в Книге.

«Адам», — подумал мистер Янг. Он произнес это имя погромче, вслушиваясь в его звучание:

— Адам... Гм-м...

Он разглядывал золотистые локоны Врага Рода Человеческого, Разрушителя Царств, Ангела Бездны, Великого Зверя, имя коему Дракон, Князя Мира Сего, Отца Лжи, Порождения Сатаны и Владыки Тьмы.

— А знаете, — немного подумав, подытожил он, — по-моему, он действительно вылитый Адам.

Да, эта ночь была не особенно темной и бурной.

Бурная и темная ночь случилась два дня спустя, примерно часа через четыре после того, как миссис Даулинг, мистер Янг и соответственно оба младенца покинули больницу. Выдалась на редкость темная и бурная ночь, и пополуночи, когда гроза достигла апогея, молния ударила в монастырь Неумолчного ордена, воспламенив крышу ризницы.

К счастью, обошлось без жертв, но пожар продолжался несколько часов и нанес зданию приличный урон.

А с ближайшего холма, затаившись, смотрел на огонь поджигатель. Этот высокий и тощий субъект был одним из герцогов преисподней. Перед возвращением в нижние сферы ему надлежало выполнить последнее дело, и он закончил его.

В остальном он вполне мог положиться на Кроули. Хастур отправился восвояси.

Строго говоря, Азирафаэль занимал в ангельской иерархии чин Начал, но в наши дни мало кто относится к таким вещам всерьез.

В сущности, ни ему, ни Кроули не полагалось знать друг с другом, но оба они были людьми — по крайней мере человекоподобными созданиями, — умудренными долгим опытом земной жизни, и Соглашение уже давно приносило выгоду им обоим. Кроме того, когда одна и та же физиономия более-менее постоянно попадает тебе на глаза в течение шести тысячелетий, к ней поневоле привыкаешь.

Их Соглашение было очень простым — настолько простым, что даже не заслуживало заглавной буквы, которую получило лишь за свой почтенный возраст. Многие агенты, работающие в трудных условиях и далеко от начальства, заключают с коллегами из конкурирующей фирмы подобного рода разумные договоры, сознавая, что с ближайшими соперниками у них куда больше общих интересов, чем с далекими союзниками. Соглашение подразумевало молчаливое невмешательство в дела противной стороны. В итоге никто не выигрывал, никто не проигрывал, зато обеим сторонам удавалось продемонстрировать своему руководству, как далеко они продвинулись в борьбе с коварным и хорошо информированным противником.

Это значило, что Кроули имел свободу действий в Манчестере, но Азирафаэль распоряжался всем Шропширом. Кроули принимался за Глазго, Азирафаэль же выбирал Эдинбург (следует отметить, что ни один из них не приложил руку к Милтон-Кейнсу¹,

¹ Примечание для американцев и прочих пришельцев. Милтон-Кейнс — новый город примерно на полпути от Лондона к Бирмингему. Его задумали как современный, экономически целесообразный, процветающий центр и, в общем, очень приятное для жизни место. Британцы долго смеялись.

но оба доложили о нем в соответствующие инстанции как о крупном успехе).

И к тому же казалось вполне естественным, чтобы они порой подменяли друг друга на посту, когда того требовал здравый смысл. В конце концов, оба они были одним ладаном мазаны. Если кто-то отправлялся в Гуль, чтобы побыстренько искусить его жителей, было только логично заодно уж пробежаться по улицам и оделить горожан стандартной разовой порцией благодати. Это было бы сделано так или иначе, а разумный подход позволял обоим сэкономить кучу времени и вдобавок уменьшить издержки.

Из-за этого Азирафаэля, бывало, мучила совесть, но многовековое общение с человечеством оказало на него такое же влияние, как и на Кроули, только с обратным знаком.

Кроме того, ни Верхнее, ни Нижнее начальство, похоже, не волновало, кто именно делает работу, если результат налицо.

И вот сейчас Азирафаэль и Кроули стояли на берегу утиноного пруда в Сент-Джеймском парке. Они кормили уток.

Утки в парке Сент-Джеймс так привыкли получать корм из рук секретных агентов, приходящих сюда на тайные встречи, что у них в точном соответствии с теорией Павлова развился условный рефлекс. Посадите утку из этого парка в лабораторную клетку, покажите ей фотографию двух мужчин (одного в пальто с меховым воротником, другого в чем-то темном и в кашне) — и она уставится на них с нетерпеливым ожиданием. Более разборчивые утки предпочитают нырять за корочками черного хлеба от русского атташе по культуре, тогда как гурманы смакуют бутер-

броды с белковой пастой, которыми угощает их начальник британского Управления военной разведки.

Азирафаэль бросил корочку взъерошенному селезню. Тот проглотил ее и тут же пошел ко дну.

Ангел повернулся к Кроули.

— Право же, дорогой мой... — проворчал он.

— Извини, — сказал Кроули. — Забылся.

Сердитая утка вынырнула на поверхность.

— Безусловно, что-то назревало, — продолжал Азирафаэль. — Но отчего-то думалось, что это должно случиться в Америке. Там любят подобные истории.

— Может, и до Америки доберется, — угрюмо сказал Кроули. Его задумчивый взгляд пробежал по парку и остановился на «Бентли», к заднему колесу которого старательно прилаживали штрафной блокиратор.

— Ах да. Американский дипломат, — кивнул ангел. — Эффектный прием, что и говорить. Сделать из Армагеддона эдакий модный блокбастер и продать его во все возможные страны.

— Во *все* страны, — уточнил Кроули. — Все царства мира.

Азирафаэль высыпал остатки крошек уткам и выкинул в урну пустой бумажный пакет. Утки оценили ситуацию и живо отправились кланчить корм у болгарского морского атташе и его спутника, вороватого вида мужчины в кембриджском галстуке.

Азирафаэль обернулся и прямо взглянул на Кроули.

— Мы выиграем, конечно, — сказал он.

— Но ты этого не хочешь, — ответил демон.

— С чего ты это взял, помилуй Бог?

— Послушай! — в отчаянии воскликнул Кроули. — Скажи, сколько у вас музыкантов? Я имею в виду первоклассных.

Азирафаэль растерялся.

— Ну, я бы сказал... — начал он.

— Два, — опередил его Кроули, — Элгар и Лист. Все. Остальные у нас. Бетховен, Брамс, все Бахи, Моцарт и так далее. Можешь вообразить себе вечность в компании Элгара?

Азирафаэль закрыл глаза.

— Даже слишком хорошо могу, — простонал он.

— В том-то и дело, — сказал Кроули, торжествуя, сверкнув глазами. Он отлично знал слабые места Азирафаэля. — Никаких тебе компакт-дисков. Никакого Альберт-холла с его концертами. И летних оперных фестивалей в Глайндборне тоже не будет. Целыми днями одна лишь музыка сфер.

— Непостижимо, — пробормотал Азирафаэль.

— Словно яичница без соли, как ты однажды выразился. Да, кстати говоря. Ни соли, ни яичницы тоже не будет. Ни малосолевой семги под укропным соусом. Ни уютных ресторанчиков, где тебя знают в лицо. Ни кроссвордов в «Дэйли телеграф». Ни антикварных магазинчиков. Да и букинистов не останется. Никаких раритетных первоизданий. Никаких, — Кроули почти исчерпал запас знаний об увлечениях Азирафаэля, — серебряных табакерок эпохи Регентства.

— Зато после нашей победы жизнь станет лучше! — прохрипел ангел.

— Но уже не будет такой интересной. Слушай, ты ведь понимаешь, что я прав. С арфой в руках ты будешь так же счастлив, как я с вилами.

— Ты же знаешь, мы не играем на арфах.

— А мы не пользуемся вилами. Я выражался риторически.

Они пристально смотрели друг на друга.

Азирафаэль развел изящными, тщательно ухоженными руками.

— Видишь ли, наши просто в восторге от того, что конец близится. Ради этого ведь все и задумывалось. Последнее, главное испытание. Огненные мечи, Четыре Всадника, моря цвета крови и прочая морока. — Он пожал плечами.

— А потом «Конец игры, бросьте монетку»? — произнес Кроули.

— Иногда ты выражаешься так затейливо, что мне трудно уловить мысль.

— Мне нравятся моря такими, какие они есть. Так нельзя. Просто нелепо разрушать мир до основания ради того, чтобы понять, правильно ли он устроен.

Азирафаэль снова пожал плечами.

— Боюсь, высшая мудрость для тебя непостижима.

Ангел поежился и запахнул пальто. Над городом собирались тучи.

— Пойдем куда-нибудь погреемся, — предложил он.

— Ты приглашаешь? — хмуро отозвался Кроули.

В мрачном молчании они направились к выходу из парка.

— Не то чтобы я был с тобой не согласен, — говорил ангел, пока они брели по траве. — Просто мне предписано повиноваться. Ты же понимаешь.

— Мне тоже, — откликнулся Кроули.

Азирафаэль поглядел на него искоса.

— Да ну? — спросил он. — Ты же все-таки демон.

— И что с того? Неповиновение у нас одобряется лишь в общем смысле. А конкретные случаи жестоко караются.

— То есть конкретные случаи неповиновения *им*?

— Вот именно. Забавно, да? А может, и нет. Как думаешь, сколько у нас еще времени?

Кроули махнул рукой в сторону «Бентли», и машина гостеприимно распахнула дверцы.

— Ну, есть разные предсказания, — сказал Азирафаэль, мягко опускаясь на пассажирское сиденье. — Точно — до конца столетия, хотя необычных явлений можно ожидать и раньше. Большинство пророков уходящего тысячелетия заботились скорее о метрике стиха, чем о точности.

Кроули взглянул на ключ зажигания. Тот провернулся.

— Что-что? — спросил он.

— Ну, понимаешь, — с готовностью сказал ангел. — «И мир перестанет быть с небом в ладу в татата-татата-таком-то году». Вот и подбирали, какой год уложится в этот размер. К примеру, цифра шесть точно не влезет, так что все годы, в которых есть шестерки, должны быть довольно безопасными.

— А какого рода явления?

— Двухголовые телята, небесные знамения, гуси, летящие задом наперед, рыбные дожди, ну и прочее в таком роде. Присутствие Антихриста нарушает причинно-следственные связи.

— Гм-м.

Кроули выжал сцепление. Потом что-то вспомнил и щелкнул пальцами.

Блокировка колеса исчезла.

— Давай перекусим, что ли, — сказал он. — Помнится, я задолжал тебе обед — когда бишь это было?

— В 1793-м, в Париже, — ответил Азирафаэль.

— Да, точно. Царство террора. Ваших рук дело или наших?

— Мне казалось — ваших.

— Не помню. Зато ресторанчик был вполне приличный.

Когда они проезжали мимо дорожного инспектора, у того вдруг загорелся блокнот, к немалому удивлению Кроули.

— Я совершенно уверен, что ничего такого не делал, — сказал он.

Азирафаэль покраснел.

— Это я, — признался он. — Мне всегда казалось, что их изобрел кто-нибудь из ваших.

— Неужели? А мы считали, что из ваших.

Кроули еще раз посмотрел на дым в зеркале заднего вида.

— Ладно, — сказал он. — Давай-ка заглянем в «Ритц».

Заказывать столик он даже не собирался. В этом мире такие вещи, как заказ столика, происходили с кем угодно, но не с ним.

Азирафаэль коллекционировал книги. Будь он до конца откровенен с собой, ему пришлось бы признать, что книжный магазин — всего лишь место, где он хранит свою коллекцию (кстати, в его профессии это далеко не редкость). Старательно изображая почтенного букиниста, он использовал все возможные средства за исключением физического насилия, дабы удержать клиентов от совершения покупки. Неприятные запахи сырости и плесени, враждебные

взгляды, плавающие часы работы — по этой части он стал невероятно изобретательным.

Азирафаэль собирал книги уже давно и, как все коллекционеры, имел свои пристрастия.

Ему принадлежало более шестидесяти книг с предсказаниями, в которых описывались события последних веков второго тысячелетия. Он питал слабость к первоизданиям Оскара Уайльда. И еще у него был полный набор Нечестивых Библий, каждая из которых благодаря ошибке наборщика получила собственное имя.

В их числе была Неправедная Библия, названная так из-за опечатки в Первом послании к Коринфянам: «Или не знаете, что неправедные Царство Божие наследуют?», а также Библия Прелюбоде-ев, изданная Бейкером и Лукасом в 1632 году, где в седьмой заповеди тоже пропустили частицу «не», получив в итоге: «Прелюбодействуй». Среди прочих имелась Библия Проклинающая («проклинаю тебя» вместо «заклинаю тебя»), Паточная Библия («разве нет патоки в Галааде?»), Библия стоящих рыб («И будут стоять подле него рыбы», хотя пророк Иезекииль говорил о рыболовах), Библия Крестозадвижения и так далее. Азирафаэль раздобыл все до единой. Даже самую редкую, изданную в 1651 году лондонскими книгопродавцами Билтоном и Скэггсом.

Ее выход в свет был чудовищным провалом, но компаньонов ожидало еще два, не меньших.

В этом издании, широко известном как Провально-Посольная Библия, обширная опечатка, если ее можно так назвать, закралась в пятый стих 48-й главы книги пророка Иезекииля:

«2. И от пределов Дановых к востоку даже до моря, се удел Асиров.

3. И от пределов Асировых, от сущих к востоку, даже до моря, се удел Неффалимов.

4. От пределов же Неффалимовых от страны восточных даже до страны моря, се удел Манасии.

5. Провались она к диаволу, сия каторга печатная! Мастер Билтон — тот еще жантильмен, а мастер Скэггс, се скряга закоснелый. Всяк, у кого ума хоть на грош, ныне под солнцем греется, а не торчит до ночи в богадельне драной, да поидет оно все на @ --” AE@;!*

6. От пределов же Ефремовых, иже на восток, даже до моря, се удел Рувимов»¹.

Второй знаменитый издательский провал Билтона и Скэггса произошел в 1653 году. Благодаря редкостной удаче они раздобыли экземпляры знаменитых

¹ Библия Провально-Посольная прославилась также тем, что в третьей главе книги Бытия содержала двадцать семь стихов вместо обычных двадцати четырех.

После двадцать четвертого стиха, который в обычной версии читается как «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращаемый, чтобы охранять путь к дереву жизни», можно было прочесть:

«25. И спросил Господь Ангела, охраняющего врата восточные, говоря, Где пламенный меч, что Я дал тебе?

26. И отвечивший Ангел: да только что тут был. Наверное, положил куда-то, вот склероз.

27. И Господь не вопрошал его боле».

Очевидно, эти добавочные стихи вписали уже в верстку. В те времена печатники вывешивали корректурные оттиски на деревянных рамах на улицу — для вящего поучения народа и бесплатной корректуры заодно. А поскольку весь тираж в конце концов пошел в печку, никому не пришло в голову связать появление лишних стихов с владельцем соседней книжной лавки, любезным мистером А. Зирафаэлем, который всегда охотно помогал с переводами и чей почерк все отлично знали.

«Утраченных ин-кварто» — трех пьес Шекспира, которые не были изданы в формате ин-фолио и считались безвозвратно потерянными для ученых и театралов (до нас дошли только их названия). В руки к Билтону и Скэггсу каким-то образом попала самая ранняя из шекспировских пьес: «Комедия о Робин Гуде, или Шервудский лес»¹.

Господин Билтон заплатил за томик ин-кварто без малого шесть гиней, прикинув, что удвоит свои доходы, всего лишь переиздав его ин-фолио в твердом переплете.

А потом он потерял книгу.

Третий же знаменитый провал Билтона и Скэггса остался загадкой даже для самих компаньонов. Казалось бы, пророческие книги раскупались, словно горячие пирожки. Только что вышел третий тираж английского перевода нострадамусовых «Центурий», и пять Нострадамусов (каждый из которых объявлял остальных самозванцами) разъезжали из города в город, раздавая автографы. Да и «Собрание пророчеств» матушки Шиптон тоже шло нарасхват...

Каждый из солидных лондонских издателей — всего их было восемь — имел в своем портфеле по крайней мере одну пророческую книгу. И хотя прорицания были по большей части просто высосаны из пальца, атмосфера туманного, неопределенного всеведения обеспечивала им невероятную популярность. Они продавались тысячами, десятками тысяч.

— Истинно глаголю, все одно что деньги печатать! — сказал издатель Билтон издателю Скэгг-

¹ Другие две пьесы назывались «Мышедавка» и «Юлий Цезарь — суперстар».

су¹. — Народ от лабуды сей тащится не по-детски! Нам след незамедлительно выпустить в свет пророчества какой-нибудь старой ведьмы!

Рукопись прислали им точно на следующее утро; у ее автора было безошибочное чувство времени.

Ни Билтон, ни Скэггс не догадывались, что они издают единственную за всю историю человечества пророческую книгу, в которой содержатся исключительно точные предсказания касательно последующих трехсот сорока с лишним лет. А именно, подробный и достоверный рассказ о событиях, ведущих к Армагеддону. Все было описано до мельчайших деталей.

Издательство «Билтон и Скэггс» опубликовало данный том в 1655 году, как раз к рождественской распродаже², и это оказалась первая книга в Англии, которой суждено было стать уцененной.

Никто ее не покупал.

Даже в крошечном ланкаширском магазинчике, где она стояла на полке под картонной вывеской «Ланкаширския авторы», не купили ни единого экземпляра.

Автора этой книги, некую Агнессу Псих, не удивило такое пренебрежение — впрочем, немного могло бы ее удивить.

Во всяком случае, книгу она написала не для продажи, не за гонорар и даже не ради славы. Она напи-

¹ У Скэггса были на сей счет собственные соображения. Воплотив их на практике, он провел последние годы жизни в Ньюгейтской тюрьме.

² Еще одно свидетельство издательского гения: в 1654 году пуританский парламент Оливера Кромвеля запретил празднование Рождества.

сала ее исключительно ради бесплатного экземпляра, на который имеет право каждый автор.

Куда подевалось множество нераспроданных экземпляров книги, никто не знает. Но известно наверняка, что их нет ни в музеях, ни в частных собраниях. Даже Азирафаэлю не удалось разжиться экземпляром, хотя у него коленки дрожали при одной мысли, что эта книга может попасть в его тщательно ухоженные ручки.

На самом деле во всем мире остался лишь один-единственный экземпляр пророчеств Агнессы Псих.

Сейчас он лежал на книжной полке примерно в сотню миль от того места, где Кроули и Азирафаэль наслаждались обедом, и в книге этой, образно выражаясь, только что включился часовой механизм.

На часах было три пополудни. Антихрист прожил на Земле уже целых пятнадцать часов, последние три из которых некий ангел и некий демон провели, основательно накачиваясь спиртным.

Они сидели друг напротив друга в задней комнате пыльного букинистического магазинчика Азирафаэля в Сохо.

В большинстве тамошних книжных магазинов есть задние комнаты, и большинство этих задних комнат полны редкими или хотя бы очень дорогими книгами. Но в книгах Азирафаэля не было иллюстраций — только старые коричневые переплеты и ломкие страницы. Изредка — только если его совсем уж загоняли в угол — он продавал одну из них.

А порой в магазинчик заходили деловые люди в черных костюмах, которые крайне вежливо инте-

ресовались, не желает ли хозяин продать магазин, чтобы лавка превратилась в типичное «розничное» заведение, более уместное в данном районе. Порой Азирафаэлю предлагали деньги — совали в руки объемистые пачки засаленных пятидесятифунтовых банкнот. Иногда во время таких переговоров другие типы в черных очках шастали по магазину, неодобрительно покачивали головами и ворчали под нос, как легко воспламеняется бумага и как трудно будет выбраться отсюда в случае пожара.

Азирафаэль кивал, улыбался и говорил, что подумает об этом. А потом они уходили. *И никогда не возвращались.*

Если ты ангел, это еще не означает, что ты идиот.

Стол между ними был уставлен бутылками.

— Дело в том, что, — сказал Кроули. — Дело в том, что. Именно в том. Что.

Он попытался сфокусировать взгляд на Азирафале.

— Дело в том, что, — повторил он, пытаюсь сообразить, в чем же, собственно, это дело. — А дело, — сказал он наконец, — в дельфинах. В них самых.

— Это такие рыбы, — припомнил Азирафаэль.

— Не-не-не-не-не, — потрясая пальцем, возразил Кроули. — Млекопитающие. Самые что ни на есть. Разница в том, что... — Блуждая в болоте своей памяти, Кроули силился вспомнить, в чем же отличие. — Разница в том, что они...

— Спариваются на суше? — предположил Азирафаэль.

Кроули наморщил лоб.

— Н-не думаю. Нет, точно нет. Что-то такое с молодынком... Ладно, неважно. — Он взял себя

в руки. — Все дело в том, что. Вот в чем дело. В их мозгах.

Он потянулся к бутылке.

— А что у них с мозгами? — спросил ангел.

— Большие мозги. В том-то и дело. Размерчик. Размер. Размер чертовски больших мозгов. А еще киты. Горы мозгов, уж ты мне поверь. Целое чертово море мозгов.

— Кракен, — сказал Азирафаэль, уныло глядя на дно бокала.

Кроули бросил на него долгий озадаченный взгляд, словно перед поездом его мысли на колею рухнуло бревно.

— А?

— Здоровенный шельмец, — ответил Азирафаэль. — Дрыхнет под толщей вод, в глубинах потаенных. Под ракушками там и этими... прилипами, полипсами... короче, водорослями. И вроде как подымется на поверхность перед самым концом, когда моря закипят.

— Да ну?

— Точно.

— Так вот и я о том же, — согласился Кроули, откидываясь назад. — Море кипит себе, бедняги дельфины варятся в океанскую уху, а всем наплевать. И с гориллами то же самое. Они думают: ух ты, гляньте-ка, небо все красное, звезды сыплются, что это за траву нынче добавляют в бананы? И тут...

— Гориллы, они гнезда вьют, — заявил ангел, наливая себе очередную порцию. В стакан он умудрился попасть только с третьего раза.

— Ну да?

— Точно говорю. Я фильм смотрел. Гнезда.

— Это птицы, — сказал Кроули.

— Нет, гнезда, — упорствовал Азирафаэль.

Кроули решил с ним не спорить.

— Так вот, о чем бишь я, — продолжил он. — О всех созданиях, больших и шалых. Тьфу, то есть малых. Все они, от мала до велика, живут себе. И у многих даже есть мозги. И вдруг — ба-бах!

— Но ты же тоже к этому причастен, — напомнил Азирафаэль. — Искушаешь людей. Вполне успешно.

Кроули с тяжелым стуком опустил стакан на стол.

— Нет, это другое. Они же не обязаны поддаваться. Сам говорил, непостижимость, да? Ваша придумка, между прочим. Я понимаю, испытания людей, все такое. Но зачем же до уничтожения?

— Ну хорошо. Хорошо. Мне это нравится не больше, чем тебе, но я уже говорил. Я не могу непонино... непивовино... в общем, не делать, чего велено. Мне как... ангелу...

— На небесах нет театров, — заметил Кроули. — И фильмов немногим больше.

— Ты меня не искушай, — с несчастным видом сказал Азирафаэль. — Знаю я тебя, старый змий.

— Да ты сам подумай, — безжалостно продолжал Кроули. — Знаешь, что такое вечность? Знаешь, что такое вечность? В смысле ты вообще осознаешь? Вот смотри: на краю Вселенной стоит огромная гора, в милю высотой, и раз в тысячу лет — птичка...

— Какая птичка? — подозрительно осведомился Азирафаэль.

— Та, про которую я тебе рассказываю. И вот каждую тысячу лет...

— Одна и та же птичка каждую тысячу лет?

— Ну да, — поколебавшись, согласился Кроули.

— Чертовски старая птичка.

— Ладно. И каждую тысячу лет эта птичка летит...

— ...ковыляет...

— ...долетает до этой горы и точит свой клюв...

— Погоди. Не так все просто. Отсюда до края Вселенной, — ангел широко, хотя и слегка неуверенно взмахнул рукой, — до черта всякой фигни. Во как.

— Но она все равно туда долетает, — упорно гнул свою линию Кроули.

— Как?

— Неважно!

— Может, на звездолете, — предположил ангел.

Кроули слегка уступил.

— Возможно, — сказал он. — Если тебе уж так хочется. Так или иначе, эта птичка...

— Только это ведь край Вселенной, — перебил Азирафаэль. — Значит, звездолет такой, что до места долетят только твои потомки. И ты должен им сказать, значит, сказать должен: когда вы доберетесь до той горы, обязательно... — Он помедлил. — Обязательно — что?

— Поточи клюв о вершину, — сказал Кроули, — и вали обратно...

— ...На звездолете...

— Да, а через тысячу лет все заново, — быстро вставил Кроули.

Они посидели немного в хмельном молчании.

— Как-то многовато хлопот, чтобы поточить клюв, — пробормотал Азирафаэль.

— Послушай, — не сдавался Кроули, — дело в том, что птичка сточит эту гору до основания, но...

Азирафаэль открыл рот. Кроули мгновенно понял, что ангел собирается что-то сказать насчет от-

носительной твердости птичьих клювов и гранитных гор, и поспешно закончил свою речь:

— ...Но просмотр *«Звуков музыки»* еще не закончится.

Азирафаэль застыл.

— И ты этот фильм полюбишь, — безжалостно упирал Кроули. — До глубины сердца.

— Но, милый мой...

— Выбора у тебя не будет.

— Но, послушай...

— На Небесах о хорошем вкусе и не слыхали.

— Но...

— И там нигде, вообще нигде не подают суши.

Ангел вдруг стал очень серьезным и болезненно поморщился.

— Я не могу разобраться с этим, пока пьян, — сказал он. — Мне нужно протрезветь.

— Мне тоже.

Оба они скривились, заставляя алкоголь покинуть их кровотоки, после чего сели уже ровнее. Азирафаэль поправил галстук.

— Не могу же я мешать осуществлению Божественного замысла, — прохрипел он.

Оцениваяще глянув на свой стакан, Кроули наполнил его вновь.

— А как насчет дьявольского? — предложил он.

— Пардон?

— Ну, в данном случае замысел скорее дьявольский, не так ли? Мы над этим работаем. Наши парни.

— Да, но это все равно — часть Божественного замысла, — возразил Азирафаэль. — Вы не в силах сделать ничего, что не входило бы в непостижимый

Божественный замысел, — добавил он с некоторым самодовольством.

— Размечтался!

— Нет, так и есть. В этом самом, — Азирафаэль раздраженно прищелкнул пальцами. — Как ты там любишь выражаться? В счетном конце.

— В конечном счете.

— Вот в нем.

— Ну... Если ты так уверен... — сказал Кроули.

— Никаких сомнений.

Кроули лукаво глянул на него.

— Тогда ты не можешь знать наверняка — поправь меня, если я заблуждаюсь, — ты не можешь быть уверен, что противодействие дьявольским козням не является частью божественного замысла. Ну, тебе же положено расстраивать происки нечистой силы при каждом удобном случае?

Азирафаэль засомневался.

— Ну да, вроде...

— Как увидел козни, сразу препятствуешь. Верно?

— Ну, в широком смысле, в широком смысле. На самом деле я скорее побуждаю людей самим противостоять Злу. Непостижимость, сам понимаешь.

— Отлично. Отлично. Только и всего-то. Вот и препятствуй. Ведь насколько я понимаю, — с жаром продолжил Кроули, — рождение еще ничего не решает. Главное — воспитание. Влияние извне. Иначе ребенок так и не научится использовать свои способности. — Он помедлил. — Во всяком случае, по назначению.

— Ну, если я буду тебе препятствовать, наши вряд ли станут возражать, — задумчиво промолвил Азирафаэль. — Скорее наоборот.

— Точно. Еще и перо тебе позолотят, — подхватил Кроули, ободряюще улыбаясь.

— А что будет с ребенком, если он не получит сатанинского воспитания? — спросил Азирафаэль.

— Да ничего особенного. Он же ничего не узнает.

— Но гены...

— Ой, только не говори мне о генах. При чем тут они? — сказал Кроули. — Возьми хоть Сатану. Создан ангелом, а вырос Главным Врагом. Уж если вспоминать о генетике, то можно с тем же успехом сказать, что этого малыша ждет ангельский чин. В конце концов, его отец когда-то был большой шишкой на Небесах. И думать, будто он вслед за папочкой станет демоном, все равно что ждать, когда у мыши с обрезанным хвостом родится бесхвостый мышенок. Чепуха. Все дело в воспитании. Уж ты поверь.

— И если на ребенка будут влиять не только Снизу, но и Сверху...

— В худшем случае Аду придется начать все сначала. А Земля получит еще по крайней мере одиннадцать лет. Ведь это чего-нибудь да стоит, а?

Азирафаэль вновь задумался.

— Так ты считаешь, что сам по себе ребенок не порочен? — медленно сказал он.

— Потенциально порочен. И так же потенциально склонен к добру. Огромный потенциал, которому можно придать любую форму, — Кроули пожал плечами. — С чего это мы принялись рассуждать о добре и зле? Это всего лишь названия команд. Мы-то с тобой понимаем.

— Что ж, думаю, стоит попробовать, — наконец согласился ангел. Кроули довольно кивнул.

— Уговор? — спросил он, протягивая руку.

Ангел осторожно пожал ее.

— С ним наверняка будет поинтереснее, чем со святыми, — сказал он.

— По большому счету, самому ребенку это на пользу, — уверил Кроули. — Мы станем кем-то вроде крестных отцов. Можно сказать, будем руководить его религиозным воспитанием.

Азирафаэль просиял.

— Знаешь, мне даже в голову такое не приходило, — обрадовался он. — *Крестные отцы*. По рукам, будь я проклят.

— Кстати, это не так уж и плохо, — заметил Кроули. — Вопрос привычки.

Ее называли Багряной. В то время она продавала оружие, хотя это занятие уже начало ей надоедать. Она никогда не занималась одним делом подолгу. Три-четыре сотни лет самое большее. Дальше рутина заедала.

Волосы у нее были не каштановые и не коричневые, а настоящие рыжие, глубокого медного цвета, и ниспадали до талии великолепными сияющими локонами — ради таких волос мужчины готовы сражаться насмерть, что нередко и случалось. Глаза ее были удивительного апельсинового цвета. Она выглядела лет на двадцать пять — и выглядела так всегда.

Она ездила на пыльном кирпично-красном грузовике, битком набитом разнообразным оружием, и с невероятной ловкостью пересекала на нем любые границы мира. Сейчас она держала путь в одну из стран Западной Африки, где как раз началась небольшая заварушка, которая благодаря достав-

ленному грузу имела шансы перерасти в серьезную гражданскую войну. Но, к сожалению, грузовик сломался, и даже ее способностей не хватало для устранения поломки.

Хотя она отлично разбиралась в современной технике.

Поломка произошла в самом центре города¹. А именно в столице Камбоаленда — страны, последние три тысячи лет жившей в мире. Почти три десятка лет она назывались Сэр-Хамфри-Кларксонлендом, но поскольку полезными ископаемыми Камбоаленд был небогат, а стратегически представлял не больше интереса, чем гроздь бананов, то и независимости добился до неприличия быстро. Жилось там, возможно, бедно и, несомненно, скучно, зато безмятежно. Племена вполне ладили друг с другом и давным-давно перековали мечи на орала. Правда, в 1952 году на городской площади пьяный волопас подрался с не менее пьяным волокрадом. Судачить об этом не перестали и по сей день.

Багряна изнывала от жары. Она зевнула, оставила бесполезный грузовик на пыльной улице и, обмахиваясь широкополой шляпой, зашла в бар.

Купив банку пива, одним махом осушила ее и улыбнулась бармену.

— Мне нужно починить свой грузовик, — сказала она. — С кем тут можно об этом потолковать?

Бармен ответил ей ослепительной, белозубой и почти безбрежной улыбкой. Его впечатлило то, как она обошлась с пивом.

¹ Формально — города. На самом деле это был населенный пункт размером со среднюю английскую деревню или, в американских единицах измерения, с небольшой торговый центр.

— Только Натан, мисс. Но Натан поехал в Каоунду, провести ферму тестя.

Багряна заказала еще пива.

— Значит, только Натан... И когда же он вернется?

— Может, на той неделе. А может, и через две, милая леди. Ха, этот Натан тот еще лодырь. — Бармен подался вперед. — А вы путешествуете одна, мисс? — спросил он.

— Да.

— Опасно. Нынче на дорогах всякий народец встречается. Нехороший. Не из местных, конечно, — быстро добавил он.

Багряна приподняла изящную бровь.

Несмотря на жару, бармен поежился.

— Благодарю за предупреждение, — промурлыкала Багряна. Подобное тихое урчание могло бы доноситься из высокой травы, где притаился, поджидая молодую и нежную добычу, некто, заметный лишь по подергиванию кончиков ушей.

Она небрежно коснулась своей шляпы и не спеша вышла на улицу.

Нешадно палило жаркое африканское солнце; грузовик Багряны, набитый огнестрельным оружием, боеприпасами и пехотными минами, неподвижно стоял посреди улицы.

Багряна задумчиво посмотрела на него.

На крыше восседал стервятник. Он путешествовал с Багряной уже три сотни миль. Птица тихонько рыгала.

Багряна окинула улицу взглядом. На углу болтали две женщины; усталый торговец, отмахиваясь от мух, сидел перед кучей разноцветных горлянок; стайка детей лениво играла в пыли.

— Какого черта, — негромко сказала она. — Иногда и отдохнуть не мешает.

Дело было в среду.

К пятнице город объявили закрытой зоной.

К следующему вторнику экономика Камбодаленда была разрушена, погибло двадцать тысяч человек (включая бармена, которого пристрелили повстанцы во время штурма баррикад на рынке), около ста тысяч человек получили ранения, все привезенное Багряной оружие сполна выполнило свое предназначение, а стервятник издох от обжорства.

Багряна уезжала из страны на последнем поезде. Пора браться за что-то новое, думала она. Заниматься оружием ей уже чертовски надоело. Хотелось перемен. Чего-то более перспективного. Скажем, она неплохо смотрелась бы в роли журналистки, спецкора какой-нибудь газеты. Чем не вариант? Обмахивая шляпой, она сидела, скрестив длинные ноги.

В конце вагона начиналась потасовка. Багряна усмехнулась. Люди постоянно дрались из-за нее или вокруг нее. Как это мило, право же.

Мистер Соболев — черноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой — только что решил организовать корпорацию.

Он выпивал со своей бухгалтершей.

— Ну, как наши успехи, Фрэнни? — спросил он.

— Продано уже двенадцать миллионов экземпляров. Представляешь?

Они сидели в ресторане под названием «Три шестерки» на верхнем этаже дома номер 666 по Пятой авеню. Это слегка забавляло Соболева. Из окон ресторана открывался вид на весь Нью-Йорк, а по ночам

весь Нью-Йорк видел огромные красные цифры 666, украшавшие все четыре стороны здания. Конечно, это был всего лишь номер дома. Начни считать и рано или поздно дойдешь до этого числа. Но все равно забавно.

Соболь и его бухгалтер только что вышли из маленького, дорогого и ужасно престижного ресторана в Гринвич-виллидж, где подавали исключительно новомодные французские блюда с пониженной калорийностью — скажем, стручок фасоли, горошинку и пару волокон куриной грудки, красиво разложенные на квадратной фарфоровой тарелке.

Соболь изобрел эту моду, когда последний раз был в Париже.

Его спутница расправилась со своим мясом и двойной порцией овощей меньше чем за пятьдесят секунд и остальное время трапезы уныло разглядывала опустевшую тарелку, столовые приборы, а порой и сидевших за соседними столиками едоков, причем, судя по лицу, ей хотелось попробовать их на вкус — как оно, собственно говоря, и было. И это также чрезвычайно забавляло Соболя.

Он повертел в руках бокал с «Перье».

— Уже двенадцать миллионов, значит. Что ж, довольно прилично.

— Просто здорово.

— Итак, корпорация. Пора всерьез браться за дело. Начнем с Калифорнии, я полагаю. Мне нужны фабрики, рестораны и все такое прочее. Издательские игры тоже продолжим, но настало время поставить все на широкую ногу. Согласна?

Фрэнни кивнула.

— Звучит неплохо. Нам нужно...

Ее прервал скелет. Скелет в платье от Диора, с загорелой кожей, туго обтягивающей череп. У скелета

были белокурые волосы и ярко покрашенные губы; завидев его, любая мать шепотом заметила бы своему чаду: «Посмотри, во что ты превратишься, если не будешь есть овощи». В общем, эта особа выглядела как гламурный плакат «Помогите голодающим».

Иными словами, это была нью-йоркская топ-модель, и в руках она держала книгу.

— О, простите, мистер Соболев, надеюсь, вы меня извините, — пролепетала она. — Но понимаете, ваша книга, она изменила мою жизнь, и я подумала, может, вы не откажетесь подписать ее для меня...

Она взирала на него глубоко запавшими и мастерски оттененными глазами.

Соболев благосклонно кивнул и взял у нее книгу.

Неудивительно, что она узнала его: темно-серые глаза Соболева глядели с фотографии на тисненой обложке. Книга называлась «Диета без еды: худейте красиво» (с подзаголовком «Диетическая Библия века!»).

— Как пишется ваше имя? — спросил он.

— Шеррил. Два «р», одно «л».

— Вы напомнили мне об одном моем старом и добром друге, — сказал он, быстро и аккуратно надписывая титульную страницу. — Ну вот и все. Рад, что вам понравилось. Всегда приятно встретить поклонницу.

А написал он следующее:

Шеррил,

Хиникс тшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай.

Откр. 6:6.

Доктор Вран Соболев

— Это из Библии, — пояснил он.

Она благоговейно закрыла книгу и, отступая от стола, продолжала благодарить Соболя: он не представляет, как много это значит для нее, как он изменил ее жизнь и какой он поистине...

На самом деле он, хоть и называл себя доктором, вовсе не имел медицинского образования, поскольку во дни его юности еще не было ни колледжей, ни университетов. Впрочем, никакой степени и не требовалось, чтобы увидеть: Шеррил умирает от истощения. Он дал ей самое большее пару месяцев. Голодание. Радикальное решение проблемы веса.

Фрэнни алчно терзала свой ноутбук, планируя очередной задуманный Сободем этап трансформации пищевых традиций западного мира. Соболю сам подарил ей эту машинку. Вещица была очень дорогой, очень мощной и ультратонкой. Он питал слабость к тонким вещам.

— Для начала мы приобретем одну европейскую фирму — холдинг «Холдингз инкорпорейтед». В результате получим налоговую базу в Лихтенштейне. Тогда, если мы переправим капиталы с Кайманов в Люксембург, а оттуда в Швейцарию, то сможем заплатить за фабрики в...

Но Соболю уже не слушал. Он вспоминал престижный рестораник. Никогда еще он не видел так много богатых людей такими голодными.

Соболю улыбнулся искренней, широкой улыбкой, порожденной чистым и полным удовлетворением от проделанной работы. Да, он попросту убивал время до прихода главных событий, но весьма изощренными способами. Время, а иногда и людей.

Его называли по-разному: Уайтом или Пэйлом, Альбусом или Бланком, Беловым или Вайссом и множеством подобных имен. У него была светлая кожа, пепельные волосы и бледно-серые глаза. На первый взгляд ему можно было дать чуть за двадцать, а больше чем одним небрежным взглядом его никто и не достаивал.

Он был на редкость неприметен.

В отличие от двух своих коллег он никогда не задерживался подолгу на одном месте.

Он делал самую разную интересную работу во множестве компаний и стран.

(Он потруился на Чернобыльской АЭС, в Уиндскейле и на Трехмильном острове, хотя нигде не занимал заметной и ответственной должности.)

Порой он числился среди младших, но ценных сотрудников многих научно-исследовательских организаций.

(Не без его участия были изобретены бензиновый двигатель, пластмасса и жестяная банка с кольцом на крышке.)

Он был мастером на все руки.

Но никто не замечал его. Он был сама скромность; его присутствие сказывалось лишь впоследствии, причем по нарастающей. Если бы вы постарались припомнить, то согласились бы, что где-то там он был и чем-то таким занимался. Возможно, даже беседовал с вами. Но вы сразу же забыли о нем, об этом мистере Уайте.

На сей раз он устроился палубным матросом на нефтяной танкер, идущий в Токио.

Пьяный капитан закрылся в своей каюте. Первый помощник капитана торчал на носу. Второй помощ-

ник — на камбузе. Вот, собственно, и весь экипаж: корабль был практически полностью автоматизирован. Человеку там и работы-то почти не оставалось.

Однако, если человек по чистой случайности нажмет на кнопку «АВАРИЙНЫЙ СБРОС ГРУЗА», автоматические системы обеспечат выброс в море огромного количества черной маслянистой жидкости — миллионов тонн сырой нефти, что самым плачевным образом отразится на обитающих поблизости птицах, рыбах, растениях, животных и людях. Разумеется, было множество блокировок и защит от случайного нажатия кнопки, но когда и кому это мешало?

Последовало долгое разбирательство. Виновника аварии искали, но не нашли, а потому ответственность поделили на весь экипаж. Капитана и его помощников навсегда отстранили от работы.

И никто почему-то не вспомнил о матросе Уайте, который к тому времени был уже на полпути в Индонезию: ему случайно подвернулся пароход, под завязку груженный ржавыми металлическими бочками с исключительно токсичными гербицидами.

И был Еще Один. Он был на площадях Камболенда. И в ресторанах. Он был в рыбе, и в воздухе, и в бочках с гербицидами. Он появлялся на улицах и в домах, во дворцах и в лачугах.

Он входил в любую дверь как к себе домой, и никто не мог от него укрыться. Он делал все, что мог, и был тем, что делал.

Он не ждал. Он работал.

Гарриет Даулинг вернулась домой со своим малышом, которого, по совету сестры Веры Нудд (оказавшейся куда более убедительной в своих речах, чем сестра Мэри) и с телефонного согласия мужа, назвала Магом.

Атташе по культуре приехал домой через неделю и заявил, что младенец, судя по всему, пошел в его родню. Также он поручил своему секретарю разместить на страницах «Леди» объявление о поиске няни.

Как-то раз под Рождество Кроули посмотрел фильм о Мэри Поппинс (демон приложил руку к созданию множества телевизионных передач, но предметом его особой гордости было изобретение игровых шоу). Ему показалась забавной мысль о том, что ураган — это весьма эффективный и очень стильный способ избавиться от очереди из нянь, которые должны столпиться или даже занять круговую оборону возле резиденции атташе по культурным связям в Риджент-парке.

Но он заставил себя ограничиться несанкционированной забастовкой в метро, так что в назначенный день у резиденции появилась лишь одна няня.

На ней был трикотажный твидовый костюм и скромные жемчужные серьги. Что-то в ней говорило, что это *и правда няня*, но говорило тоном британского дворецкого из американского фильма. Вдобавок это что-то, тихонько покашливая, бормотало, что она вполне может относиться к той разновидности нянь, которые дают в известных журналах объявления о неких таинственных, но вполне очевидных услугах.

Ее туфли без каблуков хрустели по гравию дорожки, а рядом с ней неслышно трусил серый пес, из пасти которого падали капли белой слюны. Его глаза посверкивали красными огоньками, и он с голодным видом посматривал по сторонам.

Подойдя к массивной деревянной двери, будущая няня самодовольно улыбнулась и позвонила в колокольчик. Послышался тоскливый перезвон.

Дверь открыл дворецкий, как говорится, старой школы¹.

— Меня зовут нянюшка Аштарот, — сказала она. — А это, — продолжала нянюшка, пока серый пес пожирал дворецкого взглядом, размышляя, возможно, о том, где половчее спрятать кости, — мой Пират.

Оставив собаку в саду, она победоносно прошла собеседование, после чего миссис Даулинг отвела няню к новому питомцу.

Ее губы сложились в неприятную улыбочку.

— Какое очаровательное дитя, — сказала она. — Скоро ему понадобится трехколесный велосипедик.

По странному совпадению, персонал особняка в тот же день увеличился еще на одного человека. Им стал садовник, оказавшийся замечательным мастером своего дела. Никто не мог понять, как у него что-то растет, ведь он, казалось, даже к лопате не притрагивался и не прилагал никаких усилий, чтобы избавить сад от птичьих стай, которые внезапно повадились собираться здесь, при первой же возмож-

¹ Имеется в виду вечерняя школа рядом с Тоттенхем-Кортруд, которую открыл престарелый актер, игравший с 1920-х годов дворецких и джентльменов в услужении у джентльменов в фильмах, театре и на телевидении.

ности усаживаясь садовнику на плечи. Он посиживал в тенечке, а вверенные ему растения обильно цвели.

Едва научившись держаться на ногах, Маг привык навещать садовника, когда няня брала выходной и отправлялась по своим делам.

— Смотри, вот братец Слизняк, — говорил ему садовник. — А эта крошечная тварь — сестрица Гусеница. Запомни, Маг: когда ты пошагаешь по этому миру, по его столбовым дорогам и пустынным тропкам, встречай каждое живое существо с любовью и уважением.

— Няня говолит, эти твали плосто плах у меня под ногами, мистел Фланциск, — отвечал Маг, осторожно касаясь братца Слизняка и тщательно вытирая руку о свой комбинезончик с изображением лягушонка Кермита.

— А ты не слушай эту женщину, — говорил ему Франциск. — Ты меня слушай.

По вечерам нянюшка Аштарот пела Магу колыбельные песенки:

*О, славный старый герцог Йорк!
Сто тысяч воинов повиновались ему,
И возглавил он путь к Вершине Холма
И все народы подлунного мира покорил и привел их
Во владения господина нашего, Сатаны.*

А также:

*Вот поросенок, который отправился в ад,
Вот поросенок, который дома остался,
Вот поросенок, что парной человечинки вкусил,
Вот поросенок, который насиловал девственниц,
А вот поросенок, который взобраться сумел
На высокую гору из мертвых тел.*

— А блат Фланциск, наш садовник, говолит, что я должен самоотвелзенно стлемися к доблодетели и любить все зивые твали, — говорил Маг.

— А ты не слушай этого садовника, мой милый, — приговаривала няня, укладывая мальчика в кроватку. — Слушай лучше меня.

Так они и жили.

Соглашение действовало прекрасно. Игра шла со счетом ноль-ноль. Нянюшка Аштарот купила ребенку трехколесный велосипед, но никак не могла убедить его покататься на новой игрушке в доме. А Пирата Маг попросту боялся.

Тем временем Кроули и Азирафаэль тайно встречались на крышах автобусов, в картинных галереях и на концертах, дабы обмениваться впечатлениями и улыбками.

Когда Магу исполнилось шесть лет, няня ушла, забрав с собой Пирата; в тот же день уволился и садовник. Оба они покидали дом в легкой растерянности.

Образование Мага стали заниматься два новых наставника.

Мистер Гаррисон рассказывал ему о царе гуннов Аттиле, о Владе Дракуле и Темной Сути Человеческой Души¹. Он пытался обучить Мага искусству демагогии, репетируя с ним политические речи, способные покорить сердца и умы миллионов.

Мистер Кортеше рассказывал ему о Флоренс Найтингейл², Аврааме Линкольне и приобщал к искусству. Он говорил о свободе воли, самопожертвовании,

¹ Всячески избегая упоминаний о том, что Аттила слушался свою матушку, а Влад Дракула неустанно молился каждый божий день.

² Опуская связанные с сифилисом подробности.

а также о том, что С Людми Следует Поступать Так, Как Ты Хотел Бы, Чтобы Они Поступали С Тобой.

И оба постоянно читали мальчику Откровения Иоанна Богослова.

Несмотря на все их старания, Маг проявлял при- скорбно хорошие способности к математике. Оба гувернера не слишком радовались его успехам.

Когда Магу исполнилось десять лет, он увлекся бейсболом; ему нравились пластиковые игрушки, которые превращались в другие пластиковые игрушки, хотя разницу между теми и другими мог заметить лишь натренированный глаз; он тщательно собирал марки, обожал жевательную резинку со вкусом банана, любил комиксы, мультфильмы и свой гоночный велосипед.

Кроули беспокоился.

Они встретились в кафетерии Британского музея — еще одном укромном приюте усталых пехотинцев холодной войны. Слева от них за столиком сидела парочка американцев в строгих костюмах и с военной выправкой — они незаметно передавали портфель, набитый сомнительными долларами, маленькой чернокожей женщине в темных очках; за столиком справа замначальника М17 и офицер местного подразделения КГБ спорили о том, кому из них платить за чай со сдобными булочками.

Наконец Кроули высказал то, о чем не позволял себе задумываться все эти десять лет.

— Если тебя интересует мое мнение, — сказал Кроули, — он чертовски нормальный ребенок.

Азирафаэль положил в рот очередной кусочек яйца в соусе «Адское пламя» и запил его глотком кофе. Потом промокнул губы бумажной салфеткой.

— А все мое благотворное влияние, — сказал он, сияя. — Или, вернее сказать, моей маленькой команды. Что есть, того не отнять.

Кроули отрицательно мотнул головой.

— Это я учел. Послушай, в этом возрасте он уже должен пытаться менять мир вокруг по своему желанию и подобию, ну и все такое прочее. И не пытаться даже. Он должен делать это, сам того не осознавая. Ты что-то похожее замечал?

— В общем, нет, но...

— Он уже должен стать средоточием чистой силы. И где она?

— Ну, пока я не замечал, однако...

— Он слишком нормален. — Кроули побарабанил пальцами по столу. — Не нравится мне это. Что-то не так, но я никак не возьму в толк, что именно.

Азирафаэль позаимствовал с тарелки Кроули кусочек торта «Пища богов».

— Что ж, он еще только растет. И небесное влияние, конечно, сказывается на его характере.

Кроули вздохнул.

— Надеюсь, он справится с цербером.

Азирафаэль приподнял одну бровь.

— С цербером?

— Подарочек к одиннадцатому дню рождения. Вчера вечером сообщили из Ада.

Сообщение пришлось прямо на середину «Чирс», одного из любимых телесериалов Кроули. То, что можно было изложить за одну минуту, заняло целых десять, и когда инфернальная передача снова сменилась земной, Кроули уже потерял нить сюжета.

— Они посылают цербера, чтобы тот везде сопровождал и охранял мальчика. самого здорового выбрали.

— Неужели никто не заметит, что откуда-то вдруг взялась здоровенная черная собака? Его родители, к примеру.

Кроули резко встал, отдавив ногу болгарскому атташе по культуре, который оживленно беседовал с хранителем антикварной коллекции ее величества.

— Никто ничего не заметит. Это же реальность, мой ангел. А юный Маг, догадывается он об этом или нет, может делать с ней все, что пожелает.

— И когда же появится эта собака? Как ее зовут?

— Я же сказал: в его одиннадцатый день рождения. В три часа пополудни. Она учует его присутствие и придет к нему. И он сам должен придумать ей кличку. Это очень важно. Имя определит ее сущность. Киллер, Террор, Кошмар — там увидим.

— Ты будешь при этом присутствовать? — небрежно спросил ангел.

— Во что бы то ни стало, — сказал Кроули. — Я все-таки надеюсь, что дела у парня обстоят не так уж плохо. Увидим, кстати, как он отреагирует на эту псину. Глядишь, кое-что и прояснится. Надеюсь, он отправит ее восвояси или хотя бы испугается. Если же он даст ей имя, мы проиграли. Он обретет все свои силы — и добро пожаловать, Армагеддон!

— Что ж... — откликнулся Азирафаэль, потягивая вино (которое только что перестало быть кисловатым «Божоле» и стало вполне приемлемым, но весьма удивленным «Шато Лафит» урожая 1875 года). — Полагаю, там мы и увидимся.

СРЕДА

В центре Лондона царила дымная августовская жара.

День рождения Мага стал настоящим событием.

В гости пришли двадцать мальчиков и семнадцать девочек. Среди детей сновали блондины с одинаковыми короткими стрижками, в стандартных темно-синих костюмах и с плечевыми кобурами. Целая команда поставщиков привезла конфеты, торты и чипсы. Процессию фургонов возглавлял антикварный «Бентли».

«Удивительных Харви и Ванду» («Детские праздники — наша специальность!») неожиданно постигло желудочное расстройство, но, по счастливому и поистине удивительному стечению обстоятельств, им сразу же нашлась замена: на выручку охотно пришел некий фокусник.

У каждого есть маленькое хобби. Невзирая на решительные возражения Кроули, Азирафаэль твердо вознамерился приспособить к доброму делу свое.

Азирафаэль ужасно гордился своим мастерством фокусника. В 1870-х годах он брал уроки у самого Джона Маскелайна — почти целый год практиковался в ловкости рук, пряча монеты в ладонях и извлекая кроликов из цилиндров. Как ему казалось, он

вполне преуспел в этом искусстве. Вся беда в том, что, хотя способности Азирафаэля позволяли ему проделывать трюки, при виде которых самым знаменитым иллюзионистам осталось бы лишь сдать свои волшебные палочки в утиль, он никогда не применял то, что называл своими *врожденными дарованиями*. Это и было его слабым местом. Он даже потихоньку начинал жалеть, что забросил тренировки.

Однако, рассудил он, это ведь почти то же, что кататься на велосипеде. Раз научившись, никогда не разучишься. Его чародейский фрак успел слегка запылиться, но, облачившись в него, Азирафаэль почувствовал себя вполне уверенно. Ему даже начала вспоминаться привычная скороговорка фокусников.

Дети следили за ним с пренебрежительным недоумением. Кроули в белом фраке официанта пожевывал от сочувственной неловкости за буфетной стойкой.

— Итак, юные господа и дамы, видите ли вы мой потрепанный старый цилиндр? Вы, молодежь, наверняка скажете: какая ужасная старая шляпа! И смотрите, она совершенно пуста! Но... вот так чудо! Что это за подозрительный субъект? О, да это же наш пушистый приятель, Братец Кролик!

— Он был у тебя в кармане, — заметил Маг. Остальные дети согласно закивали. Кем он их считает? Безмозглыми малышами?

Азирафаэль припомнил, что Маскелайн советовал делать, если публика настроена скептически: «Превратите все в шутку, вы, олухи царя небесного... Да, да, это я вам говорю, мистер Упалло. — Так тогда звали Азирафаэля. — Заставьте их смеяться, и вам все простят!»

— Ха-ха-ха, значит, я *сел в шляпу*, — с деланным смешком произнес он.

Дети безучастно таращились на него.

— Фигня какая-то, — констатировал Маг. — Лучше бы мы мультики посмотрели.

— Правильно! — закричала девочка с конским хвостом. — Полная фигня. Он еще и педик, наверное.

Азирафаэль в панике взглянул на Кроули. Ему уже было очевидно, что юный Маг порочен до глубины души и чем скорее появится Черный Пес, тем быстрее они смогут убраться из этого дома.

— А ну-ка, скажите, есть ли у кого-нибудь при себе, дети, трехпенсовая монета? У вас нет, юный джентльмен? Тогда что же это за вашим ухом?..

— А вот у меня на дне рождения показывали мультики, — заявила девочка. — И еще мне подарили трансформера, а еще моего маленького пони, а еще истребителей-десептиконов, а еще танк, а еще...

Кроули застонал. Любому ангелу, если у него есть хоть капля здравого смысла, следует держаться подальше от детских праздников. Циничные дети пронзительно заулюлюкали от восторга, увидев, как Азирафаэль уронил цепочку из трех металлических колец.

Кроули отвернулся, и его взгляд упал на стол, заваленный подарками. Из недр большой пластмассовой конструкции на него внимательно смотрели два блестящих глаза-бусинки.

Кроули вгляделся в них, пытаясь обнаружить отблески алого пламени. С адскими бюрократами ни в чем нельзя быть уверенным. Они запросто могут прислать вместо собаки хомячка какого-нибудь.

Это и был хомяк, самый обыкновенный грызун, посреди удивительного сооружения из цилиндров, сфер и бегущих дорожек — такое могла бы изобрести испанская инквизиция, будь в ее распоряжении штамповочный пресс и пластмасса.

Кроули сверился с часами. Ему ни разу не приходило в голову поменять батарейки, разрядившиеся уже три года назад, но часы неизменно показывали точное время. До трех оставалось две минуты.

Азирафаэль суетился пуще прежнего.

— Есть ли в вашей компании обладатель такой полезной вещи, как носовой платок? *Неужели нет?*

В викторианские дни никому бы и в голову не пришло, что у зрителей может не оказаться при себе платков, а без этого маленького клочка ткани очередной фокус (чудесное появление голубя, раздраженно клевавшего запястье Азирафаэля) был совершенно невозможен. Ангел попытался привлечь внимание Кроули, потерпел неудачу и в отчаянии указал на одного из охранников, который сразу встревожился.

— Прошу вас, любезный. Подойдите-ка сюда! Итак, если вы заглянете в свой нагрудный карман, то, как мне кажется, обнаружите там изящный шелковый носовой платок.

— Никакнетсэр. Боюсьчтонетсэр, — скороговоркой произнес охранник, глядя прямо перед собой.

Азирафаэль отчаянно подмигнул ему.

— Да посмотрите же, милый мой, посмотрите, прошу вас!

Охранник сунул руку во внутренний карман пиджака и с удивлением вытащил оттуда обшитый кружевами шелковый носовой платок цвета морской

волны. Почти мгновенно Азирафаэль понял, что кружева были лишними, поскольку они зацепились за пистолет, который, совершив перелет по комнате, приземлился в вазу с конфитюром.

Дети восторженно захлопали.

— Эй, а это уже неплохо! — воскликнула девочка с конским хвостом.

Маг, пробежав по комнате, выудил пистолет из вазы.

— Руки вверх, ищейки! — радостно закричал он.

Охранники растерялись.

Одни полезли за своими пистолетами, другие кинулись к мальчику, третьи — наоборот, подальше от него. Остальные дети завизжали, что тоже хотят пистолеты, а самые решительные попытались отнять оружие у охранников, которые имели неосторожность вытащить пушки.

Потом кто-то швырнул в Мага конфитюром.

Мальчик взвизгнул и спустил курок. В руках у него был «магнум» 32-го калибра, штатное оружие ЦРУ, серое, грозное и увесистое, способное с тридцати шагов разнести человека в клочья, оставив за собой лишь облако кровавого тумана, ужасный хаос и некоторое количество канцелярской работы.

Азирафаэль моргнул.

Тонкая струйка воды вырвалась из дула пистолета и обрызгала спину Кроули, который поглядывал в окно, высматривая огромную черную собаку.

Азирафаэль смутился.

Потом ему залепили в лицо куском кремового торта.

Было уже почти пять минут четвертого.

Легким движением руки Азирафаэль превратил все оружие в водяные пистолеты и вышел.

Стоя на дорожке, он пытался извлечь из рукава чародейского фрака полузадушенного голубя; за этим занятием его и застал Кроули.

— Уже поздно, — сказал Азирафаэль.

— Я заметил, — кивнул Кроули. — Не надо было запихивать его в рукав.

Наконец он вытащил вялую птичью тушку из фрака Азирафаэля и вновь вдохнул в нее жизнь. Признательно курлыкнув, слегка пришибленный голубь полетел прочь.

— Я не о птице, — сказал ангел. — Собака. Опаздывает.

Кроули с сомнением покачал головой.

— Сейчас посмотрим.

Он открыл дверцу машины и включил приемник.

— Это просто счастье, счастье-счастье-счастье, это просто счастье в лю... ПРИВЕТ, КРОУЛИ.

— Привет. Гм, кто это?

— ДАГОН, ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ, ВЛАДЫКА БЕЗУМИЯ, ПОДКНЯЖИЙ СЕДЬМОГО МУЧИТЕЛЬСТВА. ЧЕМ МОГУ ПОМОЧЬ?

— Цербер. Я лишь хотел, э-э, убедиться, что он отправлен вовремя.

— ЕГО ВЫПУСТИЛИ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАЗАД. А ЧТО? ЕЩЕ НЕ ОБЪЯВИЛСЯ? ЧТО-ТО НЕ ТАК?

— Да нет. Все по плану. Все прекрасно. Ага, а вот и он. Отличная собака. Хороший песик. Ужас что такое. Вы там внизу отлично поработали, ребята. Ладно, приятно было поболтать с тобой, Дагон. До связи.

Он выключил приемник.

Они переглянулись. Из дома донесся громкий выстрел, и оконное стекло разбилось вдребезги.

— Вот те на, — пробормотал Азирафаэль, воздерживаясь от ругательства с легкостью, рожденной многовековой практикой (он не сквернословил уже шесть тысяч лет и не собирался изменять этой привычке даже теперь). — Похоже, один я все-таки проворонил.

— Собаки нет, — сказал Кроули.

— Собаки нет, — сказал Азирафаэль.

Демон вздохнул.

— Залезай в машину, — сказал он. — Нам нужно потолковать об этом. Только, пожалуйста, Азирафаэль...

— Да?

— Почисти свой чертов фрак от этого чертова торта.

А за пределами Лондона в этот августовский день было жарко и тихо. Сорняки на обочине дороги, ведущей в Тадфилд, клонились под тяжестью пыли. В зеленой изгороди жужжали пчелы. Воздух казался перестоявшим и перегретым, как вчерашний суп.

Вдруг словно бы тысяча металлических голосов хором выкрикнули отрывистое «Хайль!» и сразу же умолкли.

И на дороге появилась черная собака.

Это определенно была собака. По крайней мере, форма у нее была соответствующая.

Есть такие собаки, встреча с которыми заставляет вспомнить, что, несмотря на тысячи лет искусственного отбора, любую собаку отделяют от волка всего

лишь две кормежки. Эти твари приближаются к вам медленно и целенаправленно — воплощенный зов предков, с желтыми зубами и зловонным дыханием, — и пусть их владельцы сколько угодно уверяют вас: «Да это же старая развалина, просто отпихни его, если будет надоедать», в глубине зеленых глаз мерцают костры плейстоцена...

Однако, увидев пса, возникшего сейчас на дороге, даже такие собаки поспешили бы убраться под диван, словно их страшно увлекла резиновая кость.

Пес уже рычал. Это было тихое клокочущее рычание напряженной угрозы, какое обычно зарождается глубоко в глотке одного существа, а заканчивается на горле другого.

Капающая из пасти слюна вскипала на асфальте.

Пес сделал несколько шагов вперед и понюхал неподвижный воздух.

Его уши встали торчком.

Вдали слышались голоса. Среди них выделялся один. Мальчишеский голос, тот самый, которому пес был рожден подчиняться, повиноваться беспрекословно. Если этот голос скажет «рядом», он будет идти рядом; если скажет «убей», он убьет. Голос его Хозяина.

Пес перемахнул кусты и побежал через поле. Бык, который там пасся, мельком глянул на него, оценил свои шансы и поспешил убраться к дальней изгороди.

Голоса доносились из чахлой рощицы неподалеку. Капая слюной, черный пес подкрался поближе.

Другой голос сказал:

— А вот и нет. Ты вечно говоришь, что он подарит, а он так ничего и не дарит. Попробуй уговори своего

папочку купить тебе кого-нибудь. Кого-нибудь интересного. Так он выберет насекомое какое-нибудь, типа палочника. Интереснее быть ничего не может.

Цербер изобразил собачий эквивалент пожимания плечами, но мгновенно утратил интерес к сказанному, поскольку раздался голос Хозяина, Центра Вселенной.

— Мне подарят собаку, — сказал голос.

— Ха-ха. А тебе откуда знать? Никто не говорил, что тебе подарят собаку. Как же ты узнал про собаку, если никто этого не говорил? Твой папочка вечно будет стонать о том, как много она жрет.

— Он будет есть бирючину, — вступил третий голос, куда более строгий. Это явно был мальчик из тех, кто перед тем, как собрать модель из пластмассового конструктора, не только аккуратно раскладывает и пересчитывает все детали, но также раскрашивает все, что требуется раскрасить, и, согласно инструкции, оставляет на просушку. Если ребенок говорит таким голосом, значит, впереди его ждет работа бухгалтера высшей категории, дайте только срок.

— Они не едят бирючину, Уэнсли. Где это видано, чтобы собака ела бирючину!

— Я имел в виду, что ее едят палочники. Они ведь и правда ужасно интересные. Во время спаривания они откусывают друг другу головы.

Последовало задумчивое молчание. Цербер подкрался поближе и понял, что голоса доносятся из какой-то ямы.

Как оказалось, деревья скрывали старый меловой карьер, почти заросший терновником и плющом. Старый, но явно пользующийся популярностью. Вдоль и поперек его пересекало множество тропок;

гладкие участки склонов свидетельствовали о регулярных визитах здешних скейтбордистов, а для велосипедистов меловые скаты явно были Стенами Смерти или хотя бы Сильно Ободранных Коленок. С деревьев, подходящих для лазания, свисали концы опасно размочаленных веревок. Тут и там из кустов торчали куски рифленого железа или обломки подгнивших досок. Заросли крапивы наполовину скрывали ржавый, обгорелый кузов старого «Триумф Геральда».

В дальнем конце карьера виднелась груда металлических колесиков и гнутой проволоки — знаменитое Затерянное кладбище, куда приезжают умирать тележки из универсама.

Для детей здесь был настоящий рай. Местные взрослые называли его Ямой.

Сквозь крапиву пес увидел четыре фигурки, сидевшие посреди котлована на том, на чем и полагается сидеть в приличном тайном убежище, — на обычных молочных ящиках.

— Врешь!

— Точно, откусывают.

— Спорим, что нет, — сказал первый из собеседников. Судя по тембру, этот голос принадлежал девочке, и сейчас в нем слышался жгучий интерес.

— Точно тебе говорю. Перед каникулами у меня было шесть штук палочников, и я забыл положить им свежую бирючину, а когда вернулся, там оставался всего один, но жутко толстый.

— Да ладно! Это не палочники, а богомолы. Я видел их по телику — самка богомола сожрала своего дружка, а он вроде бы даже и не заметил.

За этим снова последовало молчание.

— А о чем они молят? — спросил голос Хозяина.

— Не знаю. Наверное, о том, чтобы не жениться.

Пес умудрился пристроить огромный глаз к дырке в покосившейся изгороди и осторожно заглянул туда.

— А все равно получится как с велосипедами, — авторитетно заявила первая собеседница. — Я-то думала, мне купят семискоростной велик с узким кожаным седлом, фиолетовый и все такое прочее, а мне подарили голубенький драндулет. С корзинкой. Девчоночий велик.

— Ну и что. Ты же девочка, — сказал второй голос.

— Это и есть сексизм — когда человеку покупают девчоночьи подарки только потому, что он девочка.

— А мне подарят собаку, — твердо сказал Хозяин.

Хозяин сидел спиной, и лица его цербер пока не видел.

— Ну конечно, такого здорового ротвейлера? — спросила девочка с уничтожающим ехидством.

— А вот и нет, я хочу собаку, с которой можно играть, — сказал голос Хозяина. — Небольшую такую собаку...

...Глаз в крапивных зарослях резко переместился вниз...

— ...Такого пса, который все понимает, умеет лезть в кроличьи норы и чтобы одно ухо у него было вот так вот забавно вывернуто. В общем, самую лучшую дворняжку. Чистокровную.

Сидевшая внизу компания не слышала тихого хлопка, который прозвучал на краю карьера. С таким звуком воздух заполняет вакуум, образовав-

шийся, к примеру, в результате превращения огромного пса в собаку весьма скромных размеров.

А шорох, который последовал за хлопком, возможно, был вызван тем, что одно ухо у этой собаки вывернулось наизнанку.

— И я назову его... — сказал голос Хозяина. — Я назову его...

— Ну? — подначивала девочка. — Как же ты его назовешь?

Цербер ждал. Настал решающий миг. Наречение. Оно определит его цель, его назначение, его сущность. Его глаза, которые теперь были гораздо ближе к земле, загорелись тусклым огнем, а в крапиву закапала слюна.

— Я назову его Барбосом, — решительно сказал Хозяин. — Чем проще, тем лучше.

Цербер замер. Где-то в глубине своего дьявольского собачьего ума он понимал: что-то идет не так, но ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться, а огромная любовь к Хозяину, внезапно охватившая его, подавила все дурные предчувствия. И вообще, разве ему решать, какого он должен быть размера?

Пес потрусил вниз по склону навстречу своей судьбе.

Правда, с каким-то странным ощущением. Ему всегда хотелось бросаться на людей, но только сейчас он неожиданно понял, что при этом ему хочется еще и вилять хвостом.

— Ты же говорил, что это он! — простонал Азирафаэль, рассеянно снимая остатки кремowego торта с лацкана и облизывая пальцы.

— Это и был он, — сказал Кроули. — Уж я-то должен знать, верно?

— Значит, вмешался еще кто-то.

— Да нет же никого больше! Только мы с тобой! Добро и Зло. Наши или ваши.

Кроули в сердцах стукнул по рулевому колесу.

— Ты даже не представляешь, что со мной могут сделать там, Внизу, — сказал он.

— Думаю, примерно то же, что сделают со мной Наверху, — заметил Азирафаэль.

— А, брось ты. У вас же там непостижимое милосердие, — кисло буркнул Кроули.

— Да? А ты, случаем, в Гоморре никогда не бывал?

— Как же, как же, — ответил демон. — Там была отличная маленькая забегаловка, где подавали потрясающий коктейль из перебродивших фиников с мускатным орехом и толченым лимонником...

— Я имею в виду после.

— А.

— Должно быть, что-то случилось в той богадельне, — сказал Азирафаэль.

— Да быть того не может! Там же было полно наших!

— Чьих именно? — спокойно уточнил Азирафаэль.

— В смысле моих, — поправился Кроули. — Точнее, не совсем моих. Ну, ты понимаешь. Сатанистов.

Последнее слово он попытался произнести как можно более небрежно. Земной мир казался Кроули и Азирафаэлю на диво интересным местечком, которым оба надеялись наслаждаться как можно дольше, но мнения их совпадали крайне редко. За исключением одного: они полностью сходились во взглядах

на людей, которые по той или иной причине решили поклоняться Князю Тьмы. При встречах с ними Кроули всегда испытывал неловкость. Оскорблять их, конечно, было нельзя, но он невольно чувствовал то же, что ветеран войны во Вьетнаме при виде соседа, явившегося в камуфляже и при оружии на собрание районной группы добровольного содействия полиции.

Кроме того, сатанисты всегда отличались каким-то унылым фанатизмом. Чего стоила одна эта возня с перевернутыми крестами, пентаграммами и петухами! Большинство демонов только плечами пожимали, ведь во всем этом не было никакой необходимости. Чтобы стать сатанистом, нужно лишь усилие воли. Можно всю жизнь им прожить и даже не догадываться о существовании пентаграмм, а мертвых петухов употреблять исключительно в виде цыплят табака.

Хотя некоторые сатанисты старой школы были, в сущности, вполне приятными людьми. Они произносили положенные слова, совершали положенные ритуалы — точно так же, как те, кого они считали своими противниками, — а потом возвращались домой и до конца недели жили непритязательной заурядной жизнью, в которой не было места никаким особенно грешным помыслам.

Что же до остальных...

От некоторых типов, называющих себя сатанистами, Кроули просто передергивало. Не столько от их поступков, сколько от того, как ловко они списывают все на счет Ада. Изобретут какой-нибудь тошнотворный план, до которого ни один демон не додумался бы и за тысячу лет, отвратительную и бес-

смысленную мерзость, измыслить которую способен лишь человеческий мозг, а потом орут: «Меня Дьявол заставил!» — и добиваются сочувствия суда. А ведь никому и в голову не приходит, что Дьявол вообще никого никогда не заставляет. Нет необходимости. Но как раз этого многие люди никак и не возьмут в толк. По мнению Кроули, преисподняя никогда не была средоточием порока, а небеса — оплотом добродетели; и те и другие — лишь игроки в великой космической шахматной партии. И только в глубине человеческой души можно обнаружить нечто неподдельное: истинную благодать и настоящее убийственное зло.

— Ах вот оно что, — сказал Азирафаэль. — Сатанисты...

— Не пойму, что там можно было перепутать, — пожал плечами Кроули. — Два ребенка. Всего два. Элементарное ведь задание. — Тут он запнулся. В тумане воспоминаний нарисовалась маленькая монахиня, которая еще тогда показалась ему чересчур взбалмошной даже для сатанистки. И еще кто-то там был... Кроули смутно припомнил трубку и джемпер в зигзагах, вышедший из моды еще в 1938 году. На этом типе прямо-таки написано было: «Я будущий отец!»

Должно быть, затесался еще и третий младенец.

Он сообщил о своем предположении Азирафаэлю.

— Ну и что из этого следует? — спросил ангел.

— Мы знаем, что тот ребенок должен быть жив, — сказал Кроули, — а поэтому...

— Но откуда мы это знаем?

— Если бы он вернулся Вниз, думаешь, я бы еще тут торчал?

— Логично.

— Итак, остается лишь найти его, — подытожил Кроули. — Первым делом просмотрим регистрационные записи.

Мотор «Бентли» завелся, и машина рванулась вперед, впечатав Азирафаэля в спинку сиденья.

— А дальше что? — спросил он.

— Дальше мы найдем ребенка.

— Ну а дальше-то что? — Ангел зажмурился, когда машину занесло на повороте.

— Не знаю.

— О-хо-хо...

— Я полагаю... *прочь с дороги, дурень!*.. ваши не согласятся... *вместе со своим дурацким мотороллером!*.. предоставить мне убежище?

— Я собирался о том же спросить тебя... Осторожно, пешеход!

— Он знал, чем рискует, когда вылез на улицу! — огрызнулся Кроули, втискивая «Бентли» между припаркованной на обочине машиной и такси, так что в оставшуюся щель не пролезла бы даже тончайшая кредитная карточка.

— Следи за дорогой! Следи за дорогой! Где хоть она находится, эта богадельня?

— Где-то к югу от Оксфорда!

Азирафаэль вцепился в приборный щиток.

— Нельзя же гнать по Лондону на скорости девяносто миль в час!

Кроули взглянул на спидометр.

— А почему бы и нет? — сказал он.

— Ты же угробишь нас! — Азирафаэль замялся. — Развоплотишь неприятным способом, — неловко по-

правился он, слегка успокаиваясь. — Во всяком случае, ты можешь сбить кого-нибудь.

Кроули пожал плечами. Ангел так и не свикся с двадцатым веком — где уж ему понять, что как раз по Оксфорд-стрит запросто можно делать девяносто миль в час. Надо просто устроить так, чтобы никто не путался под колесами. А поскольку всем известно, что по Оксфорд-стрит с такой скоростью ехать невозможно, никто этого и не заметит.

По крайней мере, автомобили лучше лошадей. Двигатель внутреннего сгорания стал для Кроули просто Бож... благосло... в общем, настоящим подарком судьбы. В прежние времена ему приходилось ездить верхом только на огромных черных зверюгах с горящими глазами и выбивающими искры копытами, да и то исключительно по долгу службы. Этого требовал демонический этикет. Как правило, в итоге Кроули оказывался на земле. Он не слишком хорошо ладил с животными.

Где-то в районе Чизика Азирафаэль принялся рассеянно ворошить кучу кассет в бардачке.

— Что такое «Velvet Underground»? — спросил он.

— Тебе не понравится, — бросил Кроули.

— А-а, бибоп, — пренебрежительно сказал ангел.

— Знаешь, Азирафаэль, если бы миллион человек попросили рассказать о современной музыке, то вряд ли хоть один из них употребил бы слово «бибоп», — заметил Кроули.

— Да, вот это уже лучше. Чайковский. — Азирафаэль открыл футляр и вставил кассету в магнитофон.

— И это тоже тебе не понравится, — вздохнул Кроули. — Кассета в машине уже больше двух недель.

Тяжелые басы наполнили «Бентли», проносившийся мимо Хитроу.

Азирафаэль нахмурил брови.

— Как-то не припоминаю, — сказал он. — Что это?

— Чайковский. «Another One Bites the Dust», — сказал Кроули, прикрыв глаза («Бентли» проезжал через Слау).

Коротая время в дороге по сонным Чилтернским холмам, они послушали «We Are the Champions» Уильяма Берда и «I Want To Break Free» Бетховена. Но больше всего их порадовали «Fat-Bottomed Girls» Воана-Уильямса.

Говорят, все лучшие мелодии принадлежат Дьяволу.

В общем, так оно и есть. Но зато на Небесах самые лучшие хореографы.

Горстки огоньков, рассыпанных в закатную сторону по Оксфордширской равнине, отмечали погруженные в дремоту селения, где почтенные йомены готовились ко сну после долгого дня, полного редакторской правки, финансовых совещаний или разработки программного обеспечения.

На вершине ближайшего холма мерцало несколько светлячков.

Геодезический теодолит — один из наиболее зловещих символов двадцатого века. Стоит ему появиться где-нибудь в поле или в лесу, как вы понимаете: се грядет Расширение Дороги, истинно так, и воздвигнуты будут две тысячи жилых домов в полном соответствии с Духом Сельской Местности. Подготовка Руководящих Кадров воспоследует.

Но даже самый добросовестный землемер не станет землемерить в полночь, и тем не менее здесь торчала эта штуковина, вонзив глубоко в дерн острые концы треноги. Теодолиты, верхняя часть которых оснащена ореховой лозой или хрустальным маятником, а тренога украшена кельтскими рунами, по правде сказать, встречаются нечасто.

Легкий ветерок вздувал плащ на стройной фигурке, которая крутила ручки этого агрегата. Плотный непромокаемый плащ на утепленной подкладке.

В большинстве книг по черной магии утверждается, будто ведуньи творят свое колдовство обнаженными. А все потому, что большинство книг по черной магии написано мужчинами.

Молодую женщину звали Анафемой Гаджет. Она не отличалась потрясающей красотой. Каждая черта ее лица, если рассматривать по отдельности, выглядела весьма симпатично, но в целом создавалось впечатление, что это лицо как-то поспешно, не имея определенного замысла, скомпоновали из того, что попало под руку. Вероятно, для ее внешности лучше всего подходило слово «привлекательная», хотя люди, которые способны написать это слово без ошибок, могли бы еще добавить «полная жизни» — но, поскольку от этого определения так и веет пятидесятыми, они, скорее всего, не стали бы.

Молодым женщинам не следует гулять в одиночку темными ночами, даже в Оксфордшире. Но любой рыскающий маньяк потерял бы охоту заниматься глупостями, да и не только ее, доведись ему встретить на темной тропинке Анафему Гаджет. В конце концов, она же была ведьмой. Именно потому, что она была ведьмой и, следовательно, отличалась

здравомыслием, она слабо верила в силу защитных амулетов и заговоров; всем им она предпочитала длинный хлебный нож, который и носила за поясом.

Посмотрев в окуляр прибора, она подкрутила колесико.

Потом что-то пробормотала.

Землемеры частенько бормочут что-то себе под нос. Что-то вроде: «Не успеешь оглянуться, а вот уже и объездная трасса», или «Ага, три с половиной метра плюс-минус комариное крылышко».

Но она бормотала нечто совершенно иное.

— Ночь черна... Луна светла, — бормотала Анафема. — Юго-восток... Запад-юго-запад... запад-юго-запад... о, нашла...

Она развернула геодезическую карту и посветила на нее фонариком. Потом, достав прозрачную линейку и карандаш, аккуратно прочертила на карте линию. Эта линия пересеклась с другой карандашной линией.

Анафема улыбнулась — не то чтобы ее что-то позабавило, просто она мастерски справилась с трудной задачей.

Затем девушка сложила свой затейливый теодолит, привязала его к багажнику черного велосипеда системы «садись-и-молись», завалившегося на живую изгородь, убедилась, что Книга по-прежнему в корзинке, и выкатила велосипед на туманную дорогу.

Велосипед был исключительно древним; в свое время его раму, похоже, смастерили из водопроводных труб. Он появился на свет задолго до изобретения трехскоростных машин, а может, и сразу же после изобретения колеса.

Но городок был совсем близко, у подножия холма. Волосы струились по ветру, плащ вздувался за спиной, словно купол парашюта, и, овеваемая теплым воздухом, она выжала из двухколесного орудия убийства все, на что оно способно. Ведь в такую пору дорога всегда свободна.

Мотор «Бентли» негромко потрескивал, постепенно охлаждаясь. А Кроули, напротив, горячился.

— Ты сказал, что видел указатель, — уточнил он.

— Мы слишком быстро промчались. К тому же мне казалось, это ты бывал здесь прежде.

— Одиннадцать лет назад!

Кроули бросил карту на заднее сиденье и снова завел машину.

— Может, спросим кого-нибудь? — предложил Азирафаэль.

— О да, — сказал Кроули. — Мы остановимся и спросим первого же встречного... который вышел прогуляться по ночной трассе, не так ли?

Он переключил скорость и рванул по узкой дороге, обсаженной буками.

— Странное местечко, — сказал Азирафаэль. — Неужели не чувствуешь?

— Что?

— Притормози.

«Бентли» вновь снизил скорость.

— Странно, — проворчал ангел. — Опять эти проблески...

Он поднес пальцы к вискам.

— О чем ты? Какие проблески? — спросил Кроули. Азирафаэль посмотрел на него.

— Любви, — сказал он. — Кто-то по-настоящему любит это место.

— Не понял?

— Здесь повсюду разлита невероятная любовь. Я не могу объяснить понятнее. Тем более тебе.

— Это примерно как... — начал Кроули.

Шум, визг, скрежет металла. Машина остановилась.

Азирафаэль прищурился, опустил руки и неуверенно открыл дверцу.

— Ты в кого-то врезался, — сказал он.

— Нет, — сказал Кроули. — Кто-то врезался в меня.

Они вышли из машины. Позади «Бентли» на дороге лежал велосипед; его переднее колесо было трудно отличить от ленты Мебиуса, заднее, замедляя вращение, угрожающе пощелкивало.

— Да будет свет, — сказал Азирафаэль. Бледно-голубое сияние наполнило проселок.

Из придорожной канавы донесся чей-то голос:

— Черт возьми, как вы это сделали?

Свет погас.

— Сделали что? — виновато спросил Азирафаэль.

— О-ох, — теперь в голосе звучало замешательство. — Наверное, я обо что-то стукнулась головой...

Кроули выразительно глянул на длинную царапину вдоль блестящего крыла машины и вмятину на бампере. Вмятина выпрямилась. Царапина исчезла.

— Выбирайтесь, юная леди, — сказал ангел, вытаскивая Анафему из папоротников. — Все в порядке, ничего не сломали.

(Это было утверждение, а не пожелание; у девушки был небольшой перелом, но Азирафаэль не мог отказать себе в удовольствии сделать доброе дело.)

— У вас не горели фары, — начала она.

— У вас тоже, — сказал Кроули виновато. — Так что мы квиты.

— Увлекаетесь астрономией, да? — поинтересовался Азирафаэль, поднимая велосипед. Из передней корзины что-то высыпалось. Ангел показал на потрепанный теодолит.

— Нет, — сказала Анафема. — То есть да. Только посмотрите, что вы сделали с моим старичком «Фаэтоном»!

— Простите, с кем? — сказал Азирафаэль.

— С велосипедом. Он весь погнулся...

— Эта старая машинерия удивительно живуча, знаете ли, — весело сказал ангел, подталкивая к ней велосипед. В лунном свете блеснуло переднее колесо, идеально круглое, словно любой из кругов Ада.

Девушка с недоумением уставилась на велосипед.

— Что ж, поскольку все уладилось, — сказал Кроули, — лучше всего каждому просто отправиться своей... э-э... Вы случайно не знаете, как доехать до Нижнего Тадфилда?

Анафема продолжала разглядывать свой велосипед. Она была почти уверена, что никогда не видела седельной сумочки с набором инструментов.

— Да просто спуститься с холма, — ответила она. — Неужели это и правда мой велосипед?

— Разумеется, — сказал Азирафаэль, надеясь, что не слишком переусердствовал.

— Только у моего «Фаэтона» не было насоса, я точно помню.

Взгляд ангела вновь стал виноватым.

— Но здесь же есть крепление для него, — уныло сказал он. — Две маленькие скобки.

— Спуститься с холма, вы сказали? — спросил Кроули, подталкивая ангела локтем.

— Наверное, я все-таки стукнулась головой, — сказала девушка.

— Мы бы предложили подвезти вас, конечно, — быстро проговорил Кроули, — но нам некуда пристроить ваш велосипед.

— Разве что наверх, на багажник, — предложил Азирафаэль.

— Но у «Бентли» нет... А. Угу.

Собрав с земли содержимое велосипедной корзины, ангел сунул все на заднее сиденье и помог ошарашенной девушке забраться в машину.

— Нельзя оставаться в стороне, — сказал он Кроули.

— Тебе нельзя. А мне очень даже можно. Ты не забыл, что нас ждут другие дела?

Кроули бросил яростный взгляд на крышу «Бентли», где только что материализовался новенький багажник. С клетчатыми ремешками.

Велосипед поднялся в воздух, аккуратно улегся на крышу и туго затянулся ремнями. Кроули сел в машину.

— Где вы живете, милая? — наилюбезнейшим тоном спросил Азирафаэль.

— И фар у моего велосипеда тоже не было. Вернее сказать, когда-то были, но я их сняла, когда потекли батарейки, — сказала Анафема. Она посмотрела на Кроули. — Между прочим, — добавила она, — у меня с собой большой нож. Где-то здесь.

Азирафаэля потрясло ее подозрение.

— Мадам, уверяю вас...

Кроули включил фары. Сам он и без них все отлично видел, но какой смысл зря нервировать прочих водителей? Потом он завел машину и степенно съехал с холма. Дорога вынырнула из-за деревьев и через несколько сотен ярдов привела их на окраину городка.

Местность явно была знакомой. Прошло одиннадцать лет, но Кроули чувствовал что-то... словно далекий звон колокольчика в тумане.

— Здесь поблизости есть больница? — спросил он. — Ну, там еще служат монахини?

Анафема пожала плечами.

— Кажется, нет, — сказала она. — Здесь только один большой дом — Тадфилд-мэнор. Не знаю, что там сейчас творится.

— Божественный промысел, — проворчал Кроули.

— И переключатель скоростей, — продолжала недоумевать Анафема. — У моего старичка не было никаких скоростей. Я точно это помню.

Кроули склонился к ангелу.

— О Боже, исцели этот велик, — саркастически прошептал он.

— Ну извини, я слегка увлекся, — прошипел в ответ Азирафаэль.

— А клетчатые ремешки?

— Шотландка нынче в моде.

Кроули тихо зарычал. Даже в тех редких случаях, когда ангелу удавалось осознать, что на дворе двадцатый век, он все равно не продвигался дальше пятидесятих.

— Вы можете высадить меня здесь, — подала Анафема голос с заднего сиденья.

— С удовольствием, — просиял ангел. Как только машина остановилась, он открыл заднюю дверцу и поклонился, словно старый слуга, приветствующий молодого массу на старой плантации.

Анафема схватила в охапку все свои вещи и вышла со всей возможной надменностью.

Она готова была поклясться, что ни один из ее попутчиков даже не прикасался к багажнику, однако велосипед уже стоял возле калитки.

На редкость странные типы, решила она.

Азирафаэль поклонился вновь.

— Искренне рады, что смогли помочь вам, — сказал он.

— Благодарю вас, — ледяным тоном произнесла Анафема.

— Может, поедем дальше? — предложил Кроули. — Доброй ночи, мисс. Ангел, в машину.

Ага. Теперь понятно. Значит, ей все-таки ничего не угрожало.

Посмотрев вслед машине, удалявшейся к центру городка, она направила велосипед по тропинке к своему коттеджу. Ей даже не приходило в голову запирать его. Агнесса наверняка предупредила бы насчет ограбления, ведь семейную историю она видела как на ладони.

Коттедж, который снимала Анафема, был меблированным — иначе говоря, был обставлен мебелью особого сорта, отвергнутой на милость мусорщика даже в местном благотворительном магазинчике поддержанных товаров. Но это не имело значения. Анафема не собиралась задерживаться здесь надолго.

Если Агнесса права, то она вообще нигде не задержится. Как, впрочем, и все остальные.

Анафема разложила карты и прочие вещи на старом кухонном столе, под лампочкой, одиноко свисающей с потолка.

Что же ей удалось установить? Не слишком много. Вероятно, Оно находится в северном конце деревни, о чем Анафема и так догадывалась. Если она подходила слишком близко, сигнал просто оглушал, а если расстояние было слишком велико, не удавалось точно зафиксировать координаты.

Это раздражало. Где-то в Книге должен быть ответ. Беда в том, что для понимания Пророчеств необходимо постичь ход мыслей слегка свихнувшейся, но весьма неглупой ведьмы, которая жила в семнадцатом веке и излагала свои мысли как заправский составитель кроссвордов и головоломок. Другие члены семьи полагали, будто Агнесса специально формулировала свои предсказания так загадочно, чтобы скрыть их смысл от чужаков; Анафема же, подозревавшая, что порой ей удастся мыслить как Агнесса, решила, что та попросту была зловрединой с отвратительным чувством юмора.

Она даже не...

Книга пропала.

Анафема в ужасе оглядела стол. Карты. Самодельный гадательный теодолит. Термос с горячим бульоном. Фонарик.

И прямоугольная пустота в том месте, где следовало бы лежать «Пророчествам».

Потеряла.

Но это же просто смешно! Что-что, а судьбу самой Книги Агнесса предсказала до мельчайших подробностей!

Девушка схватила фонарик и выбежала из дома.

— Это чувство, э-э... скажем так, прямо противоположно тому, что называют «мороз по коже», — сказал Азирафаэль. — Вот я о чем.

— Я никогда не говорю «мороз по коже», — сказал Кроули. — Хотя, конечно, ничего против него не имею.

— В общем, сердце греет, — в отчаянии произнес Азирафаэль.

— Увы. Ничего такого не замечаю, — с натянутой улыбкой сказал Кроули. — Ты просто слишком уж чувствителен.

— Мне по должности положено, — сказал Азирафаэль. — Ангел не может быть *слишком* чувствительным.

— Я думаю, людям здесь нравится, и ты всего лишь это уловил.

— Никогда не улавливал в Лондоне ничего подобного, — заметил Азирафаэль.

— В том-то и дело. Значит, я прав, — сказал Кроули. — А вот и то самое место. Я помню каменных львов у ворот.

Фары «Бентли» осветили кусты рододендронов, что разрослись вдоль подъездной аллеи. Шины зашуршали по гравию.

— Не рановато ли будить монахинь? — с сомнением сказал Азирафаэль.

— Чепуха. Монахини на ногах круглые сутки, — возразил Кроули. — То у них вечерня, то повечерие — если это, конечно, не блюда местной кухни.

— Пошлые шуточки, — сказал ангел. — Зря ты так, право же.

— А ты их не защищай. Я же говорил — они из наших. Черные монашки. Нам нужна была какая-то лечебница поблизости от авиабазы.

— Не понял.

— Не думаешь же ты, что жены американских дипломатов рожают детей под присмотром монашек у черта на куличиках? Все должно было произойти вполне естественно. Здесь, в Нижнем Тадфилде, есть американская авиабаза, на ее открытие и приехала супруга атташе. Начались схватки, больницу на базе еще не оборудовали, и тут наш человек говорит: «Есть одно местечко поблизости». Вот как обстояли дела. Неплохая подготовка.

— Если не считать одной или двух незначительных деталей, — с самодовольной ухмылкой отметил Азирафаэль.

— Но ведь почти сработало, — быстро вставил Кроули, чувствуя, что ему следует вступить за честь фирмы.

— Видишь ли, зло всегда содержит семена саморазрушения, — сказал ангел. — Сама его сущность — отрицание, и потому даже в час мнимой победы оно готовит собственный крах. Не важно, насколько грандиозен, продуман и надежен злонамеренный план. Греховность, присущая ему по определению, неизбежно ударит по зачинщикам. Каким бы успешным он ни казался до поры до времени, в конце все равно ждет провал. Все, что строится на скалах беззакония, бесследно сгинет в морях забвения.

Кроули немного поразмыслил над этим.

— Не, — сказал он. — Обычная некомпетентность, вот и всё. Эге-ге...

Он тихонько присвистнул.

Покрытый гравием двор перед особняком был заполнен машинами, которые едва ли могли принадлежать монашкам. Во всяком случае, «Бентли» здесь

явно не котировался. В названиях большинства машин имелись слова «гранд» или «турбо», а на крышах торчали телефонные антенны. И среди них вряд ли нашлась бы хоть одна старше года.

У Кроули зачесались руки. Если Азирафаэль исцелял велосипеды и сломанные кости, то ему ужасно захотелось стянуть несколько приемников, проколоть пару шин и так далее. Однако он устоял.

— Ну-ну, — сказал он. — Помню, в былые дни монашки упаковывались по четверо в старые колымаги.

— Что-то не так, — сказал Азирафаэль.

— Может, теперь тут частная клиника? — предположил Кроули.

— Либо ты нашел не то место.

— Да то самое место, говорят тебе. Пойдем.

Они вылезли из машины. А через тридцать секунд кто-то выстрелил в них обоих. С невероятной меткостью.

Если и была у Мэри Ходжес, бывшей Тараторы, сильная сторона, так это умение подчиняться приказам. Она любила подчиняться. Ведь это так упрощает жизнь.

А вот перемены она терпеть не могла. Мэри искренне привязалась к Неумолчному ордену. Впервые у нее появились подруги. Впервые у нее появилась собственная комнатка. Конечно, она понимала, что здешние монахини занимались делами, которые с определенной точки зрения можно назвать дурными, но за тридцать лет Мэри Ходжес много повидала в жизни и не питала иллюзий по поводу того, что приходится совершать людям, лишь бы протянуть

от зарплаты до зарплаты. Кроме того, здесь хорошо кормили, да и люди попадались интересные.

После пожара Неумолчный орден — вернее, то, что от него осталось — съехал отсюда. В конце концов, его единственное предназначение уже было выполнено, так что монахини разошлись каждая своей дорогой.

Мэри решила никуда не уезжать. Ей очень понравился особняк, и она сказала — должен же кто-то присмотреть за восстановлением дома. В наши дни за рабочими нужен глаз да глаз, чтобы они, так сказать, пахали как проклятые. Мэри пришлось нарушить обеты, но мать-настоятельница сказала, что волноваться не о чем — в черных орденах всячески приветствуется нарушение обетов, так было и будет всегда (по крайней мере, в ближайшие одиннадцать лет), так что если ей это в радость, то вот необходимые документы, а вот адрес, на который нужно будет пересылать почту — всю, за исключением писем в длинных коричневых конвертах с прозрачным окошечком для адреса.

А затем произошло что-то очень странное. Оставшись одна в полуразрушенном доме, работая в одной из немногих уцелевших комнат, споря с рабочими в поседевших от штукатурки комбинезонах и заложенными за уши окурками, воюя с карманными калькуляторами, которые показывали другой результат, когда речь шла о ветхих банкнотах, она обнаружила нечто доселе неведомое.

Под слоями глупости и рвения она обнаружила Мэри Ходжес.

Оказалось, что ей вполне по силам докопаться до сути строительных смет и вычислить налог на до-

бавочную стоимость. Простудировав несколько библиотечных книг, она пришла к выводу, что заниматься финансами очень интересно и вовсе не сложно. Переключившись с женских журналов, тематика которых ограничивалась любовными историями и вязанием, на те, в которых рассказывалось об организациях, она мысленно заметила, что надо бы испытать хоть один, если представится случай, после чего отбросила и эти журналы, сочтя их еще одной вариацией романтически-рукодельной темы. В итоге Мэри начала почитать издания, в которых говорилось о слиянии корпораций.

После долгих размышлений она купила в Нортоне небольшой домашний компьютер, весьма позабавив этим снисходительного молодого продавца. Плодотворно потрудившись два выходных дня, она привезла компьютер обратно. И не для того, как подумал продавец, чтобы приобрести недостающий шнур или дисковод, но потому, что в системном блоке не было 387-го сопроцессора. Это до продавца дошло — он же все-таки стоял за прилавком и понимал некоторые длинные слова, — но дальнейший разговор быстро покатился вниз по склону за рамки его компетентности. Мэри Ходжес, однако, предъявила ему новые журналы. Названия большинства из них включали аббревиатуру «ПК», а все важные статьи и обзоры были аккуратно обведены красными чернилами.

Она прочла статью о Женщинах Новой Формации. Прежде ей и в голову не приходило, что она была Женщиной Старой Формации, но, подумав как следует, она решила, что определения такого рода, в общем, недалеко отстоят от любовных историй, вя-

зания и оргазмов, а что действительно важно — так это быть собой, причем изо всех сил. Мэри всегда любила одеваться в черное с белым. Так что ей оставалось лишь укоротить юбку, надеть каблуки повыше и сбросить плат.

И вот как-то раз, листая журнал, она узнала, что в стране налицо неудовлетворенный спрос на просторные здания с обширными приусадебными участками, принадлежащие людям, которые осознавали бы растущие потребности деловых кругов. На следующий день Мэри заказала партию канцелярских принадлежностей с логотипом Центра подготовки руководящих кадров «Тадфилд-мэнор», рассудив, что к тому времени, когда их напечатают, она уже выяснит все необходимое и сможет приступить к делу.

Рекламные объявления вышли на следующей неделе.

Все обернулось ошеломляющим успехом, поскольку Мэри Ходжес, начав новую карьеру (перспективная цель — стать Мэри Ходжес), быстро осознала главное. Обучение руководителей не сводится к тому, чтобы сажать людей перед проектором и показывать им сомнительные слайды. Современным компаниям требуются гораздо более эффективные методы.

И она обеспечила их.

Кроули рухнул на землю, привалившись спиной к какой-то статуе. Азирафаэль уже лежал на спине под кустом рододендрона; по его фраку расплзлось темное пятно.

Кроули почувствовал, как увлажняется его собственная рубашка.

Что за ерунда! Оказаться убитым сейчас было бы в высшей степени неуместно. Придется придумывать всевозможные объяснения. Не так-то просто получить новое тело; обычно требуется по всей форме отчитаться о том, что ты сделал со старым. Все равно что раздобыть новый карандаш в особо зловредной канцелярии.

Он недоверчиво взглянул на свою руку.

Демонам полагается видеть в темноте. И он увидел, что его рука пожелтела. Значит, он истекал желтой кровью.

Кроули с опаской лизнул палец.

Потом он подполз к Азирафаэлю и внимательно взглянул на его рубашку. Если пятно на ней было кровавым, то с биологией явно творилось нечто странное.

— О-о-ох, больно-то как, — простонал павший ангел. — Меня стукнуло прямо под ребра.

— Да, но разве кровь у тебя голубая? — спросил Кроули.

Азирафаэль открыл глаза. Похлопал себя правой рукой по груди. Приподнялся с земли. И провел такой же беглый осмотр потерпевшего, как и Кроули.

— Краска? — сказал он.

Кроули кивнул.

— Что же это за игра такая? — удивился Азирафаэль.

— Не знаю, — сказал Кроули. — Но что-то мне подсказывает, что она называется «тупые придурки». — По его тону было ясно, что демон и сам может сыграть в эту игру. Причем гораздо лучше.

Да, это была игра. Потрясающая игра! Найджел Томпкинс, замначальника отдела снабжения, попластунски полз по траве. Перед его мысленным взором вспыхивали самые запоминающиеся эпизоды из лучших фильмов Клинта Иствуда. И подумать только, как он заблуждался, считая, что будет умирать со скуки на этих курсах менеджмента...

Им, правда, прочитали одну лекцию, но она была о пистолетах с краской и о том, чего с ними ни в коем случае не следует делать, и Томпкинс видел по ожившимся молодым лицам конкурентов-сокурсников, что они все до единого полны решимости применить запретные приемы при первом же удобном случае. Томпкинсу казалось вполне очевидным: если вам объясняют, что бизнес — это джунгли, и вкладывают в руку пистолет, то никто не рассчитывает, что вы будете понарошку целиться в противника; суть как раз в том, чтобы над вашим камином появилась голова конкурента.

В любом случае поговаривали, что кое-кто из «Объединенной ассоциации» значительно продвинулся по карьерной лестнице, исподтишка выпустив заряд краски в ухо своему непосредственному начальнику, который после этого начал жаловаться на звон в ушах во время важных совещаний и в итоге был уволен по состоянию здоровья.

И вот Томпкинс и его сокурсники — выражаясь метафорически, собратья-сперматозоиды — боролись за первенство, сознавая, что акционерной компании «Индастриал холдингз» нужен только один председатель правления и что эта должность, вероятно, достанется самому главному члену (правления).

Конечно, девушка из отдела кадров говорила совсем другое — мол, курсы предназначены для развития лидерских способностей, группового сотрудничества, инициативности и так далее. Курсанты старались не смотреть друг на друга.

До сих пор все складывалось вполне удачно. После сплава на каноэ через пороги сошел с дистанции Джонстон (повреждена барабанная перепонка), а вылазка в горы Уэльса сбросила со счетов Фьютикера (растяжение в паху).

Томпкинс запихнул в пистолет очередной шарик с краской и пробормотал коммерческие мантры. Кинь Их Прежде, Чем Они Кинут Тебя. Убей Или Будешь Убит. Не Подгадишь, Не Видать Тебе Кормушки. Выживает Сильнейший. Есть Два Типа Людей, Мой Друг...

Он подполз поближе к двум темным фигурам около статуи. Похоже, его не замечали.

Когда прикрытие (живая изгородь) закончилось, он глубоко вдохнул и вскочил на ноги.

— А вот вам, школота... ааааа!..

На месте одной из фигур оказалось нечто ужасное. Томпкинс потерял сознание.

Кроули вернулся в свое любимое обличье.

— Ненавижу такие превращения, — пробормотал он. — Вечно боюсь, что забуду, как перевоплотиться обратно. Да и костюм испортить можно.

— На мой взгляд, с личинками ты немного перестарался, — сказал Азирафаэль беззлобно. Ангелам положено придерживаться определенных моральных норм, поэтому в отличие от Кроули он предпочитал покупать себе одежду, а не просто вызывать ее из небытия. И его рубашка была довольно доро-

гой. — Ты посмотри только, — сказал он. — Мне в жизни это пятно не вывести.

— А ты его развоплоти, — посоветовал Кроули, проверяя, не прячутся ли в кустах еще какие-нибудь недоученные менеджеры.

— Да, но я все равно буду знать, что здесь было пятно. Понимаешь? В глубине души, — сказал ангел. Подняв пистолет, он повертел его в руках. — Первый раз вижу такую штуку, — добавил он.

Раздался свистящий звук, и статуя рядом с ними лишилась уха.

— Давай пошевеливаться, — сказал Кроули. — Он был не один.

— Интересный пистолет. Очень необычный.

— Я думал, у вас не одобряют оружие, — заметил Кроули. Он взял пистолет из пухлой руки ангела и осмотрел обрубок ствола.

— Современное мышление — вполне одобряет, — сказал Азирафаэль. — Оружие придает вес духовным аргументам. В праведных руках, разумеется.

— Неужели? — Кроули слегка поколдовал над пистолетом. — Значит, все в порядке. Пошли.

Он бросил пистолет на тело бесчувственного Томпкинса и решительно зашагал прочь по влажному газону.

Входная дверь особняка оказалась открытой. Они вошли в дом, не привлекая внимания. Упитанные молодые люди в забрызганной краской армейской униформе попивали какао в трапезной; кое-кто приветливо помахал вошедшим.

В дальнем конце зала находилось что-то вроде конторки портье, как в отеле: скромно и внушитель-

но. Азирафаэль изучил доску объявлений на алюминиевой подставке.

На черной поверхности маленькими пластмассовыми буквами было выложено сообщение: «20–21 августа: компания с ограниченной ответственностью «Индастриал холдингз». Вводный курс боевой подготовки».

Тем временем Кроули перелистывал рекламный буклет. На глянцевых страницах красовались прекрасные фотографии особняка, отдельно упоминались джакузи и закрытый плавательный бассейн с подогревом, а в конце имелась традиционная карта в помощь участникам конференций: там заботливо указывается обманчиво легкий путь от любой автострады страны и ненавязчиво опускается многомильный лабиринт сельских дорог.

— Не туда попали? — спросил Азирафаэль.

— Туда.

— Значит, не вовремя.

— Пожалуй.

Кроули пролистал проспект в надежде найти какую-то зацепку. Пожалуй, наивно было надеяться, что здесь по-прежнему будут жить монашки Немолчного ордена. В конце концов, свою миссию они выполнили. Он зашипел сквозь зубы. Перебрались, должно быть, в американскую глухомань, чтобы совращать с пути истинного тамошних христиан. Но Кроули упрямо читал дальше. Он знал, что иногда в подобные брошюры включают краткую историческую справку, поскольку организациям, арендующим такие места на выходные для Интерактивных Тренингов Кадрового Состава или Совещаний по Динамической Стратегии Маркетинга, приятно

осознавать, что их деятельность становится еще более интерактивной и стратегической в стенах того самого особняка, — пережившего пару капитальных ремонтов, гражданскую войну и два больших пожара, — который был построен на средства некоего богача времен Елизаветы и служил больницей во время эпидемии чумы.

Нельзя сказать, чтобы Кроули всерьез рассчитывал наткнуться на фразу типа «всего одиннадцать лет назад особняк принадлежал женскому монастырю ордена сатанистов, хотя вообще-то монашки в этом ни черта не смыслили», — но ведь никогда не знаешь наверняка.

К ним лениво приблизился упитанный парень в камуфляже и с пластмассовой чашкой кофе в руках.

— Кто выигрывает? — дружелюбно спросил он. — Молодой Эвансон из группы Перспективного планирования так заехал мне по правому локтю!

— Мы все, похоже, проиграем, — туманно ответил Кроули.

Из сада донеслась стрельба. Не треск и свист шариков с краской, а настоящий грохот, который производят, с огромной скоростью вылетая из ствола, кусочки свинца аэродинамической формы.

А затем ответная очередь с другой стороны.

Резервные бойцы переглянулись. Следующий залп разнес вдребезги довольно уродливый викторианский витраж около двери и пробил ряд дырочек в оштукатуренной стене над головой Кроули.

Азирафаэль схватил его за руку.

— Что за чертовщина? — воскликнул он.

Лицо Кроули озарилось змеиной улыбкой.

Найджел Томпкинс очнулся с легкой головной болью и весьма туманными воспоминаниями о событиях последних минут. Он не подозревал, что человеческий мозг обладает замечательным защитным механизмом, позволяющим стирать из памяти особенно невыносимые сцены, и поэтому счел этот туман последствием случайной пульки, попавшей ему в голову.

Он смутно осознавал, что его пистолет стал немного тяжелее, но, будучи слегка не в себе, понял, что именно случилось с его оружием, только после того, как прицелился в Нормана Везерда из отдела Внутреннего аудита и нажал на спусковой крючок.

— Не пойму, что тебя возмущает, — сказал Кроули. — Он же сам хотел настоящую пушку. Только о ней и мечтал.

— Но ты натравил его на беззащитных людей! — сказал Азирафаэль.

— О нет, — сказал Кроули. — Не совсем так. Все по-честному.

Личный состав отдела Финансового планирования распластался в траве за повалившимся забором и комментировал события в самых забористых выражениях.

— Я всегда говорил, что этим, из Снабжения, нельзя доверять, — сказал заместитель финансового директора. — Вот ублюдки!

В стену над его головой с грохотом ударила пуля.

Он быстро переполз к маленькой группе, склонившейся над Везердом.

— Ну что там?! — воскликнул он.

Заместитель главного бухгалтера повернул к нему измученное лицо.

— Плохи дела, — мрачно сказал он. — Пуля пробила почти все. «Аксесс», «Барклай-кард» и «Дайнерс» — навывлет.

— Застреляла только в золотой карте «Американ экспресс», — добавил Везерд.

С тихим ужасом они разглядывали испорченный бумажник для кредитных карточек с пулевым отверстием, прошившим его почти насквозь.

— Зачем они так? — спросил один из служащих бухгалтерии.

Начальник отдела Внутреннего аудита открыл рот, подыскивая какой-то разумный ответ, да так и не нашел. Каждого можно на чем-то сломать, и аудитор уже слышал треск. Двадцать лет службы. Когда-то он хотел стать художником-оформителем, но консультант по профориентации о таком даже не слышал. Двадцать лет двойной проверки финансовых ведомостей. Двадцать лет возни с этим чертовым ручным арифмометром, хотя даже сотрудники Перспективного планирования уже работали на компьютерах. И вот теперь, непонятно почему, — может, в целях реорганизации или чтобы избежать расходов, связанных с досрочным выходом на пенсию, — они решили убить его.

В его ушах трубила марш паранойя.

Он опустил взгляд на свое оружие. Сквозь дымку ярости и недоумения он заметил, что пистолет стал больше и чернее, чем прежде. И еще тяжелее.

Он прицелился в ближайший куст, и очередь стерла зеленое насаждение с лица земли.

Ага! Так вот что это за игра. Ладно, посмотрим, чья возьмет.

Он взглянул на своих подчиненных.

— Отлично, парни, — сказал он. — Давайте сделаем этих недоносков!

— Мне кажется, — заметил Кроули, — что стрелять никого не заставляют.

И он улыбнулся Азирафаэлю широкой и жесткой улыбкой.

— Пошли, — сказал он. — Посмотрим, что к чему, пока они заняты делом.

В ночи гремели выстрелы.

Джонатан Паркер из группы Снабжения ползком пробирался по кустам, и вдруг кто-то обхватил рукой его шею.

Найджел Томпкинс выплюнул изо рта листья рододендрона.

— Может, где-то там и работают законы компании, — прошипел он сквозь корку грязи, — но здесь я закон...

— Довольно подлая выходка, — заметил Азирафаэль, шагая по пустому коридору.

— А что я такого сделал? Ну что я сделал? — бубнил Кроули, наугад открывая двери.

— По твоей милости люди стреляют друг в друга!

— Ну и что? Это их выбор. Им хотелось пострелять — я всего лишь помог. Считай это уменьшенной моделью Мироздания. Свобода воли для каждого и все такое. Непостижимая штука, так ведь?

Азирафаэль молча смотрел на него.

— Ну ладно, ладно, — с несчастным видом буркнул Кроули. — Никто никого не убьет. Они все чудесным образом уцелеют. Иначе было бы уже не смешно.

Азирафаэль облегченно вздохнул.

— Знаешь, Кроули, — сказал он, сияя улыбкой, — я всегда говорил, что в глубине души ты совершенно...

— Прекрасно, прекрасно, — огрызнулся Кроули. — Почему бы тебе не растрезвонить об этом на весь Бо... белый свет?

Через некоторое время стали возникать ненадежные союзы. Сотрудники большинства финансовых отделов обнаружили, что у них есть общие интересы, уладили свои разногласия и, объединившись, единым фронтом атаковали группу Перспективного планирования.

Когда прибыла первая полицейская машина, шестнадцать пуль с разных сторон пробили ее радиатор прежде, чем она доехала до середины подъездной дорожки. Еще два выстрела срезали радиоантенну, но слишком поздно, слишком поздно.

Мэри Ходжес как раз собиралась положить телефонную трубку, когда Кроули открыл дверь ее кабинета.

— Это, должно быть, террористы, — рявкнула она. — Или браконьеры. — Она уставилась на вошедших. — Вы ведь из полиции?

Кроули увидел, что ее глаза распахиваются все шире.

Как все демоны, он обладал хорошей памятью на лица, и ему не помешало то, что прошло больше десяти лет, исчез плат, зато появился довольно строгий макияж. Он прищелкнул пальцами. Мэри опустилась в кресло, а на лице у нее застыло отсутствующее, но любезное выражение.

— Зря ты так, — сказал Азирафаэль.

— Доб... — Кроули глянул на свои часы, — ...рое утро, мадам, — сказал он нараспев. — Мы просто двое сверхъестественных существ и хотели бы поинтересоваться, не знаете ли вы, где сейчас находится пресловутый Сын Сатаны. — Он сухо улыбнулся ангелу. — Так что, мне будить ее? Только чур — излагать все это будешь ты.

— Ну, раз ты так на это смотришь... — протянул ангел.

— Иногда старые методы работают лучше всего, — сказал Кроули. Он повернулся к безучастной женщине. — Вы были здесь монахиней одиннадцать лет назад? — спросил он.

— Да, — ответила Мэри.

— Вот! — бросил Кроули Азирафаэлю. — Я знал, что не ошибся.

— Дьявольская удача, — пробурчал ангел.

— Вас тогда звали сестрой Балаболкой. Или как-то вроде этого.

— Тараторой, — глухо ответила Мэри Ходжес.

— И вы помните историю с подменой новорожденных? — спросил Кроули.

Мэри Ходжес помедлила с ответом. Потом наконец заговорила с видом человека, который впервые прикасается к воспоминаниям, давно заросшим многолетней пылью.

— Да, — сказала она.

— Вы могли что-нибудь перепутать?

— Я не знаю.

Кроули немного подумал.

— У вас должны были остаться записи, — сказал он. — Обычные регистрационные журналы. В наши дни все регистрируется. — Он гордо взглянул на Азирафаэля. — Это была одна из моих лучших идей.

— Да, конечно, — сказала Мэри Ходжес.

— И где же они? — ласково спросил Азирафаэль.

— Когда новорожденных увезли, у нас случился пожар.

Кроули застонал и воздел руки к небу.

— Ясное дело, Хастур постарался, — сказал он. — Узнаю его стиль. Вот и доверяй им после этого. А сам-то небось воображает, будто чертовски умно придумал.

— Вы помните какие-нибудь приметы второго ребенка? — сказал Азирафаэль.

— Да.

— Пожалуйста, расскажите мне.

— У него были ути-какие пальчики.

— А...

— Такой был милый, — мечтательно сказала Мэри Ходжес.

Снаружи донесся звук сирены, резко оборвавшийся после очередного выстрела. Азирафаэль подтолкнул Кроули локтем.

— Уходим! — сказал он. — Сейчас сюда ввалится полиция, и я, конечно, буду морально обязан помочь им в расследовании. — Он на мгновение задумался. — Может, она вспомнит — а вдруг той ночью еще кто-нибудь рожал?

С первого этажа донесся топот бегущих ног.

— Задержи их, — сказал Кроули. — Нам нужно время!

— Еще немного чудес, и нас непременно заметят Наверху, — предупредил Азирафаэль. — Если ты хочешь, чтобы Гавриил или кто-то из его ребят заинтересовался, почему вдруг уснул наряд из сорока полицейских...

— Ладно, — сказал Кроули. — Тогда всё. Всё. Но стоило хотя бы попробовать. Давай выбираться отсюда.

— Через тридцать секунд вы пробудитесь, — сказал Азирафаэль, обращаясь к замороженной эксмонахине. — Вам приснился чудеснейший сон о том, что вы больше всего любите, и...

— Да-да, прекрасно, — вздохнул Кроули. — Может, пойдём уже?

Никто не заметил их ухода. Полицейские были слишком заняты, собирая в кучу сорок опьяневших от адреналина менеджеров-берсерков. Три полицейских фургона пропахали ухоженный ковер газона; Азирафаэль заставил Кроули дать задний ход, чтобы пропустить первую машину «Скорой помощи», но потом «Бентли» наконец со свистом умчался в ночь. Вослед ему запылали садовая беседка и бельведер.

— И как мы могли бросить бедную женщину среди этого кошмара? — горько сказал ангел.

— Ты думаешь? — переспросил Кроули. Он попытался было сбить ежа, но промахнулся. — Помяни мое слово, клиентов у нее станет вдвое больше. Если она сообразит, что за козыри у нее на руках, уладит формальности и оформит все законным путем.

Начальный бизнес-тренинг с настоящим оружием? Да тут очередь выстроится.

— Ну почему ты всегда такой циничный?

— Я уже говорил. Работа такая.

Какое-то время они ехали молча. Потом Азирафаэль сказал:

— Как думаешь, он ведь должен так или иначе объявиться? А мы, наверное, сможем это заметить?

— Нет, он не объявится. По крайней мере не для нас. Защитная маскировка. Он и не догадывается об этом, но охраняет себя от назойливого любопытства оккультных сил.

— Оккультных сил?

— От нас с тобой, — пояснил Кроули.

— Я лично никакой не оккультный, — заметил Азирафаэль. — Ангелы не оккультные. Мы — эфирные.

— Неважно, — бросил Кроули. Он слишком нервничал, чтобы спорить.

— А есть какой-нибудь еще способ его обнаружить? Кроули пожал плечами.

— Понятия не имею. Неужели ты думаешь, что у меня много опыта в подобных делах? Армагеддон случается лишь однажды. Никто не даст второй попытки сделать все как следует.

Живые изгороди пролетали мимо за окнами «Бентли».

— Все здесь такое мирное, спокойное, — сказал ангел. — Как, по-твоему, это произойдет?

— Ну, идея термоядерного истребления всегда была популярна. Хотя сейчас, надо сказать, все большие шишки вполне вежливы друг с другом.

— Удар астероидом? — предположил Азирафаэль. — Довольно модная тема нынче, как я понимаю.

Падает такая махина в Индийский океан, огромное облако пыли и пара — и прости-прощай, высшие формы жизни.

— Жуть, — сказал Кроули и превысил скорость. Каждый вносит свою лепту.

— Невыносимо и думать об этом, — мрачно сказал Азирафаэль.

— Все высшие формы жизни одним махом, это уж точно.

— Кошмар.

— Ничего не останется, кроме пыли и фундаменталистов.

— Это гадко с твоей стороны.

— Извини. Не смог удержаться.

Они взглянули на дорогу.

— Может, какой-нибудь террорист?.. — начал Азирафаэль.

— Только не из наших, — сказал Кроули.

— И не из наших, — сказал Азирафаэль. — Хотя у нас, разумеется, не террористы, а борцы за свободу.

— Вот что я тебе скажу, — предложил Кроули, дымя покрышками на выезде из Тадфилда. — Пора выложить карты на стол. Я назову тебе наших, если ты назовешь мне ваших.

— Ладно. Ты первый.

— Э нет. Первый ты.

— Но ты ведь демон.

— Да, но демон своего слова, я надеюсь.

Азирафаэль перечислил пятерых политических лидеров. Кроули назвал шестерых. Три имени оказались в обоих списках.

— Видишь?! — воскликнул Кроули. — О чем я всегда и говорил. Люди — сплошь продувные бес-
тии. Никому нельзя верить ни на йоту.

— Но я не думаю, что кто-то из наших лелеет та-
кие грандиозные планы, — сказал Азирафаэль. —
Разве что небольшие тер... политические акции про-
тестов, — поправился он.

— Ага, — ехидно сказал Кроули. — То есть ни-
чего общего с такой дешევкой, как массовые убий-
ства? Исключительно персональное обслуживание,
каждая пуля выпущена по индивидуальному заказу
снайпером высшей квалификации?

Азирафаэль не стал утруждать себя ответом.

— Ну и что мы теперь будем делать? — спросил он.

— Попробуемся немного поспать.

— Тебе не нужно спать. И мне не нужно спать. Зло
никогда не спит, а Добродетель вечно на страже.

— Зло вообще — возможно. А вот это конкретное
воплощение Зла обрело привычку время от времени
преклонять голову.

Он взглянул на дорогу. Не за горами время, когда
спать ему уж точно не придется. Если Внизу обна-
ружат, что он, лично он, умудрился потерять Анти-
христа, из архивов поднимут его отчеты об испан-
ской инквизиции и опробуют на нем все тамошние
методы — сначала по отдельности, а потом сово-
купно.

Покопавшись в бардачке, он наугад вытащил кас-
сету и вставил ее в магнитофон. Возможно, музыка
слегка...

*...У Ве-ельзебула есть черт, припасенный для
меня, для меня...*

— Для меня, — пробормотал Кроули. В его взгляде мелькнуло недоумение. Затем он сдавленно вскрикнул и поспешно вырубил звук.

— Конечно, мы могли бы привлечь к поискам человека, — задумчиво сказал Азирафаэль.

— Что? — рассеянно переспросил Кроули.

— Люди отлично умеют находить пропавших людей. Они занимаются этим уже тысячи лет. А ведь этот ребенок — человек. Так же, как и... ну, ты знаешь. Пусть он скрыт от нас, но другие люди, возможно, сумеют... э-э, почувствовать его, что ли. Или заметить нечто такое, что нам и в голову не пришло бы.

— Ничего не получится. Он же Антихрист! У него есть... ну, что-то вроде встроенной защиты, как ты не понимаешь? Ему не обязательно даже знать о ней. Но она не позволит людям хоть в чем-то его заподозрить. Пока не позволит. Пока не завершится подготовка. Любые подозрения будут отскакивать... стекать с него, как... с кого там вода хорошо стекает, — нескладно закончил он.

— А у тебя есть идеи получше? Есть хоть какая-то идея? — спросил Азирафаэль.

— Нет.

— В том-то и дело. А эта может сработать. Только не говори, что у тебя нет на примете какой-нибудь подходящей конторы. Известное дело, у меня тоже есть. Посмотрим, не нападут ли они на след...

— А чем они лучше нас с тобой?

— Ну, для начала, они не станут заставлять людей стрелять друг в друга, не станут гипнотизировать почтенных женщин, не...

— Ладно. Ладно. Но у этой затеи шансов примерно столько же, сколько у снежка в преисподней.

Поверь мне, уж я-то знаю. Но раз мне в голову не приходит ничего получше... — Кроули выехал на автостраду и повернул в сторону Лондона.

— У меня есть... небольшая агентурная сеть, — немного помолчав, сказал Азирафаэль. — Раскинутая по стране. Хорошо обученные кадры. Могу поручить расследование им.

— У меня, э-э, тоже есть нечто подобное, — признал Кроули. — Сам понимаешь — а вдруг пригодится...

— Значит, нужно подключить их к делу. Как полагаешь, они смогут работать вместе?

Кроули покачал головой.

— Навряд ли, — сказал он. — Они не настолько искушены в вопросах политики.

— Тогда каждый из нас свяжется со своими агентами. Посмотрим, что им удастся выяснить.

— Что ж, попытка не пытка, я полагаю, — сказал Кроули. — Хотя Бог свидетель, у меня и так дел выше крыши.

Он на мгновение наморщил лоб, а потом торжествующе хлопнул ладонями по рулевому колесу.

— Гуси! — воскликнул он.

— Что?

— Вот с кого вода стекает!

Азирафаэль глубоко вздохнул.

— Следи, пожалуйста, за дорогой, — устало сказал он.

Они вернулись в Лондон на рассвете, слушая «Мессу си минор» И.С. Баха с вокальной партией Ф. Меркьюри.

Кроули нравился утренний город. После восьми его наполняли миллионы бездельников, но в самую

рань его обитателями были только по-настоящему занятые люди на серьезных работах, а потому на улицах было сравнительно тихо. Перед книжным магазином Азирафаэля на узкой улочке желтели линии, запрещающие парковку, но стоило «Бентли» подъехать к тротуару, как они послушно отползли.

— Итак, договорились, — сказал он, когда Азирафаэль взял с заднего сиденья свой фрак. — Будем поддерживать связь, ладно?

— А это что такое? — спросил Азирафаэль, поднимая с сиденья коричневый прямоугольный предмет.

Кроули скосил глаза.

— Книга? — уточнил он. — Это не мое.

Азирафаэль перевернул несколько пожелтевших страниц. В глубине его души тихонько зазвенели библиофильские колокольчики.

— Должно быть, та барышня оставила, — медленно произнес он. — Надо было записать ее адрес.

— Послушай, у меня и так полно неприятностей. Не хватало только слухов о том, что я возвращаю людям утерянное имущество, — сказал Кроули.

Азирафаэль открыл титульную страницу. Пожалуй, очень удачно, что Кроули не видел выражения его лица.

— Ты можешь просто послать ее в Тадфилд по почте, — сказал Кроули, — если для тебя это так уж важно. Кому: «Чокнутой девице с велосипедом». Никогда не доверяй женщинам, которые дают средствам передвижения дурацкие прозвища...

— Да-да, несомненно, — пробормотал ангел. Он неловко вытащил ключи, уронил их на тротуар, поднял, уронил снова и поспешил к двери магазина.

— Так что, будем держать друг друга в курсе? — окликнул его Кроули.

Азирафаэль застыл, недовернув ключ в замке.

— Что? — переспросил он. — А-а... Да-да. Разумеется. Очень хорошо. — И он захлопнул за собой дверь.

— Отлично, — проворчал Кроули, который вдруг почувствовал себя ужасно одиноким.

Луч фонарика метался по траве возле дороги.

Очень непросто отыскать книгу в бурой обложке среди бурой листвы в бурой воде или на буром дне придорожной канавы, да еще в бурой — ну хорошо, в серой — предрассветной дымке.

Особенно если ее там нет.

Анафема испробовала все способы, какие только знала. Она методично исследовала все вокруг. Решительно прочесала папоротник у обочины. Небрежно прошлась вперед-назад, как бы невзначай поглядывая на землю. Она применила даже самый хитрый прием, который, как подсказывали романтические струны ее натуры, просто не мог не сработать: театрально опустила руки, устало присела на траву, позволив взгляду опуститься на первое попавшееся место — где, будь она героиней любого уважающего себя рассказа, и должна была лежать потерянная книга.

Нет, не лежала.

А это означало то, чего она и боялась: по всей видимости, книга осталась на заднем сиденье машины, которая принадлежала тем добросердечным мастерам по ремонту велосипедов.

Она почти слышала, как смеются над ней многие поколения потомков Агнессы Псих.

Даже если те двое достаточно честны, чтобы вернуть книгу, едва ли они захотят тратить время на поиски коттеджа, который едва разглядели в темноте.

Оставалось надеяться лишь на одно: может быть, они не сообразят, что попало к ним в руки?..

* * *

В магазине Азирафаэля, как и у многих других книготорговцев из Сохо, которые специализировались на поиске редких изданий для разборчивых знатоков, имелась задняя комната, однако ее содержимое было гораздо эзотеричнее, чем обычные фолианты в целлофановой упаковке, предназначенные для Клиентов, Знающих, Что Им Нужно.

Он особенно гордился своей коллекцией пророческих книг.

Как правило, это были первые издания.

И все — с автографами.

У него были предсказания Роберта Никсона¹, и Цыганки-Марты, и Игнатия Сивилла, и Старого Отуэлла Бинса. Нострадамус написал: «Старинному другу моему Азирафаэлю с лучшими пожеланиями», Матушка Шиптон опрокинула на свои пророчества стакан спиртного, а в специальном шкафчике, где строго поддерживались определенные температура и влажность, лежал в углу свиток, написанный на острове Патмос трясущейся старческой рукой святого Иоанна Богослова, чье «Откровение» стало

¹ Полудурок, живший в шестнадцатом веке; не имеет отношения ни к одному из президентов США.

непревзойденным бестселлером всех времен и народов. Он показался Азирафаэлю славным малым, хотя и злоупотреблял странными грибами.

А вот чего не было в коллекции, так это экземпляра «Превосходных и Недвусмысленных Пророчеств» Агнессы Псих, и сейчас Азирафаэль вошел в заднюю комнату, держа эту книгу с таким чувством, с каким страстный филателист мог бы держать «голубой Маврикий», приклеенный к почтовой открытке от тетушки.

Ему еще никогда не приходилось видеть эту книгу, хотя он много слышал о ней. Как и каждый из его коллег — которых, учитывая крайнюю специфичность избранной темы, всего-то было около дюжины. Само существование этой книги было чем-то вроде вакуума, вокруг которого сотни лет вращались всевозможные странные слухи. Азирафаэль поймал себя на мысли о том, можно ли вращаться вокруг вакуума, и тут же махнул на это рукой; в конце концов, по сравнению с «Превосходными и Недвусмысленными Пророчествами» дневники Гитлера казались... ну, просто жалкой подделкой.

Его руки почти не тряслись, когда он положил книгу на рабочий стол, натянул хирургические резиновые перчатки и благоговейно открыл ее. Азирафаэль был ангелом, но это не мешало ему боготворить книги.

Титульная страница гласила:

Превосходная и Недвусмысленная Пророчества
Агнессы Псих

И ниже более мелким шрифтом:

Достоверный и Ясный Рассказ
о Событиях от Нынешних Дней
и до Скончания Мира

Слегка более крупным шрифтом:

С Описанием Множества Чюдес
и Заповедей для Жен

А далее другим шрифтом:

НАИПОЛНЕЙШЕЕ ИЗДАНИЕ

Маленькими, но прописными буквами:

КАСАЕМО ДИВНОЙ ПОРЫ ГРЯДУЩАГО

Слегка неразбочивым курсивом:

и событий Чудесной Природы

И снова более крупным шрифтом:

«На уровне лучших предсказаний Нострадамуса» —
Урсула Шиптон

Пророчества, числом более четырех тысяч, были пронумерованы.

— Спокойно, спокойно, — бормотал Азирафаэль. Он пошел на кухню, сварил себе какао и несколько раз глубоко вздохнул.

Затем он вернулся к верстаку и прочитал выбранное наугад пророчество.

Спустя сорок минут какао все еще оставалось нетронутым.

Рыжеволосая женщина, сидевшая в углу у стойки гостиничного бара, считалась самым преуспевающим военным корреспондентом в мире. В настоящее время в ее паспорте значилось имя Кармин Цуйгибер, и она безошибочно попадала туда, где разгорались войны.

Ну, примерно так.

А если точнее, то отправлялась она туда, где войны еще не было. Все начиналось уже после ее приезда.

Она не снискала мировой известности, за вычетом тех кругов, где известность действительно что-то значила. Если у стойки бара в аэропорту случайно собиралось полдюжины военных корреспондентов, то их разговор столь же неминуемо, как стрелка компаса показывает на север, обращался к Мерчисону из «Нью-Йорк таймс», к Ван Хорну из «Ньюсуик», к Анфорту из «Ай-ти-эн ньюз». Это были Военные Корреспонденты среди военных корреспондентов.

Но если самим Мерчисону, Ван Хорну и Анфорту случалось встретиться в какой-нибудь полуобгоревшей лачуге в Бейруте, Афганистане или Судане, то, вдоволь полюбовавшись новыми шрамами и немного выпив, они начинали обмениваться восторженными байками о Рыжей Кармин из «Нэшнл уорлд уикли».

— Тупая газетенка, — говорил, к примеру, Мерчисон. — Там никто, черт побери, даже не понимает, что им, черт побери, досталось.

На самом деле в «Нэшнл уорлд уикли» как раз понимали, что им досталось: у них был Военный Корреспондент. А вот что же им делать с ним, они и правда не понимали.

Как правило, «Нэшнл уорлд уикли» рассказывала миру о том, что любитель биг-маков из Де-Мойна разглядел на купленной булочке лик Иисуса (изображение прилагалось); что Элвиса Пресли недавно видели на рабочем месте в де-мойнской закусочной «Бургер-лорд»; что домохозяйка из Де-Мойна, слушая записи Элвиса, исцелилась от рака; о том, что вервольфы, наводнившие Средний Запад, ведут свой род от доблестных женщин-пионеров, изнасило-

ванных снежным человеком; и, наконец, о том, что в 1976 году Элвиса украли пришельцы из космоса, поскольку он был слишком хорош для этого мира¹.

Такова была тематика «Нэшнл уорлд уикли». Издательство продавало четыре миллиона экземпляров в неделю, и Военный Корреспондент был им нужен не более чем эксклюзивное интервью с генеральным секретарем ООН².

В общем, Рыжей Кармин выделяли огромные средства на поездки по местам военных действий, но оставляли без внимания пухлые конверты со слепой машинописью, которые она время от времени посылала со всех концов земного шара, чтобы оправдать свои — в общем-то, вполне разумные — денежные запросы.

В редакции «Нэшнл уорлд уикли» полагали, что поступают правильно, поскольку, с их точки зрения, репортажи Рыжей Кармин были не слишком хороши, зато она сама, несомненно, была самым привлекательным из военкоров, что не так уж мало, когда речь идет об изданиях подобного рода. В ее военных очерках вечно говорилось о каких-то парнях, которые стреляли друг в друга; ей явно не доставало понимания более общих политических закономерностей, а главное — понимания того, что интересует Простых Людей.

Изредка они отдавали какой-нибудь из ее очерков на литературную обработку. («Иисус явился девя-

¹ Примечательно, что одна из этих историй правдива.

² Состоялось в 1983 году. Приводим его расшифровку:
Корр.: Значит, вы секретарь Объединенных Наций?
Ген. сек: Si.

Корр.: Элвиса когда-нибудь видели?

тилетнему Мануэлю Гонзалесу во время решающего сражения на Рио-Конкорса и велел ему идти домой, потому что мама о нем беспокоится. «Я понял, что это Иисус, — сказал смелый малыш, — ведь он выглядел точно так же, как тогда, на моей коробке с сэндвичами».)

Но чаще всего в «Нэшнл уорлд уикли» просто аккуратно складывали материалы Рыжей Кармин в мусорную корзину.

Мерчисона, Ван Хорна и Анфорта это не волновало. Все они знали: где бы ни началась война, Рыжая Кармин окажется там первой. Практически до начала событий.

«Как же ей это удастся? — недоумевали они. — Как, черт возьми, ей это удастся?» Они переглядывались, и молчаливые взгляды словно говорили: будь она тачкой, то уж, конечно, «Феррари»; такую женщину легко представить себе в роли прекрасной супруги коррумпированного генералиссимуса какой-нибудь обанкротившейся страны Третьего мира, а она тусуется с нами. Эх и повезло же нам, ребята!

А мисс Цуйгибер лишь улыбалась и ставила всем очередную выпивку за счет «Нэшнл уорлд уикли». И наблюдала, как разворачиваются вокруг нее боевые действия. И снова улыбалась.

Она сделала правильный выбор. Журналистика ей к лицу.

Но всем нужно отдыхать, и Рыжая Кармин впервые за одиннадцать лет взяла отпуск.

Странно было уже то, что она приехала на средиземноморский остров, живущий за счет туристов. Если женщина вроде Кармин и решает провести от-

пуск на острове, уступающем по размерам Австралии, то исключительно потому, что владелец этого клочка земли — ее приятель. А если бы вы месяц назад сказали местному жителю, что надвигается война, он только посмеялся бы и попытался всучить вам сплетенную из пальмового волокна подставку для бутылок или картинку с видом залива, выложенную из морских раковин; но то было тогда.

Зато теперь...

Теперь в результате серьезных религиозно-политических разногласий относительно того, какой из четырех небольших материковых стран принадлежит остров, все население раскололось на три фракции, статуя Девы Марии на городской площади была разбита, а туристический бизнес приказал долго жить.

Сидя в баре отеля «Паломар-дель-Соль», Рыжая Кармин потягивала напиток, который с натяжкой можно было назвать коктейлем. В углу что-то брэнчал усталый пианист, а официант в парике проникновенно гнусил в микрофон:

*Н-н-н-н-а-а-а западе диком жи-и-и-л одиноко
БЕ-Э-Э-ЛЫЙ БЫЧОК...*

*Грустен он был и несчастен глубоко,
БЕ-Э-Э-ЛЫЙ БЫЧОК...*

Вдруг через раскрытое окно в бар ввалился человек с ножом в зубах; в одной руке у него был «калаш», в другой — граната.

— Эхох охэй пэйехогих в хобхеннохфь... — Он умолк, вытащил изо рта нож и начал сначала: — Этот отель переходит в собственность Протурецкой либеральной фракции!

Последняя пара туристов¹, задержавшаяся на острове, спряталась под стол. Рыжая Кармин беспечно вытащила из своего напитка вишенку, поднесла ее к алым губам и так эффектно втянула в рот, что всех мужчин в баре прошиб холодный пот.

Пианист встал, потянулся и вытащил из своего пианино древний пулемет.

— Этот отель уже захватила Прогреческая территорияльная бригада! — заорал он. — Только дернись, и я выбью из тебя дурь!

В дверях послышался шум. Дюжий чернобородый детина с ослепительной улыбкой и музейным пулеметом Гатлинга возглавлял когорту таких же крепких, хотя и не столь впечатляюще вооруженных здоровяков.

— Этот стратегически важный отель, давний символ турецко-греческого фашистского империализма и продажного туристического бизнеса, объявляется собственностью итало-мальтийских борцов за свободу! — добродушно пророкотал он. — Сейчас мы вас всех поубиваем!

— Чепуха! — сказал пианист. — Нету здесь ничего стратегически важного. Только отличные винные погреба!

— Он прав, Педро, — сказал парень с «калашниковым». — Именно поэтому он нам и нужен. Гене-

¹ Мистер и миссис Томас Трелфаль (дом номер 9, Вязы, Пейнтон). Они стойко придерживались того мнения, что одна из прелестей отпускной жизни — это возможность не читать газет, не слушать новостей и полностью отрешиться от мирской суеты. Мистера Трелфалья подкосило расстройство желудка, а миссис Трелфаль, дорвавшаяся до солнца, в день приезда изрядно обгорела, так что сегодня они впервые за полторы недели отдыха вышли из номера.

рал Эрнесто де Монтойя так мне и сказал. Фернандо, говорит, эта война к субботе закончится, и ребята захотят расслабиться. Загляни, говорит, в отель «Паломар-дель-Соль» и захвати его как трофей.

Бородач слегка покраснел.

— Нет, Фернандо Кьянти, он очень даже важен стратегически! Я нарисовал большую карту нашего острова — так вот он стоит точно посередине. Чертовски важная точка, скажу я тебе!

— Ха! — сказал Фернандо. — Ты еще скажи, что дом Малыша Диего тоже стратегически важен, потому как из его окон видно капиталистический пляж, где загорают декадентские мадамы без лифчиков!

Пианист побагровел.

— Наши захватили его сегодня утром, — признал он. В баре повисла тишина.

Ее нарушил тихий шелест шелка. Рыжая поменяла позу, распрямив ноги.

Кадык пианиста судорожно дернулся.

— Ну да, это стратегически важный дом, — выдавил он, стараясь не замечать женщину у стойки. — Если кто-нибудь подойдет к острову на подводной лодке, оттуда лучше всего следить за берегом.

Тишина.

— В общем, дом уж точно важнее, чем этот отель, — закончил он.

Педро угрожающе кашлянул.

— Следующий, кто скажет что-нибудь. Хоть слово. Мертвец. — Он ухмыльнулся. Поднял пулемет. — Отлично. А теперь — все марш к той стене.

Никто не шелохнулся. Его больше не слушали. Все прислушивались к монотонному бормотанию за его спиной, у входа в отель.

Когорта, стоявшая в дверях, дрогнула. Она изо всех сил старалась устоять, однако ее неумолимо отесняло с пути ворчание, которое постепенно начало делиться на слова и фразы:

— Разрешите, господа, разрешите; чудесный вечер, не правда ли? Три раза обошел вокруг острова, едва нашел это место, а таблички с адресами тут не в чести, не правда ли? Но нашел-таки, четыре раза дорогу спрашивал, пока не заглянул на почту, на почте уж точно знают, вот и карту мне нарисовали, где же это она...

Сквозь вооруженную толпу невозмутимо проскользнул, словно щука через пруд, полный форели, маленький очкарик в синей униформе; он держал длинный узкий предмет, завернутый в коричневую бумагу и перевязанный бечевкой. Он сделал одну-единственную уступку жаркому климату, надев коричневые пластиковые сандалии, хотя зеленые шерстяные носки свидетельствовали о его глубоком природном недоверии к иностранной погоде.

На нем была форменная фуражка с надписью большими белыми буквами: «Международная экспресс-почта».

Он был безоружен, но никто его не тронул, даже не прицелился. Все просто тарасились.

Очкарик пробежался взглядом по сборищу и вновь сверился с записями в блокноте; затем он напрямик направился к Рыжей, по-прежнему сидевшей у бара.

— Вам посылка, мисс, — сказал он.

Рыжая взяла пакет и начала развязывать веревку.

«Международный экспресс» тактично кашлянул и протянул журналистке изрядно захватанный блокнот с квитанциями и желтой пластмассовой шариковой ручкой на пружинке.

— Распишитесь, пожалуйста, в получении, мисс. Вот здесь. Полное имя печатными буквами, а под ним подпись.

— Конечно.

Рыжая неразборчиво расписалась, а потом печатными буквами нацарапала свое имя. Только не Кармин Цуйгибер, а что-то гораздо более короткое.

Посыльный поблагодарил ее и поплелся к выходу, бормоча на ходу:

— Чудесное здесь местечко, господа, всегда мечтал выбраться сюда в отпуск, извините за беспокойство, простите, сэр...

И он исчез из их жизни так же спокойно, как появился.

Рыжая наконец развернула пакет. Любопытные подошли к ней поближе. В пакете оказался большой меч.

Она внимательно осмотрела его. Это был совсем простой меч, длинный и острый; казалось, его давно выковали и столь же давно не пускали в дело; он был лишен украшений и не производил особого впечатления. Он вовсе не походил на магическое оружие, исполненное силы и могущества. Самый обычный меч, несомненно созданный для того, чтобы рубить, кромсать, резать, убивать или, на худой конец, наносить увечья как можно большему числу людей. Его окружала не поддающаяся определению аура ненависти и угрозы.

Рыжая зажала рукоятку в изящной наманикюренной ручке и подняла меч к глазам. Клинок блеснул.

— Ах-х! — сказала она, вставая со стула. — Наконец-то.

Она допила коктейль и, положив меч на плечо, окинула взглядом озадаченных герильясов, которые теперь окружили ее плотной толпой.

— Очень жаль, ребята, но мне пора, — сказала она. — Я была бы не прочь остаться и познакомиться с вами поближе.

Каждый в баре внезапно осознал, что ему вовсе не хочется знакомиться с нею поближе. Спору нет, она была хороша — точно лесной пожар. Потрясающее зрелище, но безопаснее любоваться на него издали.

Она подняла меч и улыбнулась, как улыбнулся бы нож.

В зале было полно оружия, и все оно медленно, с тихой дрожью поднялось, целясь ей в грудь, спину и голову.

Кольцо сомкнулось.

— Не двигайся! — прохрипел Педро.

Все остальные молча кивнули.

Рыжая пожала плечами и начала пробираться к выходу.

Пальцы на спусковых крючках напряглись почти против воли. В воздухе запахло свинцом и бездымным порохом. Бокал в руке Рыжей разлетелся вдребезги. Уцелевшие зеркала взорвались смертоносными осколками. Обвалился кусок потолка.

И все кончилось.

Обернувшись, Кармин Цуйгибер взглянула на распростертые тела так, словно не имела ни малейшего представления о том, откуда они взялись.

Алым, словно кошачьим язычком она слизнула капли крови — не своей — с тыльной стороны ладони. И улыбнулась.

Она вышла из бара, и ее каблуки застучали по плитам, как далекие молоточки.

Двое туристов вылезли из-под стола и посмотрели вокруг.

— Ничего этого не случилось бы, если бы мы, как обычно, поехали в Торремолинос, — тоскливо сказала миссис Трелфаль.

— Иностранцы, — со вздохом произнес ее муж. — Они просто сделаны из другого теста, Патрисия.

— Ладно, тогда решено. В следующем году поедem в Брайтон, — ответила миссис Трелфаль, которая совершенно не уяснила смысл событий.

Никакого следующего года не будет.

Если уж на то пошло, то и вероятность следующей недели тоже резко уменьшилась.

ЧЕТВЕРГ

В Тадфилде появился новый обитатель.

Эти¹ всегда с интересом обсуждали новоселов, но на сей раз Пеппер принесла особенно впечатляющие новости.

— Она поселилась в Жасминовом коттедже, а еще она колдунья, — сказала девочка. — Я узнала это от миссис Хендерсон — она убиралась в том доме и сказала маме, что видела у нее какую-то ведьминскую газету. Там и обычных газет полно, но одна — специально для ведьм.

— Мой отец говорит, что ведьм не существует, — заявил Уэнслидэйл, обладатель волнистых белокурых волос, серьезно смотревший на жизнь через толстые стекла очков в черной оправе. Многие полагали, что когда-то мальчика окрестили Джереми,

¹ Не столь важно, как эти четверо называли свою банду; она сменила множество названий — в зависимости от того, что Адам накануне читал или смотрел (Эскадра Адама Янга, Адам и Компания, Генералы Мелового Карьера, Четыре Мушкетера, Легион Супергероев, Карьерное Братство, Тайная Четверка; Тадфилская Лига Справедливости; Галаксатроны; Четверо Праведных; Мятежники). Что до окружающих, то они мрачно называли компанию просто «Эти» — и в конце концов Эти стали называть себя так же.

но никто никогда его так не называл, даже родители обращались к нему «Малыш», в глубине души надеясь, что он поймет намек. Уэнслидэйл с рождения казался человеком, умственное развитие которого соответствует годам сорока семи.

— Почему это их вдруг не бывает? — сказал Брайан, чье открытое веселое лицо покрывал несмываемый слой грязи. — Почему бы ведьмам не иметь своей газеты? Со всякими там новейшими заклинаниями и заговорами. Вот мой папа выписывает «Рыболова-спортсмена», а я зуб даю, что на свете больше ведьм, чем рыболовов.

— Она называется «Новости парапсихологии», — вставила Пеппер.

— Тогда это вовсе не ведьминская газета, — возразил Уэнслидэйл. — Моя тетя тоже такую выписывает. Там пишут про всяких призраков, и предсказателей, и таких типов, которые думают, что в прошлой жизни были королевой Елизаветой. На самом деле ведьм теперь нет. Люди изобрели лекарства и все такое и сказали ведьмам, что они больше не нужны, ну и начали сжигать их.

— Там могли бы печатать картинки с лягушками и разными колдовскими штучками, — сказал Брайан, которому было жаль расставаться с плодотворной темой. — Или... или обзоры о новых метлах. И колонки про кошек.

— А может, твоя тетя тоже ведьма, — заявила Пеппер. — Тайно. Днем она тетя, а по ночам колдует себе всюю.

— Только не она, — хмуро сказал Уэнслидэйл.

— А еще рецепты всяких зелий, — гнул свое Брайан. — Новейшие способы утилизации лишних лягушек.

— Да заткнись ты, — сказала Пеппер.

Брайан фыркнул. Скажи это Уэнсли, и дело кончилось бы вялой дружеской потасовкой. Но трое уже давно поняли, что Пеппер не считает себя связанной неписаными правилами братских потасовок. Она брыкалась и кусалась с поразительной для одиннадцатилетней девочки физиологической меткостью. Кроме того, с одиннадцати лет перед ними замаячило досадное и смутное понимание того, что во время драки со старой доброй Пеппи в них разгораются страсти, с которыми они еще толком не научились управляться, — и это не говоря о змеино-быстрых ударах, способных свалить с ног даже Малыша-Каратиста.

Но дружить с ней было хорошо. Они с гордостью вспоминали случай, когда Джонсон Жиртрест и его банда стали дразнить их за то, что они водятся с девчонкой. Пеппер набросилась на них как фурия, так что мать Жиртреста в тот же вечер приходила жаловаться¹.

¹ Джонсон Жиртрест был унылым переростком. В любой школе такой есть; не то чтобы очень толстый, а просто детина, которому почти впору отцовская одежда. Под его здоровущими пальцами рвались тетради, а ручки ломались в его руках. Дети, с которыми он пытался играть в спокойные, мирные игры, неизменно попадали под его ножищу, и Джонсону Жиртресту пришлось стать задирой в целях самозащиты. Уж лучше слыть задирой, что по крайней мере дает определенные преимущества, чем завоевать прозвище неуклюжего тюфяка. Он приводил в отчаяние учителя физкультуры, поскольку если бы Джонсон Жиртрест проявил хоть малейший интерес к спорту, то школа могла бы вырастить своего чемпиона. Однако Джонсон никогда не считал спорт достойным занятием. Он тайно обожал свою коллекцию тропических рыб, за которую даже получил приз. Джонсон Жиртрест и Адам Янг родились в один и тот же день с разницей в несколько часов, и родители Жиртреста так никогда и не рассказали ему, что он приемный ребенок. Видите? Всё вы правильно догадались насчет тех младенцев.

Пеппер считала его, здравующего мужика, своим кровным врагом.

Пеппер обладала короткой огненно-рыжей шевелюрой, а лицо ее было не то чтобы усыпано веснушками — нет, его скорее можно было назвать одной большой веснушкой с редкими вкраплениями светлой кожи.

Вообще-то при рождении Пеппер назвали иначе: Пиппин Галадриель Луннодева. Этими именами ее наградили в ходе обряда, совершенного в топкой долине, в окружении трех хилых овец и протекающих полиэтиленовых вигвамов. Ее мать сочла валлийскую долину Пант-а-Алона идеальным местом для Возвращения к Природе. (Через шесть месяцев, до смерти устав от дождя, комаров, мужчин, а также овец, уничтоживших сначала весь общинный урожай конопли, а потом и допотопный микроавтобус, она начала догадываться о том, почему весь ход человеческой истории определялся стремлением уйти от Природы как можно дальше, и в итоге вернулась в Тадфилд, приятно удивив этим дедушку и бабушку Пеппер, купила бюстгальтер и с глубоким вздохом облегчения записалась на курсы социологии.)

У ребенка, получившего имя Пиппин Галадриель Луннодева, есть только два пути, и Пеппер выбрала второй; трое Этих мужеска полу кое-что узнали о ее характере в первый же школьный день, на игровой площадке, когда им всем было по четыре года.

Они спросили, как ее зовут, и она, в невинности своей, ответила.

Потребовалось ведро воды, чтобы отделить зубы Пиппин Галадриели Луннодевы от ботинка Адама. Тогда же была разбита первая пара очков Уэнсли-

дэйла, а свитер Брайана пришлось зашивать в пяти местах.

С тех самых пор Эти были неразлучны, а Пиппин навеки превратилась в Пеппер для всех, кроме своей матери и (только когда те набирались отчаянной смелости, а Эти находились почти за пределами слышимости) второй банды Тадфилда — Джонсонитов под предводительством Джонсона Жиртреста.

Адам барабанил пятками по стенке молочного ящика, служившего ему престолом; он прислушивался к перепалке со снисходительным видом короля, внимающего пустой болтовне придворных.

Он лениво жевал соломинку. Начиналось утро четверга. Впереди простирались каникулы, бесконечные и пустые. Их необходимо было чем-то заполнить.

Он пропускал разговоры мимо ушей, словно стрекотание кузнечиков, или, точнее, просеивал его, как пустую породу, следя за тем, не мелькнет ли в песке крупца золота.

— В воскресной газете писали, что у нас в стране тысячи ведьм, — сказал Брайан. — Они поклоняются Природе, питаются здоровой пищей и все такое прочее. Почему бы одной не оказаться здесь у нас? Пишут, что они захлестнули страну Волной Бессмысленного Зла.

— Неужели тем, что поклоняются Природе и едят здоровую пищу? — спросил Уэнслидэйл.

— Так написано.

Эти тщательно обдумали услышанное. Однажды — по инициативе Адама — они целый день, начиная с полудня, питались здоровой пищей. Вердикт был таков: можно запросто и даже очень хорошо

прожить на здоровой пище, если заранее плотно позавтракать.

Брайан заговорщически подался вперед.

— А еще там говорилось, что они устраивают пляски без одежды, — добавил он. — Залезают на всякие холмы или на Стоунхендж и танцуют там совсем нагишом.

На сей раз они задумались еще более глубоко. Они как раз достигли того возраста, когда ребенок, взлетая по американским горкам жизни, уже почти поднялся на вершину полового созревания, и перед ним открывается новая перспектива — обрывистая колея, таинственные и ужасно волнующие повороты.

— Ха, — сказала Пеппер.

— Только не моя тетя, — повторил Уэнслидэйл, и чары рассеялись. — Точно не моя тетя. Она просто пытается пообщаться с дядей.

— Так он ведь умер, — сказала Пеппер.

— А она говорит, что он все равно может двигать рюмки, — ошетинился Уэнслидэйл. — А мой отец говорит, что он и умер-то от того, что слишком часто их двигал. Не понимаю, чего это ей так приспичило с ним поболтать, — добавил он. — Пока он был жив, они почти и не разговаривали.

— Это все некромантия, вот что, — сказал Брайан. — Точно как в Библии. Лучше бы твоя тетя бросила все это. Бог сильно против некромантии. И против ведьм тоже. За такие дела можно и в ад попасть.

Вожак, восседавший на тронном ящике, лениво шевельнулся. Адам собирался высказаться.

Все притихли. Адама в любом случае стоило послушать. Все они в глубине души понимали, что на самом деле их банда — вовсе не квартет, а трио под

предводительством Адама. Но, предпочитая жить увлекательной, интересной и наполненной событиями жизнью, каждый из троих оценивал самое скромное положение в банде Адама выше, чем положение лидера в любой другой.

— Не понимаю, почему все так набросились на ведьм, — сказал Адам.

Эти переглянулись. Начало многообещающее.

— Ну, они губят урожаи, — сказала Пеппер. — Топят корабли. А еще предсказывают, что ты станешь королем, и всякое такое. Варят колдовские зелья с травами.

— Моя мама тоже заваривает травы, — сказал Адам. — Да и ваши тоже.

— Ну, эти-то травы правильные, — вставил Брайан, решив держаться роли знатока оккультных дел. — По-моему, сам Господь говорил, что мята и шалфей вполне себе полезные. С чего им быть плохими?

— А еще ведьмы могут так посмотреть на тебя, что ты сразу заболеешь, — заявила Пеппер. — Это называется дурной глаз. Вот так глянут на тебя, а ты и заболеешь, и никто не знает почему. А еще могут смастерить куклу в виде тебя, а потом утыкают ее булавами, а у тебя станут болеть те места, куда укололи куклу, — радостно добавила она.

— Ничего такого давно уже не бывает, — повторил Уэнслидэйл, человек здравомыслящий. — Ведь мы придумали Науку, а священники сожгли всех ведьм ради их же блага. Это называлось «испанская инквизиция».

— Тогда надо выяснить, точно ли она, в Жасминовом коттедже, на самом деле ведьма, и если точно, то сказать мистеру Пикерсгиллу, — решил Брайан. Ми-

стер Пикерсгилл был викарием. Между ним и Этими существовал ряд разногласий — в частности, допустимо ли залезать на тисовое дерево посреди церковного двора, звонить в колокола, а потом убежать прочь.

— Не думаю, что это разрешено — жечь людей, — сказал Адам. — Иначе все вокруг только этим и занимались бы.

— Если ты верующий — то можно, — уверенно произнес Брайан. — Ведьма, которую сожгли, уже не попадет в ад, так что им стоило бы еще и спасибо за это сказать, если бы они понимали, конечно.

— Не могу себе представить, чтобы Пикер кого-нибудь сжег, — сказала Пеппер.

— Кто знает... — многозначительно протянул Брайан.

— Не станет же он взаправду сжигать их на настоящем костре, — хмыкнула Пеппер. — Скорее пожалуется их родителям, а те уж сами решат, нужен костер или нет.

Все с отвращением тряхнули головами, порицая падение нравов современных служителей церкви. Затем троица выжидающе посмотрела на Адама.

Они всегда смотрели на Адама выжидающе. Ведь именно он был генератором идей.

— А может, мы и сами справимся? — сказал он. — Кто-то же должен что-то делать, если вокруг ведьмы так и кишат. Мы могли бы устроить что-то вроде... местной охранной дружины.

— Ведьмоохранной дружины, — уточнила Пеппер.

— Нет, — отрезал Адам.

— Но мы не можем стать испанской инквизицией, — сказал Уэнслидэйл, — ведь мы же не испанцы.

— Да вовсе не обязательно для этого быть испанцем, — сказал Адам. — Спорим, она просто называется так — как яйца по-шотландски или американские гамбургеры. Надо, чтобы с виду она была испанской. Мы так и сделаем. И тогда все поймут, что это испанская инквизиция.

Наступила тишина.

Нарушило ее шуршание пустого пакетика из-под чипсов, которые всегда накапливались вокруг Брайана. Все взглянули на него.

— У меня есть афиша с боем быков, а на ней — мое имя, — медленно произнес Брайан.

Пришло и ушло время обеда. Новоиспанская инквизиция собралась снова.

Великий инквизитор критически взглянул на остальных.

— Это еще что такое? — требовательно спросил он.

— Ими прищелкивают, когда танцуют, — стал оправдываться Уэнслидэйл. — Моя тетя давным-давно привезла их из Испании. Называются вроде бы маракасы. Гляньте, на них нарисована испанская танцовщица.

— А почему это она танцует с быком? — спросил Адам.

— Ну надо же показать, что она испанка, — ответил Уэнслидэйл, и Адам одобрил маракасы.

Брайан и не обещал ничего сверх афиши с боем быков.

Пеппер притащила нечто вроде соусника, сплетенного из пальмового волокна.

— В нем подают вино, — вызывающе заявила она. — Мама привезла его из Испании.

— На нем нет быка, — придирчиво заметил Адам.

— А его там и не нужно, — парировала Пеппер, моментально приняв боевую стойку.

Адам колебался. Его сестра Сара и ее парень тоже ездили в Испанию. Сара привезла оттуда здоровенного лилового игрушечного ослика, который, несмотря на свое безусловно испанское происхождение, не соответствовал интуитивному представлению Адама о стиле испанской инквизиции. С другой стороны, парень Сары привез оттуда разукрашенный меч, якобы сделанный из толедской стали (которая, правда, почему-то гнулась, когда им пытались что-то проткнуть, и тупилась о бумагу). Проведя познавательные полчаса наедине с энциклопедией, Адам понял, что такой меч совершенно необходим инквизиции. Однако его тонкие намеки пока не подействовали.

В итоге Адаму пришлось взять с кухни несколько луковиц. Ведь их тоже запросто могли вырастить в Испании. Но даже Адам сознавал, что в качестве декорации для инквизиторских сборищ луковицы не вполне идеальны. Не ему было затевать споры о плетеной подставке для вина.

— Отлично, — сказал он.

— А ты уверен, что это испанские луковицы? — успокаиваясь, спросила Пеппер.

— Конечно, — сказал Адам. — Испанские луковицы. Они всем известны.

— А может, они из Франции, — упорствовала Пеппер. — Франция славится луком.

— Неважно, — заявил Адам, который был сыт луковицами по горло. — Франция — это почти то же самое, что Испания, и я не думаю, что ведьмы их различают, ведь они по ночам летают, в темноте. Для

них все это — один большой континент. И вообще, если тебе не нравится, ты можешь устраивать свою собственную инквизицию.

Пеппер решила не перегибать палку. Ей была обещана должность Главного палача. В том, кто станет Великим инквизитором, сомнений ни у кого не было. Но Уэнслидэйла и Брайана не слишком вдохновляли отведенные им роли стражников.

— Вы же не говорите по-испански, — сказал Адам, который еще днем уделил минут десять просмотру испанского разговорника Сары, в романтическом порыве купленного ею в Аликанте.

— Это неважно, ведь на самом деле говорить надо по-латыни, — сказал Уэнслидэйл, тоже посвятивший часть дня изучению темы, даже немного более тщательному.

— И на испанском тоже, — твердо сказал Адам. — Инквизиция-то испанская.

— А я не понимаю, почему бы нашей инквизиции не стать британской, — сказал Брайан. — Чего ради, спрашивается, мы сражались с Испанской армией — чтобы снова терпеть их вонючую инквизицию?

Эта мысль слегка волновала и патриотические чувства Адама.

— Я считаю, — сказал он, — начать надо с испанской, а когда освоимся, переименуем ее в британскую. А теперь, — добавил он, — Инквизиторская стража, отправляйтесь и доставьте нам первую ведьму, *por favor*.

Новой обительнице Жасминового коттеджа, рассудили они, придется немного подождать. Нужно начать с малого, а уже потом постепенно двигаться вперед.

— Сознайся, ты ведьма, *ob lay?* — спросил Великий инквизитор.

— Да, — ответила шестилетняя сестренка Пеппер, напоминавшая золотоволосый мячик.

— Ты не должна говорить «да», надо сказать «нет», — прошипела Главный палач, пихая подозреваемую локтем.

— А что потом? — спросила подозреваемая.

— А потом мы будем тебя пытаться, чтобы ты сказала «да», — объяснила Главный палач. — Я же тебе говорила. Это весело и совсем не больно. *Hastar lar visa*, — быстро добавила она.

Маленькая подозреваемая окинула штаб инквизиции пренебрежительным взглядом. Здесь определенно пахло луком.

— Нет, — сказала она. — Я хочу быть ведьмой с бородавками на носу и с зеленой кожей, и чтобы у меня был котик, я назову его Черныш, и стану варить всякие зелья, и...

Главный палач, покачивая головой, переглянулась с Великим инквизитором.

— Послушай, — в отчаянии сказала Пеппер, — никто не говорит, что ты не ведьма, тебе просто нужно сказать, что ты не ведьма. Зачем нам с тобой возиться, — строго добавила она, — если ты сразу же скажешь «да».

Подозреваемая задумалась.

— Но я хочу быть ведьмой, — захныкала она. Эти мужеска полу беспомощно переглянулись. Это было выше их понимания.

— Если ты скажешь «нет», — сказала Пеппер, — то сможешь забрать мою игрушечную конюшню из набора для Синди. Я ее и в руки не брала, — добави-

ла она, яростным взглядом предостерегая соратников от каких-либо комментариев.

— И вовсе она не новая, — живо откликнулась ее сестра. — Я сама видела, совсем старая, и штука для сена сломана, и...

Адам внушительно кашлянул.

— Так ты ведьма, *viva espana?* — повторил он.

Малышка заметила выражение лица Пеппер и решила не рисковать.

— Нет, — заявила она.

По общему мнению, попытка удалась на славу. Единственная сложность теперь состояла в том, чтобы как-нибудь избавиться от предполагаемой ведьмы.

Становилось все жарче, и стражникам начинало казаться, что их дурачат.

— Не понимаю, почему мы с братом Брайаном должны за всех отдуваться, — сказал брат Уэнслидэйл, утирая пот со лба. — Я считаю, что пора ее отпустить, а самим попробовать самим. *Benedictine ina decanter.*

— Хочу еще! — потребовала подозреваемая, выливая воду из своих туфель.

Во время своих энциклопедических исследований Великий инквизитор пришел к выводу, что Британская инквизиция еще не вполне готова к повторному внедрению в обиход таких пыток, как «железная дева» и «стальная груша». Но изображения средневекового «позорного стула» наводили на мысль, что он прямо-таки предназначен для возрождения. Требовались лишь пруд, несколько досок и веревка. Эта комбинация всегда привлекала Этих, и они с легкостью нашли все три составляющие.

Подозреваемая уже позеленела до пояса.

— Как на качелях! — ликовала она. — Оп-ля!

— Если мне не дадут попробовать, я лучше пошел домой, — пробормотал брат Брайан. — Почему это веселиться должны одни только грешные ведьмы?

— Инквизиторов нельзя подвергать пыткам, — строго сказал Великий инквизитор, но особой убежденности в его голосе не было. Жарило все сильнее, инквизиторские наряды из старой мешковины воняли затхлым ячменем и кололись, отчего пруд выглядел вдвойне заманчиво.

— Ладно, ладно, — сказал он и обратился к подозреваемой: — Мы установили, что ты ведьма, все в порядке, больше не греши, а теперь поживей вылезай, а то у нас тут очередь. *Ob lay*, — добавил он.

— А что дальше? — спросила сестренка Пеппер.

Адам колебался. Сжигать ее на костре, рассудил он, слишком рискованно. Кроме того, она такая мокрая, что все равно не загорится.

К тому же он смутно предвидел грядущие вопросы по поводу грязных туфель и заляпанного ряской розового платица. Но будущее было далеко — на дальнем конце длинного жаркого дня, полного досок, веревок и прудов. И оно могло подождать.

И вот будущее настало и отошло в прошлое — как свойственно всякому будущему, слегка обескураживающим образом: мистер Янг не стал утруждать себя лишними расспросами, а просто запретил Адаму смотреть телевизор, из чего следовало, что тому придется довольствоваться старым черно-белым телеком в спальне.

— Не понимаю, почему шланги запрещено подключать к водопроводу, — ворчал мистер Янг, выходя из дома вместе с женой. — Мы платим налоги, как все. А сад — просто пустыня Сахара. Удивительно, что в пруду вообще еще осталась вода. Я лично считаю, что во всем виноваты ядерные испытания. Вот когда я был ребенком, летом всегда стояла правильная погода. Лило как из ведра.

Адам, старательно сутуля плечи, слонялся по пыльной дорожке. Слонялся он мастерски. Он умел слоняться так, чтобы своим видом выводить из терпения благонамеренных обывателей. Он не просто горбился и волочил ноги. Нет, его тяжелая походка была полна скрытого смысла, она выражала боль и недоумение человека, чье бескорыстное стремление помочь окружающим вновь и вновь встречало на своем пути лишь препоны и нелепые придирки.

Толстый слой пыли покрывал кусты.

— И поделом им всем будет, когда ведьмы заведут страной, запретят людям ходить в церковь да заставят всех есть здоровую пищу и плясать без одежды, — пробурчал он и пнул камешек. Хотя ему пришлось признать, что такая перспектива не кажется слишком уж пугающей, за исключением разве что здоровой пищи. — Дали бы нам нормально вернуться, так мы сотни ведьм нашли бы, — убеждал он сам себя, продолжая пинать камешек. — Уж, наверное, старика Такиминаду никто на старте не стопорил только из-за того, что какая-то глупая ведьма перепачкала платье.

За своим Хозяином послушно плелся Барбос. Конечно, такая жизнь несколько не соответствовала представлениям цербера о том, как будут проходить

последние дни перед Армагеддоном, но она невольно начинала ему нравиться.

Его Хозяин ворчал:

— Спорим, даже викторианцы не заставляли людей смотреть черно-белые телики.

Внешность формирует характер. Стиль поведения, свойственный лохматой собачонке, заложен на генетическом уровне. Нельзя просто принять и остаться, чем ты был раньше, — врожденная мелкособачность неизбежно начнет вступать в свои права.

Он уже научился гонять крыс. Ничего лучше с ним еще не случилось.

— Поделом им всем, если нас победят Силы Зла, — ворчал Хозяин.

А ведь есть еще кошки, вспомнил Барбос. Его поразили вид огромной полосатой кошки из соседнего дома, и он попытался напугать ее до смерти старым добрым способом, который прежде безотказно действовал на грешников, — пылающим взглядом и грозным низким рыком. На сей раз дело кончилось тем, что он получил звонкую оплеуху, так что слезы брызнули. Кошки, рассудил Барбос, гораздо опаснее грешников. Он с нетерпением предвкушал новые стычки с этими тварями и планировал, как будет прыгать вокруг них, залиvisto твякая. Затея, конечно, рискованная, но не безнадежная.

— И пусть даже не суются ко мне, когда старый Пикер превратится в лягушку, тогда уж поздно будет, — бормотал Адам.

И в этот миг он осознал два обстоятельства. Во-первых, он очутился как раз возле Жасминового коттеджа. А во-вторых, оттуда доносился плач.

Слезы обычно вызывали у Адама сочувствие. Нерешительно помедлив, он осторожно заглянул за изгородь.

Сидевшей в шезлонге Анафеме, которая к тому времени извела уже полпачки бумажных салфеток, вдруг показалось, что над изгородью возшло растрепанное солнышко.

Адам, в свою очередь, решил, что она вряд ли ведьма. Какой должна быть настоящая ведьма, он представлял себе очень четко. Янги выписывали самую приличную из всех возможных воскресных газет, и потому сотни лет просвещенного оккультизма прошли мимо Адама. На лице сидевшей в саду женщины он не обнаружил ни крючковатого носа, ни бородавок, а главное — она оказалась молодой... более или менее. Этого для Адама было вполне достаточно.

— Привет, — сказал он, рассузуливаясь.

Она высморкалась и внимательно посмотрела на него.

Стоит описать, что именно она увидела. Взору Анафемы предстал, как она говорила позже, очень юный греческий бог. Или картинка из Библии, где праведный мускулистый ангел повергает кого-нибудь во прах. Внешность Адама явно не подходила двадцатому веку — лицо, обрамленное сияющими золотистыми локонами, и сложение, достойное резца Микеланджело.

Хотя тот, вероятно, снял бы с мальчика потрепанные кеды, потертые джинсы и грязную футболку.

— Ты кто такой? — спросила она.

— Я Адам Янг, — сказал Адам. — Мы живем здесь, в конце улицы.

— О-о! Да. Я слышала о тебе, — сказала Анафема, промакивая салфеткой глаза. Адам слегка приосанился. — Миссис Хендерсон сказала, что я тебя непременно встречу.

— Меня тут все знают, — сказал Адам.

— Она сказала, что тебе суждена виселица, — заметила Анафема.

Адам усмехнулся. Дурная слава хуже хорошей, но гораздо лучше бесславия.

— И добавила, что из Этих ты хуже всех, — сказала Анафема, чуть приободрившись. Адам кивнул. — А еще она предупредила меня: «Вы будьте с ними начеку, мисс, от Этих просто спасу нет. Адам Янг — суший грешник, точно как его тезка».

— Почему ты плакала? — напрямик спросил Адам.

— Почему? Просто потеряла кое-что, — сказала Анафема. — Одну книжку.

— Если хочешь, я помогу ее найти, — любезно предложил Адам. — Я много знаю о книгах. Даже сам написал одну. Очень потрясную. Получилось почти целых восемь страниц. Об одном пирате, который стал знаменитым сыщиком. Я и картинки к ней нарисовал, — сообщил он и, расщедрившись, добавил: — Если хочешь, дам тебе почитать. Спорим, такой интересной ты никогда еще не теряла. Особенно тот кусок про звездолет, где динозавр нападает на ковбоев. Спорим, ты сразу плакать перестанешь. Вот Брайан ей очень обрадовался. Сказал, что никогда еще так не веселился.

— Спасибо; я уверена, что ты сочинил замечательную книжку, — сказала она, навеки завоевывая любовь Адама. — Но мою книгу искать не нужно — думаю, уже слишком поздно.

Она задумчиво взглянула на Адама.

— Ты, наверное, очень хорошо знаешь эти края? — спросила она.

— Вдоль и поперек, — подтвердил Адам.

— Ты не встречал здесь двух мужчин в большом черном автомобиле? — поинтересовалась Анафема.

— Это они украли твою книжку? — спросил Адам, вдруг загораясь жгучим интересом. Охота за международной шайкой похитителей книг стала бы достойным завершением дня.

— Не совсем. Но вроде того. Думаю, они не хотели этого делать. Они искали поместье, и я сегодня туда сходила, но там никто о них не знает. Там сегодня, кажется, случилось что-то вроде несчастного случая.

Она внимательно присматривалась к Адаму. Было в нем нечто особенное, но она никак не могла понять, что именно, — лишь не могла отделаться от ощущения, что с ним связано нечто важное, что его ни в коем случае нельзя терять из вида. Что-то в нем...

— А как называлась твоя книжка? — спросил Адам.

— «Превосходные и Недвусмысленные Пророчества Агнессы Псих, Ведьмы».

— Ведь мы — что?

— Ничего. Ведьма, как в «Макбете», — пояснила Анафема.

— А-а, это я смотрел, — сказал Адам. — Жутко интересно, как жили все эти короли. А что в них такого превосходного?

— «Превосходные» значит «верные», или «безошибочные».

Да, определенно в нем было нечто странное. Какая-то сдержанная сила. Казалось, в его присут-

ствии все остальное, и даже пейзаж вокруг, становится просто фоном.

Она жила здесь около месяца. И за это время не обменялась, наверное, и дюжиной слов с местными жителями, за исключением миссис Хендерсон, которая теоретически должна была приглядывать за коттеджем и уж, наверное, не упускала ни малейшей возможности порыться в ее вещах. Анафема охотно позволяла местным считать, что она художница. Городок был как раз из тех, от которых художники без ума.

Здесь и правда было чертовски красиво. Природа в окрестностях городка казалась идиллически роскошной. Если бы Тернер и Ландсир встретились за кружкой пива с Сэмюелем Палмером, чтобы сообща написать идеальный пейзаж, а потом еще попросили Стаббса добавить лошадей, им и то вряд ли удалось бы создать нечто более прекрасное.

Очень печально — ведь именно здесь все и должно случиться. По крайней мере, согласно пророчествам Агнессы. Которые Анафема умудрилась потерять. У нее, конечно, оставались карточки, но разве их можно сравнить с книгой?

Если бы Анафема могла полностью владеть собой — а в присутствии Адама никто не мог полностью владеть собой, — она заметила бы, что все попытки понять его наталкиваются на непреодолимую преграду, с которой мысли просто скатываются, как капли воды с гусиных перьев.

— Блеск! — сказал Адам, который уже прокручивал в уме возможные выгоды от превосходных и недвусмысленных пророчеств. — Может, там предсказано, кто станет победителем в Больших скачках?

— Нет, — сказала Анафема.

— А про звездолеты там есть?

— Немного, — сказала Анафема.

— И про роботов? — с надеждой спросил Адам.

— К сожалению, нет.

— Ну и что в них тогда превосходного? — разочарованно сказал Адам. — Что это за будущее без роботов и звездолетов?

Три ближайших дня, мрачно подумала Анафема. Вот и все будущее.

— Хочешь лимонада? — сказала она вслух.

Адама одолевали сомнения. Наконец он решил взять быка за рога.

— Послушай, ты извини за вопрос, я не в обиду спрашиваю, но — ты случайно не ведьма? — спросил он.

Анафема прищурила глаза. Вот, значит, что вынюхивала миссис Хендерсон.

— Некоторые люди могли бы так выразиться, — сказала она. — Но на самом деле я оккультист.

— А-а... Отлично. Тогда все в порядке, — повеселев, сказал Адам.

Она оглядела его с головы до ног.

— Ты знаешь, кто такие оккультисты, не так ли? — спросила она.

— Само собой, — уверенно сказал Адам.

— Что ж, раз тебе полегчало, — сказала Анафема, — пойдем. Я и сама не откажусь от лимонада. И скажи-ка мне... Адам Янг?

— Да?

— Ты сейчас подумал: «С моими глазами все нормально, незачем их так разглядывать», верно?

— Кто, я? — с виноватым видом спросил Адам.

С Барбосом возникли сложности. Он решительно не желал заходить в дом. Глухо ворча, он жался к нижней ступеньке крыльца.

— Ну давай же, глупая собака, — сказал Адам. — Это же старый Жасминовый коттедж. — Он смущенно посмотрел на Анафему. — Обычно он сразу делает все, что я скажу.

— Оставь его в саду, — предложила Анафема.

— Нет, — сказал Адам. — Он должен делать, что велено. Я об этом читал. Дрессировка — это очень важно. Там написано, что любую собаку можно приучить слушаться. Папа разрешил его оставить, только если я воспитаю его как следует. Давай, Барбос. Иди в дом.

Пес заскулил и бросил на Адама умоляющий взгляд. Куцый хвостик пару раз ударил по земле.

Голос его Хозяина.

С трудом, неохотно, словно против штормового ветра, он заполз на крыльцо.

— Ну вот, — с гордостью сказал Адам. — Молодец.

И очередная частица Ада в церберовой душе сгорела дотла...

Анафема закрыла дверь.

Над дверью Жасминового коттеджа всегда висела подкова, которую его первый владелец повесил здесь сотни лет назад; в те времена свирепствовала Черная смерть, и он решил использовать все способы защиты, какие знал.

Подкова давно проржавела и едва проглядывала из-под этого векового грима. Поэтому ни Адам, ни Анафема не обратили на нее внимания и не заметили, как она раскалилась добела и вновь начала охлаждаться.

Какао Азирафаэля едва не заledenело.

Тишина в комнате лишь изредка нарушалась шелестом страниц.

В двери то и дело стучали: это перспективные клиенты книжного магазина «Интимная жизнь», расположенного по соседству, ошибались входом. Азирафаэль не обращал на них внимания.

Но пару раз они едва не заставили его чертыхнуться.

Анафема не успела как следует обжиться в Жасминовом коттедже. Большая часть ее имущества валялась грудой прямо на столе. Выглядела эта куча завлекательно — словно жрец-вудуист совершил набег на склад научного оборудования.

— Класс! — сказал Адам и зарылся в оккультную грудку. — Что это за штуковина на трех ногах?

— Теодолит, — ответила Анафема из кухни. — Чтобы определять, где проходят лей-линии.

— А что это за линии? — спросил Адам.

Она объяснила.

— Ух ты, — сказал он. — И что, они?..

— Да.

— Прямо тут, повсюду?

— Да.

— А я их никогда не видел. С ума сойти, вокруг столько силовых линий, а я и не видел.

Адам редко слушал кого-то, но впечатления последних двадцати минут были самыми потрясающими в его жизни — по крайней мере в его сегодняшней жизни. В доме Янгов никто не стучал по дереву и не бросал соль через плечо. Единственной уступкой

сверхъестественному была неубедительная сказочка о том, будто Санта-Клаус приносит подарки через дымоход¹.

До сих пор он и понятия не имел ни о каких оккультных явлениях, кроме Праздника урожая. И теперь его сознание впитывало слова Анафемы, точно промокашка воду.

Барбос лежал под столом и рычал. Он начинал серьезно сомневаться в себе.

Анафема верила не только в лей-линии, но еще и в тюленей, китов, велосипеды, тропические леса, зерновой хлеб, бумагу из макулатуры, белых южноафриканцев из Южной Африки и американцев откуда угодно, включая Лонг-Айленд. Она никак не классифицировала свои верования; все они сплывались в одну огромную и целостную веру, в сравнении с которой религия Жанны д'Арк казалась досужей болтовней. По шкале передвижения гор вера Анафемы достигала как минимум полуальпа².

Прежде Адаму не доводилось слышать даже словосочетание «окружающая среда». Тропические леса Южной Америки были для Адама закрытой книгой, причем даже не из макулатурной бумаги.

Адам перебил Анафему только один раз — чтобы выразить солидарность с ее взглядами на атомную энергетику:

¹ Владей Адам в те дни всеми своими силами, и Рождество в доме Янгов было бы безнадежно испорчено, когда в воздуховоде центрального отопления обнаружился бы мертвый толстяк, застрявший вниз головой.

² Возможно, стоит отметить, что большинство людей не достигает даже отметки в 0,3 альпа (30 сантиальпов). Что же до Адама, то его вера во всякие разности колебалась в диапазоне от 2 до 15 640 Эверестов.

— Я как-то был на одной атомной станции. Такая тоска! Ни тебе зеленого дыма, ни трубочек с растворами. Люди притащились в такую даль, чтобы посмотреть, как булькают трубочки, а им показывают каких-то типов, у которых даже скафандров нет.

— Трубочки начинают булькать после ухода посетителей, — мрачно сказала Анафема.

Адам недоверчиво хмыкнул.

— Будь моя воля, я бы давно запретила эти атомные станции.

— И поделом им, раз они не булькают, — сказал Адам.

Анафема кивнула. Она все еще пыталась разобраться, что же так удивляет ее в Адаме, и наконец поняла.

У него не было ауры.

Анафема мастерски разбиралась в аурах. Стоит приглядеться, и вот они. Аура выглядит как слабое сияние вокруг головы, и, согласно одной из книг Анафемы, его цвет говорит о здоровье и благополучии человека. Аура есть у каждого. У заурядных, ограниченных людей она туманна и зыбка, но у широких, творческих натур может простираться на несколько дюймов от тела.

Анафеме не приходилось слышать о людях без ауры, но она никак не могла разглядеть свечение вокруг головы Адама. Однако он выглядел бодрым, воодушевленным и уравновешенным, как хорошо отлаженный гироскоп.

— Наверное, переутомилась, — подумала она.

Так или иначе, она получила большое удовольствие, встретив столь благодарного слушателя, и даже дала ему почитать несколько экземпляров «Вестника Волея» — журнальчика, издаваемого ее приятелем.

Этот журнал изменил жизнь Адама. По крайней мере, на один день.

К удивлению родителей, Адам рано пошел спать и, забравшись под одеяло с фонариком, журналами и пакетиком лимонных леденцов, читал до глубокой ночи. Время от времени из его яростно жующего рта вырывалось: «Класс!»

Когда сели батарейки, Адам вылез из укрытия в потемневшую комнату и улегся, заложив руки за голову. Казалось, он наблюдал за подвешенной к потолку эскадрилей истребителей из «Звездных войн». Они слегка покачивались на ночном ветерке.

На самом деле Адам их не видел. Воображение разворачивало перед его глазами яркую панораму, где, словно на ярмарочной площади, бурлила жизнь.

Да уж, это вам не тетушка Уэнслидэйла с ее рюмками. Это настоящий оккультизм.

Кроме того, Анафема пришлась ему по душе. Конечно, она была ужасно старой, но если Адаму кто-то приходился по душе, то ему хотелось сделать этого человека счастливым.

Он принялся размышлять, как можно осчастливить Анафему.

Раньше считалось, что изменить мир способны лишь мощные бомбы, сумасшедшие политики, сильные землетрясения или великие переселения народов, но в наши дни столь устаревшего мнения придерживаются лишь люди, совершенно не знакомые с современной наукой. Согласно теории хаоса, мир изменяют мелочи. Взмахнула бабочка крыльями в джунглях Амазонки — и половину Европы снес ураган.

Где-то в засыпающем сознании Адама пролетела бабочка.

Возможно, Анафеме удалось бы — а может, и нет — разобраться, в чем дело, если бы ей открылась очевиднейшая причина того, почему она не смогла увидеть ауру Адама.

По этой же причине люди, стоящие на Трафальгарской площади, не могут увидеть Англию.

Сигналы тревоги затихли.

Конечно, нет ничего особенного в том, что в диспетчерской атомной станции сработала сигнализация. Это случается постоянно. Ведь там находится множество приборов, чьи важные показания можно и не заметить, если они не станут хотя бы попискивать.

А начальником смены на атомной станции должен быть уравновешенный, опытный, хладнокровный человек — такой, который в случае опасности уж точно не помчится, срезая углы, заводить свою машину. Такой, которого невольно представляешь себе с трубкой в зубах, даже если он вообще не курит.

Ситуация в диспетчерской достигла критической точки в три часа ночи. Обычно это приятное, спокойное время, когда дежурный мается от безделья, заполняет вахтенный журнал да слушает отдаленный рев турбин.

Но сегодня была необычная ночь.

Гораций Гендер посмотрел на мигающие красные лампочки. Затем — на показания приборов. Потом — на лица коллег. И наконец, поднял глаза к большому циферблату в дальнем конце помещения. Четыреста двадцать практически безопасных и почти бесплатных мегаватт покидали станцию. Другие приборы показывали, что эти мегаватты ничто не производило.

Он не воскликнул: «Что за чертовщина?» Он не воскликнул бы так, даже если бы стадо овец со скрипками проехало мимо него на велосипедах. Ответственный инженер так не выражается.

А сказал он вот что:

— Альф, позвони-ка ты начальнику станции.

Прошло три очень суматошных часа, полных звонков, телексов и факсов. Двадцать семь человек, один за другим, были спешно подняты с постелей и, в свою очередь, поднимали еще пятьдесят три души, поскольку любому человеку, охваченному паникой в четыре утра, жизненно важно знать, что он не одинок.

В любом случае, чтобы отвинтить крышку ядерного реактора и заглянуть внутрь, нужно получить уйму начальственных разрешений.

Их получили. Отвинтили крышку. И заглянули внутрь.

Гораций Гендер сказал:

— Должно же быть разумное объяснение. Пятьсот тонн урана не могли просто встать и уйти куда глаза глядят.

Измерительный прибор в его руке должен был бы заходиться визгом. А вместо этого он лишь изредка равнодушно пощелкивал.

На том месте, где до сих пор находился реактор, было пусто. Там можно было бы сыграть партию в сквош.

В самом центре на чистейшем холодном полу одиноко лежал лимонный леденец.

Снаружи, в похожем на пещеру турбинном зале, продолжали реветь машины.

А в сотне миль от них Адам Янг, не просыпаясь, перевернулся на другой бок.

ПЯТНИЦА

Вран Соболев — худой, бородатый, облаченный во все черное — сидел на заднем сиденье длинного черного лимузина и разговаривал со своей базой на западном побережье по тонкому черному телефону.

— Как дела?

— Совсем неплохо, — ответил директор по маркетингу. — Завтра я устраиваю прием для представителей всех ведущих супермаркетов. Никаких проблем. «ПАЕК»[®] поступит на все склады уже в следующем месяце.

— Отличная работа, Ник.

— Нет проблем. Нет проблем. Главное, мы знаем, что вы с нами. Вы умеете вести к победам, шеф. Век бы с вами работал.

— Благодарю, — сказал Смолли и прервал связь.

Он очень гордился изобретением «ПАЙКА»[®].

Одиннадцать лет назад корпорация «Диетон» начинала весьма скромно. Небольшая команда диетологов, огромная команда торговых и рекламных агентов и, конечно, стильный логотип.

Два года инвестиций и исследований «Диетона» породили фирменный продукт «СНЕДЬ»[®]. Он состоял из скрученных, переплетенных и сшитых протеино-

вых молекул, так изощренно закодированных и запечатанных, что их не усваивали даже самые прожорливые ферменты пищеварительного тракта, а также из бескалорийных подсластителей, минеральных заменителей растительных масел, волоконцев, красителей и ароматизаторов. Конечным результатом стал пищевой продукт, почти неотличимый от прочих, за исключением двух признаков — во-первых, цены, которая была слегка выше, и, во-вторых, питательной ценности, примерно такой же, как у плеера «Сони». Сколько ни объедайся, ты все равно будешь терять вес¹.

Его покупали толстяки. И тощие, боявшиеся растолстеть, тоже покупали. Фирменная «СНЕДЬ»[®] была диетическим шедевром: тщательно запутанные, скрученные и структурированные молекулы имитировали любой продукт, от картофеля до олеины, хотя цыплята продавались лучше всего.

Откинувшись на спинку сиденья, Соболев наблюдал, как текут деньги. «СНЕДЬ»[®] постепенно заполняла экологическую нишу, которую прежде занимали старые, непатентованные продукты питания.

После «СНЕДИ»[®] он выпустил «Закуску»[®] — продукт для сыроедения, сделанный из настоящего утильсырья.

«ПАЕК»[®] был последним блестящим изобретением Соболева.

«ПАЕК»[®] представлял собой «СНЕДЬ»[®] с добавлением сахара и жира. Теоретически при употреблении «ПАЙКА»[®] в достаточном количестве человек мог: а) растолстеть и б) умереть от голода.

¹ И волосы. И цвет лица. А если употреблять продукт достаточно долго, то и признаки жизни.

Этот парадокс приводил Соболя в восторг.

«ПАЕК»[®] уже был испробован на Америке. Пайковая пицца, Пайковая рыба, Суши-Паек, Вегетарианский рисовый Паек. Даже Пайковые бургеры.

Лимузин Соболя припарковался в городе Де-Мойн, штат Айова, на стоянке «Бургер-лорда» — сети фастфудов, полностью принадлежавшей его компании. Именно сюда последние шесть месяцев направлялись Пайковые бургеры. Он хотел посмотреть, каких результатов здесь достигли.

Наклонившись вперед, он постучал по стеклянной перегородке. Шофер нажал кнопку, и стекло опустилось.

— Сэр?

— Я собираюсь взглянуть на нашу работу, Марлон. Мне понадобится минут десять. Затем отправимся обратно в Лос-Анджелес.

— Слушаюсь, сэр.

Смолли неторопливо прошел в «Бургер-лорд». Он был точной копией любого другого американского «Бургер-лорда» в Америке¹. Клоун Мак-Лорди приплясывал в детском уголке. Обслуживающий персонал сиял трафаретными улыбками и лубяными глазами. За прилавком полноватый мужчина средних лет в униформе «Бургер-лорда» энергично шлепал

¹ Но не похож на «Бургер-лорды» других стран. Немецкие заведения, к примеру, продавали светлое пиво, а не темное. Английские же «Бургер-лорды» старательно уничтожали все достоинства фастфуда (скорость доставки пищи); заказанный продукт приносили через полчаса, остывшим до комнатной температуры, а листики салата нужны были только для того, чтобы вы смогли отличить начинку от булочки. Во Франции следопытов «Бургер-лорда» застрелили через двадцать пять минут после того, как они ступили на тамошнюю землю.

бургеры на сковородку и, вполне довольный своей работой, тихо насвистывал.

Соболь подошел к прилавку.

— Привет-меня-зовут-Мари, — заученно отбарабанила кассирша. — Свободная-касса-заказывайте.

— Двойной «громовик», двойная картошка, без горчицы.

— Что-нибудь-будете-пить?

— Сливочный шокобанановый шейк.

Девушка защелкала по пиктограммам. (Грамотность больше не являлась необходимым требованием для работы в подобных ресторанах. В отличие от улыбочки.) Затем она повернулась к толстяку за стойкой.

— ДГ, ДК, без горчицы, — протарахтела она. — Шок-шейк.

— Угу-м-м, — проникновенно промурлыкал повар.

Он разложил «Пайки» по бумажным контейнерам, помедлив лишь мгновение, чтобы откинуть с глаз седеющий вихор.

— Готово, — сказал он.

Она ухватила все, не повернув головы, а он радостно вернулся к своей сковороде, продолжая тихонько напевать:

— *Looooove me tender, loooooove me long, neeeever let me go...*

Мотивчик совершенно не гармонировал с фоновой музыкой «Бургер-лорда», закольцованным рекламным роликом, и Соболю сделал мысленную заметку: повара нужно уволить.

«Привет-меня-зовут-Мари» выдала Соболю его «Пайки» и пожелала приятного дня.

Он нашел свободный пластиковый столик, присел на пластиковый стул и попробовал еду.

Синтетическая булочка. Синтетическая котлета. Жареная стружка, в жизни не выдавшая картошки. Бескалорийный соус. Даже (к вящей радости Соболя) синтетический ломтик маринованного огурчика. Он не стал затруднять себя дегустацией молочного коктейля. Питательной ценности он не имел, впрочем, как и любой напиток его конкурентов.

Вокруг Соболя его клиенты вкушали свою непищу — если и не с наслаждением, то, по крайней мере, с не большим отвращением, чем в любом другом фастфуде на этой планете.

Он встал, отнес свой поднос к мусорному ящику с плакатом: «ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬТЕ АККУРАТНЫ, ВЫБРАСЫВАЯ МУСОР» и вывалил туда свою порцию целиком. Если бы вы упрекнули его, напомнив, что в Африке голодают дети, он был бы польщен вашим замечанием.

Вдруг кто-то потянул его за рукав.

— Партийная кличка Соболев? — спросил маленький очкарик в униформе курьера «Международной экспресс-почты». Он держал в руках коричневый бумажный пакет.

Смолли кивнул.

— Я вас вычислил. Осмотрелся вокруг, подумал: вот высокий джентльмен с бородкой, шикарный костюм — таких здесь немного. Посылка для вас, сэр.

Соболев расписался своим настоящим именем — словом из пяти букв. Рифмуется с «холод».

— Премного благодарен, сэр, — сказал посыльный. — Кстати, — добавил он, помедлив, — тот тип за прилавком. Он вам никого не напоминает?

— Нет, — сказал Соболев. Он дал посыльному пять долларов на чай и развернул пакет.

Там оказались маленькие медные весы.

Соболь улыбнулся. Диетической улыбочкой, растаявшей почти мгновенно.

— Пора, — сказал он, засунул весы в карман, оставив без внимания ущерб, нанесенный строгим линиям черного костюма, и вернулся к лимузину.

— Обратно в контору? — спросил шофер.

— В аэропорт, — сказал Соболев. — И позвоните в кассу. Мне нужен билет в Англию.

— Слушаюсь, сэр. Туда и обратно?

Смолли нащупал в кармане весы.

— Только туда, — сказал он. — Обратно я доберусь сам, — добавил он. — И еще: позвоните в офис, отмените все встречи.

— Надолго, сэр?

— На все обозримое будущее.

А за прилавком «Бургер-лорда» вихрастый толстяк шлепнул на решетку гриля еще полдюжины бургеров. Он был счастливейшим из смертных, и он продолжал нежно напевать.

— *Treat me nice*, — мурлыкал он себе под нос, — *treat me nice...*

Эти с интересом слушали новости. Спрятавшись в карьере, под самодельной крышей из железных листов и кусков линолеума, они почти не замечали мороси и, как всегда, надеялись, что Адам придумает какое-нибудь занятие на это дождливое время. Он их не разочаровал. Глаза Адама озарял радостный свет знаний.

Сегодня он уснул в три часа ночи под ворохом «Вестников Водолея».

— И тогда появился такой себе Чарльз Форт, — сказал он. — Он устраивал рыбные и лягушечьи дожди и прочие чудеса.

— Ну да, — сказала Пеппер. — Как же. Из живых лягушек?

— А как же, — сказал Адам, входя во вкус. — Попадали с неба и начали повсюду прыгать и квакать. В конце концов ему заплатили кучу денег, чтобы он их убрал, и... и... — Он судорожно копался в копилке воспоминаний, пытаясь подобрать такие факты, которые точно удовлетворят аудиторию; сегодняшняя порция чтения явно оказалась избыточной. — И он уплыл на «Марии Целесте» и основал Бермудский треугольник. Это на Бермудских островах, — пояснил он для пользы дела.

— Нет, этого не может быть, — строго сказал Уэнслидэйл, — потому что я сам читал о «Марии Целесте» и там ничего про твоего Форта не говорилось. И вообще этот корабль прославился тем, что на нем не было ни одной живой души. Когда его обнаружили, он плавал сам по себе, а на борту — ни единого человека.

— А я сказал, что Форт был на корабле, когда его нашли? — язвительно спросил Адам. — Конечно, его там уже не было. Потому что прилетела тарелка и забрала его. Я-то думал, это все знают.

Эти слегка успокоились. В вопросах летающих тарелок они чувствовали себя более уверенно. Впрочем, НЛО в стиле «нью-эйдж» представлялись им не вполне ясно; сообщение Адама вежливо выслушали, но решили, что современные тарелки как-то не тянут.

— Была бы я инопланетянкой, — заявила Пеппер, выражая общее мнение, — то не стала бы бол-

таться без толку и рассказывать людям о тайнах космической гармонии. Я бы сказала так... — ее голос стал сиплым, словно он доносился из-под зловещего черного шлема. — «Фот мой лашерный блаштер, так што делай, што фелено, швинский мятефник».

Ее дружно поддерживали. Их любимая игра велась по мотивам чрезвычайно успешной серии фильмов с лазерами, роботами и принцессой, чья прическа напоминала пару стереонаушников (понятно даже без вопросов, что если кто-то и собирался играть дуру-принцессу, то уж конечно не Пеппер). Игра обычно заканчивалась боем за право носить на голове ведро с углем[®] и взрывать планеты. У Адама это выходило лучше всех: когда он бывал главным злодеем, то действительно выглядел так, словно мог разрушить весь мир. Все четверо в силу своего темперамента были на стороне планетных разрушителей при условии, что они одновременно будут спасать принцессу.

— Раньше тарелки этим и занимались, — сказал Адам. — Сейчас все по-другому. Они все теперь светятся синим и творят добрые дела. Вроде как галактические полицейские, таскаются повсюду и призывают жить по всяким гармоническим вселенским законам.

Они помолчали, скорбно размышляя, на какую ерунду технику переводят.

— Что меня всегда удивляло, — сказал Брайан, — так это почему их называют НЛО, ведь известно, что это летающие тарелки. То есть их надо бы назвать ОЛО — опознанные летающие объекты.

— Потому что правительство все скрывает, — пояснил Адам. — Целый миллион летающих тарелок уже приземлился, а правительство держит в тайне.

— Зачем? — спросил Уэнслидэйл.

Адам задумался. Журналы прямого объяснения не давали; то, что власти стремятся все держать в тайне, было принято «Вестником Водолея» и его читателями в качестве краеугольного камня веры.

— Ну, на то оно и правительство, — просто сказал Адам. — Такая уж у него жизнь. В Лондоне есть целый огромный дворец, а в нем полно книжек о всяких скрытных вещах. Когда премьер-министр приходит утром на работу, то первым делом всегда читает большущий список всего, что случилось за ночь, и ставит на него большую красную печать.

— Бьюсь об заклад, он сначала пьет чай и читает газету, — сказал Уэнслидэйл. Однажды во время каникул он неожиданно попал в офис своего отца, где у него возникли определенные представления о жизни. — И обсуждает, что вчера вечером смотрел по телевизору.

— Ну, может, и так, но после этого точно берется за тот список и за большую печать.

— На которой написано «Скрыть в тайне», — сказала Пеппер.

— Там написано «Совершенно секретно», — возразил Адам, отвергая двухпартийное сотворчество. — Точно так же и с атомными станциями. Они взрываются одна за одной, а об этом никто даже не знает, потому что правительство все скрывает.

— Ничего не постоянно, — строго сказал Уэнслидэйл. — Мой отец говорит, что они до жути на-

дежные и благодаря им мы не живем в парнике. И вообще, в одном моем комиксе есть большая картинка атомной станции, а про взрывы там ничего не сказано¹.

— Как бы не так, — сказал Брайан. — Ты же мне давал почитать тот журнал. Атомная станция была вся в кусках!

Уэнслидэйл слегка растерялся, а потом очень медленно сказал, собирая остатки терпения:

— Брайан, это называется «пазл»...

Последовала обычная короткая потасовка.

— Послушайте, — строго сказал Адам. — Вы хотите, чтобы я вам рассказал про Эру Водомета, или нет?

Драка — как всегда у Этих, не слишком серьезная — тут же закончилась.

— Так, — сказал Адам. Он почесал затылок. — Ну вот, из-за вас я забыл, на чем остановился, — пожаловался он.

— На летающих тарелках, — подсказал Брайан.

— Ага, вот. Даже если я своими глазами увижу какой-нибудь летящий НЛО, то правительственные начальники приедут и вправят мне мозги, — сказал Адам, возвращаясь в свою колею. — Прикатят

¹ Комикс этот назывался «Чудеса природы и науки». Уэнслидэйл прочитал все выпуски до одного и попросил родителей подарить ему ко дню рождения переплет для них. Брайан облюбовал еженедельники, в заглавиях которых обязательно были восклицательные знаки — например, «Бз-зз!!» или «Ба-бах!!». Те же комиксы покупала и Пеппер, но она даже под самыми изощренными пытками не призналась бы, что вместе с ними забирает журнал «Мне семнадцать лет», осторожно завернув его в оберточную бумагу. Адам вовсе не читал комиксов. Им было далеко до того, что творилось в его голове.

в большом черном автомобиле. Такое в Америке всю дорогу случается.

Трое глубокомысленно закивали. Уж в этом-то никто из них не сомневался. Для них Америка была тем местом, куда хорошие люди отправляются после смерти. В Америке может произойти все, что угодно.

— Наверное, пробки начинаются, — продолжал Адам, — когда все эти мужики в черных машинах разъезжают по стране и вправляют мозги каждому, кто видел НЛО. Они так и говорят: если будете и дальше глазеть на тарелки, с вами сразу случится Несчастный Случай.

— Большие черные автомобили их всех передавят. Свидетелей то есть, — сказал Брайан, расцарапывая ссадину на грязной коленке. Вдруг он просиял. — А вы знаете, — сказал он, — моя двоюродная сестра говорила, что в Америке есть магазины, где продают тридцать девять сортов мороженого, и все с разными вкусами?

Тут даже Адам притих ненадолго.

— Не бывает у мороженого тридцати девяти вкусов, — сказала Пеппер. — В целом мире столько не наберется.

— А может, и наберется, если их перемешать, — сказал Уэнслидэйл, моргая, как сова. — Понятно же. Клубничное с шоколадным. Шоколадное с ванильным. — Он попытался вспомнить еще какой-нибудь английский сорт. — Клубничное с ванильным и с шоколадным, — неуклюже закончил он.

— А еще есть Атлантида, — громко заявил Адам.

Он вновь завладел их вниманием. Им нравилась Атлантида. Эти всю жизнь мечтали открыть затонувшие в море города. И они внимательно слушали

сбивчивый рассказ о пирамидах, братствах жрецов и о древних тайнах.

— Они затонули сразу или медленно? — спросил Брайан.

— Сразу. Но вроде как постепенно, — сказал Адам. — Многие, конечно, уехали на лодках во все другие страны и стали учителями математики, английского, истории и всего такого.

— Ну и что тут такого? — вставила Пеппер.

— Здорово, наверное, было, когда они погружались, — с легкой завистью сказал Брайан, вспоминая, как в Нижнем Тадфилде случилось наводнение. — Молоко и газеты на лодках привозят, в школе уроки отменили...

— Был бы я атлантидцем, там бы и остался, — сказал Уэнслидэйл. Его реплику встретил презрительный смех, и он поспешно продолжил: — Надо просто надеть водолазный шлем, только и всего. И заполнить дома воздухом, а все окна заколотить гвоздями. И жить себе.

Адам пригвоздил его холодным взглядом, который приберегал для каждого из Этих на тот случай, когда им удавалось придумать что-то такое, что он предпочел бы придумать первым.

— А может, они так и сделали, — вяло согласился он. — Но сначала отослали на лодках всех учителей. Может, все прочие остались в городе, когда он затонул.

— Зато там умыться не надо, — сказал Брайан, чьи родители заставляли его умыться гораздо чаще, чем ему представлялось безвредным для здоровья. А главное, толку ведь никакого. Брайан был из тех, кто никогда не отрывается от земли. — Ведь все оставались бы чистыми. И... и... они там выращи-

вали морскую капусту и всякие там водоросли в саду и охотились на акул. Завели домашних осьминогов или еще кого. И никаких тебе школ, вообще никаких занятий, ведь они же избавились от всех учителей.

— А может, они так и живут себе там, внизу, — сказала Пеппер.

Они представили себе, как атлантидцы, в струящихся волшебных одеждах и с аквариумами на головах, наслаждаются жизнью на дне под толщей океанских вод.

— Эх, — сказала Пеппер, выразив общие чувства.

— А чем мы сейчас займемся? — спросил Брайан. — Прояснило уже.

В итоге они поиграли в первооткрывателя странных явлений Чарлза Форта. Игра заключалась в том, что один из них гулял с останками древнего зонтика, а остальные пытались устроить дождь из лягушек — точнее, из одной лягушки. В пруду только одна и нашлась. То была их старая знакомая, пожилая лягушка, которая терпела внимание Этих, считая его платой за то, что в ее пруд не забредали куропатки и не заплывали щуки. Какое-то время она добродушно мирилась с неудобствами, а потом пряталась в свое тайное и пока не обнаруженное Этими убежище в старой дренажной трубе.

А Эти отправились домой обедать.

Адам остался очень доволен первой половиной дня. Он всегда знал, что этот мир жутко интересное место, а его воображение населяло белый свет пиратами и бандитами, шпионами и астронавтами и прочими персонажами. Но его также преследовало подозрение, что, если разобраться всерьез, все они живут только в книжках, а на самом деле давно уже исчезли с лица земли.

Но Эра Водомета — вот это по-настоящему настоящее. Взрослые столько всего об этом написали («Вестник Водолея» печатал, помимо прочего, книжную рекламу) — и про снежных людей, и про чупакабров, и йети, и морских змеев, и кугуаров из графства Суррей. Все это правда. Адам сейчас испытывал примерно то же, что и Кортес на Дариенском перешейке, если бы конквистадор слегка промочил ноги во время ловли лягушек.

Мир был блистателен и странен, и Адам стоял в самом его сердце.

Проглотив обед, Адам удалился в свою комнату. Ему оставалось прочитать еще несколько номеров «Вестника Водолея».

Полчашки какао превратилось в застывшую коричневую жижу.

Немало людей потратили сотни лет, пытаясь извлечь хоть какой-то смысл из предсказаний Агнессы Псих. И далеко не глупые люди в основном. Анафема Гаджет, которая почти что *была* Агнессой, насколько позволял дрейф генов, оказалась лучшей из всех. Но до сих пор среди интерпретаторов не было ни одного ангела.

Почти всем, кто впервые встречал Азирафаэля, бросались в глаза три его качества: он англичанин, чрезвычайно умен и явно голубее летнего неба в рекламных брошюрах мелких турагентств. Две ошибки: что бы ни воображали поэты, но Небеса — вовсе не Англия; кроме того, ангелы — существа бесполое, если только не приложат некоторые усилия в этом направлении. Но Азирафаэль действительно был

умен. Умственные способности ангела ненамного выше человеческих, но куда более обширны: за ними преимущество многотысячелетней практики.

Азирафаэль первым из ангелов приобрел компьютер — дешевый, медленный, в пластмассовом корпусе, усиленно рекламируемый как идеальный помощник для мелких торговцев. Азирафаэль с благоговением пользовался им для составления финансовых отчетов, отличавшихся такой скрупулезной точностью, что налоговая пять раз заявлялась к нему с проверкой в полной уверенности, что без трупов тут не обошлось.

Но сейчас он занимался вычислениями, которые не сумел бы произвести ни один компьютер. Иногда он царапал на листе бумаги странные знаки, понять которые могли бы лишь восемь человек во всем мире (двое из них получили Нобелевскую премию, а один из оставшейся шестерки целыми днями пускал слюну, и ничего острого ему в руки на всякий случай не давали).

Анафема пообедала супом-пюре и вернулась к своим картам. Окрестности Тадфилда просто кишели лей-линиями; даже преподобный Уоткинс обнаружил здесь несколько. Но если она хоть что-то понимала в своем ремесле, линии начинали смещаться.

Всю неделю она проводила замеры теодолитом и маятником, и геодезическая карта окрестностей Тадфилда покрылась теперь сетью точек и стрелок.

Анафема пристально разглядывала их. Затем, вооружась фломастером, начала соединять, изредка сверяясь с блокнотом.

В доме работало радио, но она не обращала на него внимания. Поэтому львиная доля новостей прошла мимо ее ушей, пока наконец пара ключевых слов, просочившихся в сознание Анафемы, не заставила ее прислушаться к передаче.

Какой-то человек, называемый пресс-атташе, казалось, был близок к истерике.

— ...опасности для служащих и населения, — закончил он.

— А вы можете уточнить, какое именно количество ядерного топлива исчезло? — спросил ведущий.

После небольшой заминки пресс-атташе заявил:

— Мы бы не сказали, что топливо исчезло. Оно не исчезло. Оно временно переместилось.

— Вы хотите сказать, что оно все еще на территории станций?

— Мы не видим, как оно могло быть перенесено за ее пределы, — сказал представитель.

— Вы, конечно, рассматривали версию, что это теракт?

Снова пауза. Потом пресс-атташе сказал спокойным тоном человека, у которого накоплено достаточно средств, чтобы немедленно уволиться и заняться разведением домашней птицы:

— Да, вероятно, нам придется ее рассмотреть. Остается лишь найти террористов, способных вытащить работающий ядерный реактор из его оболочки, чтобы этого никто заметил. Его вес около тысячи тонн, а высота — сорок футов. Значит, мы должны искать довольно сильных террористов. Возможно, вы предпочли бы сами связаться с ними, сэр, и провести интервью все в той же надменной и обвинительной манере.

— Но вы же сказали, что ваша АЭС по-прежнему производит электричество, — еле выдавил из себя ведущий новостей.

— Так оно и есть.

— Как же она работает, если там нет реакторов?

Безумная усмешка пресс-атташе была видна даже по радио. Столь же хорошо был виден его карандаш, застывший над разделом «Продажа ферм» в журнале «Мир птицеводства».

— Мы не знаем, — сказал пресс-атташе. — Мы надеялись, что вы, хреновы умники с Би-би-си, найдете объяснение.

Анафема взглянула на карту.

Нарисованная ею фигура напоминала галактику или резьбу на кельтских монолитах экстра-класса.

Лей-линии смещались. Они закручивались в спираль.

А центр ее — с учетом допустимой погрешности, но вполне однозначно — лежал в Нижнем Тадфилде.

Почти в то же самое время, когда Анафема вглядывалась в спирали, за несколько тысяч миль от нее туристический лайнер «Морбус» сел на мель, имея под килем триста саженей воды.

Перед капитаном Винсентом встала очередная проблема. Он понимал, что должен связаться с владельцами, но понятия не имел, кто сегодня — или даже в этот час (спасибо всеобщей компьютеризации) — является хозяином корабля.

Компьютеры доставляли уйму хлопот. Они обрабатывали всю корабельную документацию и за микросекунды переводили лайнер в самый выгодный с точки зрения налогообложения порт приписки. На-

вигационные карты также хранились в компьютере, который постоянно корректировал их согласно данным со спутников. Капитан Винсент терпеливо объяснял владельцам, кем бы они ни были, что несколько сотен квадратных метров стальной обшивки и соответствующее количество заклепок стали бы более выгодным капиталовложением, но ему сообщили, что подобные рекомендации не согласуются с текущими прогнозами по соотношению затрат/прибылей.

Капитан Винсент сильно подозревал, что, несмотря на всю электронику, этот корабль принесет владельцам больше денег не на плаву, а на дне морском, куда, скорее всего, скоро и отправится после самой тщательно рассчитанной аварии за всю историю мореплавания.

Из этого следовало, что и сам капитан будет куда ценнее мертвым, чем живым.

Он сидел за своим столом, спокойно листая «Международный свод сигналов», шестьсот страниц которого содержали краткие, но содержательные сообщения о любых мыслимых происшествиях во время плавания по всем широтам, с минимальной возможностью путаницы, а главное — минимальной ценой.

Он хотел передать следующее: «Подошел курсом ЮЮЗ к точке 33° с. ш., 47°72' з. д. Первый помощник (взятый в команду, как вы, возможно, помните, против моей воли в Новой Гвинее, — вероятно, бывший охотник за головами) знаками показал, что дела плохи. Очевидно, за прошедшую ночь поднялся довольно обширный участок морского дна. На нем находится большое число зданий, многие из которых имеют пирамидальную форму. Мы сели на мель во дворе одного из них. Перед нами — несколько из-

ваяний весьма отталкивающего вида. Дружелюбные старики в длинных одеждах и водолазных шлемах взошли на борт корабля и радостно общаются с пассажирами, которые считают, что мы специально организовали эту встречу. Прошу ваших указаний».

Его палец медленно двигался по странице и наконец остановился. Добрый старый «Международный свод сигналов». Его разработали восемьдесят лет назад, но в те дни люди всерьез задумывались над тем, что можно встретить в открытом море.

Он взял ручку и записал: «XXXV QVVX».

Что означало: «Обнаружена Атлантида, Затерянный континент. Первосвященник только что выиграл состязание по метанию колец».

— А вот и нет!

— А вот и да!

— Ну нет же!

— А вот и да!

— А вот и нет... ну ладно, а как же тогда с вулканами? — Уэнслидэйл с триумфальным видом откинулся назад.

— А что вулканы?

— А то, что лава поднимается из глубины земли, и там ужасно жарко, — сказал Уэнслидэйл. — Я по телевизору видел. Ведущий был Дэвид Аттенборо, так что все правда.

Пеппер и Брайан посмотрели на Адама. Они словно следили за партией в теннис.

Теорию Полой Земли в карьере принимали не слишком приветливо. Ростки соблазнительных идей, с энтузиазмом выращиваемые такими выдающимися мыслителями, как Сайрус Рид Тид, Бульвер-Литтон

и Адольф Гитлер, угрожающе согнулись под иссушающим ветром очкастой логики Уэнслидэйла.

— А я не говорил, что земля совершенно пустая, — возразил Адам. — Откуда вы взяли, что нутро у нее совсем пустое? Там, внутри, милю за милей — все эти твои лавы, нефти, уголь и всякие тибетские туннели. А под ними-то как раз и пустота. Вот что люди думают. И еще на Северном полюсе есть дыра, чтобы выпускать воздух.

— Что-то я не видел ее в атласе, — хмыкнул Уэнслидэйл.

— Правительство не разрешает ее показывать на карте, а то все станут туда ездить и заглядывать, — сказал Адам. — А все потому, что подземные люди не хотят, чтобы наземные за ними подглядывали.

— А что это за туннели? — спросила Пеппер. — Какие-то тибетские.

— А, ну да. Я что, еще не рассказывал?

Троица покрутила головами.

— Это обалдеть что такое. Про Тибет слышали?

Они неуверенно кивнули. В их памяти всплывали расплывчатые образы: мохнатые яки, Эверест, пацаны в оранжевом, старички на горных вершинах, начинающие кунгфуисты в древних храмах и, разумеется, снег.

— Короче, вы же помните, что, когда Атлантида тонула, оттуда дернули все древние учителя?

Они вновь кивнули.

— Так вот, некоторые пришли в Тибет, и они теперь правят миром. Их называют Тайными Мастерами. Из-за того, наверное, что они учителя. И они создали тайный подземный город под названием Шамбала, а туннели из него тянутся во все концы земли, чтобы Мастера знали обо всем на свете и могли всем управлять. Некоторые думают, что на самом

деле они живут под пустыней Гоби, — с важностью произнес Адам, — но большинство специалистов считают, что только в Тибете. Во всяком случае, отсюда удобнее рыть туннели.

Эти инстинктивно посмотрели под ноги, на грязные меловые отложения.

— И как же они обо всем узнают? — спросила Пеппер.

— Им просто нужно слушать хорошенько, — предположил Адам. — Сидят в туннелях и слушают. Вы ведь знаете, какие бывают учителя — шепот слышат через весь класс.

— Моя бабушка обычно приставляет к стене стакан, — сказал Брайан. — Она говорит — какая мерзость, что творится в соседней квартире.

— Так что, их туннели повсюду? — спросила Пеппер, все еще глядя в землю.

— Во всех концах мира, — твердо сказал Адам.

— Так их, наверное, ужасно долго строили, — неуверенно сказала Пеппер. — Помните, как мы пытались прокопать туннель в поле? Весь день возились, а все равно получилась такая ямка, что мы еле там поместились.

— Да, но они-то строили миллионы лет. За миллионы лет и не такое выкопаешь.

— Насколько мне известно, тибетцев завоевали китайцы, и далай-ламе пришлось уйти в Индию, — заметил Уэнслидэйл, хотя и не слишком уверенно. Он ежевечерне черпал новую информацию из отцовских газет, но проза будней таяла под мощным жаром объяснений Адама.

— Бьюсь об заклад, они и сейчас сидят внизу, — сказал Адам, словно не услышав. — Они проникают

в самые отдаленные уголки. Сидят под землей и слушают.

Компания обменялась взглядами.

— А если мы будем копать побыстрее... — начал Брайан. Пеппер, соображавшая быстрее, застонала.

— И вот зачем ты это сказал? — поинтересовался Адам. — Устроишь им сюрприз, когда вы тут разорались. Я-то думал, мы тайно прокопаемся вниз, а ты их взял и предупредил!

— А по-моему, не могли они прокопать все эти туннели, — упрямо сказал Уэнслидэйл. — Какой в них смысл? Тибет же за сотни миль отсюда.

— Ну да, ну да. Ты у нас, конечно, больше об этом знаешь, чем мадам Блаватская! — фыркнул Адам.

— И вообще, был бы я тибетцем, — рассудительно продолжил Уэнслидэйл, — то прокопался бы вниз до пустоты, а потом развернулся и копал прямо вверх к тому месту, где хочу оказаться.

Эти должным образом поразмышляли над его словами.

— Да, это проще, чем туннели, — заявила Пеппер.

— Ну... да, наверное, так они и копают, — сказал Адам. — Идея-то совсем простая, они сразу до нее додумались.

Брайан мечтательно смотрел в небо, проверяя пальцем содержимое своего уха.

— Смешно даже, — сказал он. — Таскаешься всю свою жизнь в школу, зубришь всякую ерунду, и никто ведь не расскажет тебе о Бермудском треугольнике, НЛО и всех этих Древних Мастерах, которые под землей бегают. И вообще, почему мы должны зубрить всякое занудство, когда в мире столько потрясного!

Одобрительный гул.

Они поиграли в Чарльза Форта, а потом — в «Атланты против тибетцев», но тибетцы заявили, что древние мистические лазеры — это нечестно.

Было время — хотя и недолгое, — когда охотников за ведьмами уважали повсеместно.

Например, в середине семнадцатого века Мэтью Хопкинс, генерал Армии ведьмоловов, ловил ведьм по всей восточной Англии, взимая с каждого городка или деревни по девять пенсов за штуку.

В том-то и была загвоздка. В Армии ведьмоловов не действовала система почасовой оплаты труда. Любой охотник за ведьмами, целую неделю проверявший местных старушенций, а затем доложивший мэру: «Все в порядке, сэр, ни одной остроконечной шляпы», получал полную долю благодарностей, миску супа и выразительное пожелание счастливого пути.

Поэтому для получения хоть какой-то выгоды Хопкинсу пришлось найти приличное количество ведьм. Что сделало его, мягко выражаясь, непопулярным в муниципалитетах и сельских советах, и его самого повесили как ведьмака в одной восточноанглийской деревушке, жители которой рассудили, что могут сократить накладные расходы, устранив посредника.

Многие полагали, что Хопкинс был последним генералом Армии ведьмоловов.

Это, строго говоря, правда, хотя на деле все несколько сложнее. Армия продолжает существовать, только не афиширует свою деятельность.

Но теперь у ведьмоловов нет настоящего генерала.

А также ни одного полковника, ни одного майора, ни одного капитана, нет даже лейтенанта (последний умер в 1933 году, сверзившись с огромного дерева в Катереме, когда пытался получше разглядеть сатанинскую оргию развращенных сектантов, хотя на самом деле то был ежегодный прием с танцами Ассоциации рыночных торговцев Катерема и Уайтлифа).

Здравствует и поныне, однако, один сержант Армии ведьмоловов.

А также есть и рядовой ведьмолов. Зовут его Ньютон Пульцифер.

Его привлекло в эти ряды рекламное объявление в «Газетт», помещенное между объявлениями о продаже холодильника и не вполне чистокровных далматинцев:

ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ. ЧАСТИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ. ТРЕБУЕТСЯ АССИСТЕНТ ДЛЯ БОРЬБЫ С ТЕМНЫМИ СИЛАМИ. ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ УНИФОРМА И НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ. ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ ГАРАНТИРОВАНО. БУДЬ МУЖЧИНОЙ!

Во время обеденного перерыва он позвонил по указанному телефону. Ответил женский голос.

— Добрый день, — неуверенно начал он. — Я прочел ваше объявление.

— Которое, милый?

— Э-э, ну то, что в газете.

— Отлично, милый. Итак, мадам Трейси прикрывает завесу ежедневно, кроме четверга. Коллективные визиты приветствуются. Когда вы предпочли бы приобщиться к Мистериям, милый?

Ньютон помедлил.

— В объявлении сказано: «Вступайте в ряды профессионалов». И ни слова о мадам Трейси.

— Тогда, значит, вам нужен мистер Шедвелл. Секундочку, я посмотрю, здесь ли он.

Позже, познакомившись поближе с мадам Трейси, Ньют узнал, что если бы он упомянул другое (журнальное) объявление, то мадам предложила бы ему строгое воспитание и интимный массаж в любой вечер, кроме четверга. Где-то в телефонной книге затерялось и еще одно объявление. Когда, значительно позже, Ньют спросил, что же рекламируется там, мадам Трейси сказала: «Четверги».

Наконец послышались шарканье по каменному полу, глухой кашель, и в телефонной трубке зашуршал голос с тембром старого дождевика:

— Але?

— Я прочел ваше объявление. «Вступайте в ряды профессионалов». Мне хотелось бы узнать об этом немного побольше.

— Воистину. Многие хотели бы узнать об этом побольше, многие... — Последовала впечатляющая пауза, а затем голос захрипел в полную силу: — А многие НЕ ХОТЕЛИ БЫ.

— А, — пискнул Ньютон.

— Как твое имя, парень?

— Ньютон. Ньютон Пульцифер.

— ЛЮЦИФЕР? Что слышу я? Ужель ты Порождение Тьмы, адский искуситель и соблазнитель, развратный выползыш из котлов Аидовых, сладострастный раб стигийских владык?

— Нет, моя фамилия Пульцифер, — пояснил Ньютон. — Первая буква «п». Насчет прочего не знаю, но мы родом из Суррея.

Его собеседник был как будто разочарован.

— А-а. Воистину. Ну, ладно. Значит, Пульцифер. Пульцифер. Знакомая что-то фамилия?

— Даже не знаю, — сказал Ньютон. — Мой дядя держит магазин игрушек в западном Лондоне, — добавил он на всякий случай.

— Да неужто? — прохрипел Шедвелл.

Произношение мистера Шедвелла невозможно было привязать к определенному региону. Он, точно национальная велогонка, соединил в себе всю Британию. То он выражался как безумный валлийский сержант, то как шотландский пресвитер, только что уличивший кого-то в греховном воскресном труде, а где-то между ними прорывался голос угрюмого пастуха из Йоркшира или язвительного скопидама из Сомерсета. Неважно, откуда пришел тот или иной акцент; в устах мистера Шедвелла лучше он звучать не стал.

— У тебя пока все зубы на месте?

— Ну да. Не считая пломб.

— И как со здоровьем?

— Да вроде все в порядке, — пробормотал Ньют. — Я ведь потому и хочу в армию. Брайан Поттер из бухгалтерии после военной службы может за просто делать сотню отжиманий. И он маршировал на параде перед королевой-матерью.

— А сколько у тебя сосков?

— Не понял?

— Сосков, парень, сосков на груди, — раздраженно повторил голос. — Сколько сосков тебе досталось?

— Гм. Два?

— Хорошо. А ножницы у тебя есть?

— Что?

— Ножницы! Нож-ни-цы! Ты что, глухой?

— Нет. Да. В смысле у меня есть ножницы. И я не глухой.

Какао почти совсем затвердело. Внутренняя поверхность кружки обросла зеленой опушкой.

Азирафаэль также покрылся тонким слоем пыли.

Рядом с ним на столе образовался ворох записок. В «Превосходных и Недвусмысленных Пророчествах» появилось множество закладок, оторванных из «Дейли телеграфа».

Азирафаэль поерзал на стуле и ущипнул себя за нос.

Он был почти у цели.

Ему удалось понять систему изложения.

Он никогда не встречал Агнессу. Очевидно, она была слишком умна для этого. Как правило, Небеса или Ад брали на заметку всех пророков и, чтобы предотвратить неуместную точность описаний, глушили каналы ментальных связей. Впрочем, это требовалось редко: обычно провидцы сами генерировали «белый шум», пытаясь укрыться от образов, что отражались в их сознании. К примеру, бедолаге Иоанну Богослову помогали грибы. Матушка Шиптон подкреплялась элем. Нострадамус использовал замысловатые восточные снадобья. Святой Малахий задействовал перегонный куб.

Дружище Малахий. Он был славным малым, любил посидеть да порассуждать о том, какие еще явятся на свет папы римские. Тот еще ханурик, разумеется. Мог бы стать настоящим мыслителем, если бы не самогон.

Печальный конец. Порой остается только надеяться, что непостижимый замысел был должным образом продуман.

Про что-то такое Азирафаэль думал. Что-то хотел сделать. Ах да. Позвонить своему агенту, чтобы тот со всем разобрался.

Он встал, хорошенько потянулся и взял телефон.

Потом он подумал: а почему бы и нет? Стоит попытаться...

Вернувшись к столу, он покопался в ворохе записок. Агнесса действительно была умна. И хитра. Понятные и однозначные предсказания никого не интересовали.

Вооружившись газетой, он позвонил в справочную.

— Алло? Добрый день. Будьте любезны. Да. Мне нужен один телефонный номер в Тадфилде. Или в Нижнем Тадфилде... хм. А возможно, в Нортоне, я не знаю точно, какой там код. Да. Янг. Фамилия Янг. К сожалению, я забыл инициалы. О. Тогда не могли бы вы перечислить мне все номера? Спасибо.

Карандаш на столе подскочил и сам начал лихорадочно выводить какие-то каракули.

На третьем имени сломался грифель.

— Ах! — воскликнул Азирафаэль и продолжил автоматически, потому что мозги его взорвались: — Наверное, он-то мне и нужен. Спасибо. Вы крайне любезны. Всего вам наилучшего.

Испытывая почти благоговейные чувства, он повесил трубку, сделал несколько глубоких вдохов и набрал новый номер. Последние три цифры дались ему с некоторым трудом, поскольку его рука подрагивала.

Длинные гудки, затем мужской голос. Говорил, похоже, человек средних лет, не то чтобы враждебно, скорее полусонно.

— Тадфилд шесть — шестьдесят шесть.

Рука Азирафаэля задрожала.

— Алло? — вопрошала трубка. — Алло.

Азирафаэль взял себя в руки.

— Простите, — сказал он. — Проверка номера.

И повесил трубку.

Ньют не был глухим. И у него имелись ножницы.

А также внушительная пачка газет.

Если бы он знал, что армейская жизнь заключается главным образом в приложении первых ко второй, то наверняка призадумался бы, стоит ли вступать в ее ряды.

Шедвелл, сержант Армии ведьмоловов, составил для него список, приколотый к стене в крошечной захламленной квартире Шедвелла, расположенной над магазинчиком «Раджит. Свежая пресса и видео-прокат». Список состоял из двух пунктов:

1) Ведьмы.

2) Необъяснимые феномены. Фенономены. Финномены. В общем, ты сам понял.

И Ньют выискивал все, что было угодно Шедвеллу. Он вздохнул и, взяв очередную газету, просмотрел первую страницу, перевернул ее, проигнорировал вторую (там никогда нет ничего интересного) и смущенно вспыхнул, взглянув на третью, где ему предстояло обязательно пересчитать все соски. Шедвелл на этом настаивал. «Им нельзя доверять, этим хитрым бестиям, — говорил он. — Они прямо-таки выставляют себя напоказ, точно измываются над нами».

На странице девять перед камерой позировала сердитая парочка в черных свитерах с высокими за-
вернутыми воротниками. Они уверяли, что возглав-
ляют крупнейший ведьмовской шабаш в Саффрон-
Уолдене и способны восстановить сексуальную
потенцию при помощи маленьких и очень фалли-
ческих кукол. Газета предлагала десяток таких фи-
гурок читателям, готовым прислать письмо на тему
«Как я опозорился». Ньют вырезал эту заметку и су-
нул в альбом для вырезок.

В дверь тихо постучали.

Ньют отворил, и дверной проем заполнила огром-
ная кипа газет.

— В сторону, в сторону, рядовой Пульцифер, —
рывкнула она и прошаркала в комнату. Газеты рассы-
пались и позволили наконец увидеть сержанта армии
ведьмоловов Шедвелла, который после приступа му-
чительного кашля раскурил погасшую папиросу.

— Нужно будет за ним приглядеть. Он явно один
из них, — прохрипел сержант.

— Кто, сэр?

— Вольно, рядовой. Кто, говоришь? Да тот сму-
глый типчик. Так называемый мистер Раджит. Его
племя явно знает с магией. Желтый божок так
и щурит рубиновый глаз. Да и у женщин явный пере-
бор с руками. Ведьмы как есть.

— Сержант, так ведь зато он бесплатно дает нам
газеты, — сказал Ньют. — И не такие уж старые.

— И вуду. Пари держу, он вудит на всю голову.
Петухов приносит в жертву Барону Субботе. Ну,
знаешь, о ком я — высокий такой, черномазый мер-
завец в цилиндре. Возвращает людей из мертвых,
воистину, и заставляет их пахать в день субботний.
Вуду. — Шедвелл задумчиво хмыкнул.

Ньют попытался представить домовладельца в роли шамана. Безусловно, мистер Раджит работал по субботам. Собственно говоря, чтобы содержать молчаливую толстушку-жену и пухлых резвых ребяташек, он работал круглыми сутками (не говоря уж — круглый год), удовлетворяя потребности всей округи в газировке, белом хлебе, табаке, сладостях, газетах, журналах и порнографии того рода, какую держат на верхней полке (при одной мысли о ней у Ньюта слезы наворачивались на глаза). Худшее, что мистер Раджит мог сделать с петухом, так это продать его по истечении срока годности.

— Но ведь мистер Раджит приехал из Бангладеш или из Индии, в общем, откуда-то из тех краев, — заметил Ньют. — Мне казалось, вудуисты приезжают из Вест-Индии.

— Э-э, — неопределенно протянул сержант-ведьмоллов Шедвелл и снова затянулся своей папиросой. Вернее, так показалось Ньюту. Он никогда толком не видел ни одной из папирос своего начальника — те всегда прятались в ладони и не оставляли окурков. — Э-э.

— А что, разве не так?

— Скрытая мудрость, парень. Сокровенные военные тайны Армии ведьмолотов. Когда ты полностью войдешь в курс дела, тебе откроются тайные истины. Да, кое-какие вуды, может, и вправду из Вест-Индии, правда твоя. Да, в этом ты прав. Но самые из них страшные, самые зловердные — так вот, они-то как раз и происходят из, гм...

— Бангладеш?

— Эфрика! Точно, парень, в яблочко. С языка срываешь. Бангладеш. Точно.

Докуренная папироса Шедвелла бесследно исчезла, и он умудрился так мастерски скрутить следующую, что ни папиросной бумаги, ни табака заметить было невозможно.

— Итак. Рядовой-ведьмолов, обнаружил ты что-нибудь?

— Ну, вот здесь есть кое-что. — Ньютон протянул ему вырезки.

Шедвелл покосился на них.

— А-а, эти пустобрехи, — сказал он. — Барахло, да и только. И они еще называют себя ведьмами? Да проверял я их в прошлом году. Снизошел до них, вооружившись арсеналом праведности и растопкой, взломал их жилище, а они чистенькие, без сучка без задоринки. Попытались раскрутить дельце по продаже пчелиного клея, заказы по почте. Ерунда. Они ведьмовского кота не узнают, даже если он из заднего кармана у них вылезет. Барахло. Нет, не те пошли времена, паренек.

Он сел и налил себе чашку сладкого чая из грязного термоса.

— Я ведь еще не рассказывал, кто меня завербовал в армию? — спросил он.

Ньют воспринял вопрос как предложение приступить. Он покачал головой. Шедвелл прикурил самокрутку от старенькой зажигалки «Ронсон» и признательно откашлялся.

— Он был моим сокамерником. Охотник за ведьмами, капитан-ведьмолов Ффолкс. Десять лет за поджог. Устроил пожар на одном шабаше в Уимблдоне. Мог бы расправиться со всей их братией, да только выбрал неудачное время. Славный малый. Рассказал мне о битве — о великой войне между Не-

бесами и Адом... Это он мне поведал Сокровенные Тайны Армии. Рассказал о ведьмовских котах. О сосках. И обо всем прочем... Штука в чем? Он знал, что помирает, и хотел кому-то передать великую традицию. Вот и ты теперь... — Он тряхнул головой. — До чего мы докатились, парень. Несколько веков тому мы были силой. Стояли на страже между миром и темной бездной. Красной нитью проходили сквозь историю. Огненной нитью.

— Я думал, церковь... — начал Ньют.

— Фуй! — воскликнул Шедвелл. Ньют встречал это словечко в книжках, но впервые его услышал. — Церковь? Да какая от нее польза? И она ничем не лучше. Что то, что это. Разве будет она искоренять Лукавого и дела его? Ну искоренит — а дальше ей чем заниматься? Коли хочешь заловить тигра, то не бери с собой зевак да попутчиков, им ведь охота — что зоопарк, лишь бы поглазеть на хищника да бросить ему кусок мяса. Нет, парень. Теперь мы подхватили знамя. Мы стоим против тьмы.

На миг все затихло.

Ньют всегда стремился увидеть в человеке лучшее, но вскоре после вступления в ряды Армии ведьмо-ловов ему пришло в голову, что его сержант и единственный собрат по оружию уравновешен не лучше перевернутой пирамиды. «Вскоре» в данном случае означало — «секунд через пять». Штаб армии размещался в зловонной, насквозь прокуренной комнате со стенами цвета никотина (который их и покрывал) и пепельным полом (буквально — пепельным). Виднелся еще, правда, квадратный коврик. Ньют старался обходить его стороной, поскольку коврик пытался засосать его подошвы.

К одной из стен была прикреплена пожелтевшая карта Британских островов, пестревшая множеством воткнутых в нее самодельных флажков — главным образом в пределах кольца, ограниченного стоимостью льготных обратных билетов в Лондон.

Но за несколько недель Ньют успел прикипеть ко всему этому, потому что изначальный трепет обернулся трепетной жалостью, а та — чем-то вроде трепетной привязанности. Шедвелл не дорос и до пяти футов, а его верхняя одежда, что бы он ни носил, всегда запечатлевалась в краткосрочной памяти как древний макинтош. У старины Шедвелла, возможно, сохранились все зубы, но только потому, что никто больше в них не нуждался; положи он хоть один зубик под подушку, и Зубная фея в ужасе сломала бы свою волшебную палочку.

Он жил, похоже, только на сладком чае со сгущенным молоком, самокрутках и какой-то приглушенной внутренней энергии. Шедвелл боролся за Общее Дело, которому отдавал всю изобретательность своей души и льготы пенсионного удостоверения. Общее благое дело стало его верой. И она подпитывала Шедвелла, как турбина.

Ньютону Пульциферу не довелось пока встретить главное дело своей жизни. И, кажется, веру тоже. Это его огорчало, поскольку он очень хотел во что-нибудь верить, признавая, что вера — тот спасательный круг, который помогает большинству людей держаться на плаву в своенравных водах океана Жизни. Ему хотелось верить во Всевышнего, хотя, прежде чем связывать себя какими-то обязательствами, он предпочел бы для начала поболтать с Ним полчаса и прояснить пару вопросов. Он посещал всевозможные церкви, на-

деясь пережить озарение, да так и не пережил. А потом он серьезно вознамерился встать на стезю атеизма, но даже для этого не сумел обрести твердой как скала и самодовольной веры. Все политические партии казались ему в равной мере жуликоватыми. Он отверг экологию, когда выписанный им журнал предложил своим читателям план «сада на самообеспечении», где привязанный к колышку экологический козел щипал травку в трех футах от экологического улья. Проведя много времени за городом у бабушки, Ньют знал кое-что о привычках коз и пчел и пришел к заключению, что экологический журнал выпускает шайка с интеллектом грудных младенцев. Кроме прочего, они слишком часто употребляли слово «общественность». А Ньют давно подозревал, что люди, регулярно щеголяющие словом «общественность», придают ему очень специфический смысл: и сам Ньют, и все, кого он знал, в это понятие явно не входили.

Тогда он попытался обрести веру во Вселенную; это выглядело довольно весомо, пока по наивности своей он не взялся за новые книги, в заглавиях которых встречались слова «хаос», «эра» и «квант». Он обнаружил, что даже люди, которые, так сказать, трудились над Вселенной, на самом деле не верили в нее и даже гордились незнанием того, что она собой представляет и может ли существовать хотя бы теоретически.

Такая неопределенность для прямолинейного ума Ньюта была невыносимой.

Ньют не верил в игры бойскаутов, а когда он стал постарше, то и в старших скаутов.

Он был готов поверить, однако, что в мире, возможно, не найдется ничего более занудного, чем работа в бухгалтерии «Индастриал холдингз».

Если же оценивать мужскую привлекательность Ньютона Пульцифера, то сказать можно только одно: если бы он зашел в телефонную будку и переоделся, то при выходе мог бы сойти за Кларка Кента.

Он понял, что Шедвелл ему, в общем-то, нравится. И не только ему, к вящему раздражению сержанта-ведьмолова. Раджиту он нравился, поскольку рано или поздно платил за квартиру, не доставляя никаких хлопот, а его яростный расизм был вполне безадресным: Шедвелл просто ненавидел всех и вся в этом мире, невзирая на положение в обществе, цвет кожи или вероисповедание, и не собирался делать исключений для кого бы то ни было.

Сержант Шедвелл нравился и мадам Трейси. Ньют был поражен, обнаружив, что арендатором соседней квартиры была по-матерински заботливая дама средних лет, чьи благопристойные визитеры рассчитывали не только на сеанс умеренной строгости, но и на чашечку чая и приятную беседу. Иногда, приговорив субботним вечером полпинты «Гиннеса», Шедвелл выходил в коридор между их комнатами, крича оскорбления типа «Блудница вавилонская!» — но сама мадам Трейси по секрету сказала Ньюту, что ей это даже льстит, хотя она сроду не бывала в Вавилоне и вообще в ту сторону дальше Малаги не заезжала. Зато получается бесплатная реклама.

Также она сказала, что совершенно не возражает против того, чтобы Шедвелл барабанил в стену и сквернословил во время спиритических сеансов. Колени порой подводили ее, и она не могла ловко раскрутить спиритический столик, так что приглушенные удары приходились вполне кстати.

По воскресеньям она оставляла у Шедвеллова порога скромный обед, заботливо накрытый тарелкой, чтобы не остыл.

Шедвелла невозможно не любить, заявляла она. Однако пользы ей от этого не было никакой, с тем же успехом он могла стряхивать хлебные крошки в черную дыру.

Ньют вспомнил о других вырезках. Он подтолкнул их к сержанту по заляпанному столу.

— Ну что там еще? — подозрительно спросил Шедвелл.

— Феноменальные явления, — сказал Ньют. — Вы же сами говорили. Правда, боюсь, что в наши дни происходят такие чудеса, что никаким ведьмам и не снились.

— Может, кто-то подстрелил зайца серебряной пулей, а на следующий день в деревне охромела старая карга? — с надеждой спросил Шедвелл.

— К сожалению, нет.

— А может, где-то пали замертво коровы, сраженные взглядом мегеры?

— Нет.

— Да что ж тогда? — сказал Шедвелл. Он прошаркал по полу к покрытому липкими пятнами темному буфету и добыл из него сгущенку.

— Странные дела творятся, — сказал Ньют.

Он рыскал по газетам несколько недель. Прежде Шедвелл просто складывал их в кучу, так что некоторые хранились годами. Ньют на память не жаловался (может быть, потому, что за двадцать шесть лет с ним не случилось почти ничего, что стоило бы запомнить) и в результате стал настоящим знатоком в исключительно эзотерических областях.

— И с каждым днем все чаще, — продолжил Ньют, перелистывая прямоугольнички газетной бумаги. — Какая-то ерунда на атомной электростанции, и никто не понимает, а что же произошло. Еще уверяют, что всплыла затерянная в волнах Атлантида.

Он явно гордился своей старательностью.

Шедвелл проткнул перочинным ножичком крышку сгущенки. Где-то далеко зазвонил телефон. Ведьмолы привычно не обратили на него внимания. Звонили только мадам Трейси, и некоторые разговоры вовсе не предназначались для мужских ушей. В свой первый рабочий день Ньют добросовестно подошел к телефону, внимательно выслушал вопрос, ответил: «Семейки, стопроцентный хлопок, от Маркса и Спенсера», после чего в телефонной трубке воцарилась гробовая тишина.

Шедвелл присосался к банке.

— Не-ет, разве ж это феномены? — сказал он наконец. — Разве способны ведьмы на такое? Они скорей утопят кого, чем из воды подымут.

Рот Ньюта открылся и закрылся несколько раз.

— Чтобы выстоять в борьбе с ведьмовством, на такие глупости отвлекаться не след, — продолжал Шедвелл. — А чего-нибудь настоящего не нашлось?

— Но американские войска высадились там для обеспечения порядка, — простонал Ньют. — Высадились на несуществующий континент...

— Ведьмы на нем есть? — прохрипел Шедвелл, впервые выказывая искру заинтересованности.

— Не пишу, — признал Ньют.

— Ха, тогда это просто политика с географией, — пренебрежительно бросил Шедвелл.

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова мадам Трейси.

— Хау, мистер Шедвелл, — сказала она, по-приятельски подмигнув Ньюту. — Вас просит к телефону какой-то джентльмен. Привет, мистер Ньютон.

— Прочь, потаскуха, — машинально буркнул Шедвелл.

— Он выражается очень изысканно, — не обращая внимания, продолжила мадам Трейси. — Кстати, к воскресному ужину я собираюсь приготовить печенку.

— Уж лучше я отужинаю с дьяволом, женщина!

— И я была бы очень признательна, милый, если бы вы сообразовали отдать тарелки, оставшиеся с прошлой недели, — сказала мадам Трейси и, покачиваясь на трехдюймовых каблуках, вернулась к своим загадочным делам.

Шедвелл, ворча, подошел к телефону, а Ньют уныло разглядывал вырезки. Одна из них утверждала, что камни Стоунхенджа начали смещаться, словно железные опилки под действием магнитного поля.

Он смутно слышал односторонний телефонный монолог.

— Кто? А-а. Да. Воистину. Неужто? И что же именно? Воистину. Как скажете, сэ-эр. Так где бишь это место?..

Но таинственно движущиеся камни тоже пришлось Шедвеллу не по вкусу — в отличие от сгущенки.

— А то, а то, — заверил Шедвелл телефонного собеседника. — Выезжаем немедленно. Я направлю туда мой лучший взвод и без промедления доложу об успешном завершении операции, без страха и сомнения. Всего наилучшего, сэ-эр. И вас также, будьте

здоровы, сэ-эр. — Трубка тихо дзинькнула, и Шедвелл, чей голос, метафорически выражаясь, уже не стоял на вытяжку, ехидно пропищал: — «Голубчик», ну надо же! Чертов южный гомик¹.

Прошаркав обратно в комнату, он взглянул на Ньюта так, словно начисто забыл, откуда тот взялся.

— Чем это ты тут занимаешься? — спросил он.

— Да все новости смотрю... — начал Ньют.

— Да?.. — Шедвелл продолжал смотреть на него невидящим взглядом, задумчиво постукивая по зубам опустевшей банкой.

— Вот пишут тут про один городок, где последние несколько лет стоит совершенно удивительная погода, — растерянно продолжал Ньют.

— И что же в ней удивительного? Лягушки падают с неба или еще что? — оживился Шедвелл.

— Нет. Просто хорошая погода круглый год.

— И что же тут феноменального? — сказал Шедвелл. — Эх, парнишка, поживи с мое... Я такие феномены видел, что у тебя бы волосы от них закурчавились. — Он опять начал постукивать банкой.

— Где это вы видели нормальную погоду круглый год? — слегка раздраженно спросил Ньют. — Нормальная погода, сержант, уже ненормальна. Обычно на Рождество выпадал снег. А когда вы в последний раз видели снег на Рождество? А долгий жаркий август? Каждый год? А знобкую осень? Разве не о такой погоде все мечтают в детстве? Чтобы пятого ноября перед самым костром не зарядил дождь и чтобы к сочельнику обязательно выпал снег.

¹ Шедвелл терпеть не мог всех южан; сам он, судя по всему, родился на Северном полюсе.

Взгляд Шедвелла стал рассеянным. Рука с банкой сгущенки замерла на полпути ко рту.

— Я в детстве ни о чем не мечтал, — тихо сказал он.

Ньют осознал, что оказался на скользком краю очень неприятного провала. Он мысленно отпрянул.

— На самом деле все очень странно, — сказал он. — Вот здесь один синоптик сообщает о средних и нормальных уровнях осадков, о микроклимате и так далее.

— В смысле?

— В смысле он не знает, чем это объяснить, — сказал Ньют. Нельзя провести годы на отмелях большого бизнеса и не нахвататься кое-каких практических навыков. Он искоса глянул на сержанта-ведьмолова.

— Ведьмы умели запросто портить погоду, — рискнул продолжить он. — Так и в «Разоблачении» Хопкинса сказано.

«О Господи, — мысленно взмолился он, — или иная высшая сущность, какая окажется рядом, не дай мне провести очередной вечер за газетами в этой курилке. Позволь мне подышать свежим воздухом. Что у ведьмоловов служит аналогом водных лыж на германском курорте?»

— Это всего лишь сорок миль от Лондона, — неуверенно сказал он. — Я мог бы сгонять туда завтра. И разузнать все, ну, поточнее. Я даже бензин сам оплачу, — добавил он.

Шедвелл с задумчивым видом облизнул верхнюю губу.

— Это твое местечко, — сказал он. — Уж не называется ли оно Тадфилд?

— Именно так, мистер Шедвелл, — опешил Ньют. — Но как вы узнали?

— Что за игру затеяли эти южане? — пробормотал Шедвелл. — Ладушки, — громко сказал он. — Почему бы и нет?

— А кто играет, сержант? — спросил Ньют.

Шедвелл проигнорировал вопрос.

— Лады. Полагаю, вреда от этого не будет. Так, значит, сам за бензин заплатишь?

Ньют кивнул.

— Тогда загляни сюда завтра к девяти утра, — сказал он, — перед тем как ехать.

— Зачем? — спросил Ньют.

— Вооружишься праведностью.

Сразу после ухода Ньюта телефон вновь зазвонил. На сей раз звонил Кроули, который дал примерно те же указания, что и Азирафаэль. Шедвелл повторно записал их проформы для, а мадам Трейси жизнерадостно нависала над ним.

— Два звонка за один день, мистер Шедвелл! — воскликнула она. — Должно быть, ваша маленькая армия продвигается вперед полным ходом!

— Да отвали ты, Езавеля, — проворчал Шедвелл и захлопнул дверь.

«Значится, Тадфилд, — подумал он. — Ой крутят, ой крутят... Но раз уж платят вовремя...»

Ни Азирафаэль, ни Кроули не руководили деятельностью Армии ведьмоловов, но оба относились к ней одобрительно или, по крайней мере, полагали, что ее одобрит начальство. Она оказалась в списке Азирафаэля, поскольку охотилась, очевидно, на ведьм, а силы небесные поддерживают любого, кто называет себя ведьмоловом, точно так же, как США

поддерживают всякого, кто называет себя антикоммунистом. Армия оказалась также в списке Кроули, хотя и по более сложной причине: такие люди, как Шедвелл, не доставляли Аду вообще никаких хлопот. А вот польза от них была весьма ощутимой.

Строго говоря, Шедвелл и сам не командовал Армией ведьмоловов. Согласно его grossбухам, Армию возглавлял некий генерал Смит. За ним следовали ведьмолоры различных званий: полковники Грин и Джоунз, майоры Джексон, Робинсон и Смит (не родственник). Кроме того, в списке имелись еще майоры Сковоррод, Коунсерв, Бутль-Молокоу и Буфет: ограниченное воображение Шедвелла к этому времени забуксовало. Среди капитанов числились Смит, Смит, Смит, Смитт и Тэ-Дэ. Далее следовало еще пять сотен рядовых, капралов и сержантов. Многих из них звали Смитами, но это не имело значения, поскольку ни Кроули, ни Азирафаэль никогда не заглядывали так далеко в платежную ведомость. Они просто выдавали зарплату.

В конце концов, их совокупный вклад составлял около шестидесяти фунтов в год.

Шедвелл ни в коем случае не считал, что нарушает закон. Его армия была священным воинством, так надо же как-то сводить концы с концами. В былые времена платили девятипенсовики, а теперь даже их нет.

СУББОТА

То было очень раннее субботнее утро, рассвет последнего дня этого мира, и небо стало краснее крови.

Курьер «Международной экспресс-почты» осторожно завернул за угол на скорости тридцать пять миль в час, притормозил и съехал на травянистую обочину.

Выйдя из машины, он сразу бросился в кювет, чтобы не попасть под грузовик, который лихо вылетел из-за поворота на скорости, явно превышающей восемьдесят миль в час.

Поднявшись с земли, он нашел упавшие очки, нацепил их, достал посылку и блокнот, стряхнул с униформы траву и пыль и несколько запоздало погрозил кулаком стремительно удаляющемуся грузовику.

— Надо бы запретить эти проклятые грузовики, никакого уважения к людям, а ведь я говорил, я всегда говорил: помни, сынок, стоит тебе вылезти из машины, и ты уже простой пешеход...

Он спустился вниз по травянистому склону, перелез через низкую изгородь и оказался на берегу реки Ак.

С посылкой в руке курьер «Международной экспресс-почты» побрел вдоль берега.

Ниже по течению сидел молодой парень, одетый в блеклые одежды. Больше никого было не видеть. Его белое как мел лицо обрамляли светло-пепельные волосы. Он медленно поворачивал голову из стороны в сторону, как будто с восхищением разглядывал речные пейзажи. Он напоминал викторианского поэта-романтика, за которого еще не успели взяться чахотка и опиум.

Посыльный «Международной экспресс-почты» пребывал в недоумении. Дело в том, что в прежние времена, и не так уж давно, здесь через каждые десять ярдов торчали рыболовы, на берегу играли ребятишки, влюбленные парочки приходили сюда послушать плеск и журчание воды, подержаться за руки и няшно проводить мимимишный сассекский закат. Он сам любил прогуляться по берегу с юной Мод, пока дело не дошло до свадьбы. Помнится, тогда и пчелки вились над цветами... Они символизировали.

Да, заключил посыльный, времена изменились.

Теперь белые и коричневые шапки пены невозможно дрейфовали по течению, сплошь покрывая воду ярд за ярдом. А если из-под пены все-таки проглядывала река, то на ее поверхности переливалась тончайшая пленка нефтехимических продуктов.

Прошумели крылья парочки гусей, довольных, что они вновь вернулись в Англию после изнурительного перелета через Северную Атлантику. Гуси приводнились на радужную пленку и сгнули в глубине без следа.

Как странно все в нашем мире, подумал курьер. Вот и долина Ака была когда-то красивейшим местом в Европе, а сейчас река превратилась в шикарную сточную канаву для промышленных отходов. Лебеди идут ко дну, а рыба всплывает кверху брюхом.

А что делать — прогресс. Его не остановишь.

Он подошел к парню в белом.

— Простите, сэр. Партийная кличка Мел?

Бледный парень молча кивнул. Он все так же пристально смотрел на реку, провожая взглядом впечатляющие холмы бурой пены.

— Как же красиво, — прошептал он. — Чертовски красиво.

Посыльный на время лишился дара речи. Но вот его речевой аппарат стал машинально вырабатывать слова.

— Да, странно все в нашем мире, не правда ли, ну, то есть можно объездить весь мир с посылками, а затем вернуться, как говорят, в родные пенаты, я ведь родился и вырос в этих самых краях, сэр, а успел побывать и в Средиземноморье, и в Де-Мойне, в самой что ни на есть Америке, сэр, и вот я здесь, и вот ваш пакет, сэр.

«Партийная кличка Мел» принял посылку и, взяв блокнот, расписался в получении. Ручка начала протекать, и подпись расплылась: сплошная клякса, а в конце то ли «...ма», то ли «...ение».

— Премного благодарен, сэр, — сказал посыльный.

Он побрел обратно вдоль берега реки, стараясь не смотреть на воду, и вернулся к загруженной трассе, где припарковал фургон.

После его ухода человек в блеклых одеждах развернул пакет. В нем оказался венец — диадема из светлого металла, украшенная бриллиантами. Несколько мгновений он удовлетворенно рассматривал ее, а потом надел на голову. Корона посверкивала в лучах восходящего солнца. Но тусклый налет, который начал покрывать серебристую поверхность

с момента прикосновения его пальцев, становился все темнее, и вскоре вся корона почернела.

Мел встал. Что хорошо в загрознении атмосферы, так это потрясающие восходы. Словно кто-то поджег небеса.

Случайно брошенная спичка могла бы поджечь эту реку, но, увы, времени оставалось в обрез. Мел мысленно прикинул, где и когда должны встретиться Четверо, и понял, что ему придется поспешить на встречу.

«А уж тогда, пожалуй, мы подожжем небеса», — подумал он. Его фигура как-то незаметно исчезла с речного берега.

Близился урочный час.

Посыльный оставил фургон на обочине дороги с двухсторонним движением. Обойдя машину (с осторожностью, поскольку автомобили по-прежнему вылетали из-за поворота), он оказался у дверцы водителя, просунул руку в открытое окно и взял квитанцию с приборного щитка.

Итак, осталось доставить только еще одну посылку.

Он внимательно прочел указания на бланке доставки.

В недоумении перечел их еще раз, обратив особое внимание на адрес и сообщение. Адрес состоял из одного слова: «Повсюду».

Затем он написал подтекающей ручкой короткую записку Мод, своей жене. Очень просто: «Я люблю тебя».

Положив бумаги на приборный щиток, он посмотрел налево, потом направо и опять налево и решительно направился через дорогу. Он был примерно посередине, когда из-за угла появилась немецкая машина смерти, многоосный грузовик для международных перевозок, водитель которого вконец помешался от кофеина, таблеток и транспортных правил ЕС.

Курьер проводил взглядом громаду удаляющегося грузовика.

«Боже, — подумал он, — а ведь этот гад чуть меня не сшиб».

Затем он глянул вниз на сточную канаву.

«Вот как», — подумал он.

— ДА УЖ, — согласился чей-то голос из-за его левого плеча, или, вернее, оттуда, где, по воспоминаниям, находилось его левое плечо.

Курьер обернулся, огляделся и увидел. В первый миг он не мог найти слов, не мог вообще ничего понять, но выработанная годами привычка сделала свое дело, и он сказал:

— Послание для вас, сэр.

— ДЛЯ МЕНЯ?

— Да, сэр. — Хорошо бы у него было горло — тогда хоть удалось бы сглотнуть. Будь у него еще горло. — Пакета, к сожалению, нет, мистер... э... сэр. Только послание.

— ТОГДА ПЕРЕДАЙ ЕГО.

— Вот оно, сэр. Гм... «Иди и смотри».

— НАКОНЕЦ-ТО.

Адресат улыбнулся — впрочем, он всегда улыбался, такое уж у него было лицо.

— БЛАГОДАРЮ, — продолжал голос. — ПОХВАЛЬНАЯ ПРЕДАННОСТЬ ДОЛГУ.

— Сэр? — покойный курьер проваливался в странный серый туман и видел лишь два голубых пятна. Возможно, то были глаза, а возможно — далекие звезды.

— СЧИТАЙ, ЧТО НЕ УМИРАЕШЬ, — сказал Смерть. — ПРОСТО УХОДИШЬ РАНЬШЕ ПРОЧИХ, ЧТОБЫ НЕ ПОПАСТЬ В ТОЛКУЧКУ.

Посыльный удивился на миг — не шутит ли его собеседник — и решил, что не шутит; на том все и закончилось.

Небо красно поутру. Никому не по нутру.
Да.

Сержант-ведьмолов Шедвелл отступил назад и склонил голову набок.

— Значит, так, — глубокомысленно сказал он. — Все готово. Ничего не забыл?

— Ничего, сэр.

— Маятник обнаружения?

— Есть маятник обнаружения.

— Тиски?

Ньют сглотнул и похлопал себя по карману.

— Тиски на месте, — сказал он.

— Растопка?

— Ей-богу, сержант, я думаю, что...

— *Растопка?*

— Есть растопка, — уныло сказал Ньют. — И спички¹.

¹ Примечание для американцев и прочих форм городской жизни: британцы, живущие в сельской местности, тщательно избегают использования центрального отопления, считая его чересчур сложным и в любом случае ослабляющим силу духа. Они методично складывают кучки из деревяшек и угля, поверх которых набросаны мокрые бревна, по возможности содержащие асбест, затем дожидаются, пока все это задымится, и традиционно восклицают: «Что прекраснее живого огня?!» А поскольку ни один из ингредиентов, естественно, не желает загораться, то вниз подкладывают четырехугольную восковую плитку, которая весело горит, пока не погаснет под тяжестью всего остального. Вот эти-то восковые плитки и называются растопкой. А почему, никто не знает.

— Колокольчик, книга и свеча?

Ньют похлопал по другому карману, где находился бумажный пакет с колокольчиком того типа, от которого бесятся волнистые попугайчики, розовая свечка с именинного пирога и книжица «Молитвы для малышей». Шедвелл убедил его в том, что, хотя первостепенной задачей было обнаружение ведьм, добрый ведьмоллов никогда не упустит возможность провести ритуал изгнания нечистой силы, и посему следует всегда иметь при себе полное походное снаряжение.

— Есть колокольчик, книга и свеча, — сказал Ньют.

— Булавка?

— Есть булавка.

— Молодец. Никогда не забывай про булавку. Она есть штык твоего сокрушительного огневого оружия.

Шедвелл отступил на шаг. Ньют с удивлением заметил, что глаза старика затуманились.

— Хотел бы я двинуться с тобой, — сказал он. — Там наверняка не случится ничего такого, но все равно — было бы здорово выступить в поход. Ты еще узнаешь, почем фунт лиха. Лежу, бывалоча, в мокрых папоротниках, слежу за дьявольскими плясками... Зануют у тебя еще кости, зануют.

Он браво расправил плечи и отсалютовал.

— Итак, вперед, рядовой Пульцифер. И да пребудет с тобой армия славы.

После отъезда Ньюта Шедвелл решил провести один ритуал, какого прежде никогда не совершал. Для этого ему требовалась лишь одна булавка. Не булавка военного назначения — ведьмовская, для

испытания таковых ведьм. А самая обычная була-
вочка, какую можно воткнуть в карту.

Карта висела на стене. Старая, заслуженная карта. На ней еще не был отмечен Милтон-Кейнс. На ней не было и Харлоу. И едва успели появиться Манчестер и Бирмингем. В течение трех столетий она служила военной штабной картой. В ней уже торчала горстка булавок, в основном в графствах Йоркшир и Ланкашир, да еще несколько в Эссексе, хотя все они успели изрядно проржаветь. А в других местах темнели простые штырьки, отмечавшие далекие миссии, места, где когда-то квартировали отряды ведьмо-
лов.

Наконец Шедвелл отыскал булавочку среди мусора в пепельнице. Он сдул с нее пыль, протер до блеска и пристально уставился на карту, пока не нашел-таки местоположение Тадфилда, после чего с торжествующим видом воткнул туда булавку.

Она поблескивала.

Шедвелл отступил на шаг и вновь отсалютовал. Глаза его увлажнились слезами.

Сделав резкий поворот кругом, он отсалютовал и выставочному шкафу. Этот старый, ветхий шкаф с разбитым стеклом являлся, однако, неотъемлемой частью Армии ведьмо-
лов. Он хранил полковое серебро (приз, полученный на межбатальонном состязании по гольфу, не проводившемся, увы, уже более семидесяти лет); он хранил патентованный Громобойный Пугач, заряжаемый с дула, — изобретение полковника-ведьмо-
лова Не-Вкушай-Мяса-С-Кровью-Не-Ворожи-И-Не-Гадай Далримпла; он хранил также экспозицию из предметов, напоминающих орехи, которые на самом деле были кол-

лекцией усохших черепов охотников за черепами, подаренной штабс-майором Армии ведьмолотов Горацием «Достань их первым, пока они тебя не достали» Легавером, много поездившим по дальним странам; шкаф хранил воспоминания.

Шедвелл шумно высморкался в рукав.

Вспомнив, что пора завтракать, он вскрыл баночку сгущенки.

Если бы армия славы и попыталась пребыть с Ньютом, то ее кости рассыпались бы на марше. А все потому, что ведьмоловы, не считая Ньюта и Шедвелла, уже давно перешли в мир иной.

Но было бы ошибкой думать о Шедвелле (Ньют так и не выяснял, каким именем его нарекли при крещении) как о свихнувшемся одиночке.

Просто так получилось, что все остальные поумирали в большинстве своем уже несколько сотен лет назад. Когда-то Армия охотников за ведьмами была столь же большой, как и в творчески отредактированной бухгалтерии Шедвелла. Ньют удивился бы, узнав, что история Армии ведьмолотов почти такая же древняя и почти такая же кровавая, как у любой другой армии, служащей более прозаическим целям.

Нормы оплаты для охотников за ведьмами, установленные Оливером Кромвелем, с тех пор ни разу не пересматривались. Офицерское жалованье составляло крону, а генеральское — целый соверен. Речь идет, разумеется, о базовом жалованье, поскольку за каждую обнаруженную ведьму каждый ведьмолов дополнительно получал девять

пенсов и львиную долю принадлежащей ей собственности.

То есть реально можно было рассчитывать лишь на те девять пенсов. Поэтому армейская казна переживала трудные времена до тех пор, пока Шедвелл не взяли на содержание силы Небес и Ада.

Жалование Ньюта составляло один старый шиллинг в год¹.

За это он обязался всегда держать под рукой «огниво, кремь, трутницу или огненосные спички», хотя Шедвелл дал понять, что ронсоновская газовая зажигалка очень удобна в употреблении. Изобретение патентованной зажигалки Шедвелл воспринял так же одобрительно, как обычные солдаты — изобретение магазинной винтовки.

А на взгляд Ньюта, Армия ведьмоловов была больше всего похожа на клуб исторической реконструкции или сборище толкинистов. Приятное развлечение на выходные — и поддержка славных древних традиций, которые сделали западную цивилизацию тем, чем сделали.

¹ ПРИМЕЧАНИЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ И АМЕРИКАНЦЕВ: один шиллинг = пяти пенсам. Будет легче понять, каковы были доходы Армии охотников за ведьмами в стародавние времена, если вы ознакомитесь с исходной британской денежной системой.

Два фартинга = полпенни. Два полпенни = одному пенни. Три пенни = одному трехпенсовику. Два трехпенсовика = шестипенсовику. Два шестипенсовика = шиллингу (*жарг.* «боб»). Два боба = одному флорину. Один флорин и один шестипенсовик = одной полукроне. Четыре полукроны = десятишиллинговой банкноте. Две десятишиллинговые банкноты = одному фунту (или 240 пенни). Один фунт и один шиллинг = одной гинее.

Британцы долгое время сопротивлялись переходу на десятичную монетную систему, считая ее слишком сложной.

Примерно через час после отъезда из штаб-квартиры Ньют остановился на придорожной автостоянке и, склонившись к пассажирскому сиденью, порылся в бардачке.

Он открыл окно (пришлось воспользоваться плоскогубцами, поскольку ручка давно отвалилась).

Пакет с растопкой, вылетев за окно, приземлился за придорожной изгородью. Мгновение спустя за ним последовали тиски.

Поразмыслив над остальным снаряжением, Ньют забросил его обратно в бардачок. Булавку военного образца, выпускавшуюся специально для ведьмолов, венчала блестящая эбеновая головка, как у дамских шляпных булавок.

Он знал, для чего она предназначена. Ньют проштудировал довольно много литературы. На первой же встрече Шедвелл завалил его специальными брошюрами, но в армейском архиве накопилось также множество самых разных книг и документов, которые, как Ньют полагал, принесли бы огромные деньги, если бы когда-нибудь попали на рынок.

Такой булавкой следовало уколоть подозреваемую. Если на ее теле найдется местечко, нечувствительное к булавочным уколам, значит, перед вами ведьма. Элементарно. Некоторые нечистые на руку ведьмолоры пользовались орудиями, острие которых при надавливании пряталось в булавочной головке, но Ньюту выдали настоящую, из твердой стали. Он не смог бы взглянуть в глаза старине Шедвеллу, если бы выкинул ее. Кроме того, это плохая примета.

Он включил зажигание и продолжил путешествие.

Машина у Ньюта была марки «Васаби». Он назвал ее «Дик Турпин» в честь знаменитого бандита и в на-

дежде, что однажды его попросят объяснить, почему же он выбрал такое имя.

Лишь очень дотошный историк смог бы точно определить время, когда из дружелюбных роботов, копирующих все западное, японцы превратились в искусных и квалифицированных инженеров, уже не нуждающихся в западной подпитке. Но «Васаби», разработанная на переходном этапе, сочетала в себе традиционные недостатки большинства западных машин со множеством новаторских японских неудач, отказ от которых в дальнейшем способствовал процветанию «Хонды» и «Тойоты».

Второй такой машины Ньют так ни разу и не встретил на дорогах, несмотря на все старания. Уже много лет он не слишком убедительно нахваливал ее экономичность и мощность в отчаянной надежде на то, что кто-то захочет купить такую же — ведь, как говорится, в компании и помирать легче.

Тщетно пел он дифирамбы двигателю, рассчитанному на целых 823 «кубика», трехскоростной коробке передач и потрясающим подушкам безопасности, которые надувались в опасной ситуации — к примеру, на прямой сухой дороге на скорости 45 миль в час, когда вы едва не попадали в аварию, поскольку подушки заслонили обзор. Ньют также впадал в лирику, расхваливая сделанный в Корее радиоприемник, способный потрясающе ловить «Радио Пхеньяна», и встроенную электронику, которая механическим голоском сообщала, что вы забыли пристегнуть ремень безопасности, даже если вы его пристегнули; причем, судя по всему, программист не знал не только английского, но даже и японского

языка. В общем, заключал Ньют, все сделано по последнему слову техники.

Техника в данном случае, вероятно, относилась к периоду освоения гончарного ремесла.

Его приятели кивали и соглашались, но лично для себя решали, что, если бы им предложили на выбор «Васаби» или пешую прогулку, они предпочли бы вложить деньги в пару ботинок — результат все равно будет один, поскольку одна из причин потрясающей экономичности «Васаби» заключалась в том, что большую часть времени она стояла в гараже, ожидая, пока единственный в мире выживший агент фирмы «Васаби» перешлет особые коленвалы и прочие запчасти из города Нигирисуши.

В туманном, дзенском трансе, который так хорошо знаком водителям, Ньют задумался о том, как именно пользовались такими булавками. Может, для начала говорилось: «У меня есть булавка, и я не боюсь ее применить»? «Имею булавку, готов путешествовать...» «За пригоршню булавок...» «Человек с золотой булавкой...» «Булавки острова Наварон...»

Ньюту, возможно, интересно было бы узнать, что из тридцати девяти тысяч женщин, проверенных булавкой за долгие века охоты на ведьм, двадцать девять тысяч вскрикнули от боли, девять тысяч девятьсот девяносто девять не почувствовали ничего, поскольку применялись вышеупомянутые коварные булавки, а одна ведьма заявила, что булавка чудесным образом исцелила ее ногу от артрита.

Звали эту исцеленную Агнессой Псих.

И она нанесла Армии ведьмоловов непоправимый урон.

Одно из первых предсказаний в книге «Превосходных и Недвусмысленных Пророчеств» касалось смерти самой Агнессы.

Англичане, будучи по преимуществу народом дремучим и склонным к праздности, не испытывали такого сильного желания сжигать женщин, как другие нации Европы. В Германии костры сооружались и поджигались с поистине тевтонской скрупулезностью и регулярностью. Даже благочестивые шотландцы, на протяжении всей истории до изнеможения боровшиеся со своими заклятыми врагами (шотландцами), умудрились соорудить несколько костров, коротая длинные зимние вечера. Но у англичан, видимо, к этому никогда не лежала душа.

Возможно, одной из причин стала необычная казнь Агнессы Псих, которая в некоторой степени ознаменовала конец ведьмовской истерии в Англии. Однажды апрельским вечером ревушая толпа, разъяренная до предела привычками Агнессы (быть умной и лечить людей), притащилась к дому ведьмы и увидела, что Агнесса спокойно сидит себе в пальто, поджидая своих палачей.

«Что-то вы припозднились, — сказала она. — Я уж минут десять как должна гореть».

Тут она встала, вышла из дома и, прихрамывая, направилась сквозь внезапно притихшую толпу к костру, второпях сооруженному на деревенском выгоне. Как рассказывает легенда, она с трудом вскарабкалась на этот погребальный костер и, встав спиной к столбу, обхватила его руками.

«Вяжи покрепче», — велела она изумленному ведьмолову. А потом, когда обитатели деревни стали бочком подходить к этому костру, она высоко под-

няла красивую голову, ярко освещенную горящими факелами, и сказала: «Подходите ближе, добрые люди. Ближе, ближе, доколе пламя чуть вас не ожжет, ибо я призываю вас посмотреть, как умрет последняя истинная ведьма в Англии. Ибо я воистину ведьма, по разумению моему, хоть мне и самой неизвестно, каково мое истинное Согрешение. А посему пусть смерть моя явится посланием миру. Подходите смелей, говорю вам, *и запомните хорошенько судьбу всех, кто вмешивается в то, чего не разумеет*».

Тут она устремила взгляд к небу над деревней и, широко улыбнувшись, добавила: «Это и тебя касается, старый дурень».

И после этого странного богохульства она не вымолвила больше ни слова. Не обращая внимания на насмешки толпы, она стояла гордо и неподвижно, пока кучи хвороста поджигали факелами.

Зрители подвалили ближе, а те, кто и раньше сомневались, теперь задумались всерьез, а правильно ли они поступают.

Взрыв, раздавшийся через тридцать секунд на деревенском выгоне и подчистую уничтоживший все живое в округе, видели даже в Галифаксе.

Впоследствии долго спорили, Бог или Дьявол наслал эту напасть, но записка, найденная в доме Агнессы Псих, сообщила, что божественному/дьявольскому вмешательству существенно помогло содержимое нижних юбок Агнессы, в которые она предусмотрительно зашила восемьдесят фунтов пороха и сорок фунтов кровельных гвоздей.

Кроме того, на кухонном столе Агнессы остались еще одна записка, отменяющая доставку молока, а также коробка и книга. Особые указания касались

того, что надо сделать с этими предметами: их следовало отослать сыну Агнессы, Джону Гаджету.

Люди, нашедшие все это, — они пришли из соседней деревни, взбудораженные взрывом, — собирались было проигнорировать ее указания и просто поджечь дом, однако передумали, посмотрев на дгорающие огни и усеянные гвоздями обломки. Кроме того, записка Агнессы содержала мучительно точные предсказания о том, что случится с людьми, которые не выполняют ее распоряжений.

Факел к костру Агнессы Псих поднес майор Армии охотников за ведьмами. Его шляпу обнаружили на дереве в двух милях от места взрыва.

Внутри шляпы на длинной тесьме было вышито его имя: Не-Прелюбы-Сотвори Пульцифер. Он был одним из наиболее усердных охотников на ведьм во всей Англии и наверняка поразился бы, узнав, что его последний оставшийся в живых потомок направляется теперь, сам того не сознавая, к последнему живому потомку Агнессы Псих. Он, вероятно, решил бы, что наконец-то свершается стародавнее отмщение.

Если бы он знал, что на самом деле свершится, когда встретятся эти потомки, то перевернулся бы в могиле, которой у него никогда не было.

* * *

Сначала, однако, Ньюту предстояло разобраться с летающей тарелкой.

Она приземлилась на дорогу прямо перед ним как раз в тот момент, когда он, пытаясь найти поворот на Нижний Тадфилд, развернул карту и пристроил ее на руле. Ньют резко затормозил.

Она выглядела как любая летающая тарелка из мультфильмов, которые Ньют смотрел в детстве.

Забыв о карте, он изумленно наблюдал за тем, как дверь в тарелке с лихим свистом отъехала в сторону и на шоссе опустилась самодвижущаяся светящаяся дорожка. Сияющий голубой свет окружал фигуры трех инопланетян. Они сошли по трапу. По крайней мере, двое из них сошли. А третий, похожий на перечницу, просто выпал, скатившись по наклонной плоскости.

Первые двое, не обращая внимания на отчаянный писк третьего, очень медленно прошествовали к машине Ньюта — характерным шагом всех полисменов мира, мысленно выписывающих штрафную квитанцию. Тот, что повыше, похожий на желтую жабу, завернутую в кухонную фольгу, постучал в окно машины. Стекло опустилось. Глаза пришельца оказались прикрыты зеркальными солнцезащитными очками — точь-в-точь как у Пола Ньюмена в «Хладнокровном Люке».

— Доброе утро, сэр, мадам или бесполое существо, — сказал он. — Это ваша планета, не так ли?

Другой пришелец, лохматый и зеленый, отошел к придорожной рощице. Краем глаза Ньют видел, как он пнул дерево и засунул лист в какую-то хитрую штуковину на поясе. Вид у него был явно недовольный.

— Ну да, наверное, — сказал Ньют.

Лягушонок задумчиво посмотрел на горизонт.

— И давно вы здесь, сэр? — спросил он.

— Э-э. Ну, не лично я, а как вид в целом мы здесь около полумиллиона лет. По-моему.

Пришельцы обменялись взглядами.

— Та-ак. Значит, нарушаем, кислотные дожди устраиваем? — сказал он. — С углеводородами балуемся?

— Простите, не понял.

— Сэр, не назовете ли вы мне альбеда вашей планеты? — поинтересовался лягушонок, по-прежнему внимательно и неотрывно глядя на горизонт, словно там происходило нечто очень интересное.

— Э-э. Нет.

— Вынужден сообщить вам, сэр, что ваши полярные шапки куда меньше установленной нормы для планет такой категории, сэр.

— О боже, — сказал Ньют. Он прикинул, кому может сообщить о встрече с инопланетянами, и понял, что никто, совершенно никто ему не поверит.

Лягушонок наклонился поближе. Его, по видимому, что-то тревожило, насколько Ньют способен был судить о чувствах инопланетной расы, с которой никогда не сталкивался.

— На первый раз, сэр, мы посмотрим сквозь пальцы на ваши нарушения.

— О-о. Э-э. Я все налажу... — забормотал Ньют. — То есть не я лично, а... и вообще, по-моему, Антарктика и что там еще принадлежат всем странам, так что...

— Главное, сэр, в том, что нам поручено передать вам послание.

— О.

— Послание гласит: «Мы передаем вам послание мира во всех мирах, космической гармонии и всего такого прочего». Конец послания, — закончил лягушонок.

— А. — Ньют пытался осмыслить сказанное. — Да. Вы очень любезны.

— Есть у вас какие-то идеи относительно того, почему нас попросили доставить вам это послание, сэр? — спросил лягушонок.

Лицо Ньюта просветлело.

— В общем, э-э, я полагаю, — затараторил он, — что после того, как человечество укротило атом...

— Мы тоже ничего не понимаем, сэр, — перебил его лягушонок. — Сдается мне, это опять какой-то феномен. Ладно, нам пора. — Он неопределенно мотнул головой, развернулся и поковылял к тарелке, не произнеся больше ни слова.

Ньют высунулся из окошка машины.

— Спасибо!

Второй, маленький пришелец прошел мимо «Васаби».

— Уровень CO_2 поднялся на 0,5%, — проскрипел он, выразительно глянув на Ньюта. — Вы хоть знаете, что это подсудное дело? «Доминирование на планете в состоянии безудержного консьюмеризма».

Парочка инопланетян подняла третьего, втащила его обратно по трапу и задраила люк.

Ньют немного помедлил, ожидая увидеть захватывающее световое представление, но тарелка и не думала взлетать. Наконец, тронувшись с места, Ньют обогнул ее. Когда он взглянул в зеркальце заднего вида, на дороге уже ничего не было.

«Должно быть, я зашел слишком далеко, — подумал он, чувствуя себя виноватым. — Но в чем?»

И ведь я даже Шедвеллу не смогу ничего сообщить, поскольку он сразу же отругает меня за то, что я не сосчитал их соски».

— Во всяком случае, — сказал Адам, — насчет ведьм вы все не так понимаете.

Эти сидели на воротах перед пастбищем, глядя, как Барбос валяется в коровьих лепешках. Дворянка получала громадное удовольствие.

— Я о них читал, — продолжал он, слегка повышая голос. — На самом деле они как раз и были правы, а преследовать их Британской инквизицией — плохое дело.

— Моя мама говорила, что они были просто очень умными женщинами и боролись единственным известным им способом с удушающей несправедливостью иерархий патриархатного общества, — заявила Пеппер.

Мать Пеппер читала лекции в Нортонском политехникуме¹.

— Да, но твоя мама всегда что-то такое говорит, — немного поразмыслив, сказал Адам.

Пеппер милостиво согласилась.

— И еще она говорила, что в худшем случае они были просто свободомыслящими поклонниками порождающего принципа.

— А что такое порождающий принцип? — спросил Уэнслидэйл.

— Не знаю. Что-то вроде украшенного майского дерева, — туманно сказала Пеппер.

— Вообще-то, мне казалось, что они поклонялись дьяволу, — вставил Брайан, но без обычного осуждения. Эти придерживались широких взглядов на дьяволопоклонство. Они вообще ко всему относи-

¹ В дневное время. А по вечерам она гадала нервным администраторам по картам Таро. Старые привычки умирают медленно.

лись без предубеждения. — По крайней мере, дьявол лучше, чем какое-то дурацкое майское дерево.

— Вот тут-то ты и ошибаешься, — возразил Адам. — Дьявол здесь ни при чем. Это просто другой бог, или кто-то вроде того. Рогатый.

— Ну так я и говорю — дьявол, — настаивал Брайан.

— Нет, — терпеливо возразил Адам. — Люди просто их путают. Потому что у них похожие рога. Его зовут Пан. И он наполовину козел.

— На какую половину? — уточнил Уэнслидэйл.

Адам задумался.

— На нижнюю, — наконец сказал он. — Странно, что вы этого не знаете. Я-то думал, уж это известно всем.

— У козлов не бывает нижней половины, — возразил Уэнслидэйл. — У них есть передняя и задняя. Как у коров.

Они еще немного понаблюдали за Барбосом, постукивая пятками по воротам. По такой жаре и думать трудно.

Потом Пеппер сказала:

— Если у него козлиные ноги, то не должно быть рогов. Рога — они спереди.

— Я что, сам его выдумал? — обиженно сказал Адам. — Я же просто рассказываю. Вот еще новости какие, с чего бы мне его придумывать. И вообще, я тут ни при чем.

— Ладно, — сказала Пеппер. — Этот твой дурацкий божественный козел не будет ведь жаловаться на то, что его считают дьяволом. Еще бы, с рогами-то. Люди сразу скажут: о, дьявол идет.

Барбос начал раскапывать кроличью нору.

Адам, видимо имевший серьезные соображения на сей счет, тяжело вздохнул.

— Нельзя все понимать буквально, — важно заявил он. — Это серьезная проблема наших дней. Грубый материализм. Вот такие, как вы, и ходят повсюду, вырубают тропические леса, дырки делают в озоновом слое. Там уже здоровенная дырища, а все он, грубый материализм.

— Я тут ни при чем, — машинально сказал Брайан. — Я еще за огуречный парник не расплатился.

— Так сказано в журнале, — сказал Адам. — Чтобы сделать один паршивый гамбургер, уничтожают миллионы акров тропических лесов. А озон исчезает потому... — он помедлил, — потому что люди обрызгивают все вокруг.

— А еще киты, — сказал Уэнслидэйл. — Надо их спасать.

Адам выглядел озадаченным. В прочитанных им номерах «Вестника Водолея» ничего не говорилось о китах. Видимо, издатели полагали, что желание спасти китов столь же естественно для читателей, как дыхание и прямохождение.

— О них рассказывали по телевизору, — пояснил Уэнслидэйл.

— А почему мы должны их спасать? — спросил Адам. Он смутно представлял себе, сколько нужно спасти китов, чтобы получить почетный значок.

Уэнслидэйл помолчал, напрягая память.

— Потому что они умеют петь. И у них огромные мозги. И китов почти совсем не осталось. И вообще — не надо убивать их только потому, что из китов получается собачий корм.

— Если они хорошо соображают, — медленно сказал Брайан, — то почему все время торчат в море?

— Не знаю, — задумчиво протянул Адам. — Они плавают себе по морю целыми днями, разевают рот и едят все, что туда попадется... вполне разумно, по-моему...

Визг тормозов и раскатистый грохот не дали ему договорить. Ребята тотчас спрыгнули с ворот и побежали по дорожке к перекрестку, где в конце тормозного следа лежал перевернувшийся маленький автомобиль.

Чуть дальше на шоссе зияла дыра. Видимо, машина пыталась объехать ее. Как только Эти взглянули в ту сторону, маленькая азиатская голова исчезла из поля зрения.

С трудом открыв дверцу машины, Эти вытащили из нее бесчувственного Ньюта. Адам уже мысленно представлял, как им будут вручать медали за геройское спасение. А практичный Уэнслидэйл тем временем вспоминал принципы первой помощи пострадавшим.

— Его нельзя передвигать, — сказал он. — Может, у него кости переломаны. Нужно позвать взрослых.

Адам оглянулся. Чудь дальше по дороге из-за деревьев выглядывала какая-то крыша. То был Жасминовый коттедж.

А в Жасминовом коттедже, перед столом, на котором еще полчаса назад появились бинты, аспирин и прочие медикаменты для оказания первой помощи, сидела Анафема Гаджет.

Анафема глянула на часы. Он может появиться в любую минуту.

И вот он наконец появился, но совсем не так, как она ожидала. А точнее, его вид не оправдал ее надежд.

Она смутно надеялась увидеть высокого, темноволосого и красивого мужчину.

Ньют был высоким, но каким-то уплощенным и тощим. И хотя на его голове, несомненно, росли черные волосы, их владелец явно пренебрегал услугами парикмахеров, позволяя множеству длинных прядей расти как попало. Правда, Ньюта нельзя было винить за такое пренебрежение; в юности он, бывало, каждые пару месяцев заглядывал в ближайшую парикмахерскую на углу, прихватив с собой аккуратно вырезанную из журнала фотографию улыбчивого красавца с впечатляюще модной стрижкой, показывал эту картинку парикмахеру и вежливо просил постричь его примерно так же. А знающий свое дело парикмахер, бегло глянув на красавца, делал Ньюту самую элементарную и стандартную стрижку с коротким затылком под полубокс. Примерно через год Ньют пришел к выводу, что ему, очевидно, просто не идут короткие стрижки. Самое большее, на что мог рассчитывать Ньютон Пульцифер, что после стрижки волосы станут короче.

То же с костюмами. Попадавшуюся ему одежду изобрели явно не для того, чтобы он выглядел элегантно, со вкусом и удобно одетым. К настоящему времени он научился довольствоваться всем, что защищало его от дождя и позволяло хранить мелочь.

На красавца он также не тянул. Даже без очков¹. Кроме того, стянув с Ньюта туфли, чтобы положить его на кровать, Анафема обнаружила, что он носит непарные носки: один синий с дыркой на пятке, а второй — серый с дырками на пальцах.

¹ На самом деле без очков было еще хуже, ведь тогда он спотыкался, падал на каждом шагу и ходил перебинтованный.

«Наверное, я должна почувствовать теплую волну женской нежности, — подумала она. — А мне всего лишь хочется, чтобы он постирал носки».

Итак... высокий, темноволосый, но некрасивый. Она пожала плечами. Ладно уж. Два из трех, все не так плохо.

Фигура на кровати пошевелилась. И Анафема, которой было свойственно всегда смотреть в будущее, подавила разочарование и сказала:

— Как мы себя чувствуем?

Ньют открыл глаза.

Он лежал в какой-то спальне, но не дома. Он мгновенно понял это, увидев потолок. Под потолком его спальни висели, покачиваясь на тесемках, модели звездных истребителей. Никто не заставил бы его убрать их.

А на этом потолке ничего не было, кроме потрескавшейся штукатурки. Ньюту никогда прежде не доводилось бывать в женских спальнях, но он вдруг почувствовал, что это именно она, в основном по смеси тонких ароматов. В воздухе приятно пахло гигиенической пудрой и ландышами и не было даже намека на дурной запах грязных футболок, забывших, как стиральная машина выглядит изнутри.

Ньют попытался приподнять голову, застонал и опустил на подушку. Розовую, как он успел заметить.

— Вы ударились головой о рулевое колесо, — сказал голос, вызвавший его из забытья. — Но ничего не сломали. Что там было, на дороге?

Ньют вновь открыл глаза.

— С машиной все в порядке? — спросил он.

— Очевидно, да. Тихий голосок внутри продолжает бормотать: «Позалюста, плистегните лемни без-опасити».

— Вот видите? — сказал Ньют незримому собеседнику. — Умели же раньше делать крепкие вещи. Небось на пластиковой обшивке даже вмятин не останется.

Он заморгал, вглядываясь в сторону Анафемы.

— Я свернул, чтобы объехать какого-то тибетца на дороге, — пояснил он. — По крайней мере, мне показалось, что я его видел. Но, наверное, я сошел с ума.

К нему приблизилась какая-то фигура. Теперь он разглядел темные волосы, алые губы и зеленые глаза. Почти определенно — женщина. Ньют старался не слишком таращить глаза. Фигура сказала:

— Если даже сошел, то никто этого не заметит. — Затем она улыбнулась. — А знаешь, я никогда прежде не встречала ведьмоловов.

— Э-э... — начал Ньют.

Она подняла его раскрытый бумажник.

— Я не заглядывала внутрь, — сказала она.

Ньют почувствовал ужасное смущение — обычное для него состояние. Шедвелл выдал ему официальный документ штаба ведьмоловов, который обязывал всех церковных сторожей, магистратов, епископов и бейлифов свободно пропускать его повсюду и, помимо прочего, предоставлять ему любое потребное количество сухой растопки. Документ выглядел невероятно впечатляюще — шедевр каллиграфии, выписанный, вероятно, еще в незапамятные времена. Ньют совсем забыл о нем.

— На самом деле это просто хобби, — сказал он с несчастным видом. — На самом деле я... я занима-

юсь... — Ему вовсе не хотелось признаваться в том, что он просто бухгалтер, только не здесь, не сейчас и не такой девушке. — Компьютерами, — солгал он, а про себя добавил: «Хотел бы заниматься, хотел бы заниматься; в душе я настоящий компьютерщик, вот только мозги мне мешают». — Извините, а можно спросить...

— Анафема Гаджет, — сказала Анафема. — Я занимаюсь оккультными науками, но это только хобби. На самом деле я ведьма. Здорово?! Ты опоздал на полчаса, — добавила она, подавая ему маленькую картонку. — Тебе лучше сразу прочесть кое-что. Это сэкономит уйму времени.

Ньют, несмотря на неудачные отроческие опыты, завел-таки себе маленький домашний компьютер. Даже несколько. И вы уже догадались, какие именно, — настольные аналоги «Васаби». Если он покупал какой-то компьютер, можно было не сомневаться, что тот немедленно подешевеет в два раза. Он приобретал именно ту широко разрекламированную аппаратуру, о которой через год уже никто не вспоминал. А некоторые устройства вообще работали только в холодильнике. По прихоти случая марка компьютера могла оказаться, в общем-то, хорошей, однако Ньюту всегда доставался компьютер из той малочисленной партии, которую продали раньше времени, не успев очистить операционную систему от глюков. Но он упорно не сдавался, потому что верил.

У Адама тоже был простенький компьютер. Он любил играть на нем, хотя никогда не сидел перед монитором подолгу. Он загружал игру, внимательно просматривал ее в течение нескольких минут и при-

нимался играть, пока на панели «Набранные очки» не заканчивались разряды.

Трое Этих изумлялись такому редкостному мастерству, но Адама несколько удивляло то, что в такие игры можно играть как-то по-другому.

«Надо просто разобраться, что к чему, а дальше совсем просто», — говорил он.

С упавшим сердцем Ньют отметил, что в гостиной Жасминового коттеджа полно газет. Повсюду пестрели приколотые к стенам вырезки. В некоторых из них абзацы были обведены красными чернилами. Он слегка порадовался, отметив, что часть из них вполне сгодилась бы для Шедвелла.

Анафема сняла этот дом вместе с обстановкой и потрудились привезти лишь одну из фамильных ценностей: старинные часы. Это были не дедушкины карманные часы в серебряном футлярчике, а настенные ходики с маятником, под который Эдгар По с удовольствием кого-нибудь да засунул бы.

Ньют то и дело возвращался к ним взглядом.

— Их изобрел один из моих предков, — сказала Анафема, ставя на стол кофейные чашки. — Сэр Джошуа Гаджет. Может, ты слышал о нем? Он изобрел такую качающуюся штуковину — она позволила делать дешевые точные часы. Их называли в его честь.

— Джошуа? — сказал Ньют осторожно.

— Нет, «гаджеты».

За последние полчаса Ньют услышал несколько совершенно невероятных историй и почти что поверил им, но это уж было чересчур.

— То есть слово «гаджет» изначально — такая фамилия? — спросил он.

— Ну да. Славная и древняя ланкаширская фамилия. Французского происхождения, как я полагаю. Ты еще скажешь мне, что никогда не слышал о сэре Хэмфри Новаторе...

— Да ну тебя...

— ...который изобрел новаторское приспособление для откачивания воды из затопленных рудников. Или о Петре Штуковине? Или о Сайресе Т. Кнопке, выдающемся негритянском изобретателе из Америки? Томас Эдисон говорил, что его восхищают лишь два современных ученых-практика: Сайрес Т. Кнопка и Элла Бегуноук. И...

Она заметила недоумевающий взгляд Ньюта.

— Я написала диссер по этой теме, — пояснила она. — Эти люди изобрели настолько простые и всем известные вещи, что никому даже в голову не приходит задуматься, а кто их придумал. Сахар?

— Э-э...

— Ты обычно кладешь два кусочка, — любезно сказала Анафема.

Ньют вновь уставился на карточку, которую она ему всучила.

Анафема, похоже, полагает, что он так сразу все и поймет.

Не тут-то было.

Вертикальная черта разделяла карточку на две половинки. С левой стороны черными чернилами было написано что-то вроде поэтического отрывка. На правой половине, теперь уже красными чернилами, давались комментарии и заметки. Вот как она примерно выглядела:

3819:

Егда восточна колесница
обратит в небо все четыре
колеса, да муж ушиблен
возляжет на Твою Кровать,
потребно буде ивовое сна-
добье от боли в голове, оный
булавку при себе имеет, но
сердце его чисто, однако же
семя мое увлечет, лишиться
оному должно пламенных
припасов, дабы все сверши-
лось как заповедано, дабы не
разлучались вы с того мига
до последнего Завершения.

Комментарии:

Японский автомобиль?
Перевернутый. Дорожная
авария... легкие поврежде-
ния??

...приготовить...

...ивовое снадобье = аспирин
(см. 3757). Булавка = охот-
ник за ведьмами (см. 102).
Добрый ведьмоллов? Пото-
мок Пульцифера (см. 002).
Обыскать насчет спичек и
т.д. 1990-е годы!

...мда...

...сегодня (см. 712, 3830, 4004).

Рука Ньюта машинально потянулась к карману.
Зажигалка пропала.

— Что все это значит? — хрипло спросил он.

— Ты что-нибудь слышал об Агнессе Псих? —
спросила Анафема.

— Нет, — ответил он и отчаянно попытался при-
крыться сарказмом: — Полагаю, ты намерена сооб-
щить мне, что она изобрела психов.

— Нет, просто она представитель еще одного слав-
ного и старинного ланкаширского рода, — невозму-
тимо сказала Анафема. — Если не веришь, прочитай
судебные отчеты ведьмолловов начала семнадцатого
века. Я — ее прямой потомок. И кстати, один из тво-
их предков заживо сжег ее на костре. Вернее, пытал-
ся сжечь.

Ньют, как зачарованный, с ужасом выслушал рас-
сказ о смерти Агнессы Псих.

— Не-Прелюбы-Сотвори Пульцифер? — уточнил
он, когда она закончила.

— Подобные имена были весьма распространены в те дни, — сказала Анафема. — Наверное, семья нарожала десяток детишек, и родители свято чтит заповеди. Я еще читала о Пульциферах, которых звали Алчность и Лжесвидетель...

— Кажется, я понял, — сказал Ньют. — Постойка, ведь Шедвелл говорил, что моя фамилия ему знакома. Она должна числиться в армейских архивах. Да уж, если бы меня нарекли Прелюбодей Пульцифер, то мне бы, наверное, захотелось навредить как можно большему числу людей.

— Я думаю, он просто не слишком любил женщин.

— Спасибо, что ты это так воспринимаешь, — сказал Ньют. — Возможно, он таки мой предок. В мире не так уж много Пульциферов. А может... именно поэтому я вроде бы как вступил в Армию ведьмоловов? Может, это Судьба, — сказал он с надеждой.

Она помотала головой.

— Нет, — сказала она. — Судьбы не бывает.

— Все равно охота на ведьм сейчас уже совсем не та, что в былые дни. Я думаю, Шедвелл разве что у местной спиритуалистки переворачивает мусорные баки.

— Между нами говоря, у Агнессы был довольно трудный характер, — туманно заметила Анафема. — Всегда вралась с места в карьер.

Ньют помахал листком.

— Но что это такое? — спросил он.

— Это она написала. То есть написала оригинал. Это предсказание № 3819 из книги «Превосходные и Недвусмысленные Пророчества Агнессы Псих», впервые опубликованной в 1655 году.

Ньют вновь глянул на выданное ему пророчество. Его рот открылся и закрылся.

— *Она знала, что я перевернусь на машине?* — спросил он.

— Да. Нет. Может, и не знала. Трудно сказать. Понимаешь, Агнесса была худшим из всех пророков. Потому что она всегда оказывалась права. Именно поэтому ее книга провалилась.

* * *

Большинство сверхъестественных способностей порождаются простым отсутствием точной привязки к конкретному времени, а Агнесса Псих забредала в своих мыслях в такие далекие времена, что казалась совершенно безумной даже по меркам Ланкашира семнадцатого века, когда безумные пророчицы были весьма популярны.

Но все соглашались, что послушать ее одно удовольствие.

Она обычно ходила по домам, исцеляя больных при помощи какой-то плесени, но главным почитала мытье рук, поясняя, что нужно смыть крошечных животных, ставших причиной болезни, хотя каждый разумный человек знал, что ядреная вонь — единственная защита от вредоносных демонов. Для продления жизни она настоятельно советовала бегать трусцой (что звучало крайне подозрительно и впервые навело на нее ведьмоловов) и подчеркивала важное значение грубой растительной пищи, но и тут она явно опередила свое время, поскольку большинство людей скорее беспокоили камни в почках, чем клетчатка в их рационе. И она не желала сводить бородавки.

— Они существуют токмо в вашем Сознании, — говорила она, — забудьте о Них, и все пройдет без Следа.

Очевидно, Агнесса действительно поддерживала связь с будущим, но связь весьма ограниченную и специфическую. Иными словами, совершенно бесполезную.

— Это почему это? — спросил Ньют.

— Агнесса умудрилась насочинять такие предсказания, которые можно понять только после того, как все происходило, — сказала Анафема. — Вот, например: «Бетамаки же отнюдь не покупай». То есть предсказание относится к 1972 году.

— Ты хочешь сказать, что она предвидела видеомагнитофоны «Бетамакс»?

— Нет! Она просто выбирала очень маленькие информационные фрагменты, — сказала Анафема. — В том-то все и дело. В большинстве случаев она давала такие расплывчатые описания, что их можно было понять только после самого события, только тогда все обретало смысл. Кроме того, она не знала, насколько важно для будущего то или иное событие, поэтому действовала наугад. Она предсказала, что 22 ноября 1963 года в Кингс-линне рухнет некий дом.

— И? — На лице Ньюта отразилось вежливое недоумение.

— В этот день убили президента Кеннеди, — помогла ему Анафема. — Но, понимаешь, Далласа во времена Агнессы не существовало. А Кингс-линн был довольно известным портом.

— М-да.

— Но лучше всего она предсказывала то, что касалось ее потомков.

— Да?

— Конечно, она ничего не могла знать о двигателях внутреннего сгорания. Автомобили казались ей просто странными колесницами. Даже моя мама считала, что в этом пророчестве говорится о какой-то перевернувшейся императорской карете. Понимаешь, недостаточно видеть будущее. Нужно еще понимать, что увиденное означает. Агнесса была как зритель, который разглядывает огромную картину через крошечную трубочку. И, делая выводы по таким мелким фрагментам, она сочиняла, по своему разумению, полезные советы.

Иногда бывали и удачные попадания, — продолжала Анафема. — Мой прадедушка, к примеру, за два дня до срока разгадал предсказание о крахе фондовой биржи в 1929 году. И нажил состояние. Можно сказать, что мы стали профессиональными потомками. — Она внимательно посмотрела на Ньюта. — Видишь ли, пару сотен лет назад никто даже не понимал, что Агнесса создавала «Превосходные и Недвусмысленные Пророчества» как семейную ценность. Многие из предсказаний касались ее потомков и их благосостояния. Она пыталась позаботиться о нас после своей смерти. И мы считаем, что именно поэтому она описала происшествие в Кингс-линн. В то время мой отец как раз ездил туда, и, с точки зрения Агнессы, на него вполне мог свалиться кирпич, хотя вряд ли его настигла бы шальная пуля из Далласа.

— Какая удивительная личность, — сказал Ньют. — Правда, взорвала целую деревню, но это такая мелочь.

Анафема пропустила его слова мимо ушей.

— В общем, она оставила нам в наследство пророчества, — сказала она. — И с тех пор наша семья пытается расшифровать их. Она давала примерно одно предсказание на месяц... хотя сейчас концентрация пророчеств растет, поскольку мы приближаемся к концу света.

— И когда же он наступит? — поинтересовался Ньют.

Анафема со значением взглянула на часы.

Он сдавленно фыркнул, надеясь, что у него получился миролюбивый и учтивый смешок. После сегодняшних событий он чувствовал себя не слишком здравомыслящим. Его беспокойство также вызывали духи Анафемы.

— Считаю, тебе повезло, что мне не нужен секундомер, — сказала Анафема. — У нас в запасе, м-да, примерно пять или шесть часов.

Ньют прокрутил это в уме. До сих пор у него никогда не возникало потребности выпить, но что-то подсказало ему, что настал такой момент.

— А у ведьм в доме бывает спиртное? — рискнул спросить он.

— О да. — Она улыбнулась, как, верно, улыбалась Агнесса Псих, разбирая содержимое бельевого комода. — Зеленый булькающий отвар с затвердевшей коркой, в которой застыли всякие странные штучки. Кому и знать, как не тебе.

— Отлично. Лед имеется?

Напитком оказался джин. Со льдом. Анафема, учившаяся ведьмовству по ходу дела, не одобряла спиртные напитки в целом, но только не те, что стояли у нее в баре.

— Я тебе говорил о тибетце, который вылез из ямы на дороге? — немного успокоившись, спросил Ньют.

— Да я уже знаю про них, — сказала Анафема, шурша бумагами на столе. — Вчера двое таких появились у меня перед домом. Бедняжки, они так растерялись! Я напоила их чаем, а потом они одолжили у меня лопату и опять ушли в свою дыру. Правда, мне показалось, что они не совсем понимали, что, собственно, собираются делать.

Ньют почувствовал легкое раздражение.

— А откуда ты узнала, что они тибетцы? — спросил он.

— А ты-то откуда узнал, если на то пошло? Может, он распевал «ом-м», когда ты его сбил?

— Ну, он... он был похож на тибетца, — сказал Ньют. — Оранжевый балахон, лысая голова... словом, тибетец.

— Один из моих прилично говорил по-английски. Насколько я поняла, он мирно ремонтировал радиоприемник в Ахасе и вдруг провалился в какой-то туннель. И теперь не представляет, как ему добратся до дома.

— Если бы ты послала тибетца прогуляться по дороге, его, наверное, подбросила бы до места летающая тарелка, — уныло сказал Ньют.

— Три пришельца? Один из них маленький жестяной робот?

— И они перед твоим домом приземлялись?

— Судя по тому, что передает радио, мой садик, похоже, чуть ли не единственное место, где их не было. Они летают по всему миру, несут какую-то банальщину о мире во всем космосе, а когда их спрашивают: «Ну, и?» — пришельцы смотрят ошалело и улетают. Знаки и предвестья, все, как говорила Агнесса.

— Ты хочешь сказать, она и это предсказала?

Анафема порылась в потрепанной картотеке.

— Я хотела занести данные в компьютер, — сказала она. — Чтобы легче было искать. Понимаешь? Это сильно упростило бы расшифровку. Пророчества расположены в хронологическом беспорядке, но можно о многом догадаться по почерку и другим признакам.

— Она что, записывала все на карточки? — спросил Ньют.

— Нет. Она написала книгу. Но я умудрилась, э-э... потерять ее. Разумеется, мы всегда хранили копии.

— Потеряла, да неужели? — шутливо заметил Ньют, пытаясь придать разговору юмористический оттенок. — Уж этого Агнесса точно не могла предвидеть!

Анафема стрельнула в него взглядом. Если бы взгляды могли убивать, Ньют упал бы замертво.

Затем она продолжила:

— Однако за годы исследований мы составили указатель, а дедушка придумал систему перекрестных ссылок... Ага. Вот что нам нужно.

Она положила перед Ньютом листок бумаги.

3988: Егда шафрановые люди выйдут из-под земли, а с Нибес сойдут зеленые люди, однако же незнамо по чьему наущению, и Плутонovsky стрыжни покинут замки сияющие, а потонувшие острова вспучатся, и Левиафан свободу обрящет, и в Бразилии зеленей прибудет, тогда Трое сойдутся вместе, и Четверо явятся, оседлав железных коней; истинно говорю, тогда конец близок.

шафрановый = оранжевый (см. 2003)
...инопланетяне?..
...парашютисты?
атомная электростанция (см. №№ 798–806)
утоновшие острова... Атлантида, №№ 812–819
...левиафан = кит (см. 1981)?..
...Южная Америка станет зеленой?
? 3 = 4? Железные дороги? (см. 2675)

— Раньше я не все здесь понимала, — призналась Анафема. — Эти сноски я делала, слушая новости.

— Ваша семья могла бы здорово разгадывать кроссворды, — сказал Ньют.

— По-моему, Агнесса здесь малость загнула. При чем тут Левиафан и Южная Америка? А тройки и четверки могут означать что угодно. — Она вздохнула. — С газетами столько мороки. Ведь неизвестно — может, Агнесса описывала какой-то пустяковый случай, а ты его пропустишь. Ты знаешь, какую пропасть времени занимает просмотреть все ежедневные газеты от корки до корки каждое утро?

— Три часа десять минут, — машинально ответил Ньют.

— Я думаю, нас наградят медалью какой-нибудь, — с оптимизмом сказал Адам. — За спасение человека из огня.

— Машина вовсе не горела, — сказала Пеппер. — А когда он перевернул ее обратно на колеса, оказалось даже, что она почти целехонька.

— Но могла бы гореть, — выразительно заметил Адам. — Не понимаю, с чего нам лишаться медали только потому, что какая-то старая развалина не понимает, когда ей следует загореться.

Они стояли на дороге, заглядывая в дыру. Анафема вызвала дорожную полицию, которая обвалила края ямы, чтобы почва просела, и поставила вокруг несколько предупредительных дорожных конусов; туннель был темным и терялся где-то в недрах.

— А круто было бы побывать в Тибете, — сказал Брайан. — Мы бы научились там всяким военным искусствам. Я смотрел один старый фильм про долину

в Тибете, где все живут себе припеваючи сотни лет. Она называется Шангри-ла.

— Шангри-ла? Да так называется бунгало моей тетуски! — сказал Уэнслидэйл.

Адам прыснул от смеха.

— Что за дурацкая идея — называть долину в честь какого-то старого бунгало, — сказал он. — Еще называли бы «Приют Странника» или... или «Лаврушки».

— Все лучше, чем Шамбла, — кротко сказал Уэнслидэйл.

— Шамбала, — поправил Адам.

— Мне кажется, вы об одном и том же говорите. Скорей всего, у этой долины просто два названия, — с невиданной дипломатичностью сказала Пеппер. — Как у нашего дома. Когда мы сюда переехали, мы его переименовали — раньше он назывался «Хижина с видом на Нортон», — а только нам до сих пор присылают письма «Тео К. Купье, Хижина». Может, ее теперь называют Шамбала, но люди по привычке говорят «Лаврушки».

Адам спихнул в дыру камешек. Тибетцы начали ему надоедать.

— Чем дальше займемся? — сказала Пеппер. — На нижне-нортонской ферме сегодня купают овец. Можно пойти помочь.

Сбросив в дыру камешек побольше, Адам прислушался, ожидая услышать звук падения. Но ничего не услышал.

— Не знаю, — сдержанно сказал он. — Я думаю, нам лучше как-то позаботиться о китах, лесах или о чем-нибудь в таком роде.

— В каком именно роде? — спросил Брайан, который обожал старые добрые развлечения вроде ку-

пания овец. Он начал выгребать из карманов пустые пакетики и один за другим бросать их в дыру.

— Ну, тогда мы можем не покупать сегодня в Тад-филде гамбургеры, — сказала Пеппер. — Если мы, все четверо, не съедим по гамбургеру, то не надо будет вырубить миллионы акров тропических лесов.

— Их все равно вырубят, — сказал Уэнслидэйл.

— Опять же ваш грубый материализм, — сказал Адам. — Так же, как с китами. Просто поразительно, что за дела творятся. — Он посмотрел на Барбоса.

У него возникли очень странные ощущения.

Дворняжка, заметив его внимание, выжидающе встала на задние лапы.

— Вот из-за таких, как ты, и перебили всех китов, — строго сказал Адам. — Да ты за жизнь уже наверняка целого кита слопал.

Барбос, ненавидя себя последней крошечной частичкой сатанинской души, склонил голову набок и заскулил.

— Эдак на старушке Земле наступит распрекрасная пора, — сказал Адам. — Ни китов, ни воздуха, льды растают, моря поднимутся, и все будут жить в воде.

— Значит, повезет только атлантидцам, — радостно вставила Пеппер.

— Ха, — сказал Адам. На самом деле он ее не слушал.

В его голове творилось нечто странное. Она разболелась. И в нее приходили идеи, о которых он вовсе не собирался думать. Какой-то голос говорил: *«Ты же можешь сделать кое-что, Адам Янг. Можешь все улучшить. Ты сможешь сделать все, что захочешь»*. И этот голос принадлежал... ему самому. Он разда-

вался откуда-то из глубины его существа. Той глубины, что была с ним все эти годы, но он не замечал ее, словно тень. Голос настаивал: *«Да, это испорченный мир. Он мог бы стать прекрасным. Но теперь он гниет, и пора что-то с ним делать. Вот для чего ты здесь. Чтобы сделать его гораздо лучше»*.

— Ведь они приучились где угодно жить, — продолжала Пеппер, с тревогой поглядывая на Адама. — Я про атлантидцев. Ведь...

— Я по горло сыт всеми этими старыми атлантидцами и тибетцами, — огрызнулся Адам.

Эти удивленно уставились на него. Таким они его никогда не видели.

— С ними и так все в порядке, — сказал Адам. — На всей Земле только и делают, что переводят китов, жгут уголь и нефть, дырявят озон, рубят леса, и скоро нам вообще ничего не останется. Нужно на Марс лететь, а не торчать в этой сырой дыре, да еще и без воздуха.

Перед Этими стоял не тот Адам, какого они знали. Приятели избегали смотреть друг на друга. Адам помрачнел, а с ним — весь мир.

— Мне кажется, — заявил прагматичный Брайан, — лично мне кажется, что тебе лучше всего перестать читать эту чепуху.

— Ты это уже говорил, — сказал Адам. — Ты спокойно растешь себе, читаешь о пиратах, ковбоях и пришельцах и только уже начинаешь думать, что в мире полно всякого разного удивительного, как вдруг — бац! Тебе говорят, что на самом деле здесь убивают китов и вырубают леса, а ядерные отходы еще миллионы лет никуда не денутся. Ради такого и расти не стоит, я так считаю.

Эти обменялись взглядами.

Над миром нависла тень. На севере возникли грозовые тучи. Сквозь них пробивался желтый свет, словно какой-то фанатичный дилетант вдруг испачкал все небо.

— Мне кажется, эту дрянь надо бы убрать и начесть все заново, — сказал Адам.

Голос Адама стал неузнаваемым.

По летней рощице пронесся резкий порыв ветра.

Адам взглянул на Барбоса, который пытался встать на голову. Послышалось отдаленное бормотанье грома. Адам нагнулся и рассеянно погладил собаку.

— Да уж, поделом бы всем досталось, если бы ядерные бомбы взорвались, и все пришлось начинать заново. Только чтобы тогда порядок был! — сказал Адам. — Иногда я думаю — вот этого мне и хотелось бы. Тогда мы со всем разобрались бы.

Гром зарычал снова. Пеппер поежилась. Разговор уже не походил на оживленные споры, в которых Эти проводили долгие часы. Пеппер не могла понять, что за выражение появилось в глазах Адама: обычная буйная радость сменилась какой-то серой пустотой, и это было гораздо хуже.

— Почему это «мы»? — попыталась возразить Пеппер. — При чем тут «мы»? Если бомбы повзрываются, нам тоже конец. Как мать еще не рожденных поколений — лично я против.

Все с любопытством посмотрели на нее. Она пожала плечами.

— Но тогда наш мир захватят гигантские муравьи, — занервничал и Уэнслидэйл. — Я видел один такой фильм. Или, может, придется вооружиться

обрезами, и у каждого будет машина, напичканная ножами и пушками...

— Я не собираюсь пускать сюда никаких гигантских муравьев и прочую дурацкую живность, — безумно воодушевляясь, сказал Адам. — Все мы останемся целы и невредимы. Я об этом позабочусь. Вот было бы прикольно... да, чертовски прикольно — остаться совсем одним в целом мире. Классно, да? Мы все поделим между собой. Станем играть в самые замечательные игры. Устроим настоящую войну, с настоящими армиями.

— Но людей же не останется, — напомнила Пеппер.

— Сотворю кого-нибудь, — беззаботно сказал Адам. — Таких, чтобы могли сражаться. И каждому из нас достанется по четверти мира. Вот ты, к примеру, — показал он на Пеппер, и та отпрянула, словно палец Адама был раскаленной добела кочергой, — бери Россию. Россия красная, а у тебя волосы рыжие, значит, почти красные. Уэнсли можно отдать Америку, Брайан пусть берет Африку и Европу, а... а...

Ужас все возрастал, но Эти подвергли предложения Адама достойному их обсуждению.

— Ч-чего-чего? — заикаясь, сказала Пеппер. Налетевший ветер хлестнул по ее футболке. — П-почему это Уэнсли — целая Америка, а мне т-только Россия? В России скучно.

— Ну тогда бери Китай, Японию и Индию, — предложил Адам.

— А мне, выходит, Африка с кучей таких же скучных мелких стран, — подхватил Брайан, торгуясь даже на этом витке чудовищного выража. — Я бы не отказался от Австралии, — скромно добавил он.

Пеппер пихнула его локтем и вызывающе трянула головой.

— Австралию, наверное, получит Барбос, — заявил Адам, глаза которого загорелись творческим огнем, — ведь нужно же ему где-то бегать. Там полно всяких кроликов и кенгуру, он будет на них охотиться, и...

Грозовые облака продолжали наступать, расплываясь в разные стороны, словно чернила, налитые в миску чистой воды, и неслись по небу быстрее ветра.

— Но там уже не будет никаких кроли... — заорал Уэнслидэйл.

Адам не слушал — вернее, не слышал — никаких голосов, кроме тех, что звучали в его голове.

— Сейчас слишком много беспорядка, — сказал он. — Мы должны начать все заново. Должны спасти, кого захотим, и начать все заново. Вот самый лучший выход. Земля от этого только выиграет, если разобратся. Меня просто бесит от одного взгляда на то, как эти старые маразматики все здесь испортили...

— Это память, понимаешь, — сказал Анафема. — Она работает назад и вперед. Родовая память, понимаешь.

Ньют посмотрел на нее вежливым, но пустым взглядом.

— Я попытаюсь объяснить получше, — терпеливо продолжала Анафема. — Пойми, Агнесса не видела будущих событий. Это лишь метафора. Она их помнила. Не особенно хорошо, конечно, и лишь в меру своего понимания, зачастую сумбурного. Мы думаем, лучше всего она помнила то, что должно произойти с ее потомками.

— А если ты едешь по разным местам и делаешь то-то и то-то, потому что она так написала, а то, что она написала, — это воспоминания о том, где ты была и что делала, — сказал Ньют, — то, значит...

— Я понимаю. Но есть, э-э, некоторые свидетельства того, что именно так оно и работает, — сказала Анафема.

Они посмотрели на разложенную карту. Радио что-то тихо бормотало. Ньют все сильнее проникался сознанием того, что рядом с ним сидит женщина. Будь профессионалом, твердил он себе. Ты ведь солдат, так? Ну, практически да. Тогда действуй как солдат. Он задумался на долю секунды. Пожалуй, надо вести себя, как подобает хорошему солдату, отличнику воинской службы. Он с усилием вернулся к обсуждаемой теме.

— Почему именно Нижний Тадфилд? — спросил Ньют. — Я заинтересовался им просто из-за погоды. Оптимальный микроклимат, так это называют. То есть отдельно взятое местечко со своей прекрасной погодой.

Он заглянул в ее записи. В этом местечке определенно происходило нечто странное, даже если проигнорировать тибетцев и НЛО, которые, похоже, обегали и облетели уже всю землю. Тадфилдский район выделялся не только климатом, который строго соответствовал временам года; он еще и оставался на удивление неизменным. Никто почему-то не строил здесь новых домов. Численность населения почти не менялась. Количество здешних лесов и зеленых изгородей превосходило все ожидания. Единственная птицефабрика, открывшаяся в этом районе, прогорела через год или два, и ее сменила старомодная

ферма, хозяин которой позволял своим свиньям свободно гулять в яблоневых садах и продавал свинину по повышенной цене. Две местные школы, похоже, обрели блаженный иммунитет к новомодным реформам образовательной системы. Автомагистраль, которая могла бы сделать Нижний Тадфилд куда более суматошным местом, чем забегаловка «Счастливы свин» на перекрестке № 18, изменила курс, отодвинулась на пять миль в сторону, сделала огромную дугу и продолжила путь, будто и не заметив островка сельского благоденствия. А почему так получилось, никто не понимал; один из привлеченных к строительству геодезистов заработал нервный срыв, второй ушел в монахи, а третий укатил на Бали рисовать обнаженных женщин.

Все выглядело так, будто несколько квадратных миль стали некой Запретной зоной для всех попользований второй половины двадцатого века.

Анафема выудила из картотеки очередную карточку и подвинула ее к Ньюту.

2315: Слухи доходят, яко
свершится Оное во граде
Лондоне или Новом Йорке,
но то Заблуждения одне,
ибо место то Таддес Филд,
Сильный в мощи своей, он
приидет, аки рыцарь, в фео-
сей, и разложит Мир на 4 на-
дела, и призовет бурю.

...на 4 года раньше (Новый
Амстердам до 1664)...
Таддвиль, Норфолк...
...Тардесфилд, Девоншир...
...Тадфилд, Оксфордшир...
< ...!...
См. Откровение, гл. 6, ст. 10.

— Мне пришлось просмотреть множество сельских архивов, — сказала Анафема.

— А почему это пророчество под номером 2315? Оно сделано раньше других?

— Агнесса довольно небрежно относилась к временным привязкам. Не думаю, что она всегда четко осознавала последовательность событий. Я уже говорила: наша семья потратила столетия на изобретение системы, позволяющей восстановить общие связи.

Ньют просмотрел несколько карточек. Например:

1111: И Зело Ужасный Цербер
грядет, и Две Силы буде тщетно
нести дозор, ибо, ведая,
где Хозяин, ко стопам одного
приидет сатанинский посланец,
когого назовет Хозяин
Истинно по Природе одного,
и се, Преисподняя бежит его.

? Возможно, речь идет
о Бисмарке? (А.Ф. Гаджет,
8 июня, 1888)
...?
...Шлезвиг-Гольштейн?

— По-моему, Агнесса здесь все ужасно запутала, — сказала Анафема.

3017. Тако вижу я, грядут
Четыре Всадника, неся
Завершение, и Ангелы
Ада едут с оними, И Трое
же восстанут. И Четыре
с Четырьмя суть Четверка,
и Темный Ангел станет Сам
Себе Поражением, однако
же Человек утвердится во
Владении Своем.

Всадники Апокалипсиса.
Человек = Пан, Дьявол
(«Ланкаширские суды над
ведьмами», Брюстер, 1782).
??
Кажется мне, что наша милая
Агнесса изрядно выпила
в тот вечер. (Куинси Гаджет,
15 окт. 1789)
Согласна. Увы, ничто человеческое
нам не чуждо. (Мисс
О. Дж. Гаджет, 5 янв. 1854)

— А почему «Превосходные»? — спросил Ньют.

— Превосходные, то есть точные и верные, — сказала Анафема усталым тоном человека, не раз уже это объяснявшего. — Устарелое значение.

— Но послушай... — сказал Ньют.

...Он уже почти убедил себя в том, что никакого НЛО не было, что оно ему пригрезилось, а тибетец мог быть, скажем... ну, над этим надо еще подумать, но кем бы он ни был, к Тибету он не имел никакого отношения, однако же в одном Ньют все больше и больше убеждался — в том, что рядом с ним сидит очень привлекательная девушка, которой он, пожалуй, даже нравится, по крайней мере она не выражает свою неприязнь, а такое отношение со стороны женского пола, безусловно, было для Ньюта внове. Конечно, все происходящее здесь было чертовски странно, но он надеялся провести лодку здравого смысла вверх по течению, преодолевая мощный поток наглядных свидетельств, и в итоге убедить себя в том, что во всем виноваты, скажем, метеозонды, массовые галлюцинации или влияние Венеры.

Короче, о чем бы Ньют сейчас ни думал, в голове его царил полная неразбериха.

— Но послушай, — сказал он. — Разве может наш мир на самом деле подходить к своему концу? Давай объективно взглянем на ситуацию. Никакого международного напряжения... то есть не больше, чем обычно. Почему бы нам не оставить пока все эти пророчества в покое, а самим просто не пойти... ну, не знаю, хотя бы прогуляться, то есть я хочу сказать...

— Ну как же ты не понимаешь? Здесь что-то происходит! Какая-то сила воздействует на это место! — сказала она. — Из-за нее искажаются линии. Она защищает этот район от всего, что может его изменить! Она... Она...

И вновь у нее возникло предчувствие, опять в уме промелькнула мысль, которую она никак не могла —

или ей что-то мешало — вспомнить, словно сон после пробуждения.

В окнах задребезжали стекла. Ветка жасмина принялась под ветром с силой хлестать по стеклу.

— Нет, никак ее не уловить, — сплетая пальцы, сказала Анафема. — Я уже все перепробовала.

— Уловить кого? — удивился Ньют.

— Я пыталась локализовать ее с помощью маятника. С помощью теодолита. Я ведь экстрасенс. Но она как будто перемещается с места на место.

Ньют еще не потерял остатки разума и вполне мог верно истолковать последнее признание. Когда люди называют себя экстрасенсами, то это зачастую означает: «Я обладаю сверхактивным, но банальным воображением / крашу ногти черным лаком / беседую с моим волнистым попугайчиком»; однако же Анафема говорила так, будто признавалась во врожденной болезни, которой предпочла бы не иметь.

— То есть подползает Армагеддон? — уточнил Ньют.

— Пророчества говорят, что сначала придет Антихрист, — сказала Анафема. — Агнесса говорит «он». Но его-то я и не могу отыскать...

— Или ее, — сказал Ньют.

— Что?

— Может, это она, — предположил Ньют. — В конце концов, на дворе двадцатый век. Век равных возможностей.

— Какой-то слишком ты легкомысленный, — строго сказала она. — В любом случае здесь нет никаких признаков зла. Вот чего я не понимаю. Только любовь.

— Не понял? — сказал Ньют.

Она беспомощно взглянула на него.

— Это трудно объяснить, — сказала она. — В общем, нечто или некто любит это место. Любит по-настоящему и настолько сильно, что всячески защищает и охраняет его. Глубочайшая, огромная, неистовая любовь. Не представляю, как может здесь начаться что-то плохое. Как может конец света наступить в таком месте? Такие славные городки люди выбирают, когда хотят обеспечить своим детям счастливое детство. Тут просто детский рай. — Она слабо улыбнулась. — Посмотрел бы ты на местных ребятишек. Они фантастические! Словно сошли со страниц журнала «Жизнь мальчишки»! Разодранные коленки, вопли «круто!», леденцы...

Ее мысль почти оформилась. Она смогла почувствовать, что за ней скрывается, она уловила суть.

— А что вот здесь находится? — сказал Ньют.

— *Что?* — вскрикнула Анафема. Поезд ее мысли сошел с рельсов.

Палец Ньюта постучал по карте.

— Здесь написано «закрытый аэродром». Вот здесь, смотри, в западной части Тадфилда...

Анафема фыркнула.

— Закрытый? И ты поверил? Отлично функционировал во время войны как истребительная база. И уже лет десять там авиабаза «Верхний Тадфилд». И, прежде чем ты скажешь хоть слово, я отвечу — нет. Я терпеть не могу все, что связано с этим чертовым местом, но тамошний полковник куда нормальнее тебя. А его жена, скажите на милость, увлекается йогой.

Итак. О чем она только что говорила? Местные дети...

Ей показалась, будто ее мысли проваливаются в какую-то бездну и она поплыла в сторону более личных воспоминаний, уже поджидающих ее на берегу. Ньют оказался вполне приличным парнем. Так почему бы действительно не провести с ним остаток жизни — тем более что он все равно не успеет ей слишком уж надоесть.

Радио вещало о тропических лесах Южной Америки.

Вновь выросших лесах.

С неба начал сыпаться град.

Ледяные пули обстреливали листву вокруг Этих, спускавшихся по склону карьера.

Барбос тихо трусил за ними, поджав хвост и поскуливая.

«Как нехорошо получается, — думал он. — Ведь я только успел наловчиться ловить крыс. И почти успел приструнить эту чертову немецкую овчарку, что живет через дорогу. А теперь Он, как назло, собирается покончить со всеми ними, и мне придется опять полыхать глазами и преследовать заблудшие души. А чего ради? Бессмысленное занятие. Они же не сопротивляются и к тому же совершенно безвкусны...»

В мыслях Уэнслидэйла, Брайана и Пеппер было гораздо меньше логики. Они осознавали лишь то, что уже не могут сбежать и им остается лишь следовать за Адамом; сопротивление силе, влекущей их вперед, могло бы закончиться переломанными ногами, и Этим приходилось держаться вместе.

Адам вовсе ни о чем не думал. Нечто пылающее и новое само прорывалось в его мысли.

Он усадил друзей на ящики.

— Здесь, внизу, с нами ничего не случится, — сказал он.

— Э-э, — сказал Уэнслидэйл. — Не кажется ли тебе, что наши мамы и папы...

— Не переживай за них, — высокомерно сказал Адам. — Я смогу сделать нам новых родителей. Но уже никто не пошлет нас в постель в половине девятого. Нам вообще больше не придется ложиться спать, пока мы сами не захотим. А еще — убирать в комнате и заниматься всякой мурой. Предоставьте все мне, и у нас будет отличная жизнь. — Лицо его озарилось безумной улыбкой. — Я приведу сюда еще друзей, — доверительно сообщил он. — Они вам понравятся.

— Но... — начал Уэнслидэйл.

— Вы только подумайте, что нас ждет! — восторженно сказал Адам. — Уэнсли, ты сможешь заселить свою Америку новенькими ковбоями, индейцами, шерифами, гангстерами, мультяшками и пришельцами, да кем угодно. Правда ведь, здорово?

Уэнслидэйл с несчастным видом посмотрел на Брайана и Пеппер. Они даже в обычные времена не умели толком излагать свои мысли. Вообще говоря, классно, конечно, что когда-то в Америке жили настоящие ковбои и гангстеры. И так же классно было играть в ковбоев и гангстеров. Но они не видели ничего хорошего во всамделишных придуманных ковбоях и гангстерах, которых уже не сложишь обратно в коробку, если они наскучат. Весь смысл гангстеров, ковбоев, пришельцев и пиратов был в том, что в любой момент можно стать самим собой и пойти домой.

— Но для начала, — таинственно сказал Адам, — мы еще кое-что им покажем...

В торговом центре росло дерево. Оно было не слишком большим, и листья его пожелтели, ведь ему доставались лишь жалкие остатки света, которым удавалось проникнуть сквозь эффектное дымчатое стекло. Его подкармливали стимуляторами чаще, чем олимпийских атлетов, а на его ветви взгромоздили громкоговорители. Но все-таки это было дерево, и если слегка прищурить глаза и взглянуть на него поверх искусственного водопада, то можно почти поверить, что перед вами плачет окутанное дымкой слез чахлое деревце.

Хайме Эрнез любил перекусить, сидя под ним. Старший по смене наорал бы на него, если бы обнаружил здесь, но Хайме вырос на ферме, на очень хорошей ферме, с детства любил деревья и вовсе не по своей воле работал в этом городе, просто выхода другого не было. Работа ему досталась неплохая, и деньги платили такие, о которых его отец и мечтать-то не мог. А дед его вообще не мечтал ни о каких деньгах. До пятнадцати лет он знать не знал, что такое деньги. Но настали времена, когда всем понадобились деревья, и как же досадно, думал Хайме, что его дети растут, считая деревья топливом, а для внуков деревья вообще станут историей.

Но что можно сделать? Там, где раньше зеленели леса, теперь выстроились большие фермы, там, где стояли маленькие фермы, выросли торговые центры, а где были старые супермаркеты, строились новые супермаркеты, вот так оно все и произошло.

Хайме спрятал свою тележку за газетным киоском, украдкой сел под дерево и открыл коробку с бутербродами.

Тогда-то он и услышал шелест и увидел, как странные тени проползают по земле. Он оглянулся.

Дерево шевелилось. Хайме с интересом пригляделся к нему. Прежде ему не приходилось видеть, как растут деревья.

Почва — всего лишь насыпь из щебенки — вдруг начала бугриться: под нею зашевелились корни. Хайме увидел, как тонкий светлый росток сползает по бортику и слепо тычется в бетонный пол.

Сам не зная почему и совершенно не понимая зачем, он слегка подтолкнул его ногой к трещине между плитами. Росток нашел щель и устремился вниз.

Ветви, извиваясь, росли во все стороны.

Хайме услышал визг тормозов и крики, доносившиеся с улицы, но не обратил на них внимания. Там что-то кричали, но здесь вечно кто-то кричал, и зачастую кричали на самого Хайме.

Свободный корешок, должно быть, нашел, где обосноваться. Росток изменил цвет и потолстел, как пожарный рукав, наполняющийся водой. Искусственный водопад вдруг иссяк; Хайме представил себе, как древесные корни высасывают всю воду из треснувших труб.

Теперь он увидел, что происходит снаружи. Поверхность улицы вздыбилась волнами, словно море. Из трещин поднимались молодые деревца.

Все понятно, рассудил он, там ведь полно солнечного света. А его деревцу света явно не хватает. До него доходит лишь туманная серость, что проникает сквозь купол четырехэтажного здания. Мертвый свет.

Но что тут можно сделать?..

А вот что.

Лифт не работал, поскольку вырубилось электричество, но наверх вели всего лишь четыре лестничных пролета. Хайме аккуратно закрыл коробку для

завтрака и, украдкой сбежав к своей тележке, выбрал метлу с самой длинной ручкой.

Толпы орущего народа вытекали из здания. Хайме ловко двигался навстречу потоку, как лосось, плывущий вверх по течению.

На белом остове балок, вероятно задуманном архитектором как динамическое заявление на какую-то актуальную тему, покоился дымчатый стеклянный купол. На самом деле купол был пластмассовым, и Хайме, который пристроился на подходящей балке, потребовалась вся его сила и вся длина метлы, чтобы пробить эту чертову крышу. Еще два удара — и вниз полетели смертоносные обломки.

Внутри хлынул солнечный свет, наполнивший пыльный супермаркет мерцающим туманом, словно влетело множество светлячков.

Далеко внизу деревце, взламывая стены прилизанной бетонной тюрьмы, устремилось ввысь со скоростью экспресса. Хайме никогда не сознавал, что деревья растут вовсе не беззвучно, да и никто еще не мог этого осознать, поскольку звучат они сотни лет, а период колебаний волны составляет двадцать четыре часа от максимума до максимума.

Включите ускорение, и дерево скажет «ВРУУУУМ».

Хайме смотрел, как дерево тянется к нему, подобно зеленому грибовидному облаку. От корней били столбы пара.

У здания не было никаких шансов. Остатки купола взлетели вверх, как теннисный шарик на водной струе игрушечного пистолета.

По всему городу происходило то же самое, хотя сам город увидеть было уже невозможно. Остался только зеленый шатер — от горизонта до горизонта.

Хайме перелез на ветку, прижался к лиане и смеялся, смеялся, смеялся.

Вскоре начался дождь.

Китобойное исследовательское судно «Каппа-маки» искало ответ на строго научный вопрос: «Сколько китов можно поймать за неделю?»

Только вот сегодня им не встретилось ни одного кита. Экипаж старательно пялился на пустые экраны, которые благодаря применению хитроумной техники могли заметить любой морепродукт, превышающий размерами сардину, и вычислить его ценность с учетом международных цен на нефть. Изредка мелькавшая на экранах рыба проносилась мимо так стремительно, словно боялась куда-то опоздать.

Капитан побарабанил пальцами по консоли. Он опасался, что вскоре ему придется запустить собственный исследовательский проект, чтобы выяснить перспективы некой статистически малой выборки капитанов китобойных судов, которые возвращаются в порт на специализированном судне, совершенно лишенном лабораторных материалов. Хотелось бы узнать, как поступят с таким капитаном. Может, его запрут в отсеке с гарпунной пушкой, рассчитывая на то, что он совершит последний благородный поступок.

Но так же не бывает. Должно же быть хоть что-то.

Штурман вывел на экран карту и воззрился на нее.

— Достопочтенный господин? — сказал он.

— В чем дело? — раздраженно спросил капитан.

— Кажется, у нас прискорбная неисправность прибора. Морское дно в этом районе должно находиться на глубине двух сотен метров.

— Ну и что?

— А прибор показывает 15 тысяч метров, достойный господин. И глубина все растет.

— Что за чушь. Такой глубины не бывает.

Капитан сердито глянул на сверхсовременную технику, стоившую миллионы иен, и шарахнул по ней кулаком.

Штурман нервно улыбнулся.

— Ах, господин, — сказал он, — смотрите-ка, становится мельче.

Под толщей вод, в глубинах потаенных, как было известно Азирафаэлю и Теннисону, Вдали от волн, ветров и сотрясений/ Спит кракен.

И сейчас он просыпался.

Он медленно поднимался из бездны, и миллионы тонн океанского ила низвергались с его боков.

— Смотрите, — сказал штурман. — Уже три тысячи метров.

У кракена не было глаз. Там, внизу, ему не на что было смотреть. Но поднимаясь все выше и выше из студеной воды, он улавливал высокочастотные шумы моря, все скорбные крики и свисты китовой песни.

— Так, — сообщил штурман, — дошли до тысячи метров.

Кракен недоволен.

— Пятьсот метров?

Плавающий рыбозавод качается на внезапно вздыбившейся волне.

— Сто метров?

Что это за крошечная металлическая штуковина на поверхности? Кракен делает легкое движение.

И десять миллионов любителей суши взмолились об отмщении.

Распахнувшиеся окна вломились в комнату. Но началась не гроза, началось нечто более страшное. Лепестки жасмина, кружась по комнате, взметнули в воздух вихрь карточек с пророчествами.

Ньют и Анафема прижались друг к другу, отступив от перевернувшегося стола к стене.

— Дождались, — пробормотал Ньют. — И что, Агнесса предсказывала такое?

— Она говорила, что он вызовет грозу, — сказала Анафема.

— Да это же чертов ураган. Может, она сообщила, что произойдет дальше?

— У № 2315 отсылка на № 3477, — сказала Анафема.

— И в такое время ты помнишь такие детали?

— Раз уж ты упомянул об этом, то да, — сказала она и протянула карточку.

3477: Да воскрутится колесо Судьбы, да возрадуются сердца и вспыхнут иные огни, не мои; егда ветер вздует цветы, прижмитесь друг к другу, ибо покой приидет, егда Рыжий и Белый и Черный и Блед подступят к МИР НАША ПРОФЕССИЯ.

? Боюсь, какая-то мистика или страхи. [А.Ф. Гаджет, 17 окт., 1889]
Мирра, благовоние?
[О. Ф. Д., 1929, 4 сент.]
Возм., Откровения, опять гл. 6.
[Доктор Томас Гаджет, 1835]

Ньют перечитал предсказание еще разок. Снаружи доносился такой скрежет, словно по саду кружились листы рифленого железа (а они и кружились).

— Предположим, это означает... — медленно начал он, — что мы вдвоем... включены в программу? Ваша Агнесса, похоже, любила пошутить.

Трудно обхаживать даму, если к ней в качестве дуэньи приставлена пожилая родственница; как известно, они склонны ворчать или хихикать, стрелять у вас сигареты или — самое худшее — вытаскивать альбом с семейными фотографиями, а уж такое оружие в войне полов следовало бы запретить Женевской конвенцией. Но гораздо труднее, когда родственница уже лет триста как мертва. Образно выражаясь, Ньют уже заякорил лодку с определенными видами на Анафему; и не просто заякорил, а поставил в сухой док на просушку, подремонтировал там и тут, подкрасил свежей краской и соскреб все ракушки с днища. Но мысли о ясновидении Агнессы не давали ему покоя: они словно буравили его затылок и окатывали его либидо ведрами холодной воды.

Он даже лелеял идею пригласить Анафему в какое-нибудь кафе, но ему жутко не нравилось то обстоятельство, что какая-то ведьма времен Кромвеля сидит в своем домике три века назад и смотрит ему в рот.

Ньют пребывал как раз в том мрачном настроении, в каком люди сжигают ведьм. Его жизнь и так была достаточно сложной, чтобы ею еще манипулировала через века какая-то безумная старушенция.

Каминная решетка громыхнула с такой силой, словно обрушился кусок дымовой трубы.

И тут он вдруг подумал: «Да нет в моей жизни совершенно никаких сложностей. И я вижу это так же ясно, как видела Агнесса. Впереди недолгий и простой путь к раннему выходу в отставку, подаркам сослуживцев, прекрасной уютной квартирке, спокойной пустоте смерти. Если, конечно, мне не суждено

умереть под руинами этого дома во время возможного конца света.

У ангела, записывающего добрые и грешные поступки, не будет со мной никаких проблем, ведь на всех страницах моей жизни записано: «См. выше». То есть, по большому счету, я вообще ничего не делал. Я не грабил банков. Никогда не нарушал правил парковки. Никогда не пробовал блюд тайской кухни...»

...Где-то с веселым стекольным звоном взорвалось очередное окно. Анафема обняла Ньюта со вздохом, в котором вовсе не слышалось огорчения.

«Я так и не побывал в Америке. И во Франции не побывал, Кале не считается. Так и не научился играть ни на одном инструменте».

Радио умолкло, поскольку электропроводка наконец оборвалась.

Ньют зарылся лицом в ее волосы.

— Я так и не...

Раздался тихий звон.

Шедвелл, который был занят тем, что вносил новые записи в платежные документы, поднял глаза, остановившись на середине подписи ефрейтора армии ведьмолотов Смита.

Оглядев комнату, он заметил, что булавка Ньюта больше не блестит на карте.

Бормоча что-то под нос, он сполз со стула и, пошарив по полу руками, нашел выпавшую булавочку. Еще раз протерев острие, Шедвелл воткнул ее обратно в Тадфилд.

Едва успев расписаться за рядового ведьмолова Стола, получавшего дополнительные два пенса в год в качестве пайковых, он снова услышал звон.

Он опять поднял булавку, подозрительно осмотрел ее со всех сторон и воткнул в карту с такой силой, что проколол штукатурку в стене. После чего направился к грессбухам.

Звон.

На сей раз булавка упала в нескольких футах от стены. Шедвелл поднял ее, опять проверил острие и, воткнув булавку, стал наблюдать за ней.

Секунд через пять она просвистела мимо его уха.

Нашарив ее на полу и воткнув в карту, он продолжал держать ее за головку.

Булавка шевелилась под рукой. Он надавил всем весом.

Над картой поднялась тоненькая струйка дыма. Шедвелл взвизгнул и сунул обожженные пальцы в рот, а раскалившая докрасна булавка, срикошетив от противоположной стены, разбила окно. Она не желала торчать в Тадфилде.

Через десять секунд Шедвелл уже рылся в армейской кассе, где обнаружил горсть медяков, десятишиллинговую банкноту и фальшивую монетку времен царствования Якова I. Не думая о личной безопасности, он выудил все из своих карманов. Однако улова — даже с учетом того, что ему полагался льготный билет, — едва хватило бы на то, чтобы проехать по Лондону, не говоря уже о том, чтобы добраться до Тадфилда.

Только у двоих из его знакомых водились деньги: у мистера Раджита и у мадам Трейси. Что касается семейства Раджитов, то стоит ему упомянуть о деньгах, как сразу же всплывет вопрос о семинедельной задолженности за квартиру, а вот мадам Трейси —

она, конечно, с превеликим удовольствием ссудит ему ворох засаленных десяток...

— Разрази меня гром, если я приму греховные деньги от этой размалеванной Езавели! — воскликнул он.

Но других выходов не было.

Кроме одного.

Гомик-южанин.

Оба его спонсора заходили сюда лишь раз, причем Азирафаэль старался ни до чего не дотрагиваться и всячески спешил покинуть штаб. Другого, шикарного южного шельмеца в черных очочках, как подозревал Шедвелл, обижать не стоило. В простом мире сержанта Шедвелла, если человек носил солнечные очки не только на пляже, то, вероятнее всего, был преступником. Он подозревал, что Кроули знался с мафией — в общем, принадлежал к теневому миру, — хотя был бы удивлен, узнав, насколько близки к истине его подозрения. Но первый-то, расфуфыренный тип в пальто из верблюжьей шерсти, был совсем из другого теста, и сержант, рискнув однажды проследить за ним до его базы, мог восстановить в памяти дорогу. По мнению Шедвелла, Азирафаэль был русским шпионом. Его можно и припугнуть слегка.

Конечно, дело чертовски рискованное.

Шедвелл взял себя в руки. Возможно, именно сейчас молодой Ньют подвергается невообразимым пыткам в руках этих дочерей тьмы, а ведь это он, Шедвелл, послал его туда.

— Мы не бросим наших солдат без помощи, — прохрипел он, напялил свое жалкое пальтецо и, нахлобучив бесформенную шляпу, вышел на улицу.

А ветер, похоже, все усиливался.

* * *

Азирафаэль пребывал в смятении уже около двенадцати часов. И нервы, как он любил говаривать, совсем расшатались. Он бродил по магазину, подбирая и тут же вновь роняя листы бумаги, вертел в руках ручки.

Он должен сообщить Кроули.

Нет, не должен. Ему *хочется* сообщить Кроули. А *должен* он сообщить на Небеса.

Ведь он же все-таки ангел. Надо поступать правильно. Это предопределено. Постигать злокозненные планы и срывать их. Кроули и так уже по уши влез в это дело. Следовало бы сразу сообщить на Небеса.

Но Азирафаэль знает его тысячи лет. У них давно налаженные отношения. Они почти поняли друг друга. Ему порой думается, будто между ними гораздо больше общего, чем у каждого из них со своим начальством. Оба они любят этот мир и не считают его просто клетчатым полем, на котором разыгрывается партия в космические шахматы.

Ну разумеется, в том-то все и дело. Решение напрашивается само собой. И он совершенно не нарушит *духа* своего соглашения с Кроули, если предупредит Небеса, а они уж там придумают, как поступить с этим ребенком — конечно, не причинив ему большого вреда, ведь все мы создания Господни, даже такие, как Кроули и Антихрист, — и мир будет спасен, и Армагеддон пройдет мимо, ведь от него все равно никому не будет пользы, потому что всем известно, что в итоге выиграют Небеса, да и сам Кроули отлично это понимает.

Да. Вот тогда все будет в порядке.

Кто-то, невзирая на табличку «закррито», постучал в дверь магазина. Азирафаэль не обратил на стук внимания.

Двухсторонняя связь Азирафаэля с Небесами устанавливалась гораздо более сложным путем, чем у людей, которые не ждут немедленного ответа и в подавляющем большинстве случаев сильно удивились бы, получив таковой.

Он отодвинул в сторону заваленный бумагами стол и скатал в рулон потертый ковер, открыв нарисованный на половицах маленький меловой круг, окруженный подобающими цитатами из Каббалы. Ангел зажег семь свечей, которые разместил, согласно ритуалу, в определенных точках за пределами круга. Потом воскурил фимиам — необязательное добавление, которое, впрочем, создает приятную атмосферу.

Затем, встав в центр круга, он сказал Слова.

Ничего не произошло.

Он повторил Слова.

Наконец хлынувший сверху поток сияющего голубого света озарил круг.

Хорошо поставленный голос произнес:

— Ну?

— Это я, Азирафаэль.

— Мы знаем, — сказал голос.

— У меня важнейшие новости! Я нашел Антихриста! Я могу передать вам все сведения, включая адрес!

Последовала пауза. Голубой свет замерцал.

— Ну? — повторил голос.

— Но вы же теперь можете его уби... можете все остановить! Как раз вовремя! У нас всего несколько

часов! Вы можете остановить все это, и тогда не понадобится никакой войны и мир будет спасен!

Азирафаэль, иступленно ухмыляясь, вглядывался в небесный свет.

— Да? — произнес голос.

— Да, он в местечке под названием Нижний Тадфилд, и его адрес...

— Ты хорошо потрудился, — произнес голос вялым, суховатым тоном.

— И тогда третья часть морей не сделается кровью и вообще ничего страшного не произойдет, — радостно продолжил Азирафаэль.

Голос ответил слегка раздраженно:

— Почему?

Азирафаэль почувствовал, что под его восторгом разверзлась ледяная бездна, но сделал вид, что ничего не происходит.

Он стремительно продолжил:

— Ну, вы легко сможете...

— Мы *победим*, Азирафаэль.

— Да, но...

— Силы Тьмы должны быть разбиты. Ты, по видимому, пребываешь в некотором заблуждении. Суть не в том, чтобы избежать сражения, а в том, чтобы победить в нем. Мы ждем этого с давних пор, Азирафаэль.

Азирафаэль почувствовал, как холод обволакивает его душу. Открыв рот, он хотел сказать: «А может, лучше не начинать битву на Земле?» — и передумал.

— Понимаю, — мрачно сказал он. Дверь магазина странно поскрипывала, и если бы Азирафаэль взглянул в ту сторону, то увидел бы, что чья-то потрепан-

ная фетровая шляпа пытается заглянуть в окошко над дверью.

— Это не значит, что ты поступил неправильно, — произнес голос. — Ты заслужил похвалу. Хорошая работа.

— Благодарю вас, — сказал Азирафаэль. Его голос был таким кислым, что от него могло бы свернуться молоко. — Я, очевидно, как-то упустил из виду непостижимый замысел.

— Мы так и поняли.

— Могу я спросить, — сказал ангел, — с кем говорил?

Голос сказал:

— Мы суть Метатрон¹.

— О да. Разумеется. Э-э... Хорошо. Большое спасибо. Благодарю вас.

За его спиной в приоткрывшейся щелочке почтового ящика появилась пара глаз.

— Еще одно, — сказал голос. — Ты, разумеется, присоединишься к нам?

— В общем, э-э, конечно, прошла уже пропасть времени с тех пор, как я последний раз держал в руках пламенный меч... — начал Азирафаэль.

— Да, мы помним, — сказал голос. — У тебя будет много возможностей вспомнить былые навыки.

— А-а. Гм-м. Какого рода событие возвестит начало битвы? — спросил Азирафаэль.

— Мы полагаем, что международная ядерная перестрелка была бы прекрасным началом.

— О. Понятно. Богатая идея, — вяло и безнадежно ответил Азирафаэль.

¹ Глас Божий. Нет, не голос самого Бога. Самостоятельная сущность, вроде пресс-секретаря президента.

— Отлично. Итак, мы ждем тебя, до скорой встречи, — сказал голос.

— Ага. Договорились. Мне только нужно уладить несколько деловых вопросов, — в отчаянии сказал Азирафаэль.

— Едва ли в этом есть необходимость, — ответил Метатрон.

Азирафаэль расправил плечи.

— Моя безукоризненная честность, не говоря уже о моральных принципах, требует того, чтобы я, как уважаемый бизнесмен, выполнил...

— Ладно, ладно, — сказал Метатрон несколько брюзгливо. — Смысл понятен. Так мы будем ждать тебя.

Свет потускнел, но окончательно не исчез. Они оставили линию открытой, подумал Азирафаэль. Выхода нет.

— Эй? — тихо позвал он. — Вы меня еще слышите? Тишина.

Очень осторожно он вышел из круга и, еле передвигая ноги, подошел к телефону. Он открыл записную книжку и, набрав номер, установил другую двухстороннюю связь.

После четырех гудков трубка тихо кашлянула, помолчала, а затем голос, который звучал так неприужденно и спокойно, что впору было раскатывать перед ним ковровую дорожку, сказал:

— Привет. Это Антоний Кроули. Э-э. Вероятно...

— Кроули! — Азирафаэль пытался шептать и кричать одновременно. — Послушай! У меня мало времени! Ре...

— ...вы позвонили невовремя, и сейчас я либо сплю, либо занят, но...

— Заткнись! Послушай! Тот ребенок остался в Тадфилде! В найденной нами книге все предсказано! Помнишь, тебе пришлось остановиться...

— ...после звукового сигнала, и я вам обязательно перезвоню. Чао.

— А я хочу поговорить с тобой прямо сейчас...

— ПииииИИииииИИииии...

— Прекрати свистеть! Все начнется в Тадфилде! А ведь я как чувствовал! Ты должен поехать туда и... Он отвел трубку в сторону.

— Так тебя растак!

Азирафаэль выругался впервые за четыре с лишним тысячи лет.

Спокойно. Кажется, у этого демона есть еще один телефон? Кроули любил жить на широкую ногу. Азирафаэль судорожно пролистал телефонную книжку, едва не уронив ее на пол. Наверху скоро начнут терять терпение.

Он нашел другой номер. Набрал его. Ему ответили почти сразу, и в тот же миг тихо звякнул дверной звонок.

Кроули, похоже приблизившись к микрофону, сказал более громким голосом:

— ...говорю серьезно. Алло?

— Кроули, это я!

— Н-ны. — Тон был совершенно неопределенным. Азирафаэль, хоть и был весь на нервах, встревожился.

— Ты один? — осторожно спросил он.

— Эм-н... Да так, зашел один старый знакомый.

— Послушай!..

— *Изыди, адово отродье!*

Азирафаэль очень медленно повернулся.

Шедвелл весь дрожал от возбуждения. Он все видел. И все слышал. Он, конечно, ничего не понял, но знал, для чего нужны круги, свечи и ладан. Отлично знал. Он смотрел «Выход дьявола» пятнадцать раз, даже шестнадцать, если считать сеанс, с которого его вывели, посчитав хулиганством то, что он громогласно и нелегально высказывал свое мнение о ведьмолове-любителе Кристофере Ли.

Эти сволочи его использовали. Они решили поиздеваться над славными традициями армии.

— Я до тебя доберусь, гадский ублюдок! — орал он, наступая на Азирафаэля, словно изрядно побитый молью ангел мести. — Мне известно, чем ты тут промышляешь! Совращаешь женщин, заманиваешь их в дьявольские сети!

— По-моему, вы ошиблись дверью. Вероятно, вам нужен соседний магазин, — возразил Азирафаэль. — Я перезвоню позже, — сказал он Кроули и повесил трубку.

— Видел я, какие делишки ты тут обделываешь, — прорычал Шедвелл. На губах его появилась пена. Никогда еще он не испытывал такой ярости.

— Э-э, порой мы видим все в неверном свете... — начал Азирафаэль, уже понимая, что он выбрал для разговорного гамбита не лучший стиль.

— Вот именно, что в неверном! — торжествующе воскликнул Шедвелл.

— Нет, я имею в виду...

Не отводя глаз от ангела, сержант-ведьмолв шаркающей походкой попятился назад, нащупал дверь и захлопнул ее с такой силой, что задребезжал колокольчик.

— *Колокольчик*, — отметил Шедвелл.

Схватив книгу «Превосходные и Недвусмысленные Пророчества», он громыхнул ею по столу.

— *Книга*, — буркнул он.

Порывшись в кармане, он достал свою верную зажигалку «Ронсон».

— *Практически свеча!* — вскричал он и начал наступление.

Он подходил к кругу, озаренному слабым голубым светом.

— Э-э, — сказал Азирафаэль. — По-моему, вам лучше не...

Шедвелл его не слушал.

— В соответствии с полномочиями ведьмолова, — нараспев бубнил он, — я обязываю тебя покинуть место сие...

— Видите ли, этот круг...

— ...и вернуться туда, откуда ты пришел, и без промедления...

— ...человеку не стоит в него заходить без...

— ...избави нас от лукавого...

— Прочь из круга, болван!

— ...и не возвращайся, искуситель...

— Да, да, но, пожалуйста, выйдите за...

Отчаянно взмахнув рукой, Азирафаэль бросился к Шедвеллу.

— ...и не возвращайся ты **ВОВЕК!** — закончил Шедвелл. Охваченный жадой возмездия, он устремил на Азирафаэля свой указующий перст с почерневшим ногтем.

Азирафаэль опустил глаза на его ноги и выругался во второй раз за последние пять минут. Шедвелл вступил в круг.

— Ой, бля... — сказал ангел.

Послышался мелодичный звон, и голубое свечение исчезло. Азирафаэль тоже.

Прошло тридцать секунд. Шедвелл стоял недвижимо. Затем он осторожно опустил правую руку трясущейся левой.

— Э-эй? — сказал он. — Эй?

Никто не ответил.

Шедвелл вздрогнул. Потом, выставив вперед руку с вытянутым указательным пальцем, словно он держал пистолет, из которого не осмелился выстрелить и не знал теперь, как его разрядить, сержант вышел на улицу, и дверь сама захлопнулась за ним.

От этого стука задрожал пол. Одна из свечей, поставленных Азирафаэлем, упала, разлив по старым сухим половицам горящий воск.

* * *

Лондонская квартира Кроули была воплощением стиля. В ней имелось все, что должно быть в шикарной квартире: великолепная чистая и изысканная обстановка и декоративно-нежилой вид, характерный для квартир, где никто не живет.

А все потому, что Кроули там и не жил.

Он просто возвращался сюда в конце дня, когда бывал в Лондоне. Всегда заправленные постели, холодильник, забитый деликатесами, которые никогда не кончались (только поэтому Кроули и завел холодильник), и, если уж на то пошло, холодильник, который не нужно ни размораживать, ни включать в сеть.

Помимо белого кожаного дивана, в гостиной располагались огромный телевизор, видеомаягнитофон и проигрыватель компакт-дисков, телефонный авто-

ответчик, два телефона — аппарат с автоответчиком и персональная линия связи (с номером, пока не обнаруженным легионами телефонных рекламных агентов, которые упорно пытались продать Кроули уже имевшиеся у него стеклопакеты или страховку от всевозможных жизненных опасностей, в чем он не нуждался) — и традиционная матово-черная аудиосистема, так прекрасно сконструированная, что на ее лицевой панели виднелись только кнопка «вкл-выкл» и регулятор громкости. Не хватало только колонок — Кроули просто забыл о них. Но это не имело никакого значения. Воспроизведение звука все равно было идеальным.

Тут же находился факс с интеллектом компьютера и компьютер с интеллектом умственно отсталого муравья. Тем не менее каждые несколько месяцев Кроули его апгрейдил, полагая, что компьютеру, как и человеку, должна быть присуща элегантность. Нынешний экземпляр напоминал «Порше» с монитором. Руководства пользователя так и лежали нетронутыми в прозрачных упаковках¹.

¹ Наряду со стандартными гарантийными обязательствами, где говорилось, что если аппаратура: 1) не работает, 2) не выполняет разрекламированных функций, 3) убивает электрическим током при касании, 4) и вообще отсутствует внутри дорогой коробки, — то все это безусловно, безоговорочно, очевидно и ни в коем случае не лежит на совести изготовителя, более того: покупатель должен радоваться тому, что ему разрешили отдать свои деньги вышеупомянутому изготовителю, а любая попытка воспользоваться тем, что было приобретено в личную собственность, приведет к визиту серьезных людей с угрожающего вида портфелями и очень тонкими часами. Кроули совершенно потрясли гарантийные обязательства компьютерной промышленности, и он даже послал один экземпляр в адский отдел соглашений с Бессмертными Душами, сопроводив запиской: «Учитесь, парни...»

На самом деле во всей квартире Кроули уделял внимание лишь комнатным растениям. Они были развесисто мощными, зелеными и пышными, с яркой, сочной и глянцевиной листвой.

А все потому, что раз в неделю Кроули обходил квартиру с зеленым пластмассовым пульверизатором-увлажнителем, опрыскивал листья и беседовал с цветами.

В начале семидесятых он услышал по радио Би-би-си о пользе разговоров с растениями и решил, что это отличная идея. Хотя слово «разговор», возможно, не совсем верно характеризует его действия.

Своими речами он держал их в страхе Божьем.

А точнее, в страхе перед Кроули.

В дополнение к разговорам каждую пару месяцев Кроули выбирал цветок, который рос слишком медленно или его листья начинали увядать и буреть, — в общем, тот, что выглядел чуть хуже других, — и показывал его остальным растениям. «Попрощайтесь с вашим приятелем, — говорил он им. — Эх, молодозелено...»

Затем он покидал квартиру с провинившимся растением в руках и возвращался через час или около того с пустым цветочным горшком, который специально ставил где-нибудь на видном месте.

Его растения были самыми роскошными, зелеными и красивыми во всем Лондоне. И самыми запуганными.

Гостиная освещалась прожекторами и белыми неоновыми лампами таких конструкций, какие обычно ставят у кресла или в углу.

Единственным настенным украшением был рисунок в рамке — набросок «Моны Лизы», эскиз самого

Леонардо да Винчи. Однажды, оказавшись жарким днем во Флоренции, Кроули купил его у художника и позже понял, что его вариант получился даже удачнее окончательной картины¹.

В квартире Кроули имелись спальня, кухня, кабинет, гостиная и гардеробная комната; повсюду неизменно царила идеальная чистота.

В томительном ожидании конца света он не мог найти покоя ни в одной из этих комнат.

Он вновь позвонил своим агентам из Армии ведьмолотов, пытаясь узнать новости, но сержант Шедвелл только что ушел, а тупая секретарша почему-то не могла уразуметь, что Кроули готов поговорить с любым ведьмолотовом.

— Мистер Пульцифер тоже отсутствует, дорогуша, — твердила она. — Он выехал в Тадфилд сегодня утром. На боевое задание.

— Да мне с кем угодно поговорить, — объяснил Кроули.

— Я обязательно передам это мистеру Шедвеллу, — отвечала секретарша, — как только он вернется. А сейчас прошу прощения, у меня приемные часы, и я не могу надолго оставлять своего клиента наедине с самим собой, иначе тут ему и смерть. А кроме того, в два часа ко мне придут на сеанс миссис Ормерод, мистер Скrogги и юная Джулия,

¹ Леонардо и сам это понимал. «Вот в эскизах ее проклятая улыбка мне удалась, — говорил он Кроули, потягивая холодное вино под полуденным солнцем. — Но стоило мне взяться за кисти, все насмарку. Ее муж сказал мне пару ласковых, когда я доставил картину, а я ему: «Синьор дель Джокондо, да разве, кроме вас, кто-нибудь ее увидит?» Ладно. Так объясни мне еще раз насчет вертолетов...»

и мне нужно заблаговременно создать атмосферу. Но я передам мистеру Шедвеллу ваше сообщение.

Кроули бросил трубку. Он попробовал почитать какой-то роман, но не смог сосредоточиться. Решил расставить свои компакт-диски в алфавитном порядке, но тут же бросил, обнаружив, что алфавитный порядок соблюдается не только среди компакт-дисков, но и на книжных полках и в коллекции музыки стиля «соул»¹.

В конце концов он опустился на белый кожаный диван и взмахом руки включил телевизор.

— ...поступают сообщения, — говорил встревоженный диктор. — М-да, нам сообщают, что никто точно не знает, что происходит, однако поступающая к нам информация, по-видимому, свидетельствует о некотором усилении международной напряженности, хотя всего неделю тому назад такая ситуация была совершенно невозможна, поскольку, э-э, по общему мнению, все было мирно и спокойно. Э-э... Вероятно, сложившуюся ныне обстановку можно отчасти объяснить ростом числа необычных явлений, которые произошли за последние несколько дней. У берегов Японии... КРОУЛИ?

— Да, — ответил Кроули.

КРОУЛИ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ? ОБЪЯСНИ, НАКОНЕЦ, ЧТО ТЫ ТАМ НАТВОРИЛ?

— А что, собственно, вас интересует? — спросил Кроули, хотя уже догадался, о чем идет речь.

¹ Эта коллекция составляла предмет его гордости. Кроули собирал ее веками. Коллекция подлинной, правильной музыки. Джеймса Брауна в ней не было. «Крестный отец соула»? Не смешите мои копыта!

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МАЛЬЧИКОМ ПО ИМЕНИ МАГ? МЫ ДОСТАВИЛИ ЕГО НА РАВНИНУ МЕГИДДО. СОБАКИ С НИМ НЕТ. РЕБЕНОК ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕТ О ВЕЛИКОМ СРАЖЕНИИ. И ВООБЩЕ ОН НЕ СЫН НАШЕГО ХОЗЯИНА.

— А, — сказал Кроули.

И ЭТО ВСЕ, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, КРОУЛИ? НАШИ ВОЙСКА ГОТОВЫ, ЧЕТЫРЕ ЗВЕРЯ УЖЕ В ПУТИ... НО КУДА ОНИ ЕДУТ? ПРОИЗОШЛА КАКАЯ-ТО ПУТАНИЦА, КРОУЛИ, И ВСЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛЕЖИТ НА ТЕБЕ. ПО ВСЕЙ ВЕРОЯТНОСТИ, ЭТО ТВОЯ ОШИБКА. МЫ ВЕРИМ, ЧТО У ТЕБЯ НАЙДЕТСЯ ВПОЛНЕ РАЗУМНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ...

— О да, — с готовностью подтвердил Кроули. — Вполне разумное.

...И У ТЕБЯ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ОБЪЯСНИТЬ НАМ ВСЕ. БОЛЕЕ ЧЕМ ДОСТАТОЧНО. И МЫ С ОГРОМНЫМ ВНИМАНИЕМ ВЫСЛУШАЕМ ВСЕ, ЧТО ТЫ СКАЖЕШЬ. А ТВОЙ ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ, КРОУЛИ, И СОПУТСТВУЮЩАЯ ЕМУ ОБСТАНОВКА СТАНУТ ИСТОЧНИКОМ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И НАСЛАЖДЕНИЯ ДЛЯ ВСЕХ ОБРЕЧЕННЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ ПРЕИСПОДНЕЙ. ВЕДЬ КАКИМИ БЫ ПЫТКАМИ ИХ НИ ТЕРЗАЛИ, КАКИЕ БЫ МУЧЕНИЯ НИ ПЕРЕНОСИЛИ ПОДЛЕЙШИЕ ИЗ ОБРЕЧЕННЫХ НА МУКИ, ТВОИ МУЧЕНИЯ, КРОУЛИ, БУДУТ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ТЯЖКИМИ...

Кроули жестом выключил телевизор.

Тусклый зеленовато-серый экран продолжал отображать сообщения; на экране высвечивались слова:

ДАЖЕ НЕ ВЗДУМАЙ СБЕЖАТЬ ОТ НАС, КРОУЛИ. СПАСЕНЬЯ НЕТ. ОСТАВАЙСЯ НА МЕСТЕ. ЗА ТОБОЙ... ПРИДУТ...

Кроули подошел к окну и выглянул на улицу. Не-что черное, по форме напоминающее машину, медленно двигалось по улице в сторону его дома. Оно было достаточно похоже на автомобиль, чтобы обмануть обычного прохожего. Однако Кроули, смотревший очень внимательно, заметил, что колеса его не только не крутились, но попросту отсутствовали. Автомобилеобразная чернота замедляла ход, проезжая мимо каждого дома; Кроули предположил, что пассажиры (никто из посланцев Ада не умел водить машину; никто даже не понимал, почему она ездит) присматриваются к номерам домов.

Оставалось мало времени. Кроули прошел на кухню и достал из-под раковины пластмассовое ведро. Затем вышел обратно в гостиную.

Власти Преисподней прервали связь. Кроули на всякий случай повернул телевизор экраном к стене.

И подошел к «Моне Лизе».

Сняв картину со стены, Кроули открыл сейф. Это был не просто сейф, встроенный в стену; его изготовила компания, которая специализировалась на обслуживании ядерной промышленности.

За внешней панелью находилась дверца с замком в виде наборного диска. Он покрутил циферблат («4-0-0-4», легко запомнить — именно в этом стародавнем году он приполз на бестолковую, чудесную планету Земля, тогда еще сияющую и новенькую).

В сейфе лежали щипцы, термос и пара плотных пластиковых перчаток, которые полностью закрывали руки.

Кроули помедлил. Боязливо глянул на термос.
(Грохот на лестнице. Это была входная дверь...)

Натянув перчатки, он осторожно взял термос, клещи, ведро; слегка подумав, захватил еще пульверизатор, стоявший за пышным фикусом, — и направился в кабинет с такой осторожностью, словно этот термос, если он уронит его или хотя бы подумает уронить, способен устроить такой взрыв, после которого убежденные седиными старцы в дешевых фантастических фильмах рассказывают: «А на месте вот этого огромного кратера когда-то стоял город Ва-Шинг-Тонг».

Он добрал до кабинета и плечом открыл дверь. Затем, слегка присев, осторожно поставил все принесенное на пол. Ведро... щипцы... пульверизатор... и в последнюю очередь, с особой аккуратностью, термос.

Капли пота, выступившие на лбу Кроули, поползли к глазам. Он смахнул их.

Затем, крайне осторожно, начал щипцами откручивать крышку термоса... потихоньку, аккуратно... удалось.

(С лестницы снова донесся грохот, потом крик. Наверное, старушка с нижнего этажа.)

Он не мог допустить ни малейшей ошибки...

Зажав термос щипцами и постаравшись не пролить ни единой капли, он вылил содержимое в пластмассовое ведро. Одно неверное движение...

Готово.

После этого Кроули, приоткрыв дверь кабинета дюймов на шесть, поставил ведро на нее.

Снова вооружившись щипцами, он завинтил крышку термоса — грохот в прихожей, — снял пер-

чатки, взял в руки пульверизатор и устроился за своим столом.

— Кроули-и-и?.. — гортанный голос. Хастур.

— Он здесь, — змеиный шип. Лигур. — Чую скользкого гаденыша.

Хастур и Лигур.

Во-первых, сразу же мог бы возразить Кроули, большинство демонов вовсе не были чертовски грешными. Демоны знали, что выполняют в великой космической игре обязанности налоговых инспекторов, — и хотя их работа не пользуется популярностью, она жизненно необходима, чтобы вертелись все шестеренки. Если уж на то пошло, то и не все ангелы были образцами добродетелей; Кроули знал одного или двух таких типов, которые, насылая кары на грешников, карали бедолаг сверх всякой необходимости. В общем, каждый выполнял свою работу по мере сил и возможностей.

Но с другой стороны, есть типы, подобные Лигуру и Хастуру, которые испытывают такой мрачный восторг, выполняя приказы начальства, что их можно даже по ошибке принять за людей.

Кроули откинулся на спинку роскошного кресла. Он попытался успокоиться и потерпел ужасающую неудачу.

— Я здесь, парни, — крикнул он.

— Нам бы словом с тобой перемолвиться, — прошипел Лигур (его тон подчеркивал, что в данном случае «слово» означает «ужасающие вечные муки»). Приземистый демон распахнул дверь.

Ведро качнулось и рухнуло прямо на голову Лигура.

Бросьте натрий в воду. Он займется, вспыхнет и начнет метаться, плюясь искрами. Сейчас произошло то же самое, только куда хуже.

С демона слезла шкура, он вспыхнул и заискрил. От него повалил маслянистый коричневый дым, а сам он кричал, и кричал, и кричал. Наконец он съежился, провалился внутрь себя самого, а то, что осталось от Лигура, поблескивало на почерневшем круглом ковре, словно пригоршня раздавленных слизняков.

— Привет, — сказал Кроули шедшему вслед за Лигуром Хастуру, до которого, к сожалению, дотело лишь несколько брызг.

Некоторые поступки совершенно невыносимы: есть такие глубины, в которые демоны не смеют опускаться и даже предположить не могут, что кто-то из них способен на такое.

— ...Святая вода. Ах ты ублюдок, — выдавил Хастур. — Вот ведь ублюдок. Он же ничего тебе не сделал.

— Не успел, — поправил его Кроули. Теперь, когда силы стали примерно равными, он почувствовал себя немного спокойнее. Но все-таки силы не равны, далеко не равны. Хастур был герцогом преисподней. А Кроули — даже не местным советником.

— Историю твоей гибели матери будут шепотом рассказывать в темных уголках, пугая детей, — сказал Хастур и тут же понял, что адские формулировки в данной ситуации не подходят. — Парень, тебя отправят к чертовым чистильщикам, — добавил он.

Кроули поднял зеленый пластмассовый пульверизатор и угрожающе потряс им.

— Уходи, — сказал он.

Внизу затрезвонил телефон. После четырех звонков подключился автоответчик. Кроули рассеянно подумал, кто бы это мог быть.

— Меня не запугаешь, — сказал Хастур. Он наблюдал, как капля воды стекает из наконечника и скользит вниз по боку пластикового контейнера, к руке Кроули.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Кроули. — Распылитель «Сейнсбери», самый дешевый и эффективный увлажнитель растений в мире. Он распыляет мелкие брызги в воздухе. Надо ли напоминать тебе о его содержимом? Оно способно превратить тебя в *это*... — Он указал на блестящее пятно. — Убирайся.

Капля, сбегавшая по боку растительного увлажнителя, достигла согнутых пальцев Кроули и остановилась.

— Ты блефуешь, — сказал Хастур.

— Может быть, да, — сказал Кроули таким тоном, который должен был со всей очевидностью показать, что он даже и не думает о блефе. — А может, и нет. И кому из нас повезет?

Хастур взмахнул рукой, и пластиковый сосуд растворился, как рисовая бумага, залив водой весь стол и костюм Кроули.

— Мне, — сказал Хастур. И расплылся в улыбке. За его чересчур острыми зубами промелькнул язык. — И что же дальше?

Кроули промолчал. План А сработал. План В провалился. Вся надежда оставалась на план С, у которого был лишь один недостаток: вообще-то Кроули успел спланировать только два варианта.

— Что ж, Кроули, — прошипел Хастур, — пора в путь.

— А мне кажется, что тебе пора кое-что узнать, — сказал Кроули, стараясь протянуть время.

— И что же? — усмехнулся Хастур.

На столе Кроули опять зазвонил телефон.

Он взял трубку и предупредил Хастура:

— Не двигайся. Тебе следует узнать нечто крайне важное, я говорю серьезно. Н-ны. Эм-н, — промямлил Кроули. И добавил: — Да так, зашел один старый знакомый.

Азирафаэль повесил трубку. Кроули на мгновение задумался — что могло понадобиться ангелу?

И неожиданно план С возник в его голове. Он не стал вешать трубку. Держа ее в руках, он сказал:

— Отлично, Хастур. Ты прошел испытание. Ты готов к играм высшей лиги.

— Ты что, рехнулся?

— Нисколько. Неужели ты еще не понял? Это было испытание. Владыки Преисподней хотели узнать, заслуживаешь ли ты доверия, прежде чем поручить тебе командование Легионами проклятых в грядущей Битве.

— Кроули, ты либо врешь, либо лишился рассудка, либо и то и другое сразу, — сказал Хастур, но его уверенность поколебалась.

Только на миг он допустил такую возможность; тут-то Кроули и подловил его. Ведь Ад вполне мог устроить ему испытание. И Кроули могла быть отведена более важная роль, чем принято считать. Хастур был параноиком — вполне разумная и практическая реакция на жизнь в Преисподней, где все только и делают, что стараются подсидеть друг друга.

Кроули начал набирать номер.

— Все в порядке, герцог Хастур. Я и не ожидал, что ты поверишь мне, — признал он. — Но почему бы нам не поговорить с Темным Советом? Я уверен, что они смогут убедить тебя.

В трубке раздались длинные гудки.

— Пока, сосунок, — усмехнулся Кроули.

И исчез.

Почти в ту же секунду исчез и Хастур.

Из года в год множество теологических человеко-часов тратилось на обсуждение знаменитого вопроса:

«Сколько ангелов могут станцевать на кончике иглы?»

Для нахождения ответа нужно принять во внимание следующие факты.

Во-первых, ангелы попросту не танцуют. Таково их отличительное свойство. Их тонкий слух способен воспринимать Музыку Сфер, но они не испытывают потребности сплясать под нее буги-вуги. Следовательно, ответ — «ноль».

Или около нуля. В конце 1880-х годов Азирафаэль научился танцевать гавот в одном полуподпольном клубе на лондонской улице Портленд-плейс, и хотя поначалу он плясал, как слон в посудной лавке, но постепенно наострился и стал вполне приличным танцором, а спустя лет двадцать, когда гавот окончательно вышел из моды, уже отплясывал его просто мастерски.

Таким образом, если в условии задачи подразумевается гавот и если мы найдем подходящего партнера (способного, примем для простоты, танцевать

гавот даже на кончике иглы), ответ станет очевидным — «один ангел».

Опять-таки, можно еще задаться вопросом, сколько демонов может станцевать на кончике иглы. В конце концов, они тоже ангельского рода. И уж демоны-то точно умеют танцевать¹.

Таким образом, можно заключить, что демонов там может собратся целая толпа — если, конечно, они покинут свои физические тела, что для падших ангелов легче легкого. Демоны не связаны физическими ограничениями. Если смотреть издалека, Вселенная покажется маленькой и круглой, вроде стеклянного шарика, в котором падает снег². Но если поглядеть на нее в упор, то при танцах на кончике иглы возникает только одна проблема: слишком велики зазоры между электронами.

Ибо для всех существ ангельского рода и демонической породы размер, объем и состав физического тела — исключительно дело выбора.

В настоящее время Кроули с невероятной быстротой мчался по телефонному кабелю.

ДЗИ-И-И-ИНЬ.

Кроули пролетел через два телефонных разветвления на скорости, составляющей изрядную долю скорости света. Хастур слегка отставал — на четыре или пять дюймов, но, учитывая их новые размеры, это давало Кроули вполне ощутимую фору. Которую он, конечно, мог потерять, выскочив на другом конце провода.

¹ Хотя мы бы их пляски танцами не назвали. Приличными танцами, по крайней мере. Это хуже, чем белые джазисты.

² Если непостижимый замысел не более непостижим, чем принято считать, на дне Вселенной все-таки нет огромного пластмассового снеговика.

Сейчас эти две демонические частицы были слишком малы, чтобы издавать звуки, но демонам не обязательно озвучивать свое общение. Кроули слышал, как Хастур орет сзади:

— Ты, ублюдок! Я тебя достану! Никуда не денешься!

ДЗИ-И-И-ИНЬ.

— Куда бы ты ни сунулся, я последую за тобой! Тебе не удрать!

Меньше чем за секунду Кроули пролетел по кабелю более двадцати миль.

Хастур не отставал. Кроули нужно было очень тщательно рассчитать время.

ДЗИ-И-И-ИНЬ.

Третий звонок. Так, подумал Кроули, пока еще рано.

Он внезапно остановился, и Хастур просвистел мимо него. Хастур повернул и...

ДЗИ-И-И-ИНЬ.

Кроули взлетел по телефонному шнуру, просочился через пластмассовую обшивку и, задыхаясь, материализовался в полный рост в своей гостиной.

Щелк.

Включился магнитофон, и на автоответчике завертелась лента. Как обычно, после гудка она должна была принять входящее сообщение, и вот после сигнала раздался угрожающий вопль:

— Попался! Что такое?.. Ах ты, проклятый змей!

Красная лампочка автоответчика начала подмигивать: вспыхнет, погаснет, вспыхнет, погаснет, словно разъяренный красный глазок.

Кроули очень хотелось бы, чтобы у него осталось еще немного времени и святой воды, в которой

можно было бы растворить эту кассету. Но хранить термос, который обеспечил Лигуру последнее купание, было довольно опасно. Он долгие годы стоял в сейфе просто на всякий случай, и все-таки присутствие святой воды в комнате заставляло Кроули нервничать. Или... или, может быть... Может, взять эту кассету в машину? Он будет проигрывать Хастура снова и снова, пока тот не превратится во Фредди Меркьюри. Нет. Хастур, конечно, подлец, но всему же есть пределы.

Послышался приглушенный раскат грома.

Нельзя тратить время.

Хастур никуда не денется.

Кроули выскочил на улицу. Устроившись за рулем «Бентли», он помчался в сторону Вест-Энда с такой скоростью, словно за ним гнались все демоны ада. Что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

* * *

Мадам Трейси услышала, как мистер Шедвелл медленно поднимается по лестнице. Он переставлял ноги медленнее и тише обычного. Как правило, он так грохотал по ступенькам, словно ненавидел каждую из них.

Она открыла дверь. Он стоял на лестничной клетке, прислонившись к стене.

— Ох, мистер Шедвелл, — воскликнула она, — что же это вы сделали со своей рукой?

— Отвали от меня, жэ-энщина, — простонал Шедвелл. — Я сам не знаю, на что способен!

— А почему вы ее так странно держите?

Шедвелл попытался слиться со стеной.

— Отступись, говорю тебе! Я за себя не в ответственности!

— Да что же такое с вами случилось, мистер Шедвелл? — спросила мадам Трейси, пытаясь дотянуться до его руки.

— Да ничего же такого! Ничего же!

Ей удалось схватить его за руку. И сержант Шедвелл, бич демонов, оказался не в силах сопротивляться и позволил втащить себя в ее квартиру.

Он никогда не заходил сюда раньше. Его воображение уснащало соседскую обитель шелками, роскошными драпировками и тем, что он мысленно называл благовонными мазями. Признаться, на двери в кухню здесь действительно висела бисерная занавеска; имелась также довольно примитивная лампа, сделанная из бутылки кьянти, поскольку представления мадам Трейси об изысканном стиле оставались неизменными, как и у Азирафаэля, примерно с 1953 года. Посреди комнаты стоял стол, покрытый бархатной скатертью, а на скатерти лежал тот самый хрустальный шар, который все более успешно помогал мадам Трейси зарабатывать на жизнь.

— Я думаю, вам нужно хорошенько отдохнуть, мистер Шедвелл, — заявила она не терпящим возражений тоном и повела его в спальню. Он был слишком смущен, чтобы протестовать.

— Но молодой Ньют сейчас страдает, — пробормотал Шедвелл, — в плену варварских страстей и оккультных козней.

— Ну нет, я уверена, он знает, как совладать с ними, — с живостью возразила мадам Трейси, чье представление о Ньютовых испытаниях было, веро-

ятно, гораздо ближе к реальности, чем у Шедвелла. — И я уверена, ему не понравилось бы, как вы заморили себя работой. А теперь ложитесь и отдыхайте, а я приготовлю нам по чашечке чая.

Она исчезла, звякнув бисерными занавесками.

Шедвелл смог осознать лишь то, что его внезапно оставили одного на ложе греха, и никак не мог решить, лучше или хуже ему было бы, окажись он на ложе греха не один. Повернув голову, он пригляделся к обстановке.

Понятия мадам Трейси об эротике сложились в те дни, когда мальчики росли с уверенностью в том, что на груди женщины крепко-накрепко закреплены надувные мячи; когда никто не прыскал от смеха, если Брижит Бардо называли секс-кошечкой, и даже выпускались журналы с названиями типа «Хохотушки в подвязках». Тогда-то, в бурлящем котле вседозволенности, мадам Трейси и почерпнула идею, что мягкие игрушки создают в будуаре интимную и игривую атмосферу.

Какое-то время Шедвелл таращился на большого потрепанного плюшевого мишку, у которого выпал один глаз, но полуоторванное ухо еще держалось. Вероятно, его звали «мистер Баггинс».

Шедвелл повернул голову в другую сторону. Его взгляду явилась сумка для пижам в форме собаки или, вполне возможно, скусна. На мордочке сияла невинная улыбка.

Шедвелл издал нечленораздельный хрип.

Однако мысленно он все еще бурно переживал недавние события. Неужели ему действительно удалось повернуть это дельце? Насколько он знал, в армии никому еще не приходилось изгонять бесов. Ни Хоп-

кинсу, ни Сифтингсу, ни Дайсману. Вероятно, такой удачи не выпадало даже ротному старшине ведьмо-
 ловов Наркеру¹, который побил все рекорды по чис-
 лу обнаруженных ведьм и колдунов. «Рано или позд-
 но любая армия вдруг находит свое главное оружие,
 и теперь оно обнаружилось и у нас», — размышлял
 Шедвелл. Несокрушимая сила таилась, оказывается,
 в его руке, а точнее — в его указательном пальце...

Значит, к чертям старый принцип «Первым не
 стрелять». Ну, раз уж он оказался здесь, надо не-
 много отдохнуть, а потом Силы Тьмы наконец встре-
 тят достойного противника...

Когда мадам Трейси принесла чай, Шедвелл уже
 мирно похрапывал. Она тактично прикрыла дверь,
 вполне довольная таким оборотом дела, поскольку
 через двадцать минут у нее должен был начаться се-
 анс, а отказываться от денег в наши дни просто не-
 прилично.

Мадам Трейси во многом отличалась изрядной
 глупостью, но в некоторых вопросах обладала хо-

¹ Во времена имперских завоеваний Армия охотников за
 ведьмами переживала период возрождения. Британские ведь-
 молы без конца устраивали рейды против знахарей, косто-
 правов, шаманов и прочих сторонников дьявола. Тогда-то и
 развернули свою деятельности герои, подобные ротному стар-
 шине Наркеру, двухметровому тяжеловесу, который с ревом
 промчался по вельду, и даже пулемет Гатлинга не помог бы
 очистить сии дьявольские владения от скверны лучше, чем его
 бронированная Библия, восьмифунтовый Колокол и специаль-
 но выплавленная Свеча. Сесил Родс писал о нем: «Некоторые
 дальние племена почитают божеством, и лишь безумно отваж-
 ный или безрассудный знахарь будет отстаивать свою право-
 ту перед взором ротного старшины Наркера. Я бы предпочел
 иметь в своих войсках одного такого воина, чем два батальона
 гуркхских стрелков».

рошей интуицией, а уж если речь шла о потустороннем общении, тут ее толкования становились просто безупречными. Ее клиентам, как она поняла, требовалась именно некая бессвязная болтовня. Они не хотели с головой окунаться в магию потустороннего мира. У них не было желания приобщиться к таинствам Измерений Времени и Пространства — они хотели просто убедиться, что покойной матушке и после смерти живется хорошо. Хотели приперчить сверхъестественным свою пресную жизнь и блюдо это предпочитали вкушать порционно — не более сорока пяти минут, под конец чай с печеньем.

Им явно не нужны были бесконечные ряды свечей, благовония, монотонные заклинания или таинственные руны. Мадам Трейси даже изъяла из колоды Таро большинство Старших Арканов, поскольку людей они огорчали.

И она убедилась, что непосредственно перед сеансом нужно поставить вариться брюссельскую капусту. Нет ничего более успокаивающего, ничего более верного уютному духу английского оккультизма, чем аромат брюссельской капусты, доносящийся из соседней комнаты.

Вскоре после полудня тяжелые грозовые облака раскрасили все небо размытыми свинцовыми оттенками. Явно приближался дождь — тяжелый, ослепляющий ливень. Пожарные надеялись, что дождь пойдет скоро. И чем скорее, тем лучше.

Они прибыли вполне своевременно, и молодые пожарные уже суетились, раскатывая пожарные рукава и поигрывая топориками; а те, что постарше,

с первого взгляда поняли, что дом не спасти, и как раз прикинули, что даже дождь вряд ли помешает огню перекинуться на соседние здания, когда из-за угла вдруг вылетел черный «Бентли», подкатил к тротуару на скорости, явно превышающей шестьдесят миль в час, и, взвизгнув тормозами, остановился у самой стены книжного магазина. Ужасно встревоженный молодой человек в темных очках выскочил из машины и побежал к дверям пылающего здания.

Его перехватил один из пожарных.

— Вы владелец этого хозяйства? — спросил его пожарный.

— Не стройте из себя идиота! Я что, похож на книготорговца?

— Мне-то откуда знать, сэр. Внешность обманчива. Вот я, к примеру, пожарный. Однако, встречаясь со мной в компании, люди обычно предполагают, что я дипломированный бухгалтер или директор компании. Вот представьте меня без униформы, сэр, и скажите, какого рода занятие подходит такому человеку, как я? Только честно?

— Трепача, — буркнул Кроули и бросился в книжный магазин.

Броситься было легко, но гораздо сложнее прорваться туда; по пути Кроули пришлось увернуться от полудюжины пожарных, двух полицейских и множества весьма интересных личностей, обитающих в ночном Сохо¹, которые вылезли на свет божий пораньше и теперь горячо спорили между собой о том, какой срез общества и почему так украсил день.

¹ В любом месте за пределами Сохо зеваки на пожаре выглядели бы скорее заинтересованными, чем интересными.

Кроули протолкался сквозь толпу. Его едва удостоили взглядом.

Затем он распахнул дверь и вступил в ад.

Книжный магазин был охвачен пламенем.

— Азирафаэль! — крикнул он. — Азирафаэль, ты... ну ты и бестолочь... Азирафаэль? Где же ты?

Никакого ответа. Только потрескивание горячей бумаги, звон бьющегося стекла на втором этаже, куда уже успел добраться огонь, да грохот валящихся балок.

В отчаянной спешке он лихорадочно обследовал магазин, пытаясь найти ангела, найти *помощь*.

В дальнем углу рухнула, вывалив на пол горящие книги, книжная полка. Огонь обступил со всех сторон, но Кроули не обращал на него внимания. Его левая брючина начала медленно тлеть; он охладил ее взглядом.

— Эй, Азирафаэль! Ну где ты? Ради Бо... ради Дья... ради *кого угодно!* Азирафаэль!

Окно магазина разбили со стороны улицы. Кроули вздрогнул и обернулся. Неожиданно струя воды, ударив прямо в грудь, сбила его с ног.

Черные очки отлетели в дальний угол комнаты и тут же превратились в кучку горячей пластмассы. Желтые глаза, прорезанные вертикальными зрачками, потеряли маскировочное прикрытие. Мокрый и дымящийся, с пепельным лицом, Кроули стоял на четвереньках в объятom огнем книжном магазине, совсем не крутой — насколько это было для него возможно, — и клял на чем свет стоит и Азирафаэля, и высший непостижимый замысел, и Верхний, и Нижний мир разом.

Опустив глаза, он вдруг увидел кое-что. Книгу. Ту самую книгу, которую девушка оставила у них в машине в среду вечером, в Тадфилде. Переплет слегка обгорел, но страницы чудесным образом не пострадали. Он поднял томик и сунул его в карман пиджака. Пошатываясь, поднялся на ноги и слегка смахнул с себя грязь.

Тут-то и обвалился потолок. Здание магазина вздрогнуло со страшной силой и сложилось, точно карточный домик, с грохотом обрушив на землю поток кирпичей, балок и прочих горящих обломков.

На улице полиция сдерживала напирющую толпу, а один из пожарных давал объяснения всем желающим:

— Да как же я мог его остановить. Должно быть, он сумасшедший. Или пьяный. Бросился в горящий магазин. Не мог я его задержать. Ну точно безумный. Бросился напрямик в огонь. Ужасная смерть. Кошмар, ужас. Бросился прямо...

И тут Кроули вышел из огня.

Полицейские и пожарные посмотрели на него, увидели выражение его лица и остолбенели.

Он же быстро залез в «Бентли», дал задний ход, выехал на мостовую, обогнул пожарную машину и покатил по Уордер-стрит навстречу сумрачному дню.

Все смотрели на стремительно удалявшуюся машину. Наконец один из полицейских очнулся.

— В такую погоду ему бы фары включить, — ошеломленно произнес он.

— Особенно на такой скорости. Опасное дело... — поддержал второй вялым, глухим голосом. Они стояли в отблесках жарко горящего книжного магазина

и размышляли, что за странности творятся в мире — в мире, который до сих пор был таким понятным.

Прорезая затянутое темными облаками небо, сверкнула сине-белая стрела молнии, сменившаяся оглушительным ударом грома, и наконец хлынул ливень.

* * *

Она подкатила на красном мотоцикле. Не на симпатичной красной «Хонде»; нет, ее цвет был кроваво-красным, пронзительно ярким и отталкивающим. Во всех прочих отношениях мотоцикл выглядел совершенно обычным, не считая закрепленного сбоку меча, покоившегося в ножнах.

Ее голову покрывал малиновый шлем, и на ней была кожаная куртка цвета старого бордо. На спине поблескивали слова «АНГЕЛЫ АДА», выбитые рубиновыми кнопками.

В десять минут второго погода совершенно испортилась, дневной свет померк, и все вокруг стало влажным и мокрым. По полупустой автостраде с ревом пронеслась на красном мотоцикле лениво улыбающаяся женщина в красном.

Пока все шло отлично. Вид красотки, несущейся на мощном мотоцикле с мечом за спиной, производил мощное впечатление на определенный тип мужчин. Уже четыре путешествующих торговца попытались обогнать ее, и теперь обломки их «Форда Сиерра» валялись на протяжении сорока миль, украшая разделительные барьеры автострады и мостовые опоры.

Припарковавшись возле станции обслуживания, она вошла в кафе «Счастливый свин». Посетителей

было мало. Скужающая официантка штопала носок за прилавком, а стайка одетых в черные кожанки байкеров — неприятных, волосатых и грязных верзил — сгрудилась вокруг еще более здоровенного типа в черном пальто. Он увлеченно играл с каким-то железным ящиком, который в былые годы мог оказаться «одноруким бандитом», но этот имел видеоэкран и назывался «Простая игра».

Зрители подавали советы:

— «Д»! Нажимай «Д». «Крестный отец» наверняка получил больше «Оскаров», чем «Унесенные ветром»!

— «Марионетка»! Сэнди Шоу! Точно. Да я абсолютно уверен, черт возьми!

— 1666!

— Да заткнись ты, пустобрех! Тогда был пожар! Чума была в 1665!

— Жми на «В»! Великая Китайская стена — не одно из семи чудес света!

В игре предлагались четыре темы: «Поп-музыка», «Спорт», «Современная жизнь» и «Общая эрудиция». Здоровенный байкер, так и не снявший шлема, нажимал на кнопки, совершенно не замечая своих болельщиков. В любом случае он постоянно угадывал.

Рыжая мотоциклистка подошла к прилавку.

— Чашку чая, пожалуйста. И сэндвич с сыром, — сказала она.

— Вы одна, милая? — спросила официантка, продвигая по прилавку чашку чая и нечто белое, засохшее и жесткое.

— Жду друзей.

— А-а, — протянула официантка, перекусывая нитку. — Что ж, тогда лучше подождите здесь. На улице настоящий ад.

— Нет, — ответила клиентка. — Пока еще нет.

Выбрав столик возле окна, с хорошим видом на парковку, она присела за него в ожидании.

Из глубины зала до нее доносились возгласы игроков, продолжающих сражаться с «Простой игрой».

— Поехало по новой: «Сколько раз с 1066 года воевали между собой Англия и Франция?»

— Двадцать? Нет, пожалуй, многовато. Ого. Ни фига себе. Ну никогда бы не подумал.

— Американская война с Мексикой? Это я знаю. Июнь 1845-го. Ну! Говорил я тебе!

Предпоследний по росту байкер, Свинопас (6 футов 3 дюйма), прошептал самому мелкому из них, Кочегару (6 футов 2 дюйма):

— Что за чертовщина, почему не попадают спортивные вопросы? — Костяшки его пальцев украшали две татуировки: «LOVE» и «HATE»¹.

— Случайное, это, как его... попадание. Там же все на микрочипах. В памяти этой махины под миллион вопросов, наверное. — Слово «FISH» темнело на костяшках его правой руки, а на левой — «CHIP»².

— «Поп-музыка», «Современная жизнь», «Общая эрудиция» и «Война». Как-то я раньше не замечал темы «Война». Почему и решил спросить.

Свинопас громко хрустнул костяшками пальцев и, потянув за жестяное кольцо, открыл банку с пивом.

¹ «Любовь» и «ненависть» (англ.).

² «Рыба» и «чип(с)» (англ.).

Заглотив очередные полбанки, он нечаянно рыгнул и вздохнул.

— Просто мне хочется, черт возьми, чтобы попало больше вопросов из Библии.

— С чего это вдруг? — Кочегар никогда бы не подумал, что Свинопас стал знатоком в библейских вопросах.

— С того это! Заварушку в Брайтоне помнишь?

— А то. Тебя даже в «Криминальной хронике» показывали, — с оттенком зависти произнес Кочегар.

— Ну, вот мне и пришлось зависать в этом отеле, где моя мамка работала. Целых три месяца. А читать нечего, еще спасибо, что какой-то Гидеон оставил там свою Библию. Вот и засела в памяти, как заноза.

Очередной мотоцикл, черный как уголь и блестящий, подъехал к стоянке.

Дверь кафе открылась; на пороге появился мужчина с черной бородкой, облаченный с головы до ног в черную кожу. Он подошел к женщине в красном и сел рядом с ней, а все байкеры вокруг игрового автомата вдруг почувствовали, что сильно проголодались, и поручили Сальнику пойти прикупить чего-нибудь. Все, за исключением игрока, который продолжал молча жать на кнопки правильных ответов, позволяя своему выигрышу накапливаться в лотке автомата.

— Последний раз мы встречались в Мафекинге, во времена Англо-бурской войны, — сказала Рыжая. — Что подельывал?

— Я был ужасно занят, — сказал Черный. — Жил в основном в Америке. Изредка странствовал по миру. На самом деле просто убивал время.

(— Это как это, у вас вообще нет никаких пирожков, ни с мясом, ни с почками? — обиженно спросил Сальник.

— Мне казалось, есть еще, а значит, кончились, — ответила продавщица.)

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собираемся, — сказала Рыжая.

— Здорово?

— Да ладно, ты же все понимаешь. Тысячи лет ждешь заветного дня, и вот он наступил. Мы словно Рождества дождались. Или дня рождения.

— У нас нет дней рождения.

— Я и не говорю, что есть. Я так, для сравнения.

(— И правда, — признала женщина, — похоже, у нас вообще ничего не осталось. Есть только последний кусок пиццы.

— Может, она еще и с анчоусами? — уныло спросил Сальник. Их братство терпеть не могло анчоусов. Как, впрочем, и оливок.

— Точно, голубчик. С анчоусами и оливками. Так будешь брать?

Сальник грустно покачал головой. С урчащим от голода животом он поплелся обратно к игровому автомату. Большой Тед от голода всегда становился раздражительным, а когда Большой Тед раздражен, то никому мало не покажется.)

На экране монитора появилась новая категория. Теперь компьютер предлагал вопросы на темы «Поп-музыка», «Современная жизнь», «Голод» и «Война». Если о войнах байкеры хоть что-то помнили, то их знания о недороде картофеля в Ирландии 1846 года, недороде всего вообще в Англии 1315 года и о недороде ганджубаса в Сан-Франциско 1969 года

равнялись нулю, однако игрок по-прежнему набирал прекрасные очки, подсчет которых порой прерывался жужжанием, треском и звоном, когда автомат извергал в лоток очередную порцию монет.

— Погода на юге явно портится, — заметила Рыжая.

Черный, прищурясь, глянул на мрачные тучи.

— Нет. По-моему, все прекрасно. Вот-вот разразится настоящая гроза.

Рыжая взглянула на свои ногти.

— И хорошо. Без грозы было бы как-то не так. Нам далеко ехать?

Черный пожал плечами.

— Несколько сотен миль.

— Мне почему-то казалось, что дальше. Так долго ждать, и ради того, чтобы проехать пару сотен миль.

— Движение — ничто, — сказал Черный. — Конечная цель — всё.

Снаружи донесся рев. У очередного мотоцикла явно был не в порядке мотор, карбюратор подтекал, а выхлопная труба жутко чихала. Даже не видя этого мотоцикла, вы легко могли представить себе стелющиеся за ним облака черного дыма, масляные пятна в кильватере и хвост из мелких деталей, отвалившихся по дороге.

Черный подошел к прилавку.

— Четыре чая, пожалуйста, — сказал он. — Один черный.

Дверь кафе открылась. Вошел молодой парень в очень пыльной белой кожаной одежде. Вместе с ним в зал ворвалась струя ветра, поднявшая в воздух пакетики из-под чипсов, обрывки газет и обертки от мороженого. Все они покружились вокруг его

ног, точно расшалившиеся дети, а затем устало попадали на пол.

— Так вас четверо, да, голубчик? — спросила продавщица. Она безуспешно пыталась найти чистые чашки и чайные ложки — вся стойка вдруг покрылась тонкой пленкой из моторного масла и засохшего желтка.

— Будет четверо, — сказал мужчина в черном и, взяв чай, вернулся к столу, где сидели два его компаньона.

— Он уже дал о себе знать? — спросил грязный парень в белом.

Двое других покачали головами.

Вокруг игрового автомата разгорелся спор (на экране опять появились новые темы: «Война», «Голод», «Загрязнение» и «Поп-музыка 1962–1979»).

— Элвис Пресли? Должно быть, «В». Он ведь в 1977 году умер?

— Ни фиги подобного. «Д». 1976. Верняк.

— Точно. В один год с Бингом Кросби.

— И Марком Боланом. Он был не жилец. Давай, нажимай «Д». Едем дальше.

Высокий игрок даже не подумал нажать на кнопку.

— В чем дело? — раздраженно спросил Большой Тед. — Давай, жми на «Д». Элвис Пресли умер в 1976 году.

— МНЕ НЕ НРАВИТСЯ ЭТОТ ВОПРОС, — сказал высокий байкер в шлеме. — Я ЕГО И ПАЛЬЦЕМ НЕ ТРОНУЛ.

Сидящая за столом троица мигом обернулась. Первой заговорила Рыжая.

— Когда ты пришел? — спросила она.

Высокий мужчина подошел к их столику, покинув удивленных байкеров и даже не забрав свой выигрыш.

— Я ВСЕГДА ЗДЕСЬ, — сказал он, и его глухой голос прозвучал как ночное эхо, холодный и тяжелый отзвук, мрачный и безжизненный. Если бы его голос превратился в камень, скорее всего, в древнюю могильную плиту с вырезанной на ней надписью: имя, фамилия и две даты.

— Твой чай остыл, владыка, — сказал Голод.

— Уже давно, — подтвердила Война.

Сверкнула молния, и почти сразу раздался низкий раскат грома.

— Очаровательная погодка для нашего дела, — сказал Мусор.

— Да.

Байкеры у игрового автомата все больше озадачивались таким поворотом событий. Следуя за Большим Тедом, они притащились к столику и глазели на четырех чужаков.

От их внимания не ускользнул тот факт, что на куртках четырех незнакомцев красовалась надпись «АНГЕЛЫ АДА». Явная фальшивка, туфта: слишком уж они были чистыми, да и никто из этой четверки, судя по всему, никогда не ломал кому-нибудь руку просто потому, что день воскресный, а по телику не показывают ничего хорошего. К тому же одна из них вообще была женщиной, а женщинам полагалось ездить на багажниках мотоциклов — но эта рыжая нахально раскатывала на своем собственном, словно имела на это какое-то право.

— Значит, Ангелы Ада? — саркастически спросил Большой Тед. Чего настоящие «Адские Ангелы» терпеть не могут, так это мотоциклистов-любителей¹.

Чужаки кивнули.

— Какие красавчики. Просто из книжки вышли!

Высокий незнакомец взглянул на Большого Теда. Затем встал из-за стола. Это было сложное телодвижение: если бы на берегах ночи стояли шезлонги, они бы раскрывались именно так.

Казалось, он раскладывался целую вечность.

Черный шлем полностью закрывал его лицо. И сделан он был, как заметил Большой Тед, из зеркального пластика, в котором видно лишь твое отражение.

— ИЗ КНИЖКИ, — сказал он, — ОТКРОВЕНИЕ, ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Стихи со второго по восьмой, — с готовностью добавил парень в белом.

Большой Тед окинул всех четверых сердитым взглядом. Его нижняя челюсть начала угрожающе выпячиваться, а на виске расчирикалась голубая жилка.

— И как же это понимать? — опять спросил он.

Кто-то дернул его за рукав. Это был Свинопас. Его грязное лицо приобрело землистый оттенок.

— Понимай так, что у нас неприятности, — тихо сказал Свинопас.

И тогда рука высокого незнакомца в бледной мотоциклетной перчатке взмыла вверх и приподняла

¹ Конечно, настоящие «Ангелы Ада» терпеть не могут и многое другое. Как, например, полицейских, мыло, «Форды Кортина» и — если говорить лично о Большом Тед — анчоусы и оливки.

забрало на шлеме, а Большой Тед вдруг впервые почувствовал, что ему хотелось бы прожить свою жизнь получше.

— Господи Иисусе! — простонал он.

— Я думаю, Он может появиться с минуты на минуту, — поспешно сказал Свинопас. — Наверное, ищет, где припарковать свой байк. Давайте пойдем отсюда... в молодежный клуб вступим...

Непроходимое невежество Большого Теда служило ему и щитом, и оружием. Он не двинулся с места.

— Ни фиги себе! — потрясенно воскликнул он. — И правда, «Ангелы Ада».

Война приветствовала его ленивым взмахом руки.

— Да, это мы, Большой Тед, — сказала она. — Патентованные.

Голод кивнул.

— Старая команда, — сказал он.

Загрязнение сдернул свой шлем и потряхнул длинными белесыми волосами. Его взяли в команду на место Чумы, которая удалилась на покой в 1936 году, бормоча что-то насчет пенициллина. Знала бы старушка, какие возможности таит будущее...

— Другие обещают, — сказал он, — а мы выполняем.

Большой Тед посмотрел на четвертого Всадника.

— А вот тебя я уже видел, — сказал он. — Ты был на обложке того альбома, ну, того, забыл какого. Я даже раздобыл кольцо с твоей... твоей... в общем, там печатка в виде твоей головы.

— ГДЕ Я ТОЛЬКО НЕ БЫВАЮ.

— Ни фиги себе. — Широкое лицо Большого Теда сморщилось от непривычной умственной работы. — И какой марки у вас байки? — поинтересовался он.

Над карьером бушевала гроза. Сильный ветер кружил привязанную к веревке старую крышу. Порой плохо закрепленный лист железа с грохотом вырывался из остова скособоившегося домика на дереве и уносился вдаль.

Трое Этих внимательно поглядывали на Адама. Он словно вырос. Сидевший рядом Барбос тихо рычал. Он думал обо всех запахах, которые потеряет. В Преисподней не пахнет ничем, кроме серы. А здесь, здесь... короче, в Преисподней нет ни одной суки.

Размахивая руками, Адам расхаживал перед своими слушателями.

— И жизнь станет — сплошное удовольствие, — говорил он. — Будем ездить во всякие экспедиции. Я скоро много джунглей выращу.

— Но... но кто... в общем, кто же будет все готовить, мыть и убирать? — дрожащим голосом спросил Брайан.

— Никто этой чепухой не будет заниматься, — сказал Адам. — Вы сможете есть все, что угодно: горы чипсов, обжаренные луковые кольца — все, что душе угодно. И никто не заставит вас натягивать новую одежду или принимать ванну, если сами не захотите. Короче, никакой обязаловки. Даже в школу не надо будет ходить. В общем, никогда больше не будем заниматься тем, чем не хочется. Это будет чертовски здорово!

Луна поднялась над холмами Кукаманди. Этой ночью она светила очень ярко.

Джонни Пара Костей сидел посреди красной пустыни. Это было священное место, где незыблемо

стояли две древних скалы, созданные еще во Время Сновидений. Странствие Джонни Пары Костей подходило к концу. Его щеки и грудь были раскрашены красной охрой, он пел древнюю песню — звуковую карту этой холмистой местности — и рисовал копьем узоры на песке.

Он уже два дня ничего не ел и не спал. Он входил в транс, чтоб слиться с дикой землей и вступить в общение с предками.

Он был уже совсем близко.

Совсем-совсем...

Он моргнул. Удивленно оглянулся вокруг.

— *Простите, голубчик,* — вдруг сказал он сам себе вслух, отчетливо выговаривая слова. — *Не подскажите ли вы мне, где я нахожусь?*

— Это кто говорит? — спросил Джонни Пара Костей.

Его рот открылся.

— *Я говорю.*

Джонни задумчиво почесал затылок.

— Это как же понимать? Может, ты, приятель, один из моих предков?

— *О-о! Очевидно, так, голубчик. Совершенно очевидно. В некотором роде. Итак, вернемся к моему исходному вопросу. Где я нахожусь?*

— Странно как-то. Если ты один из моих предков, — продолжал Джонни Пара Костей, — то почему говоришь, будто «цветик» какой-то?

— *«Цветик»?.. Ах вот оно что... Значит, Австралия,* — вырвалось изо рта Джонни Пары Костей, причем последнее слово было произнесено так брезгливо, словно его нужно немедленно дезинфицировать. — *О Боже. Что ж, благодарю вас.*

— Эй? Ты тут? — спросил Джонни Пара Костей.

Еще очень долго он сидел на песке в ожидании, но никто ему так и не ответил.

Азирафаэль отправился дальше.

Цитрон Дё-Шево был тонтон-макутом, странствующим *унганом*¹: за плечами у него болталась котомка, вмещавшая магические и целебные растения, останки дикой кошки, черные свечи, порошок из кожи некой сушеной рыбы, засушенная многоножка, полбутылки виски «Чивас Ригал», десяток сигарет «Ротманс» и экземпляр «Гаитянских ведомостей».

Взвесив на руке нож, он ловким взмахом отрезал голову черному петушку. Кровь залила его правую руку.

— Лоа, прими меня, — нараспев забубнил он. — Добрый ангел, приди ко мне.

— *Где я оказался?* — спросил вдруг шаман другим голосом.

— Это ты, мой Добрый ангел? — спросил он сам себя.

— *По-моему, это очень личный вопрос,* — ответил он себе другим голосом. — *Ангелами так просто не обзаводятся. Но в чем-то вы правы. Каждый старается в меру своих сил.*

Рука Цитрона невольно потянулась к петушку.

— *Не кажется ли вам, что вы выбрали весьма негигиеничное место для пикника? Готовить прямо на земле, в лесу... Неужели вы решили устроить для нас барбекю? Что это за края?*

¹ Шаман, или жрец. Вудуизм — увлекательная религия для всей семьи и даже для покойных родственников.

— Гаитянские, — ответил он своим голосом.

— *Черт побери! Час от часу не легче. И все-таки могло бы быть и хуже. Что ж, мне пора. Ведите себя прилично.*

И Цитрон Дё-Шево остался наедине с самим собой.

— В задницу эти *лоа*, — пробормотал он себе под нос. Некоторое время он тупо таращился в пустоту, затем дотянулся до сумки и извлек оттуда бутылку «Чивас Ригал». Существует по меньшей мере два способа превратить человека в зомби. Он решил выбрать простейший.

На берегу острова грохотал прибой. Раскачивались пальмы.

Надвигался шторм.

Зажглись огни рампы. «Иисус — Телефонный Мастер с пультом управления моей жизнью», — грянул евангелический хор «Силовой кабель» (Небраска), почти заглушив свист налетевшего ветра.

Марвин О. Кошельман поправил галстук, проверил в зеркале улыбку, шлепнул по попке своего личного ассистента (мисс Синди Келлерхолс, получившую три года назад титул «Мисс июль» в журнале «Пентхауз»; впрочем, все это она оставила позади, посвятив себя служению Высшей Цели) и прошел в киносъёмочный павильон.

*Ваш телефон будет всегда исправен,
Не теряйте лишь связь с Иисусом,
И вам не придется переплачивать по счетам,
Слава Телефонному Мастеру,
В его руках пульт управления моей жизнью, —*

распевал хор. Кошельман обожал эту песню. Он сам сочинил ее. А равно и другие хоралы: «Счастливый мистер Иисус», «Иисус, позволь мне побыть на твоём месте», «Наш славный огненный крест», «Иисус — слово на бампере моей души» и «Вознесусь-ка на пикапе». Все эти хиты вошли в альбом «Мой приятель Иисус» (продается на пластинках, кассетах и компакт-дисках) и рекламировались через каждые четыре минуты в евангелических программах Кошельмана¹.

Несмотря на то что в стихах не было ни рифмы, ни, как правило, смысла и что Марвин, не слишком хорошо разбиравшийся в музыке, нахально воровал мелодии старых народных песен, альбом «Мой приятель Иисус» разошелся тиражом, перевалившим за четыре миллиона.

Марвин начинал с музыки кантри, исполняя песни старины Конуэя Твитти и Джонни Кэша.

Он регулярно устраивал живые концерты в тюрьме Сен-Квентин, пока борцы за гражданские права не подвели его под статью «Пытка или наказание, несоизмеримые тяжести преступления».

Тогда-то Марвин и обрел религию. Не тихую успокоительную веру, которая подразумевает благие дела и праведную жизнь, и даже не хождение по домам незнакомых людей, но ту религию, которая требует создания телепрограммы и получения пожертвований от благодарной аудитории.

Он создал превосходную телепрограмму «Один час с энергическим Марвином» («Шоу, вернувшее ВЕ-

¹ \$12,95 за пластинку или кассету и \$24,95 за компакт-диск. Или бесплатная пластинка за каждые \$500, пожертвованные миссии Марвина Кошельмана.

СЕЛЪЕ христианскому фундаментализму!»). Четыре трехминутные песни с его пластинки, двадцать минут адских мук для грешников и в заключение — исцеляющая пятиминутка. (Остальные двадцать три минуты он тратил по-разному, в зависимости от обстоятельств: на обольщения, мольбы, угрозы, просьбы о пожертвованиях, а порой и попросту на выпрашивание денег.) Поначалу он даже приводил в студию людей для исцеления, но позже решил отказаться от таких сложностей и теперь просто разыгрывал представление перед благоволившими к нему телезрителями по всей Америке, магически исцеляя их непосредственно во время просмотра его программы. Все стало значительно проще — не приходилось больше нанимать актеров, и никто уже не мог проверить, какой процент страждущих был исцелен его молитвами¹.

Наш мир значительно сложнее, чем полагает большинство людей. Многие считают, к примеру, что Марвина нельзя назвать истинным верующим, поскольку он изрядно разбогател за счет религии. Они заблуждаются. Он веровал всем сердцем. И вера его была непритворной, он изливал полноводные денежные потоки на те поля, которые, по его мнению, вполне пристало возделывать во славу Господа.

*Телефон Спасителя вечно работает исправно и без сбоев.
Он ждет звонка в любой час, денно и ночью,
Набери: «И-И-С-У-С!» Это бесплатная помощь.
Слава Телефонному Мастеру,
В его руках пульт управления моей жизнью.*

¹ Возможно, Марвин удивился бы, узнав, что определенный процент исцеленных все-таки существовал. Некоторым людям от чего угодно может полегчать.

Первая песня закончилась, и Марвин, выйдя к камерам, скромно поднял руку, ожидая тишины. Оператор в аппаратной постепенно свел на нет запись аплодисментов.

— Братья и сестры, благодарю вас, благодарю вас, какая прекрасная песня! Помните же, что вы сможете всегда слушать ее и другие не менее возвышенные песни из альбома «Мой приятель Иисус», стоит вам лишь набрать наш номер 1-800-КЭШ и прямо сейчас сделать пожертвования.

Затем он стал более серьезным.

— Братья и сестры, мне доверено передать вам послание, крайне важное послание от Господа нашего ко всем вам, мужчинам, женщинам и детям. Друзья мои, позвольте мне поведать вам об Апокалипсисе. О нем рассказано в вашей Библии, в Откровении, которое Господь ниспослал Иоанну Богослову на острове Патмос, а также в Книге пророка Даниила. Господь всегда говорит прямым текстом, друзья мои, говорит о вашем грядущем. Итак, какие же события ожидают нас?

Война. Чума. Голод. Смерть. Реки сделаются кровью. Великие землетрясения. Ядерное оружие. Ужасные времена грядут, братья и сестры. И есть лишь один путь к спасению.

Еще не пришел час Великого Разрушения... не были еще четыре всадника Апокалипсиса... не начали еще атомные снаряды низвергаться на неверующих... поскольку сначала придет час Вознесения.

Вы спрашиваете, что такое Вознесение? Я слышу крики ваших душ.

Когда придет час, братья и сестры, все Истинно Верующие вознесутся к небу — и не важно, где вы

будете находиться в тот миг — в ванне, на работе, в автомобиле или просто в домашнем кресле с Библией в руках. Внезапно вы вознесетесь и будете сверху взирать на этот мир, пока не пройдут годы разрушения. Только праведные будут спасены; лишь тех из вас, кто утвердился в вере, минуют мучения, и смерть, и ужас, и огонь. Начнется великая битва между Небесами и Адом, и Небеса сокрушат силы Ада, и Господь отрет всякую слезу с очей страждущих, и не будет более ни смерти, ни горя, ни плача, ни мучений, и воссияет слава Господня на веки вечные и...

Он вдруг поперхнулся.

— *Да, интересная версия,* — закончил он совершенно другим голосом. — *Только вы весьма сильно заблуждаетесь. На самом деле все будет иначе.*

То есть в какой-то степени вы правы, насчет огня и войны. Но вот ваша история с Вознесением... М-да, если бы вы смогли заглянуть на Небеса... то увидели бы сомкнутые ряды ангелов, бесчисленные воинства, мыслимые и даже немыслимые, лига за лигой, с пламенеющими мечами... М-да, так о чем я, собственно?.. Неужели вы думаете, что у кого-то найдется время выбирать людей и поднимать их на небеса, чтобы они ухмылялись там, поглядывая сверху на всех, кто умирает от лучевой болезни на иссушенной и горящей земле? Очень высокоморально, ничего не скажешь.

И откуда вам известно, что Небеса неизбежно победят? Что ж, будем честными, если все итоги известны заранее, то зачем вообще тогда Небесная Война? Это все пропаганда, ни больше ни меньше. На победу у нас не более пятидесяти

шансов из ста. Можно с таким же успехом сделать ставку на сатанистов, чтобы подстраховаться, хотя, говоря откровенно, когда наступит время огня и кровавых морей, жертвы среди мирного населения неизбежны, во что бы вы там ни верили. Ваша война закончится до начала нашей, уцелевших не будет, а уж Бог потом разберется... понятно?

Но я что-то разболтался, извините. У меня лишь один маленький вопрос: где я нахожусь?

Лицо Марвина О. Кошельмана всё багровело.

— В меня вселился дьявол! Господи, помоги мне! Дьявол глаголет моими устами! — завопил он и вдруг опять заговорил другим голосом: — *Да нет, как раз наоборот. Я ангел. Гм. Должно быть, это Америка, не так ли? Очень жаль, не могу задерживаться...*

Голос умолк. Через какое-то время Марвин попробовал открыть рот, и ничего не случилось. Нечто, проникший в его голову, огляделся вокруг. Он поглядел на команду телевизионщиков, не обращая внимания на персонал, который названивал в полицию или рыдал по углам. Он увидел посеревшее лицо телеоператора.

— *Господи,* — сказал он, — *я что, на телевидение попал?!*

Кроули гнал по Оксфорд-стрит на скорости сто двадцать миль в час.

Он сунулся в бардачок за запасными солнечными очками, но нашел только кассеты. В раздражении он схватил одну наугад и вставил ее в магнитофон.

Он хотел Баха, но удовольствовался бы и «The Travelling Wilburies».

— *Все, что нам нужно*, — «Радио Гага», — пел Фредди Меркьюри.

На развязке у Марбл-Арч, свернув в неположенном месте, он снизил скорость до девяноста миль в час. От вспышек молний лондонское небо стало похоже на мерцающую, испорченную лампу дневного света.

«...Синюшное небо Лондона, — вспоминал Кроули, — и я понял: близок конец. Кто это написал? Честертон! Единственный поэт двадцатого века, который вплотную приблизился к Истине».

«Бентли» следовал к выезду из Лондона, а Кроули, откинувшись на спинку кресла, просматривал опаленный экземпляр книги «Превосходные и Недвусмысленные Пророчества Агнессы Псих».

Где-то в конце книги он обнаружил сложенный листок бумаги, исписанный аккуратным каллиграфическим почерком Азирафаэля. Он развернул записку и — пока «Бентли» самостоятельно, переключившись на третью скорость, объезжал грузовик с фруктами, неожиданно выехавший задним ходом с боковой улицы, — дважды ее перечитал.

Кроули испытывал вялую тянущую боль в животе.

Машина вдруг изменила направление. Теперь она ехала в оксфордширский городок Тадфилд. Он окажется там через час, если поторопится.

Все равно больше ему, в сущности, ехать некуда.

Кассета закончилась, уступив место радиопередаче.

— ...и сегодня наша программа «Помощник садовода» вновь решила навестить Садоводческий клуб Таддфилда. Последний раз мы были здесь прекрасным летним днем 1953 года, и, как нам помнится, на востоке этой местности залегают жирные оксфордширские суглинки, а на западе возвышаются меловые холмы. В общем, как говорится, что бы вы здесь ни посадили, все растет как на дрожжах. Не правда ли, Фред?

— Чистая правда, — сказал профессор Фред Уиндбрайт, Королевские ботанические сады. — Лучшее и не скажешь.

— Отлично... А вот и первый вопрос для нашей команды, и его задает мистер Р.П. Тайлер, председатель местного муниципалитета, насколько мне известно.

— Гм-м. Все правильно. Итак, я увлекаюсь разведением роз, но моя удостоенная премии роза «Молли Мак-Гайр» потеряла пару бутонов, когда с неба начала сыпаться рыба. Что может ваша программа порекомендовать в данной ситуации, кроме того, чтобы натянуть сети над садом? В совет я уже обратился...

— Необычная проблема, я бы сказал. Гарфи?

— Мистер Тайлер, позвольте задать вам вопрос... рыбы были свежие или консервированные?

— Свежие, я полагаю.

— Что ж, тогда все будет в порядке, мой друг. Говорят, в ваших краях прошли также кровавые дожди — а вот мне остается лишь мечтать об этом в моем саду, затерянном в худосочных северных долинах. На удобрениях можно разориться. И как

же вы поступили, мистер Тайлер, закопали их для... КРОУЛИ?

Кроули хранил молчание.

КРОУЛИ. ВОЙНА НАЧАЛАСЬ, КРОУЛИ. МЫ ЗАПОМНИМ, КАК ОРИГИНАЛЬНО ТЫ ИЗБАВИЛСЯ ОТ СИЛ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЗАБРАТЬ ТЕБЯ.

— М-м-м, — согласился Кроули.

КРОУЛИ... МЫ ВЫИГРАЕМ ВОЙНУ. НО ДАЖЕ ЕСЛИ И ПРОИГРАЕМ, ТЕБЕ-ТО БУДЕТ ВСЕ РАВНО. ПОКА ХОТЬ ОДИН ДЕМОН ОСТАНЕТСЯ В ПРЕИСПОДНЕЙ, КРОУЛИ, ТЫ БУДЕШЬ ВЕЧНО ЖАЛЕТЬ, ЧТО БЫЛ СОТВОРЕН БЕССМЕРТНЫМ.

Кроули молчал.

СМЕРТНЫЕ МОГУТ УПОВАТЬ НА СМЕРТЬ ИЛИ НА ИСКУПЛЕНИЕ. ТЕБЕ НЕ НА ЧТО УПОВАТЬ. РАЗВЕ ЧТО НА АДСКОЕ МИЛОСЕРДИЕ.

— Правда?

ШУТИМ, ШУТИМ.

— Пф, — сказал Кроули.

— ...и как знают заядлые садоводы, тибетцы — народ просто дьявольски ловкий. Надо же умудриться — прорыть туннель прямо под вашими бегониями! Угостите его чашечкой чая, желательно с прогорклым маслом яка, которое можно купить в любом приличном...

Щелчки, треск и шипение. Атмосферные помехи заглушили окончание передачи.

Кроули выключил приемник и закусил верхнюю губу. Его лицо, перепачканное пеплом и сажей, выглядело очень усталым, очень бледным и очень испуганным.

А потом — очень сердитым. Что у них за манера разговаривать? Словно ты комнатное растение, которое повадилось сбрасывать листья на ковер!

Тут он повернул за угол, чтобы попасть на кольцевую дорогу M25, с которой рассчитывал выехать на шоссе M40, ведущее к Оксфордширу.

Однако на M25 происходило нечто странное. Такое, что глазам было больно смотреть.

От кольцевой лондонской дороги M25 шло низкое пение. Оно складывалось из самых разных звуков: гудели машины, ревели моторы и сирены, пищали мобильные телефоны и вопили дети, навеки плененные ремнями безопасности. И все они сливались в бесконечный монотонный речитатив тайного языка Черных жрецов древнего Му: «Слава Великому Зверю, Пожирателю Миров».

«Ужасный знак «одегра», — подумал Кроули, разворачивая машину в сторону северной окружной. — А ведь я сам сотворил его... сам и виноват. Здесь могла бы проходить обычная новая автострада. Превосходно сработано, мои поздравления, но стоило ли оно того? Все вышло из-под контроля. Небеса и Ад уже не владеют ситуацией, и сама Земля уподобилась стране Третьего мира, которая наконец-то заполучила Бомбу...»

Вдруг на лице демона заиграла улыбка. Он прищелкнул пальцами. На носу у него материализовалась пара темных очков. А грязь и пепел исчезли с лица и костюма.

Черт побери! Уж если пропадать, так с музыкой.

Тихо насвистывая, он продолжил путь.

* * *

Они ехали по крайнему ряду автострады, подобные смертоносным ангелам, что было недалеко от истины.

Принимая во внимание обстановку, они не особенно спешили. Четверо из них спокойно шли на скорости 105 миль в час, словно были уверены, что без них представление не начнут. Не смогут начать. Им принадлежало все время в этом мире, сколько бы его тут ни осталось.

Следом за ними ехала четверка других всадников: Большой Тед, Сальник, Свинопас и Кочегар.

Их лица сияли от восторга. Теперь, став настоящими «Ангелами Ада», они ехали, храня молчание.

Вокруг них, понятное дело, неистовствовала гроза, ревели моторы, хлестал ветер с дождем. А в фарватере всадников все было совершенно тихо и безжизненно. Почти тихо, во всяком случае. И совершенно безжизненно.

Наконец, нарушив тишину, Свинопас крикнул Большому Теду.

— И кем же ты будешь теперь? — хрипло спросил он.

— Не понял?

— Я сказал, кем же ты...

— Я слышал, что ты сказал. И дело не в том, что ты сказал. Все слышали, что ты сказал. К чему ты клонишь, вот что хотелось бы знать.

Свинопас пожалел, что не слишком внимательно прочел Откровение Иоанна Богослова. Если бы он знал, в чем ему предстоит участвовать, то лучше изучил бы мануал.

— Я ведь о чем? Они — четыре всадника Апокалипсиса, верно?

— Байкера, — поправил Сальник.

— Ну ладно. Четыре байкера Апокалипсиса. Война, Голод, ангел Смерти, и... и этот, как там его. Грязный.

— Ну? И?

— Ну, они же сказали, что все будет в порядке, если мы отправимся с ними?

— Ну?

— Тогда, значит, мы вторые Четыре всад... гм, байкера Апокалипсиса. И значит, у нас тоже должны быть какие-то свои кликухи.

Последовала пауза. По соседнему ряду навстречу им мчались машины, простреливая дорогу светом фар, молнии подсвечивали облака, и тишина была близка к абсолютной.

— Может, мне тоже назваться Войной? — спросил Пижон.

— Да ну тебя! Какая же ты Война? Она вон — Война. Выбери чего другого.

Лицо Большого Теда сморщилось от напряженной работы мысли.

— С.П., — сказал он наконец. — Я буду Смертельным Переломом. Это мне подойдет. Вот так-то. А вы кем будете?

— Я могу быть Мусором, — сказал Кочегар. — Или Наглым Репортером.

— Ты не можешь быть Мусором, — возразил Смертельный Перелом. — Тот Грязный, он закрепил его за собой. А вот Репортером — пожалуйста.

Они ехали в сумеречной тишине, а перед ними в нескольких сотнях ярдов горели задние красные фары Главной Четверки.

Смертельный Перелом, Наглый Репортер, Свинопас и Сальник.

— Я могу стать Жестокостью к Животным, — сказал Сальник. Свинопас подумал, «за» он или «против». И решил, что ему в, общем-то, все равно.

Теперь настал его черед.

— Я, э-э... Думаю, я буду этим... Автоответчиком. Они меня чертовски достали, — сказал он.

— Как это — Автоответчиком? Чего ради Байкеру Апокалипсиса называться Автоответчиком? Ерунда какая-то.

— Вовсе не ерунда! — сердито воскликнул Свинопас. — Они еще хуже Войны и Голода. Проблема жизни и смерти, автоответчики-то? Терпеть их не могу.

— Я тоже ненавижу автоответчики, — поддержал его Жестокость к Животным.

— Ну и заткнись, — бросил С.П.

— А я хочу изменить прозвище, — заявил Наглый Репортер, все это время напряженно размышлявший. — Я хочу быть Дурацким Аппаратом, Который Не Работает, Хоть Ты Тресни.

— Ладно, можешь переименоваться. Но ты, Свинопас, не можешь быть Автоответчиком. Выбери чего другого.

Свинопас погрузился в размышления. Ему вообще не хотелось обсуждать эту тему. Это было похоже на собеседование по профориентации, которое когда-то проводили у них в школе. Он пребывал в сомнениях.

— Чертовски крутые отморозки, — сказал он наконец. — Ненавижу их.

— Что это еще за чертовски крутые отморозки? — переспросил Дурацкий Аппарат, Который Не Работает, Хоть Ты Тресни.

— А что тут непонятного. По телику только и показывают таких типов с идиотскими стрижками, хотя, конечно, выглядят они совсем не идиотами. Расхаживают в своих костюмчиках, и никто им сказать не смеет, что они просто кучка задротов. Как увижу такого отморозка, так мне всегда только одного хочется: очень медленно протащить его рожу по забору из колючей проволоки. И вот что я еще думаю. — Свинопас глубоко вздохнул. Он был уверен, что в жизни еще не произносил такую длинную речь¹. — Думаю я вот что. Если они так достали меня, то наверняка достали и всех остальных.

— Верняк, — поддакнул Жестокость к Животным. — А еще они вечно шляются в черных очках, даже по ночам.

— И лопают сопливый сыр, а лакают, черт возьми, свое дурацкое безалкогольное пиво, — добавил Дурацкий Аппарат, Который Не Работает, Хоть Ты Тресни. — Терпеть не могу это барахло. Какой смысл пить такую дрянь, если от нее ни жарко, ни холодно. Во, я придумал. Я снова хочу переименоваться, лучше я стану Безалкогольным Пивом.

— Нет, черт возьми, хватит с тебя, — сказал Смертельный Перелом. — Ты уже один раз переименовывался.

¹ За исключением одной, десятью годами раньше, когда он отдался на милость правосудия.

— Ну в общем, понятно, — сказал Свинопас. — Поэтому я хочу быть Чертовски Крутым Отморозком.

— Сойдет, — сказал их лидер.

— А почему мне не стать Чертовски Безалкогольным Пивом, если мне так хочется?

— Хватит трепать языком.

Смерть, Голод, Война и Загрязнение продолжали ехать в сторону Тадфилда.

А за ними следовали Смертельный Перелом, Жестокость к Животным, Дурацкий Аппарат, Который Не Работает, Хоть Ты Тресни, Но В Душе Безалкогольный Лагер, и Чертовски Крутой Отморозок.

В этот мокрый и бурный субботний день мадам Трейси чувствовала себя особенно оккультно.

Она принарядилась в свободное платье и поставила на плиту кастрюльку с брюссельской капустой. Комната освещалась живым огнем, в четырех углах горели свечи, аккуратно вставленные в залитые воском винные бутылки.

На спиритический сеанс явились три человека. Миссис Ормерод из Белсайз-парка, в темно-зеленой шляпке, которая в прошлой жизни, возможно, была цветочным горшком; мистер Скрогги, тощий и бледный тип с бесцветными выпученными глазами, и Джулия Петли из парикмахерской «Модная Прическа»¹ на Хай-стрит, недавняя школьница,

¹ Ранее «Суперкоротко», ранее «Очаровательная грива», ранее «Завивка и покраска», ранее «Дешево и быстро», ранее «Куаферная мистера Брайана», ранее «Робинзон-цирюльник», ранее «Такси по вызову».

убежденная в том, что обладает даром проникновения в бездонные оккультные глубины. Дабы подчеркнуть присущие ей магические способности, Джулия обычно мазала веки зелеными тенями и в изобилии, точно рождественская елка, приукрашивалась серебряными побрякушками. Ей казалось, что она выглядит как истощенная и романтическая особа, одержимая призраками, — и, возможно, она добилась бы своего, если бы скинула еще фунтов тридцать. Она убедила себя в том, что испытывает отвращение к пище, поскольку, глядя в зеркало, всякий раз видела там толстушку.

— Вы можете соединить руки? — спросила мадам Трейси. — А теперь нам нужно установить полную тишину. Мир духов очень чувствителен к вибрации.

— Спросите, здесь ли мой Рон, — сказала миссис Ормерод. Ее тяжелый квадратный подбородок весьма походил на кирпич.

— Я спрошу, милочка, но вам придется хранить молчание, пока я вступаю в контакт.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь урчанием в животе мистера Скrogги.

— Пардон, дамы, — промямлил он.

В результате многолетнего опыта Прохождения через Астральную Завесу и Проникновения в Таинства мадам Трейси выяснила, что оптимальное время установления связи с миром духов составляет две минуты. Если пауза затягивается, клиенты начинают нервничать, если же она слишком коротка, им кажется, что они понапрасну выложили свои кровные.

Налаживая потустороннюю связь, мадам Трейси мысленно прикидывала список будущих покупок.

Яйца. Салат-латук. Унцию кулинарного сыра для выпечки. Четыре помидора. Масло. Рулон туалетной бумаги. Надо не забыть, а то она почти закончилась. Приличный кусочек печенки для мистера Шедвелла, бедный старичок, ну и дела...

Пора.

Вскинув голову, мадам Трейси склонила ее к плечу и медленно подняла снова. Глаза ее были полузакрыты.

— Она уходит от нас, милочка, — прошептала миссис Ормерод Джулии Петли. — Ничего страшного. Она просто выстраивает Мост на Ту Сторону. Скоро ее духовный проводник будет здесь.

Мадам Трейси терпеть не могла, когда от нее отвлекают внимание, и испустила низкий стон:

— Ооооооооох.

— Ты здесь, мой Дух-проводник? — спросила она тонким дрожащим голосом.

Теперь нужно слегка усилить напряжение. Моющее средство. Две баночки консервированной фасоли. Да, еще картошку.

— Хау! — произнесла она глухим сумрачным голосом.

— Это ты, Джеронимо? — спросила она.

— Это я, хау, — ответила она.

— В наш круг сегодня вошел новый участник, — предупредила она.

— Хау, мисс Петли, — пробормотала она голосом Джеронимо. Мадам Трейси давно поняла, что из мудрых индейцев получают отличные проводники в мир духов, и ей особенно полюбилось имя Джеронимо. Однажды она рассказала об этом Ньюту. Он

понял, что ей ничего не известно о настоящем Джеронимо, но не посмел ее разочаровать.

— Ой, — пискнула Джулия. — Приятно познакомиться.

— А мой Рон там, Джеронимо? — спросила миссис Ормерод.

— Хау, скво Берил, — пробасила мадам Трейси. — Пока не вижу, сегодня очень много, гм, бедных потерянных душ, гм, бродит вокруг моего вигвама. Может, и ваш Рон среди них. Хау.

Много лет назад мадам Трейси получила хороший урок и теперь «приводила» Рона только в самом конце сеанса. В ином случае Берил Ормерод заняла бы все время, рассказывая усопшему Рону Ормероду обо всем, что случилось с ней со времени их последней астральной беседы. («...Слушай, Рон, ты помнишь Сибиллу, младшую дочь нашего Эрика? Ты бы ее сейчас просто не узнал, она занимается макраме, а наша Летиция, ну, помнишь, старшенькая нашей Карен, она стала лесбиянкой, но теперь это нормально, и она пишет диссертацию по фильмам Серджио Леоне с феминистической точки зрения, а вот наш Стэн, ну, помнишь, один из двойняшек нашей Сандры, я тебе о нем в прошлый раз говорила, так вот, он выиграл соревнование по метанию дротиков, и это нас всех очень порадовало, ведь мы-то уж боялись, что он вырастет маменькиным сынком, уж слишком любит лить слезы, но я поговорила с последним мужем нашей Синди, который подряжается на всякие строительные работы, и он обещал заглядывать к ним по воскресеньям, и... ой, да, кстати, сейчас вот вспомнила...»)

Нет уж, Берил Ормерод может подождать. За вспышкой молнии почти мгновенно последовал отдаленный раскат грома. Мадам Трейси почувствовала внезапный прилив гордости, словно это она сама так вовремя устроила грозу. Это было даже лучше, чем свечи, для создания атмосферы духовной *скорой помощи*. Вот и весь секрет успешного медиума.

— Итак, — сказала мадам Трейси своим собственным голосом. — Мистер Джеронимо хотел бы узнать, есть ли здесь некто по имени мистер Скрогги.

Слезящиеся глаза мистера Скрогги заблестели.

— Э-эм, по правде говоря, это моя фамилия, — с готовностью сказал он.

— Понятно. Здесь кто-то хочет передать вам послание.

Мистер Скрогги приходил месяц назад, но тогда мадам Трейси еще не успела придумать для него сообщения. Теперь настал его час.

— Вам известен некто по имени, гм, Джон?

— Нет, — сказал мистер Скрогги.

— Ну, возможно, имя искажено небесными по-
мехами. Может быть, к вам обращается Том. Или
Джим. Или, гм, Дэйв.

— У меня есть знакомый Дэйв из Хемел-Хемпстеда, — с долей сомнения произнес мистер Скрогги.

— Верно, он говорит Хемел-Хемпстед, именно так он и говорит, — поддержала мадам Трейси.

— Но я заезжал к нему на прошлой неделе, гулял с его собакой, и он выглядел совершенно здоровым, — несколько озадаченно произнес мистер Скрогги.

— Он просит вас не беспокоиться, ему будет лучше по ту сторону вуали, — увильнула мадам Трейси,

которая всегда предпочитала сообщать своим клиентам приятные известия.

— Передайте моему Рону, что я хочу рассказать ему о свадьбе нашей Кристал, — встряла миссис Ормерод.

— Я передам, милочка. Пока потерпите немного... он пытается войти в контакт...

И тут кто-то действительно вошел в контакт. Он проник в голову мадам Трейси и огляделся вокруг.

— *Sprechen sie Deutsch?* — спросил он, вынуждая мадам Трейси открывать рот. — *Parlez-vous Français? Wo bu hui jiang zhongwen?*

— Это ты, Рон? — спросила миссис Ормерод.

Ответ прозвучал весьма раздраженно:

— *Нет. Решительно нет. Однако столь вопиюще глупый вопрос могли задать лишь в одной стране на этой блуждающей во мраке планете... которую, кстати, я облетел почти всю за последние пару часов. Милая леди, здесь нет никакого Рона.*

— Понятно, но мне хочется побеседовать с Роном Ормеродом, — слегка раздраженно настаивала миссис Ормерод. — Он довольно низенький, с лысиной на макушке. Пожалуйста, не могли бы вы его позвать?

Последовала пауза.

— *И правда, здесь парит один дух, подходящий под ваше описание. Отлично. Я разрешаю вам поговорить, только недолго. Я, видите ли, пытаюсь предотвратить Апокалипсис.*

Миссис Ормерод и мистер Скрогги переглянулись. На предыдущих сеансах мадам Трейси ничего подобного не случалось. А Джулия Петли была в восторге. Это же совсем другое дело! Она уже не сомневалась, что мадам Трейси вот-вот начнет извергать эктоплазму.

— Привет! — произнесла мадам Трейси новым голосом. Миссис Ормерод вытаращила глаза. Она мгновенно узнала голос Рона. На предыдущих сеансах Рон всегда говорил голосом мадам Трейси.

— Рон, это ты?

— А кто же еще, Бе-берил.

— Отлично. Слушай, я быстренько расскажу тебе кое-что. Во-первых, в прошлую субботу я ходила на свадьбу Кристал, дочери нашей старшей Мэрилин...

— Бе-берил! П-пока я был жив, т-ты н-никогда не д-давала мне д-даже с-с-лова в-в-вставить. И в-вот с-сейчас, п-п-осле с-смерти, я с-с-кажу т-тебе лишь одно...

Такой оборот слегка рассердил Берил Ормерод. Прежде, являясь к ней на сеансах, Рон рассказывал, как ему чудесно живется по ту сторону вуали, и описывал некое славное место, очень напоминающее райское бунгало. На сей раз он говорил в точности как Рон, и она засомневалась, так ли уж ей хочется услышать его слова. И Берилла сказала то, что обычно говорила мужу, когда он начинал говорить с ней таким тоном:

— Рон, помни, что у тебя большое сердце.

— У м-меня н-нет б-б-больше с-сердца. По-поняла? И в-в-о-о-бще, Бе-берил!..

— Да, Рон?

— Заткнись, наконец!

И дух Рона ушел.

— *Очень трогательно, не так ли? Отлично, а теперь душевно благодарю вас за компанию, леди и джентльмены, но, к сожалению, мне надо заняться делом.*

Мадам Трейси встала, подошла к двери и включила свет.

— *Вон!* — сказала она.

Не на шутку озадаченные клиенты — а в случае миссис Ормерод и глубоко оскорбленные — поднялись из-за стола и вышли в коридор.

— Это еще не конец, Марджори Поттс, даже не надейся, — прошипела миссис Ормерод, прижимая к груди сумку, и хлопнула дверь.

Ее приглушенный голос эхом разнесся по коридору.

— И передай нашему Рону, чтобы он тоже не надеялся! Так легко он от меня не отвяжется!

Мадам Трейси (или Марджори Поттс — именно такое имя стояло на ее водительских правах, позволяющих садиться только за руль мотороллеров) вышла на кухню и выключила капусту.

Она вскипятила чайник. И заварила чай. Села за кухонный стол и, достав две чашки, наполнила их чаем. В одну из них она добавила два куска сахара. Затем помедлила.

— *Мне без сахара, пожалуйста,* — сказал второй голос мадам Трейси. Поставив перед собой обе чашки, она сделала большой глоток сладкого чая.

— Итак, — сказала она своим собственным голосом, хотя даже близкие знакомые мадам Трейси не узнали бы тон, тон холодной ярости. — Полагаю, теперь вы объясните мне, наконец, что все это значит. И поубедительней.

Грузовик вывалил весь свой груз на автотрассу М6. Согласно накладной, он вез листы рифленого железа, но двух патрульных инспекторов в этом было трудно убедить.

— Итак, хотелось бы мне знать, откуда взялась вся эта рыба? — спросил сержант.

— Я уже сказал! С неба свалилась. Я спокойно себе еду, делаю не больше шестидесяти миль в час, и вдруг — ба-бах! — огромный лосось врежется мне в лобовое стекло. Тогда я крутанул руль, и под колеса попала эта дрянь, — он показал на остатки рыбы-молота, — и машину занесло туда. — Там высилась тридцатифутовая куча рыбы разных сортов и размеров.

— Может, вы пьяны, сэр? — без особой надежды спросил сержант.

— Да вы что, сдурели? Я трезв как стекло. Неужели вы сами не видите все эти морепродукты?

Изрядных размеров осьминог вяло помахал им щупальцем с вершины рыбной кучи. Сержант поборол искушение отшатнуться.

Его напарник склонился к полицейской машине и разговаривал по рации:

— ...рифленое железо и рыба, перегорожено движение на юг по М6, примерно в пяти милях к северу от десятого перекрестка. Похоже, нам придется полностью перекрыть трассу в южном направлении. Есть.

Дождь полил с удвоенной силой. Мелкая форель, чудесным образом уцелевшая после падения, храбро поплыла в сторону Бирмингема.

— Это было замечательно, — сказал Ньют.

— Вот и славно, — сказала Анафема. — Мир не стоит на месте.

Она встала с пола, оставив на ковре свою разброшенную одежду, и прошла в ванную.

Ньют повысил голос:

— Я хотел сказать, все было совершенно замечательно. Просто совершенно потрясающе. Я всегда думал, что так должно быть, и это действительно так.

Раздался звук текущей воды.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Принимаю душ.

— А-а.

Он вяло подумал, всем ли положено после этого принимать душ или только женщинам. И он смутно подозревал, что для таких целей как-то используют биде.

— Послушай меня, — сказал Ньют, когда Анафема вышла из ванной, завернутая в пушистое розовое полотенце. — Мы сможем это повторить.

— Нет, — сказала она. — Не сейчас.

Она закончила вытираться и, подняв одежду с ковра, принялась, совершенно не стесняясь, натягивать ее на себя. Ньют, готовый полчаса ждать свободную душевую кабинку в бассейне, чтобы не раздеваться перед себе подобными, почувствовал себя несколько шокированным и глубоко взволнованным.

Части ее тела появлялись и исчезали, точно по волшебству; Ньют попытался сосчитать ее соски, но так и не смог. Правда, его это совсем не огорчило.

— А почему не сейчас? — спросил Ньют. Он уже готов был сказать, что это не займет много времени, но внутренний голос отсоветовал ему. Он вдруг как-то сразу повзрослел.

Анафема пожала плечами — непростой жест, когда ты натягиваешь скромную черную юбку.

— Она сказала, что так у нас будет только раз.

Ньют пару раз отрыл рот, подыскивая возражения, и наконец сказал:

— Не может быть. Черт возьми, не может быть. Этого она не могла предсказать. Я не верю.

Анафема, уже полностью одетая, подошла к картотеке и, вытащив одну карточку, передала ее Ньюту.

Ньют прочел предсказание, вспыхнул и молча отдал обратно.

Его смутило не только то, что Агнесса обо всем знала и поведала в самых ясных и понятных выражениях. Но также и краткие ободряющие комментарии на полях, оставленные разными представителями семейства Гаджетов за последующие три столетия.

Она передала ему влажное полотенце.

— Держи и давай быстрее, — предупредила она. — Мне осталось сделать пару сэндвичей, и все. Нам скоро уходить.

Он посмотрел на полотенце:

— Зачем оно мне?

— Для душа.

Ага. Значит, все-таки душ принимают и мужчины, и женщины. Он обрадовался, что ему удалось разобраться с этим вопросом.

— Но смотри не очень-то размышляй, — сказала она.

— Почему? Может, если мы не уйдем отсюда через десять минут, этот дом взлетит на воздух?

— О нет. У нас есть в запасе пара часов. Просто я истратила много горячей воды. А твои волосы изрядно пропылились.

Штормовой ветер носил вокруг Жасминового коттеджа клубы пыли, а Ньют, стратегически держа

перед собой влажное розовое — но уже не пушистое — полотенце, ретировался в ванную, готовясь принять холодный душ.

Шедвелл спал и во сне проплывал над деревенским выгоном. Огромной кучей высилось сооружение из толстых веток и сухого хвороста с деревянным столбом по центру. Вокруг на зеленой поляне стояли мужчины, женщины и дети с блестящими глазами и раскрасневшимися лицами, возбужденные ожиданием предстоящего зрелища.

Внезапно волнение усилилось: вот десять человек идут по пустырю, ведя красивую, среднего возраста женщину; должно быть, в молодости она выглядела потрясающе, и слово «бодрая» медленно высветилось в сонном мозгу Шедвелла. Перед ней вышагивает рядовой-ведьмолов Ньютон Пульцифер. Постой, это же вовсе не Ньют. Этот мужчина постарше, и одет он в черную кожу. Шедвелл одобрительно кивает, узнав историческую экипировку майора ведьмоловов.

Женщина забирается на кучу хвороста, обхватывает руками столб, и ее привязывают к нему. Костер поджигают. Она обращается к толпе, что-то говорит, но Шедвелл не слышит ее слов, он слишком высоко. Толпа подходит поближе.

Ведьма, думает Шедвелл. Они сжигают ведьму. Его это греет. Все идет правильно, надлежащим образом. Именно так все и должно быть.

Только...

Она внезапно устремляет взор прямо на него и говорит: «Это и тебя касается, старый дурень».

Только она же сейчас умрет. Ей предстоит сгореть заживо. И Шедвелл в своем сне вдруг понимает, какой это ужасный способ смерти.

Языки пламени поднимаются все выше.

А эта женщина смотрит в небо. Она смотрит прямо на него, хотя он невидим. И она улыбается.

И тут раздается страшный грохот.

«Удар грома», — подумал Шедвелл, просыпаясь с непоколебимым ощущением, что кто-то все еще смотрит на него.

Открыв глаза, он обнаружил, что с многочисленных полочек будуара мадам Трейси за ним следят тринадцать пар стеклянных глаз, поблескивающих на пушистых мордочках.

Он повернул голову и наконец встретился взглядом с тем, кто тарачился прямо на него. Это был он сам.

«Ох, — в ужасе подумал он, — значит, я пребываю в этом, во внетелесном состоянии и гляжу на себя со стороны, ну все, значит, теперь и вправду конец...»

В отчаянии он забился, как рыба, пытаясь вернуться в свое тело, и тут все сразу встало на свои места.

Слегка успокоившись, Шедвелл спросил себя, зачем кому-то понадобилось пристраивать зеркало на потолок спальни. Он расстроено встряхнул головой.

Спустив ноги с кровати, он натянул ботинки и осторожно встал. Чего-то не хватало. Курева. Сунув руку глубоко в карман, он вытащил жестянку с табаком и начал скручивать папироску.

«Что-то мне приснилось», — догадался Шедвелл. Сон улетучился из памяти, но почему-то оставил смутное ощущение тревоги.

Он закурил папиросу. И тут увидел свою правую руку: новое смертоносное оружие. Символ Судного дня. Сложив кисть пистолетиком, сержант прицелился указательным пальцем в одноглазого плюшевого мишку на каминной полке.

— Бах, — сказал он и разочарованно хихикнул. Он редко хихикал и, с непривычки закашлявшись, сразу почувствовал себя в своей тарелке. Ему захотелось чего-нибудь выпить. К примеру, сладкой сгущенки.

Возможно, у мадам Трейси найдется баночка.

Громко топая, он вышел из будуара и направился в сторону кухни.

Помедлив перед дверью, сержант прислушался. Там, внутри, мадам Трейси разговаривала с кем-то. С мужчиной.

— Так чего же вы от меня хотите? — спрашивала она.

— Ах ты старая чертовка, — пробормотал Шедвелл. Значит, принимает одного из своих богатеньких клиентов.

— *Говоря откровенно, сударыня, вынужден признать, что в настоящее время мои планы несколько туманны.*

У Шедвелла кровь застыла в жилах. Он раздвинул бисерный занавес и вступил на кухню, возмущенно крича:

— Содом и Гоморра! Так ты решил совратить беззащитную гурию! Только через мой труп!

Мадам Трейси подняла глаза и улыбнулась ему. В кухне больше никого не было.

— Где он? — спросил Шедвелл.

— Кто? — спросила мадам Трейси.

— Один южный гом... голубой, — сказал он. — Я его голос узнал. Он сейчас вам предлагал что-то. Я все слышал.

Мадам Трейси открыла рот, а голос произнес:

— *Не просто один Голубой Южанин, сержант Шедвелл. Тот самый Женоподобный Южанин.*

Шедвелл выронил папиросу. Вытянув вперед слегка трясущуюся руку, он направил палец на мадам Трейси.

— Демон, — прохрипел он.

— *Нет,* — сказала мадам Трейси голосом того самого демона. — *Теперь я знаю, что вы думаете, сержант Шедвелл. Вы думаете, что в любую секунду эта голова может закружиться и она начнет извергать гороховый суп. Ничего подобного не случится. Я вовсе не демон. И мне хотелось бы, чтобы вы послушали, что я вам скажу.*

— Умолкни, дьявольское отродье! — взревел Шедвелл. — Я не намерен слушать твои нечестивые речи. А знаешь ли ты, что вот это такое? Думаешь, просто рука? Четыре пальца и один большой? А вот и нет, нынче утром это оружие уже изгнало одного из вашей компании. А теперь давай-ка, выметайся из головы этой доброй женщины, не то я низвергну тебя в мир иной, к чертям свинячьим.

— Да в том-то и дело, мистер Шедвелл, — сказала мадам Трейси собственным голосом. — Мир иной... Он вот-вот наступит. В том-то и дело. Мистер Азирафаэль все мне рассказал. А теперь прекратите строить из себя старого дурачка, мистер Шедвелл, сядьте, выпейте чаю, а он объяснит все и вам.

— Я нипочем не стану слушать его адские речи, женщина, — заявил Шедвелл.

Мадам Трейси улыбнулась ему.

— Какой же вы глупенький, — сказала она.

Со всем прочим он бы еще справился, но с этими словами...

Шедвелл присел к столу.

Но не опустил своей грозной руки.

Покачивающиеся над головами дорожные знаки извещали, что автодорожное движение в южном направлении закрыто, и ряд расставленных поперек дороги оранжевых конусов призывал автомобилистов поворачивать на север. Другие знаки предписывали шоферам снизить скорость до тридцати миль в час. Прибывающих водителей окружали полицейские машины, словно красно-белые овчарки, собирающие стадо овец.

Проигнорировав знаки, конусы и полицейские машины, четверка байкеров промчалась на юг по опустевшему шоссе М6. Вслед за первой немного помедленнее проехала вторая четверка байкеров.

— Может, нам стоит, э-э, притормозить пока? — спросил Чертовски Крутой Отморозок.

— Точно. Может, впереди пробка, — сказал Вляпавшийся в Собачье Дерьмо (бывший Любой Иностранец, Особенно Француз, бывший Дурацкий Аппарат, Который Не Работает, Хоть Ты Тресни, так и не ставший Безалкогольным Пивом, успевший на минутку стать Наглым Репортером, а изначально известный как Кочегар).

— Мы же вторая Четверка Всадников Апокалипсиса, — возразил Смертельный Перелом. — И должны поступать так же, как они. Надо следовать за ними.

И они поехали дальше на юг.

— Весь мир будет принадлежать нам одним, — сказал Адам. — Другие люди вечно только все портили, а мы сможем от них ото всех избавиться и начнем все сначала. Класс, правда ведь?

— *Вы, я надеюсь, знакомы с Откровением Иоанна Богослова?* — голосом Азирафаэля спросила мадам Трейси.

— Ну да, — ответил Шедвелл, на самом деле в глаза не выдавший упомянутого Откровения. Его библейские познания ограничивались восемнадцатым стихом двадцать второй главы книги Исхода, которая касалась ведьм и гласила: «Ворожеи не оставляй в живых». Однажды он глянул на девятнадцатый стих, где говорилось о предании смерти всякого скотоложника, но понял, что это выходит за пределы его компетенции.

— *Значит, вам известно об Антихристе?*

— Воистину, — сказал Шедвелл. Он и вправду однажды смотрел фильм, посвященный данной теме. Насколько он помнил, там из грузовиков выпадали стекла и отрезали людям головы. О происках ведьм даже не упоминалось. В общем, вторую половину он проспал.

— *Сейчас, сержант, Антихрист живет на земле. Его присутствие приведет к Армагеддону, то есть к Судному дню, даже если сам он этого не осознает. Небеса и Ад готовятся к войне, и все это может закончиться полнейшим хаосом.*

Шедвелл проворчал что-то нечленораздельное.

— *Мне лично не разрешается вмешиваться в это дело, сержант. Но я уверен, вам понятно, что любой разумный человек постарается воспрепятствовать надвигающемуся разрушению мира. Не правда ли?*

— М-да. Ну, допустим, — сказал Шедвелл, потягивая сгущенное молоко из проржавевшей банки, которую мадам Трейси обнаружила в шкафчике под раковиной.

— *Из данной ситуации есть единственный выход. А вы единственный человек, на которого я могу положиться. Антихриста нужно убить, сержант Шедвелл. И сделать это должны вы.*

Шедвелл нахмурился.

— Откуда мне знать про ваши делишки, — сказал он. — Ведьмоловы охотятся только на ведьм. Так записано в наших законах. Ну и, конечно, еще изгоняют демонов и бесов.

— *Но... но ведь Антихрист будет похлеще любой ведьмы. Он... он Главный Ведьмак. Его колдовские силы так велики, что вы и представить не можете.*

— От него трудней избавиться, чем, скажем, от демона? — спросил Шедвелл, который начал слегка соображать.

— *Ненамного труднее,* — сказал Азирафаэль, который если когда и избавлялся от демонов, то лишь решительно намекая им, что у него, Азирафаэля, еще много дел, так что пора расходиться по домам. И Кроули всегда понимал его намеки.

Шедвелл глянул на свою правую руку и улыбнулся. Потом вдруг засомневался.

— А у этого Антихриста... сколько у него сосков?

Цель оправдывает средства, подумал Азирафаэль. И дорога в Ад вымощена добрыми намерениями¹. Он солгал охотно и убедительно.

¹ На самом деле это не так. Дорога в Ад вымощена замороженными коммивояжерами. По выходным юные демоны катаются там на коньках.

— *Множество. Чертова дюжина. Вся грудь ими покрыта... по сравнению с ним Диана Эфесская кажется практически безгрудой.*

— Я знать не желаю вашей Дианы, — буркнул Шедвелл. — А вот он, похоже, и правда колдун, и коли так, то я именно тот, кто вам нужен, заявляю как сержант Армии ведьмолов.

— *Отлично*, — сказал Азирафаэль, по-прежнему пользуясь услугами мадам Трейси.

— Мне не слишком-то нравятся убийства, — встряла сама мадам Трейси. — Но если тот человек действительно Антихрист, или кто он там такой, то я полагаю, что у нас, в сущности, нет выбора.

— *Вот именно, сударыня*, — поддержала она себя голосом Азирафаэля. — *Итак, сержант Шедвелл. Какое оружие имеется в вашем распоряжении?*

Потерев руки, Шедвелл сжал и разжал кулаки.

— Оружие, — сказал он, — в моем распоряжении имеется вот это. — И он поднял два пальца к губам и слегка подул на них.

Наступила пауза.

— *Ваша рука?* — наконец спросил Азирафаэль.

— Да. Это грозное смертоносное оружие. Оно просто создано для вашего брата демона, разве не так?

— Э-э... *А нет ли у вас чего-нибудь более, э-э, существенного? Например, Золотого кинжала Мегиддо? Или ножа Кали?*

Шедвелл покачал головой.

— У меня есть несколько булавок, — предложил он. — И Громобойный Пугач, изобретение полковника-ведьмолова Не-Вкушай-Мяса-С-Кровью-Не-Ворожи-И-Не-Гадай Далримпла. Я могу зарядить его серебряными пулями.

— *С ними, по-моему, охотятся на оборотней,* — сказал Азирафаэль.

— *А с чесноком?*

— *На вампиров.*

Шедвелл пожал плечами.

— Ладно, у меня все равно никаких волшебных пуль нет. Но Громобойный Пугач выстрелит в любом случае. Схожу принесу его.

Шаркая к выходу из комнаты, он думал: «И зачем мне какое-то оружие? Ведь у меня есть рука».

— *Итак, сударыня,* — сказал Азирафаэль. — *Я надеюсь, что в вашем распоряжении имеется надежное транспортное средство.*

— О, конечно, — сказала мадам Трейси.

Пройдя в угол кухоньки, она достала розовый мотоциклетный шлем с нарисованным на нем золотистым подсолнухом и, надев его, застегнула под подбородком. Потом она порылась в буфете, вытащила целый ворох полиэтиленовых пакетов и кипу пожелтевших местных газет и в итоге извлекла запылившийся зеленый шлем со светящейся надписью «Беспечный ездок», двадцатилетней давности подарок от племянницы Петьюлы.

Шедвелл, вернувшийся с Пугачом на плече, изумленно уставился на мадам Трейси.

— Не понимаю, на что вы так пялитесь, мистер Шедвелл, — заметила она. — Моя машина припаркована на дороге около дома. — Она протянула ему «Ездока». — Вам придется надеть шлем. Таковы правила. Правда, по-моему, втроем на мотороллере ездить вовсе не разрешается, даже если двое из троих являются, э-э, в некотором роде сожителями. Но у нас чрезвычайные обстоятельства. И я уверена,

что с нами совершенно ничего не случится, если вы будете хорошенько и крепко держаться за меня. — И она улыбнулась: — Какое забавное приключение, не правда ли?

Шедвелл побледнел, невнятно пробурчал что-то и напялил зеленый шлем.

— Что вы сказали, мистер Шедвелл? — мадам Трейси внимательно посмотрела на него.

— Я сказал, дьявол тебя раздери лопатой наперекосья, — повторил Шедвелл.

— Довольно уже ваших шотландских приговорок, мистер Шедвелл, — сказала мадам Трейси. И они спустились по лестнице к старенькому скутеру, готовому увезти эту парочку — а вернее, троицу.

Грузовик перегородил дорогу. Груда рифленого железа также заблокировала дорогу. И куча рыбы высотой футов в тридцать забаррикадировала все ту же дорогу. В результате получилась одна из самых впечатляющих дорожных пробок на памяти сержан-та полиции.

А еще и дождь.

— У вас есть сведения, когда примерно бульдозеры смогут до нас добраться? — кричал он по радиации.

— Мы... *трррр*... делаем все возможное, что... *трррр*, — донесся ответ.

Какая-то шевелящаяся живность попыталась забраться под его брючину, и он раздраженно глянул вниз.

— Омары?! — Слегка вздрогнув от неожиданности, он одним прыжком взлетел на крышу полицейской машины. — Омары, — повторил он.

Их было штук тридцать — некоторые более двух футов в длину. Большая часть нестройными рядами ковыляла вверх по дороге, но полдюжины задержались, чтобы обследовать полицейскую машину.

— Что случилось, сержант? — спросил стоявший на обочине констебль, который записывал показания водителя грузовика.

— Терпеть не могу омаров, — закрыв глаза, с отвращением сказал сержант. — Набросились вдруг целой толпой. Слишком много клешней. Я лучше посижу здесь немного, подожду. Ты ведь скажешь мне, когда они все уйдут?

Он сидел под дождем на крыше машины, и его брюки постепенно пропитывались водой.

Послышался отдаленный рокот. Гром? Нет. Этот грохот не прекращался, а становился все громче. Мотоциклы. Сержант открыл один глаз.

Господи Иисусе!

Их было четверо, и они шли на скорости больше сотни. Он хотел было слезть с крыши, чтобы дать им отмашку, крикнуть об опасности, но они промчались мимо него, напрямик к перевернутому грузовику.

Тут уж сержант ничем не мог помочь. Он вновь закрыл глаза и ждал грохота столкновения. Он услышал, что они подъезжают все ближе. И потом:

— Вжиииих.

— Вжиииих.

— Вжиииих.

И голос в его голове сказал:

— Я НАГОНЮ.

(— Ты видал такое? — спросил Чертовски Крутой Отморозок. — Они прямо перелетели по воздуху!

— ...высший пилотаж! — сказал С.П. — Если они смогли, то и мы сможем!)

Сержант открыл глаза. Повернувшись к констеблю, он открыл рот.

Констебль сказал:

— Они... Неужели они... Они перелетели прям...

Бац. Бац. Бац.

Плюх.

Начался очередной рыбный дождь, на сей раз короткий и вполне объяснимый. Над большой кучей рыбы вяло покачивалась рука в кожаном рукаве. Колесо мотоцикла продолжало бессмысленное вращение.

Рука принадлежала Кочегару, который, находясь в полубессознательном состоянии, решил, что французы, пожалуй, не так уж плохи, а хуже всего на свете провалиться по шее в кучу рыбы да еще, похоже, со сломанной ногой. Да, решил он, вот это действительно худшая пакость на свете.

Он хотел рассказать Смертельному Перелому о своей новой кличке, но не смог пошевелиться. Что-то влажное и скользкое заползло ему в рукав.

Позднее, когда его вытащили из рыбной кучи и он увидел других трех байкеров, с головой укрытых одеялами, он понял, что с ними поговорить уже не удастся.

Именно поэтому о них ничего не сказано в книге Откровений, о которой болтал Свинопас. Им не суждено было проехать дальше по этой дороге.

Кочегар что-то пробормотал. Сержант склонился над ним.

— Лучше помолчи пока, сынок, — сказал он. — «Скорая помощь» уже в пути.

— Послушайте, — прохрипел Кочегар. — Мне надо сообщить вам что-то очень важное. Четыре Всадника Апокалипсиса... они настоящие отморозки, все четверо.

— Он в бреду, — объявил сержант.

— А вот и нет. Я — в Рыбной куче, — прохрипел Кочегар и потерял сознание.

Лондонская сеть дорожного движения в сотни раз запутаннее, чем можно себе представить.

Ни демонические, ни ангельские происки тут ни при чем. Причиной всему — география, история и градостроительный план Лондона.

В целом такая система даже выгодна горожанам, хотя они никогда этого не поймут.

Лондон строился не для машин. Если уж на то пошло, его, похоже, строили не для людей. Все создавалось стихийно или случайно. В итоге возникли проблемы, а решения, претворявшиеся в жизнь, порождали новые проблемы через пять, десять или даже сотню лет.

Последним конструктивным решением стало строительство М25 — окружной автодороги, или, грубо говоря, кольца вокруг города. До сих пор все ее проблемы были сравнительно просты: например, не успели закончить строительство, а трасса уже устарела. Все как предсказывал Эйнштейн: хвост автомобильной пробки в конце концов становится ее же головой.

Текущая проблема состояла в том, что шоссе перестало существовать — в обычных пространственных терминах. Водители, не понимая, что происхо-

дит, пытались найти иные пути выезда из Лондона и совершенно заблокировали весь центр. Впервые за все века существования Лондон оказался в абсолютно безвыходном положении. Весь город представлял собой одну огромную уличную пробку.

Теоретически автомобили позволяют вам потрясаяще быстро переместиться с места на место. Дорожные пробки, с другой стороны, предоставляют вам потрясающую возможность стоять на одном месте — под дождем, во мгле, и какофоническая симфония клаксонов звучит все яростнее.

Терпение Кроули было уже на пределе.

Воспользовавшись случаем, он успел перечитать все записи Азирафаэля и пролистать пророчества Агнессы Псих, сделав в итоге несколько важных выводов.

Его заключения сводились к следующему:

- 1) Армагеддон уже начался;
- 2) Кроули предпринять ничего не может;
- 3) местом действия выбран Тадфилд. Во всяком случае, в Тадфилде все начнется. А потом уже охватит *всю землю*;
- 4) Кроули попал в адский черный список¹;
- 5) Азирафаэль — насколько можно судить — выведен из игры;
- 6) будущее представляется черным, мрачным и ужасным. Никакого света в конце туннеля — а если он там и есть, то это встречный поезд;
- 7) так, может, в ожидании конца света лучше завалиться в уютный ресторанчик и попросту и без затей напиться там до чертиков?
- 8) И однако же...

¹ Впрочем, в Аду иных списков и не бывает.

И тут вся логичность выводов мгновенно исчезла.

В глубине души Кроули был оптимистом. В самые плохие времена его всегда поддерживала лишь одна, твердая, как скала, убежденность — тут ему на мгновение вспомнились ужасы четырнадцатого столетия, — да, он безоговорочно верил в победу; верил, что Вселенная его не подведет.

Все будет в порядке, даже если весь Ад ополчился на него. Даже если мир подходит к концу. Даже если холодная война завершилась и началась Война Великая. Даже если шансов на свободу у него меньше, чем у толпы хиппи в тюремном фургоне. Крохотный шанс все-таки оставался.

Самое главное — оказаться в нужном месте в нужное время.

Нужное место — Тадфилд. Он убедился в этом, отчасти благодаря книге пророчеств, а отчасти благодаря собственным ощущениям: на карте мира, сложившейся в уме Кроули, Тадфилд пульсировал подобно мигрени.

Оставалось лишь успеть попасть туда в нужное время, то есть до конца света. Он проверил часы. В запасе еще два часа, хотя, конечно, сейчас мог резко измениться даже нормальный ход времени.

Кроули бросил книгу на пассажирское сиденье. Отчаянные времена, отчаянные меры: за шестьдесят лет его «Бентли» не получил ни единой царапинки.

А, черт, была не была!

И Кроули вдруг резко дал задний ход, изрядно помяв капот стоявшего за ним красного «Рено», и выехал на тротуар.

Он включил фары и нажал на клаксон.

Теперь все пешеходы предупреждены о его продвижении. Ну а если они не успеют убраться с дороги... что ж, все равно жить им осталось каких-то пару часов. Возможно. Вероятно.

— Эге-гей! — воскликнул Антоний Кроули и рванул вперед, не разбирая дороги.

В конторе сидели шесть женщин и четверо мужчин, и перед каждым разместились телефон с кипой компьютерных распечаток — сплошь фамилии абонентов и телефонные номера. Пометки, стоявшие напротив каждой из фамилий, могли означать, что клиент позвонил сам, что позвонили ему или что его номер пока занят, а самыми важными были те абоненты, которые изъявили страстное желание улучшить свой быт изоляционной стеной облегченной кладки.

Последние были в явном меньшинстве.

Час за часом десять сотрудников сидели на телефонах, улеживая клиентов, рекламируя продукцию и источая лучезарные обещания по поводу беспрецедентной дешевизны. Между звонками они делали пометки, потягивали кофе и поражались силе дождя, поливающего окна. Они оставались на своих постах, словно оркестр «Титаника». Ведь если вы не сможете продать стеклопакеты в такую погоду, то не продадите их уже никогда.

Лайза Морроу говорила с клиентом:

— ...Послушайте, если вы только позволите мне закончить, сэр, да, я поняла вас, сэр, но если вы только... — А потом, услышав, что сэр просто прервал разговор, она добавила: — Ну и пошел ты, нахал.

Она положила трубку.

— Очередное фиаско, — доложила девушка своему коллеге. Она была признанным лидером фирмы в ежедневных соревнованиях «Вытащи клиента из ванны», и ей оставалось заполучить всего два очка, чтобы выиграть еженедельный приз за лучший коитус interruptus¹.

Она набрала следующий номер по списку.

Лайза вообще-то случайно устроилась телефонным продавцом. На самом деле ей хотелось блистать или хотя бы работать на роскошных заморских курортах, но она не сдала экзамены в средней школе.

Будь она достаточно прилежной, она нашла бы работу на одном из таких курортов или место помощника зубного врача (вторая работа ее мечты) или вообще пристроилась бы кем угодно, только не телефонным продавцом в этой конторе, и тогда жизнь ее, вероятно, оказалась бы более насыщенной и продолжительной.

Может, и не такой уж продолжительной, учитывая все обстоятельства, — ведь настал День Армагеддона, — но в любом случае на несколько часов дольше.

А чтобы продлить свою жизнь, ей всего лишь не надо было набирать номер мистера А.Дж. Кроули, который значился в ее списке (полученном, в лучших традициях, через десятки руки) клиентов из фешенебельного района Мейфер, заказывающих товары по почте.

Но Лайза уже набрала его номер. И ждала, пока гудок прозвучит четыре раза. Наконец она сказала:

¹ Coitus interruptus — прерванный половой акт (лат.).

— Тьфу, черт, опять автоответчик, — и хотела было повесить трубку.

Однако в этот момент что-то вылетело из наушника. Что-то, ставшее вдруг очень большим и жутко сердитым.

Оно было отдаленно похоже на личинку. Огромную разъяренную личинку, состоящую из мириад крошечных вертких личинок, каждая из которых яростно разевала ротик и визжала:

— Кроули!

Потом эта тварь перестала визжать. Ошалело раскачиваясь из стороны в сторону, она пыталась осознать свое новое местопребывание.

Затем тварь распалась на части.

Контору заполонило бесконечное множество личинок. Они растекались по ковру, заползали на столы, облепили всех десятерых сотрудников телефонной конторы, включая Лайзу Будилоу; они проникали повсюду, в каждый рот, нос и горло; они обволакивали плоть, глаза, головы, легкие, безудержно воспроизводясь и покрывая комнату слоем извивающейся плоти и слизи. Потом они собрались воедино и вновь превратились в огромный, слабо пульсирующий организм, заполнивший комнату от пола до потолка.

В массе плоти сформировалось нечто, напоминавшее рот, какие-то влажные и липкие нити пристали к пока не существующим губам, и Хастур сказал:

— Наконец-то я наелся.

Полчаса, проведенные в ловушке автоответчика в компании с одним-единственным сообщением Азирафаэля, не улучшили его настроения.

Как и перспектива доклада в Преисподней, где ему предстояло объяснить, почему он вернулся на полчаса позже и, что еще хуже, почему он вернулся без Кроули.

Ад не любит неудачников.

В его активе, однако, было по крайней мере знание того, что именно сообщил Азирафаэль. И это знание, вероятно, могло помочь ему выкупить продолжение своей жизни.

В любом случае, прикинул он, раз ему предстоит выдержать возможный гнев Темного совета, теперь это будет хотя бы не на пустой желудок.

Помещение заполнилось густым серным дымом. Когда он растаял, Хастур уже исчез. В конторе остались лишь десять скелетов, начисто лишенных плоти, несколько лужиц растворившейся пластмассы здесь и там и блестящая металлическая деталька, вероятно недавно служившая частью телефона. Гораздо безопаснее было бы работать помощником зубного врача.

Но стоит взглянуть и на светлую сторону вещей — все происшедшее доказало лишь то, что зло содержит семена своего собственного разрушения. Ведь теперь множество людей по всей стране останутся в благодушном настроении и не будут раздражаться и сердиться из-за того, что их вытащили из уютных ванн или черт-те как исковеркали их фамилии. В результате акции Хастура легкая волна доброты начала, экспоненциально нарастая, распространяться в окружающей среде, и миллионы людей, которые могли бы получить душевные раны, в итоге их не получили. Так что в конечном счете все было чудесно.

Вряд ли вы смогли бы узнать уже знакомый вам «Бентли». На нем буквально не было живого места, сплошные выбоины и вмятины. Обе передние фары разбились. Колпаки давно отлетели. Он выглядел как ветеран, прошедший сотню разрушительных гонок.

Тротуары были плохими. Подземные переходы того хуже. Но самой ужасной оказалась переправа через Темзу. Хорошо еще, что Кроули предусмотрительно закрыл все окна.

И все же он выбрался из Лондона.

Через несколько сотен ярдов он будет на М40, довольно свободной дороге, ведущей в сторону Оксфордшира. Возникло, правда, еще одно препятствие: между Кроули и этой прямой дорогой вновь появился участок М25. Гудящая, пылающая лента боли и черного света¹. *Одежда*. Никто еще не смог пересечь его живым.

Никто из смертных, во всяком случае. И Кроули сомневался, достанет ли для такой переправы его демонических способностей. Он не умрет, конечно, но приятного мало.

Перед эстакадой полиция выставила заставу. Сгоревшие остовы — некоторые из них еще догорали — свидетельствовали о судьбе предыдущих машин, которые пытались проехать по эстакаде над темным участком дороги.

¹ Это не вполне оксюморон. Речь о свете, что идет за ультрафиолетом (точный термин — «инфракрасный»). Его можно довольно легко увидеть в экспериментальных условиях. Для проведения эксперимента найдите крепкую кирпичную стену и с хорошего разбега, опустив голову, атакуйте.

Цвет, который вспыхнет у вас в глазах, сразу за болью и прямо перед вашей смертью, и будет инфракрасным.

Полицейские выглядели не особо счастливыми.

Кроули переключился на вторую скорость, дал полный газ.

Заставу он миновал на шестидесяти. Это было несложно.

Внезапные человеческие самовозгорания случаются повсеместно. Вот кто-то совершенно беспечно коптит небо, а уже в следующее мгновение от него остается лишь прискорбная фотография с кучкой пепла и жалким останком руки или ноги, каким-то чудом избежавшим обугливания. О самовозгорании транспортных средств нет столь достоверных сведений.

Вполне возможно, это был первый задокументированный случай.

Обтянутые кожей сиденья «Бентли» начали дымиться. Глядя вперед, Кроули левой рукой нащупал на соседнем сиденье книгу Агнессы Псих «Превосходные и Недвусмысленные Пророчества» и для пущей безопасности переложил ее к себе на колени. Хотел бы Кроули, чтобы она предсказала *такое*¹.

Пламя охватило машину.

Кроули ехал вперед.

На другой стороне эстакады полицейские также выставили заставу, чтобы останавливать машины, стремящиеся вернуться в Лондон. Они хохотали:

¹ А она и предсказала. Пророчество гласило:

«Улица света буде вопить, черная колесница Змия вспыхнет, и Королева уж не споет песен Меркурия».

Многие потомки Агнессы были согласны с Джелатли Гаджет, которая в краткой монографии (1830-е годы) истолковала это предсказание как метафорическое описание изгнания в 1785 году из Баварии иллюминатов Вейсгаупта.

по рации только что передали, что один полицейский мотоциклист обнаружил на М6 украденный патрульный автомобиль, за рулем которого сидел большой осьминог.

Некоторые полицейские готовы проверить во что угодно. Но только не те, кто служит в столичной полиции. В столице работают самые строгие, самые циничные, прагматичные и твердолобые полицейские в Британии.

Чтобы вывести из себя столичного полицейского, понадобится нечто совершенно особенное.

К примеру, большой, изрядно побитый автомобиль, превратившийся в огненный шар, — такая перекоренная адская развалюха с безумно ухмыляющимся водителем в черных очках. Огненная колесница испускала густой черный дым и мчалась прямо на них сквозь хлещущий дождь и ветер на восьмидесяти милях в час.

Ну и как тут сохранить спокойствие?

Тадфилдский карьер стал центром спокойствия в бушующем мире.

Гром не просто грохотал в небесах, он раскалывал их пополам.

— Я хочу пригласить к нам еще нескольких друзей, — повторил Адам. — Они скоро придут, и тогда мы действительно начнем.

Барбос начал подвывать. Это был уже не призывный вой одинокого волка, а странное поскуливание маленькой дворняжки, охваченной глубокой тревогой.

Пеппер сидела, уткнувшись взглядом в колени.

Похоже, у нее что-то было на уме.

Наконец она подняла голову и внимательно взглянула в пустые серые глаза Адама.

— А какую часть мира ты заберешь себе, Адам? — спросила она.

Грозовые раскаты вдруг сменились звенящей тишиной.

— Что?

— Ну ты же хочешь разделить мир, верно? И мы все получим какие-то кусочки, вот я и спрашиваю: какой кусок ты возьмешь себе?

Тишина звенела, как струна арфы, на высокой и пронзительной ноте.

— Точно, — заметил Брайан. — Ты же так и не сказал, что заберешь себе.

— Пеппер права, — добавил Уэнслидэйл. — Если к нам отойдут все те страны, то выбор у тебя останется небольшой.

Адам открыл и закрыл рот.

— Какой выбор? — не понял он.

— Ну какая часть земли будет твоей, Адам? — спросила Пеппер.

Адам внимательно посмотрел на нее. Барбос перестал скулить и уставился на Хозяина каким-то нечистокровным пристально-задумчивым взглядом.

— М-моей? — с запинкой произнес он.

Молчание затягивалось: единственная нота, способная заглушить все шумы мира.

— Но у меня же останется Тадфилд, — сказал Адам.

Они недоумевающе смотрели на него.

— И... и Нижний Тадфилд, и еще Нортон, нортонский лес...

Они по-прежнему не сводили с него глаз.

Взгляд Адама медленно прошелся по лицам друзей.

— А больше мне вообще ничего не нужно, — сказал он.

Они замотали головами.

— И они будут моими, если я захочу, — сердито заявил Адам, и его вызывающий тон обострился внезапным сомнением. — Я ведь могу их тоже улучшить. И деревья, и пруды, и...

Его голос умолк.

— Ты не можешь, — сухо сказал Уэнслидэйл. — Это тебе не Америка, не Австралия какая-нибудь. Здесь все по-настоящему, всамделишное. И принадлежит оно всем нам. Оно наше.

— И ты не сделаешь его лучше, чем оно есть, — добавил Брайан.

— И даже если ты соберешься что-то улучшить, мы должны обо всем знать, — сказала Пеппер.

— Если вас только это беспокоит, можете не волноваться, — беззаботно сказал Адам. — Я же могу заставить вас делать все, что угодно...

Адам умолк, в ужасе прислушиваясь к словам, слетавшим с его языка. А троица бросилась бежать.

Барбос закрыл голову лапами.

Лицо Адама выглядело как символ крушения империи.

— Нет! — хрипло крикнул он. — Нет. Вернитесь! *Я приказываю!*

Они застыли на бегу.

Адам пристально взглянул на них.

— Нет, я не то хотел сказать... — начал он. — Вы мои друзья...

По его телу прошла судорога. Голова откинулась назад. Он поднял руки и погрозил небу кулаками.

Его лицо исказилось. Известковая почва захрустела под теннисками.

Адам открыл рот и закричал. Глотка простого смертного никогда не смогла бы издать такой оглушительный крик — он взлетел над карьером и, смешавшись с грозowymi раскатами, перекрутил тучи, придавая им новые отвратительные формы.

Неумолкающий вопль.

Он проник во все уголки Вселенной, которая изрядно меньше, чем полагают физики. Он потряс небесные сферы.

Он возвещал об утрате и не смолкал очень долго.

Наконец он утих.

И что-то исчезло из мира.

Голова Адама вновь опустилась. Он открыл глаза.

Кто бы ни стоял прежде в этом старом карьере, но теперь там стоял Адам Янг. Познавший нечто новое Адам Янг, но тем не менее — именно Адам Янг. Возможно, теперь он стал гораздо больше походить на Адама Янга, чем прежде.

Страшная, мертвенная тишина карьера сменилась более знакомой и уютной тишиной, обычным и спокойным отсутствием шума.

Освобожденная троица ребят съежилась у мелового откоса, пристально глядя на Адама.

— Все в порядке, — тихо сказал он. — Пеппер? Уэнсли? Брайан? Вернитесь. Все хорошо. Все в порядке. Теперь я все понял. И вы должны мне помочь. Иначе все изменится. Действительно изменится. Все рухнет, если мы с вами кое-что не провернем.

Водопровод в Жасминовом коттедже тужился и дребезжал, поливая Ньюта водой цвета хаки. Но она была холодной. Вероятно, такой холодный душ Ньют принимал впервые в жизни.

И толку от него не было никакого.

— Небо красное, — сказал Ньют, входя в комнату. Он явно был не в себе. — В половине пятого дня. В августе. Что бы это значило? Моряку бояться нечего? Ну, то есть, если небо красно к вечеру, моряку бояться нечего, — а как насчет компьютерщика на супертанкере? Или это пастухи красного неба не боятся? Все время забываю.

Анафема взглянула на его шевелюру. Воде не удалось смыть штукатурку, та просто намочла и размазалась, и теперь волосы Ньюта скрывались под белой шапкой.

— Тебя, должно быть, здорово прихватило, — сказала она.

— Нет, я просто ударился головой о стену. Ну помнишь, когда ты...

— Да, — Анафема с любопытством выглянула в разбитое окно. — Может, ты еще скажешь «крово-красное»? — уточнила она. — Это очень важно.

— Не сказал бы, — возразил Ньют. Ход его мысли временно расстроился. — Никакой крови. Скорее розоватое. Может, просто гроза взметнула пыль в небо.

Анафема порылась в картотеке «Превосходных и Недвусмысленных Пророчеств».

— Что ты там копаешься? — спросил он.

— Пытаюсь найти перекрестную ссылку. Я пока не могу...

— Мне кажется, тебе не о чем беспокоиться, — сказал Ньют. — Я знаю, что означает концовка пророчества № 3477. Мне все стало понятно, когда...

— Что ты хочешь сказать? Неужели ты понял, что оно означает?

— Я вспомнил, что видел одну штуку, когда ехал сюда. И не кричи так, у меня голова трещит. Я имею в виду, что видел эти слова. Они написаны на стенде перед поворотом к вашей авиабазе. И благовония тут совершенно ни при чем. «Мир — наша профессия». Такого рода лозунги есть на любой авиабазе. Ну, ты понимаешь: «Стратегическое авиационное подразделение 8657745, Летающие синие демоны. Мир — наша профессия». В общем, что-то в таком роде. — Ньют схватился за голову. Эйфория определенно таяла. — Если Агнесса права, то, вероятно, какой-то безумец прямо сейчас устанавливает эти адские ракеты и открывает стартовые окна. Или как они там называются.

— Нет, такого не может быть, — решительно сказала Анафема.

— Почему это не может?! Я сто раз в кино видел! Назови мне хоть одну стоящую причину, почему ты так уверена.

— Нету там никаких ракет. Или бомб. Здесь это любому ребенку известно.

— Но авиабаза все-таки есть! Со взлетно-посадочными полосами.

— Для обычных транспортных рейсов. Они просто поддерживают в исправности коммуникационные системы. Приборы радиосвязи и прочую аппаратуру. Там вовсе нет ничего взрывоопасного.

Ньют уставился на нее.

Посмотрим теперь на Кроули, со скоростью 110 миль в час летящего по трассе М40 в сторону Оксфордшира. Даже самый небрежный наблюдатель заметил бы в его внешности много странного. Стиснутые зубы, к примеру, или красноватый свет, исходящий из-под черных очков. Да, и еще автомобиль. Автомобиль был недвусмысленным намеком.

Кроули начал это путешествие в «Бентли», и будь он проклят, если не закончит его на том же самом «Бентли». Даже заядлые автолюбители, с ходу распознающие машину любой модели, вряд ли догадались бы сейчас, что перед ними проехал антикварный «Бентли», выпущенный в начале двадцатого века. Нет, уже не догадались бы. Они не смогли бы распознать в этой несущейся колымаге «Бентли». Они могли бы лишь объективно предположить, что она, возможно, когда-то была атомобилем.

Во-первых, на ней не осталось и следа краски. Между ржавыми и закопченными красновато-коричневыми участками еще кое-где проглядывал черный цвет, но не блестящий, а тусклый, угольный. Автомобиль летел в огненном шаре, подобно космической капсуле, с особыми трудностями проходящей плотные слои атмосферы.

На металлических ободах колес сохранился тонкий слой оплавленной резины, но поскольку колеса крутились в дюйме от поверхности дороги, то нагрузка на подвеску была невелика.

«Бентли» должен был бы развалиться на части уже много миль назад.

И Кроули, стиснув зубы от напряжения, из последних сил удерживал всю эту конструкцию вместе, а биопространственная обратная связь заставляла светиться его глаза. И кроме того, ему приходилось постоянно напоминать себе о том, что нельзя дышать.

В такую переделку он не попадал с четырнадцатого века.

Атмосфера в карьере стала более дружелюбной, но все еще оставалась напряженной.

— Вам придется помочь мне во всем разобраться, — сказал Адам. — Тысячи лет люди этим занимаются, но сейчас именно нам придется навести порядок.

Они с готовностью кивнули.

— Вы понимаете, дело в том, — сказал Адам. — Дело в том, что... в общем, это похоже... ну, вы же знаете Жиртреста Джонсона.

Они кивнули. Все они знали Жиртреста Джонсона, вожака другой банды Нижнего Тадфилда. С ним тусовались довольно противные старшекласники. Редкая неделя проходила без потасовок.

— В общем, — сказал Адам, — мы всегда побеждаем, правильно?

— Почти всегда, — поправил Уэнслидэйл.

— Почти всегда, — повторил Адам, — и...

— В большинстве случаев уж точно, — добавила Пеппер. — Помнишь тот переполох на собрании стариков в городском совете, когда мы...

— Это не в счет, — сказал Адам. — Тогда их отругали не меньше нашего. И вообще, старики любят

прислушиваться к детским играм, я об этом где-то читал. И я не понимаю, почему мы должны страдать из-за того, что нам достались неправильные старики... — Он помедлил. — В любом случае... мы лучше, чем они.

— Ясное дело, мы лучше, — сказала Пеппер. — Тут ты прав. Мы уж точно лучше их. Просто мы не всегда выигрываем.

— Допустим, — медленно произнес Адам, — что мы сможем их по-честному победить. Избавиться от них... или как-то так. Чтобы в Нижнем Тадфилде уж точно не осталось никаких банд, кроме нашей. Что вы об этом думаете?

— Это как? Он что... умрет? — в ужасе спросил Брайан.

— Нет. Просто... просто возьмет и исчезнет.

Они задумались. Жиртрест Джонсон стал неотъемлемой частью их жизни с тех самых пор, как они подросли настолько, чтобы стучать друг друга игрушечными паровозиками. Они пытались представить себе картину своего мира с дырой на месте Джонсона.

Брайан почесал нос.

— Я считаю, без Джонсона все будет круто, — сказал он. — Помните, что он устроил на моем дне рождения? Причем мне же еще и влетело.

— А я не знаю, — пробормотала Пеппер. — Может, без Жиртрестика и его банды будет уже не так интересно. Здорово же — придумывать всем вместе, как можно перехитрить Жиртреста и его Джонсонов? Если их не будет, то нам придется искать какую-то другую банду, новых соперников.

— А на *мой* взгляд, — важно сказал Уэнслидэйл, — если бы вы спросили взрослых в Нижнем Тадфилде, то они бы точно сказали, что им будет лучше и без Джонсонитов, и без Квартета.

Его слова потрясли даже Адама. Уэнслидэйл мужественно продолжил:

— Клуб Старожилов, к примеру. И Огриби. И...

— Но мы же хорошие... — начал Брайен. И, нерешительно помедлив, добавил: — Что ж, допустим. Но я уверен, они думают, что без наших веселых игр их жизнь стала бы гораздо менее интересной.

— Верно, — сказал Уэнслидэйл. — Именно об этом я и говорил. — Взрослые не нуждаются ни в каких играх, и им все равно, кто их устраивает, мы или Джонсониты, — угрюмо продолжал он. — Они живут себе тихо-спокойно, а мы только мешаем им, гоня повсюду на велосипедах или скейтбордах и создавая слишком много шума и суеты. В исторических книжках прямо так и говорится. Чума на оба ваши дома.

Его речь встретили молчанием.

— Ты, что ли, имеешь в виду одну из тех занудных личностей, — наконец предположил Брайан, — о которых пишут на мемориальных досках: «В этом доме жил Адам Янг», или что-то еще в таком же роде?

Когда Квартет был в хорошем настроении, подобная новая тема могла бы вызвать бурное пятиминутное обсуждение, но Адам чувствовал, что сейчас не то время.

— Таким образом, вы все говорите, — наиважнейшим председательским тоном подытожил он, — что ничего хорошего не будет, если Джонсониты Жиртреста или наш Квартет раз и навсегда победит?

— Верно, — сказала Пеппер. — Потому что, — прибавила она, — если бы мы победили их, то нам пришлось бы стать своими собственными заклятыми врагами. К примеру, мне и Адаму пришлось бы сражаться против Брайана и Уэнсли. — Она откинулась назад. — Нет, всем нужен какой-нибудь Жиртрест Джонсон, — заявила она.

— Ясно, — сказал Адам. — Я тоже так подумал. В такой победе нет ничего хорошего. Именно так я и подумал.

Он устремил пристальный взгляд на Барбоса или отстраненно смотрел сквозь него.

— Мне показалось, что все довольно просто, — сказал Уэнслидэйл, вновь опускаясь на ящик. — Не понимаю, почему понадобились тысячи лет, чтобы разобраться в этом.

— Все потому, что пытались в этом разобраться одни мужчины, — многозначительно сказала Пеппер.

— Не понимаю, почему обязательно нужно принимать чью-то сторону, — сказал Уэнслидэйл.

— Обязательно нужно, — подтвердила Пеппер. — Хоть в чем-то, хоть как-то, а каждый рано или поздно встает на *чью-то* сторону.

Адам, видимо, принял решение.

— Да. Но я считаю, что можно отстаивать и свою собственную сторону. Сходите за великами, — спокойно сказал он. — Нам пора в путь. Нужно поговорить кое с кем.

— Тр-р-р-ах-трах-т-р-р-р-ах-трах, — тархтел мотороллер мадам Трейси, выезжая с Хай-стрит. Он был единственным транспортным средством, которое

двигалось по узкой улице, забитой недвижимыми машинами, такси и красными лондонскими автобусами.

— В жизни не видела такой пробки, — заметила мадам Трейси. — Может, авария?

— *Вполне возможно*, — отозвался Азирафаэль, а мадам Трейси добавила: — Мистер Шедвелл, если вы не будете держаться за меня обеими руками, то свалитесь. Создатели этого драндулета не рассчитывали, что на нем будут кататься два человека.

— Три, — буркнул Шедвелл, держась одной побелевшей от напряжения рукой за сиденье, а другой — сжимая Пугач.

— Мистер Шедвелл, я не собираюсь вас больше предупреждать.

— Тогда надо сделать остановку, чтобы я смог пристроить мое оружие, — вздохнул Шедвелл.

Мадам Трейси понимающе хихикнула, но подрулила к тротуару и остановила мотороллер.

Шедвелл устроился поудобнее и неохотно обхватил мадам Трейси, засунув Пугач между ними, словно некую дуэньку.

Минут десять они молча ехали под дождем — тыр-дын, тыр-дын, тыр-дын, — и мадам Трейси осторожно лавировала между машинами и автобусами.

Мадам Трейси вдруг осознала, что взгляд ее устремился на спидометр. Довольно глупо, подумала она, ведь он не работает с 1974 года, да и до того барахлил.

— *Сударыня, не могли бы вы сказать, с какой скоростью мы едем?* — спросил Азирафаэль.

— Зачем?

— *Да мне просто кажется, что пешком мы смогли бы двигаться немного быстрее.*

— Ну, меня одну он обычно тащит примерно со скоростью пятнадцать миль в час, однако учитывая присутствие мистера Шедвелла, она, должно быть, стала поменьше, э-э-э, около...

— *Четырех или пяти миль в час*, — прервали ее.

— Да, наверное, — согласилась она.

Из-за ее спины донесся кашель.

— Можешь ли ты, женщина, не снижать скорость этой адской машины? — спросил прокуренный голос. Из всего inferнального пантеона, который сержант-ведьмолов, само собой разумеется, ненавидел исправно и неизменно, Шедвелл питал особое отвращение к чертовым автолихачам.

— *В таком случае*, — сказал Азирафаэль, — *мы доберемся до Тадфилда примерно за десять часов*.

Мадам Трейси немного подумала и спросила:

— А далеко ли вообще до Тадфилда?

— *Около сорока миль*.

— Гм, — сказала мадам Трейси, однажды проехавшая несколько миль на мотороллере в сторону Финчли, чтобы навестить племянницу, но из-за странных шумов, которые мотороллер начал издавать на обратном пути, с тех пор предпочитавшая передвигаться на автобусе.

— *...Если мы хотим успеть вовремя, то должны увеличить скорость примерно до семидесяти миль в час*, — сказал Азирафаэль. — *Гм-м. Сержант Шедвелл! Ну-ка, держитесь крепче*.

— Дыр-дыр-дыр-дыр. — И голубой ореол появился вокруг мотороллера и его седоков, очерчивая их фигуры мягким свечением.

— Дыр-дыр-дыр-дыр. — Мотороллер без видимых средств подъема неуклюже оторвался от земли

и, слегка подергиваясь, поднялся на высоту, составляющую примерно пять футов.

— *Не смотрите вниз, сержант Шедвелл*, — посоветовал Азирафаэль.

— ...! — сказал сержант Шедвелл. Его нахмуренное чело покрылось испариной, и он крепко зажмурил глаза, не желая смотреть не только вниз, но и вообще куда-либо.

— *Итак, вперед.*

В любом научно-фантастическом фильме с солидным бюджетом бывает момент, когда космический корабль, огромный как Нью-Йорк, вдруг достигает скорости света. Раздается звенящий звук, словно деревянной линейкой шлепнули по краю парты, ослепительно преломляется свет, и вот уже звезды растягиваются в полосы, а корабль исчезает среди них. Все именно так и было, с той оговоркой, что взлет осуществлял давно потерявший исходную белизну старенький мотороллер. Его движение не сопровождали радужные спецэффекты. И, вероятно, летел он со скоростью не больше двухсот миль в час. А в полете он не издавал пульсирующего воя, взлетающего ввысь на целые октавы, но зато продолжал свою привычную песню:

— Дыр-дыр-дыр-дыр... Дррррррууууужжж.

Да, в целом картина была именно такая.

На пересечении дороги М25, которая сейчас представляла собой гудящее неподвижное кольцо, и трассы М40, ведущей к Оксфордширу, постепенно скапливалось все больше полицейских. В связи с тем, что полчаса назад Кроули удалось проскочить через

дорожную заставу, их количество удвоили. Со стороны М40, во всяком случае. Чтобы никто не мог выехать из Лондона.

Помимо полиции за ситуацией следила еще примерно пара сотен человек с биноклями, старательно разглядывающих М25. Сюда прибыли представители армии Ее Величества, отряд минеров, агенты из М15, М16, Особого отдела и ЦРУ. Среди них также затесался продавец хотдогов.

Все были замерзшими, промокшими, озадаченными и раздраженными, за исключением одного офицера полиции, который был замерзшим, промокшим, озадаченным, раздраженным и совершенно выведенным из себя.

— Послушайте. Мне все равно, верите вы мне или нет, — со вздохом заявил он. — Я рассказываю вам то, что видел. Старая машина, «Роллс» или «Бентли», такая роскошная тачка начала века, взяла и проехала по этому мосту.

— Это невозможно, — прервал его старший сержант технических войск. — Согласно нашим приборам, температура над эстакадой М25 местами превышает семьсот градусов по Цельсию.

— А местами опускается на сто сорок градусов ниже нуля, — добавил его помощник.

— ...да, местами опускается на сто сорок градусов ниже нуля, — согласился старший сержант. — Очевидно, допустимы какие-то проценты ошибки, хотя я считаю, что мы вполне можем списать их на своеобразные технические погрешности¹, но дела

¹ Что правда, то правда. На земле не существовало термометра, способного показать одновременно и +700 и -140 градусов Цельсия; а температура была именно такой.

обстоят так, что над эстакадой M25 не в состоянии пролететь даже вертолет, а если и пролетит, то зажарится, как на гриле. И после этого вы еще будете мне рассказывать, что какой-то антикварный автомобиль спокойно по ней проехал?

— Я не говорил, что он проехал спокойно, — возразил полисмен, серьезно задумавшийся о том, что пора уже бросить службу в столичной полиции и присоединиться к бизнесу своего брата, который уволился из Электрической компании и собрался организовать птицеферму. — Он загорелся. Но продолжал ехать.

— Неужели вы серьезно рассчитываете, что кто-то поверит... — слышался чей-то голос.

Вопрос прервал пронзительный тонкий звук, навязчивый и странный. Словно множество стеклянных гармоник, слегка фальшивя, заиграли вдруг в унисон; словно молекулы самого воздуха застонали и запричитали от боли.

И р-р-р-р-р-у-жжж...

В сорока футах над головами собравшихся проплыл маленький светлый мотороллер, окруженный темно-синим ореолом, а по краям подсвеченный красным; за рулем сидела женщина средних лет в розовом шлеме, к которой крепко прижался маленький мужчина в плаще и фосфоресцирующем зеленом шлеме (глаза мужчины были зажмурены, чего не мог заметить никто из стоявших внизу, поскольку мотороллер пролетал слишком далеко от них).

Женщина отчаянно визжала. И визжала она свое заветное слово:

— *Дже-р-р-р-р-о-о-о-ни-моооооо!*

Одно из достоинств автомобиля марки «Васаби», как любил подчеркнуть Ньют, состояло в том, что весьма затруднительно сказать, насколько сильно повреждены его внутренности. Ньют вел своего «Дика Турпина» по обочине, объезжая упавшие ветви.

— Из-за тебя я рассыпала всю картотеку!

Автомобиль, тяжело отфыркиваясь, выкатился обратно на дорогу, и механический голосок откуда-то из-под бардачка посоветовал: «Проверьте давление масла».

— Теперь мне уже не удастся разложить их по порядку, — пожаловалась она.

— И не надо, — с неистовством сказал Ньют. — Просто выбери одну. Любую. Уже все равно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если Агнесса права и мы делаем все согласно ее предсказаниям, то уместной должна быть любая выбранная сейчас карточка. Логично?

— Чепуха.

— Разве? Ведь даже ты находишься здесь потому, что она так предсказала. Кстати, как ты думаешь, что мы скажем полковнику? Если, конечно, нам удастся увидеть его, в чем я лично сильно сомневаюсь.

— Если мы обоснованно все...

— Послушай, я знаю, что бывает в такого рода заведениях. Там за тиковыми воротами торчит куча охранников, Анафема, и все они ходят в белых шлемах и с настоящими пистолетами, соображаешь? Которые стреляют самыми настоящими пулями из настоящего свинца, которые могут продырявить тебя, покрутиться немного внутри и вылететь в ту же дырочку, прежде чем ты успеешь сказать: «Простите,

у нас есть основания полагать, что здесь с минуты на минуту должна начаться Третья мировая война»; и еще там есть серьезные мужчины в форменных толстых куртках, которые отведут тебя в изолированную комнатку без окон и начнут задавать вопросы — типа, не состоишь ли ты в настоящее время или не состояла ли ранее в «розовой» подрывной организации, какой в принципе считается любая английская политическая партия. И...

— Мы почти приехали.

— Вот, погляди-ка, тут есть ворота, проволочные заграждения и все прочее! А еще, вероятно, бегают собачки-людоеды!

— По-моему, ты слегка перевозбудился, — тихо сказала Анафема, доставая с пола машины последнюю карточку.

— Перевозбудился? Да что ты! Я крайне спокойно переживаю, что меня могут застрелить!

— Я уверена, Агнесса упомянула бы, если нас вдруг убьют. Она была мастер на такого рода предсказания.

Анафема начала рассеянно перемешивать карточки.

— Понимаешь, — сказала она, аккуратно разделив колоду и вложив одну половинку в другую, — я читала где-то, что существует секта, члены которой полагают, что компьютеры — орудие дьявола. Сектанты считают, что Армагеддон произойдет потому, что Антихрист здорово разбирается в компьютерах. Очевидно, об этом упоминается где-то в Откровении. По-моему, я недавно читала об этом в какой-то газете...

— «Дейли мейл». «Письмо из Америки». Гм, от третьего августа, — уточнил Ньют. — Сразу после заметки о женщине из Вормса, штат Небраска, которая научила свою утку играть на аккордеоне.

Анафема одобрительно хмыкнула, раскладывая карточки лицом вниз у себя на коленях.

«Значит, компьютеры — орудие Дьявола?» — подумал Ньют. Он запросто мог бы поверить этому. *Кто-то* ловко управлялся с компьютерами, но одно он знал наверняка — ему лично этого не дано.

Машина резко затормозила.

Авиабазы выглядела довольно запущенной. Около входа валялись большие упавшие деревья, и несколько мужчин с экскаватором пытались убрать их. Охранник равнодушно следил за их действиями, но, слегка повернувшись, мельком глянул на тормозившую машину.

— Отлично, — сказал Ньют. — Выбирай карту.

3001. Ясень падет на каминную решетку за Орлиным Гнездом.

— И все?

— Да. Мы всегда считали, что это как-то связано с революцией в России. Давай проедем еще немного по дороге и повернем налево.

Повернув, они оказались в узкой аллее, слева от которой высился забор, тянувшийся по всему периметру базы.

— Вот здесь и останови. Сюда часто заезжают машины, и никто не обращает внимания, — сказала Анафема.

— А что это за местечко такое?

— Местные называют его Аллеей влюбленных.

— Наверное, поэтому она словно вымощена презервативами?

Они прошли сотню ярдов вдоль изгороди, затенявшей аллею, и увидели обугленное дерево. Агнесса была права. Железная ограда вполне походила на каминную решетку. И прямо на нее как раз и упало дерево.

Там сидел, покуривая сигарету, какой-то охранник. Он был черным. Ньют всегда испытывал чувство вины в присутствии черных американцев, готовый к тому, что они могут отругать его за два столетия работорговли.

Парень встал было при их приближении, а потом уселся в более непринужденной позе.

— А, привет, Анафема, — сказал он.

— Привет, Джордж. Ужасная гроза, правда?

— Точно.

Они прошли дальше. Он проводил их взглядом, пока они не скрылись из виду.

— Ты знакома с ним? — с деланой небрежностью поинтересовался Ньют.

— Ну естественно. Некоторые из здешних солдат иногда заходят в паб. Намытые до блеска, они смотрятся довольно симпатично.

— Если бы мы попытались войти, то он выстрелил бы в нас? — спросил Ньют.

— Скорее всего, он просто погрозил бы нам ружьем, — предположила Анафема.

— Мне и этого вполне хватило бы. И что же, по-твоему, мы сейчас будем делать?

— Ну, Агнесса, должно быть, что-то знает. Поэтому, я полагаю, нам остается лишь подождать. Все не так уж плохо, вон и ветер уже стихает.

— Ох, — Ньют глянул на клубившиеся на горизонте облака. — Старая добрая Агнесса, — сказал он.

Адам быстро крутил педали. Пес бежал за ним и, разделяя волнение своего Хозяина, время от времени пытался куснуть заднее колесо велосипеда.

Послышалось знакомое потрескивание, и Пеппер вырулила от своего дома. Велосипед Пеппер можно было узнать без труда. Решив усовершенствовать его, она с помощью бельевой прищепки хитроумно прицепила на колесо картонку. Кошки знали, что надо удирать, когда она трещала еще за две улицы от них.

— Я считаю, что мы можем сократить путь, поехав по Дроверс-лейн и потом напрямик, через Круглоголовую рощу, — сказала Пеппер.

— Там очень грязно, — сказал Адам.

— Ну и что, — возбужденно бросила Пеппер. — Сейчас везде грязно. Нам надо проехать мимо мелового карьера. Из-за мела там всегда сухо. А потом поднимемся вдоль поля орошения.

Сзади к ним подъехали Брайан и Уэнслидэйл. Велосипед Уэнслидейла был черным, блестящим и практичным. А велосипед Брайана, возможно, когда-то был белым, но его цвет надежно скрывался под толстым слоем грязи.

— Глупо называть ее военной базой, — заметила Пеппер. — Я была там на дне открытых дверей. У них там ни пушек, ни ракет — никакого оружия. Одни кнопки, да циферблаты, да еще духовой оркестр.

— Да, — сказал Адам.

— Ну и что такого уж военного в кнопках и циферблатах? — сказала Пеппер.

— Может, очень даже много, не знаю, — сказал Адам. — Чего только не наделаешь с кнопками и циферблатами.

— Мне подарили один набор на Рождество, — проявил инициативу Уэнслидэйл. — Всякие электрические штучки. В него входило несколько кнопок и циферблатов. Можно было сделать радиоприемник или сигнальную гуделку.

— Не знаю, — задумчиво повторил Адам. — Я думаю, скорее там найдутся люди, которые могут войти во всемирную компьютерную сеть и послать всяким там компьютерам приказ к началу сражения.

— Ух, — поддержал его Брайан. — Ну и чертовщина.

— Вроде того, — сказал Адам.

Быть председателем местного совета жителей Нижнего Тадфилда — почетная должность, но то-скливая участь.

Р.П. Тайлер, низенький, хорошо упитанный и довольный собой, топал по проселочной дороге в компании Шатци, карликового пуделя его жены. Р.П. Тайлер понимал разницу между добром и злом; в его жизни никогда не было нравственных полутонов. Однако он не довольствовался простым пониманием. Он чувствовал своим долгом поведать об этом миру.

Но импровизированные трибуны, полемический задор и плакатные призывы не привлекали Р.П. Тай-

лера. Излюбленной ареной борьбы стала колонка писем в тадфилдском рекламном приложении — «Адвертайзер». Если соседское дерево необдуманно сбрасывало листья в садик Р.П. Тайлера, то сначала он старательно убирал их в ящики и ставил перед входной дверью своего соседа, высказав при этом строгое замечание. Далее он обычно писал письмо в тадфилдский «Адвертайзер». Если он видел радующихся жизни подростков, которые сидели на деревенском выгоне и слушали портативные кассетники, то он считал своим долгом указать им, что они идут по пути заблуждений. И, спасшись бегством от их насмешек, спешил известить тадфилдский «Адвертайзер» о Нравственном Упадке Современной Молодежи.

Со времени его выхода на пенсию в прошлом году число писем увеличилось настолько, что «Адвертайзер» был уже не в состоянии публиковать всю получаемую от него корреспонденцию. А вот как начиналось письмо, законченное Р.П. Тайлером перед выходом на вечернюю прогулку:

«Господа,

с прискорбием я замечаю, что современные газеты уже больше не чувствуют себя обязанными перед своими читателями, перед нами, перед людьми, которые платят вам зарплату...»

Он осмотрел сломанные ветки, разбросанные по узкой грунтовке. «Да уж, конечно, — размышлял он, — они не подумали о расходах на уборку, когда насылали на нас все эти грозы. Приходскому сове-

ту придется оплачивать уборку из своего кармана. А мы, налогоплательщики, еще платим им зарплату...»

«Они» в данном размышлении относилось к синоптикам с радио Би-би-би¹, коим Р.П. Тайлер и вменял в вину плохую погоду.

Шатци остановился около березы на обочине и поднял лапку.

Р.П. Тайлер в смущении отвернулся. Возможно, единственная цель его вечернего моциона заключалась в том, чтобы выгулять собачку, дав ей шанс справить нужду на природе, но он пришел бы в ужас, если бы ему довелось признаться себе в этом. Он внимательно разглядывал грозовые облака. Они толпились в вышине расплывчатыми серо-черными ордами. Сверкающие языки молний не просто раскалывали все небо, как в начале фильма про Франкенштейна; их светящиеся стрелы почему-то гасли у границ Нижнего Тадфилда. А среди молний возникло круглое пятно дневного света, странным образом напоминавшее натянутую улыбочку.

Так тихо...

Послышался низкий рев моторов.

На узкой дороге появились четыре мотоциклиста. Они промчались мимо него и свернули за угол,

¹ В доме Тайлера не было телевизора. А его жена говорила: «Рональд, ведь ты же не хочешь завести в нашем доме такую гадость, правда, Рональд?» — и он всегда соглашался, хотя втайне ему хотелось бы ознакомиться с теми образцами непристойностей, сальностей и насилия, на которые жаловалась Национальная ассоциация зрителей и слушателей. Не потому, разумеется, что ему нравилось смотреть подобные программы. А лишь потому, что он хотел знать, от чего следует защищать людей.

вспугнув фазана, который сиганул через дорогу суматошной красно-коричнево-зеленой дугой.

— Вандалы! — крикнул им вслед Р.П. Тайлер.

Сельская местность не предназначалась для таких, как они. Она предназначалась для таких, как он.

Он дернул Шатци за поводок, и они отправились дальше по дороге.

Через пять минут, повернув за угол, он увидел, что трое лихих мотоциклистов стоят возле упавшего дорожного указателя, жертвы грозы. Четвертый, высокий парень в шлеме с зеркальным забралом, остался сидеть на мотоцикле.

Р.П. Тайлер оценил ситуацию и легко пришел к заключению. Эти вандалы — тут он, безусловно, был прав — приехали в их края, чтобы осквернить памятник жертвам войны и сломать дорожные указатели.

Он уже собирался строго отругать их, как вдруг подумал об их численном превосходстве — четверо на одного — и о том, что они выше и сильнее и что они, вне всяких сомнений, настоящие психопаты. В понимании Р.П. Тайлера, никто, кроме настоящих психопатов, не ездил на мотоциклах.

Поэтому он задрал вверх подбородок и с величественным видом прошествовал мимо, демонстративно не замечая их присутствия¹ и одновременно сочиняя в голове очередное письмо (Господа, сегодня вечером я с прискорбием заметил, что Наш Славный Городок поражен нашествием хулиганов на мотоциклах. Почему же, да, почему же наше правитель-

¹ Хотя, как участник (читай — основатель) местного Общества охраны окружающей среды, он попытался запомнить номерные знаки мотоциклов.

ство до сих пор не принимает никаких мер по борьбе с этой чумой?..).

— Привет, — сказал один из мотоциклистов. Открывшееся забрало шлема предявило тощее лицо, обрамленное аккуратно подстриженной черной бородой. — Мы, похоже, заблудились.

— Очень похоже, — осуждающе произнес Р.П. Тайлер.

— Вероятно, ветер повалил здесь дорожный указатель, — сказал мотоциклист.

— Да, возможно, и так, — согласился Р.П. Тайлер. Он вдруг с удивлением заметил, что проголодался.

— Так и есть. В общем, мы держим путь в Нижний Тадфилд.

Бровь удивленно поползла вверх.

— Значит, вы американцы. С местной авиабазы, я полагаю. (Господа, когда я служил в армии, страна могла гордиться мной. С ужасом и смятением я замечаю, что летчики с тадфилдской авиабазы разъезжают по нашей замечательной сельской местности, одетые не лучше самых вульгарных бандитов. Хотя я высоко ценю их важный вклад в защиту свободы западного мира...)

Но тут надо всем возобладала его страсть к выдаче руководящих указаний.

— Вы должны проехать обратно по этой дороге примерно полмили, там увидите первый поворот налево, к сожалению, дорога там находится в плачевном состоянии и давно требует ремонта, я писал многочисленные письма по этому поводу... кто вы, слуги народа или хозяева народа, вот как я спрашивал их, и в конце концов, кто же платит вам зарплату?.. затем второй поворот направо, только он

не совсем направо, дорога сначала пойдет налево, но в итоге она все равно уведет вас в правую сторону, там имеется указатель «Поррит-лейн», но, разумеется, там нет никакой Поррит-лейн, и если вы взглянете на дорожную карту, то увидите, что это просто восточный конец Форрест-хилл-лейн, уже на выезде из деревни, и вот, проехав мимо «Буйволиной Скрипки» — это закусочная — и оставив позади церковь (я указывал составителям туристической карты, что у нас церковь со шпилем, а не с башенкой, и даже писал в тадфилдский «Адвертайзер», предлагая им организовать местную кампанию для корректировки нашей карты, и я всячески надеюсь, что когда они поймут, с кем имеют дело, то все сделают на раз-два), окажетесь на перекрестке, а миновав его, сразу увидите второй перекресток, где вы можете либо свернуть налево, либо проехать прямо, оба пути приведут вас на авиабазу (хотя левое ответвление будет миль на десять короче), и мимо базы вы уж точно не проедете.

Голод недоумевающе взирал на него.

— Я, э-э, не уверен, что понял до... — начал он.

— Я ПОНЯЛ. ПОЕХАЛИ.

Шатци слабо взвизгнул и шарахнулся за спину Р.П. Тайлера, где и спрятался, не переставая дрожать всем телом.

Иностранцы вновь оседлали свои байки. Один из них, весь в белом (по всей видимости, хиппи, подумал Р.П. Тайлер), бросил на зеленую обочину пустой пакет из-под чипсов.

— Извините меня, — повысил голос Тайлер. — Это ваш пакет из-под чипсов?

— О, почему же только мой?! — ответил парень. — Он *общий*.

Р.П. Тайлер расправил плечи и вытянулся в полный рост¹.

— Молодой человек, — спросил он, — как вам понравится, если я приду в ваш дом и начну мусорить?

Загрязнение мечтательно улыбнулся.

— Ужасно, ужасно понравится, — прошептал он. — О, это было бы замечательно...

Под его мотоциклом на влажной дороге поблескивала радужная маслянистая лужица.

Взревели моторы.

— Я что-то не поняла, — сказала Война. — Какой разворот нам надо сделать у церкви?

— ПРОСТО СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ, — сказал высокий тип на передней машине, и все четверо укатили.

Р.П. Тайлер смотрел им вслед, пока его внимание не отвлекло какое-то пощелкивание. Он обернулся. Четыре велосипедиста промчались мимо него, преследуемые резво бегущей собачонкой.

— Эй, вы! Ну-ка остановитесь! — закричал Р.П. Тайлер.

Квартет затормозил и взглянул на него.

— Я узнал тебя, Адам Янг, тебя и твою маленькую... пфф... шайку. Позвольте поинтересоваться, почему это вы, дети, разгуливаете по улицам в столь позднее время? Знают ли ваши родители, где вы шляетесь?

Предводитель велосипедистов обернулся.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, говоря о позднем времени, — сказал он. — Мне кажется, да,

¹ Пять футов и шесть дюймов.

как мне лично кажется, пока солнце на небе, еще совсем не поздно.

— В любом случае вам уже пора спать, — сообщил им Р.П. Тайлер. — И не показывайте мне язык, юная леди, — заметил он Пеппер, — или мне придется написать письмо вашей матушке, проинформировав ее о плачевном и недостойном поведении дочери.

— Ладно, извините нас, — обиженно произнес Адам. — Пеппер всего лишь облизнула губы и взглянула на вас. Я и не знал, что есть какие-то ограничения на взгляды.

В траве происходила какая-то возня. Барбос явно посягал на неприкосновенность Шатци, исключительно благовоспитанного комнатного французского пуделя, каких заводят только семьи, неспособные включить в свой семейный бюджет детей.

— Адам Янг, вы хозяин этой шавки, — приказным тоном заявил Р.П. Тайлер. — Так будьте любезны, уберите вашу дворняжку... от моей Шатци.

Тайлер не доверял Барбосу. Три дня назад, когда он впервые встретился с этой собакой, она зарычала на него и сверкнула горящими глазами. Что побудило его начать сочинять письмо, где обращалось внимание общественности на то, что этот Барбос, несомненно бешеный, определенно является угрозой для общества и его следует усыпить ради Общего Блага. Он сочинял это письмо, пока жена не напомнила ему, что горящие глаза до сих пор не являлись признаком бешенства, разве что в фильмах, которых ни один из Тайлеров не смотрел и смотреть не будет, но о них и так все, что нужно, известно.

Адам был потрясен.

— Барбос вовсе не шавка. Барбос замечательная собака. Он умный. Барбос, отойди от противного старого пуделя мистера Тайлера.

Барбос не обратил на команду внимания. Ему хотелось еще немного порезвиться в собачьем мире.

— *Барбос*, — угрожающе сказал Адам. И собака послушно поплелась обратно к велосипеду хозяина.

— По-моему, вы не ответили на мой вопрос. Куда это вы направляетесь?

— На авиабазу, — сказал Брайан.

— Если только вы не возражаете, — сказал Адам тоном, в котором, как он надеялся, прозвучал поистине уничтожающий сарказм. — Я имею в виду, что мы не поедем туда до тех пор, пока вы не дадите нам своего полного одобрения.

— Ты дерзкий проказник, — сказал Р.П. Тайлер. — Когда я увижу твоего отца, Адам Янг, я уведомлю его в совершенно определенных выражениях, что...

Но Квартет уже вовсю крутил педали по дороге, ведущей в сторону авиабазы Нижнего Тадфилда. Они ехали своим путем, который был короче, проще и живописнее, чем маршрут, предложенный мистером Тайлером.

Р.П. Тайлер мысленно сочинил утомительно длинное письмо о пороках современной молодежи. Оно охватывало недостатки качества образования, отсутствие уважения к старшим и наиболее достойным подражания гражданам, извечно сутулые осанки, сменившие правильную спортивную выправку, антиобщественное поведение подростков, а также необ-

ходимость возврата к обязательной военной службе, березовым розгам, порке ремнем и выдаче регистрационных свидетельств на собак.

Закончив сей опус, он испытал настоящее удовлетворение. Смутно подозревая, что письмо написано слишком талантливо для тадфилдского «Адвертайзера», Р.П. Тайлер решил послать его в «Таймс».

Тыр-дын-тыр-дын-тыр-дын.

— Извините, голубчик, — сказал разгоряченный женский голос. — Мне думается, мы заблудились.

За рулем старенького мотороллера сидела женщина средних лет. В нее крепко вцепился щуплый мужчина с зажмуренными глазами, облаченный в плащ и зеленый светящийся мотоциклетный шлем. Между ними было впихнуто нечто, напоминающее антикварное оружие с воронкообразным дулом.

— Да? И куда же вы направляетесь?

— В Нижний Тадфилд. Я не знаю точного адреса, но нам нужно найти одного человека, — сказала женщина и вдруг добавила совершенно другим голосом: — *Его зовут Адам Янг.*

Р.П. Тайлер изумился.

— Вам нужен этот мальчишка? — спросил он. — Что он еще натворил... нет, нет, не говорите. Я не желаю знать.

— Мальчишка? — удивилась женщина. — Вы не говорили мне, что это ребенок. И сколько же ему лет? — спросила она и сама ответила: — *Одиннадцать.* Лучше бы вы упомянули об этом раньше. Это же совершенно меняет дело.

Р.П. Тайлер в полнейшем изумлении смотрел на нее. Потом он сообразил, в чем дело. Эта женщи-

на была чревовещательницей. А то, что он принял за мужчину в зеленом мотоциклетном шлеме, было куклой. Интересно, как же он вообще мог принять ее за человека. Ему показалось, что вся эта история как-то дурно пахнет.

— Я видел Адама Янга всего пять минут назад, — сообщил он женщине. — Он со своими дружками отправился на американскую авиабазу.

— О боже, — слегка побледнев, сказала женщина. — Мне никогда не нравились эти янки. *Знаете, на самом деле они очень даже симпатичные люди.* Возможно, но разве можно доверять людям, которые все время хватают мяч руками, играя в футбол.

— А-а-а, простите меня, — сказал Р.П. Тайлер. — По-моему, это очень вдохновляет и впечатляет. Я — заместитель председателя нашего местного «Ротари-клуба», так что позвольте поинтересоваться, не занимаетесь ли вы частной практикой?

— Только по четвергам, — неодобрительно сказала мадам Трейси. — И за особую плату. *Сударь, а не могли бы вы показать нам, в каком?..*

Мистер Тайлер уже догадался, о чем его спросят. Он безмолвно вытянул палец в нужном направлении.

И маленький мотороллер вновь огласил узкую проселочную дорогу своим чахоточным тыр-дын-тыр-дын-тыр-дыном.

В этот момент серая кукла в зеленом шлеме обернулась и открыла один глаз.

— Ты отменный южный придурок, — прохрипела она.

Р.П. Тайлер не только обиделся, но и разочаровался. Ему представлялось, что кукольный голос должен быть более жизнеподобным.

Выйдя из городка, Р.П. Тайлер прошел минут десять и остановился, предоставив Шатци возможность исполнить очередную акцию из длинного ряда естественных отправлений. Перед ним за изгородью простиралось пастбище.

Его знания о сельской жизни были несколько туманными, но ему казалось совершенно бесспорным, что если коровы лежат, то это к дождю. Если же они стоят, то, вероятно, будет хорошая погода. Эти коровы то вставали, то ложились, выполняя медленные и величавые кульбиты; и Р.П. Тайлер пребывал в недоумении по поводу того, какую же погоду они предвещают.

Он принюхался. Пахло чем-то горелым — неприятный запах горящего металла, резины и кожи.

— Простите, — услышал он голос из-за своей спины. Р.П. Тайлер обернулся.

На дороге стоял большой, некогда черный автомобиль, находившийся в стадии горения, а мужчина в темных очках высовывался из окна, говоря сквозь дым.

— К сожалению, я умудрился слегка заблудиться. Не могли бы вы подсказать мне, как проехать к авиабазе Нижнего Тадфилда? Я знаю, что она где-то поблизости.

Ваша машина горит.

Нет. Тайлер просто не мог заставить себя произнести эти слова. Этот тип должен был сам понимать, разве не так? Он же сидит внутри горящей машины. Возможно, это просто какой-то глупый розыгрыш.

Поэтому он сказал:

— Мне кажется, примерно милю назад вы пропустили нужный поворот. Ветер повалил дорожный указатель.

Незнакомец улыбнулся.

— Должно быть, так, — сказал он. Оранжевые языки пламени придавали его внешности какой-то инфернальный вид.

Из автомобиля на Тайлера дохнуло горячим воздухом, и он почувствовал, как ему обожгло брови.

Извините меня, молодой человек, но ваша машина горит, а вы сидите в ней и не загораетесь, а между прочим, местами она раскалилась докрасна.

Нет.

Может быть, стоит спросить этого парня, не хочет ли он позвонить в Автомобильную ассоциацию?

Мысленно проговорив все это, он старательно объяснил путь, пытаясь не таращиться в сторону машины.

— Замечательно. Крайне обязан, — сказал Кроули, начиная крутить ручку, чтобы закрыть окно.

Р.П. Тайлер хотел сказать еще что-то.

— Извините меня, молодой человек, — сказал он.

— Да?

Я хочу сказать — вы заметили, что ваша машина горит?

Языки пламени лизнули обуглившийся приборный щиток.

— Странная погода сегодня, не правда ли? — запинаясь, выдавил он.

— Неужели? — сказал Кроули. — Честно говоря, не заметил.

И он, развернувшись, поехал обратно по проселочной дороге в своем горящем автомобиле.

— Вероятно, потому и не заметили, что у вас горит машина! — наконец, не выдержав, громко крикнул ему вслед Р.П. Тайлер. Он дернул Шатци за поводок и потащил собачонку за собой.

Редактору.

Сэр,

мне хотелось бы обратить ваше внимание на новую тенденцию, замеченную мною у современной молодежи, которая склонна игнорировать меры совершенно разумной предосторожности во время вождения автотранспорта. Сегодня вечером меня попросил показать дорогу один джентльмен, чья машина...

Нет.

Управляющий машиной, которая...

Нет.

...который ехал в горящей машине...

Последнюю часть пути к дому Р.П. Тайлер протопал в испорченном настроении.

— Эй! — воскликнул Р.П. Тайлер. — Янг!

Мистер Янг сидел за столиком в цветнике перед домом, покуривая трубку.

Ему не хотелось показывать своим соседям, как сильно его раздражает недавнее открытие Дейдры о вреде пассивного курения и ее запрет курить в доме. Настроения это не улучшало. Как, впрочем, и панибратское обращение «Эй, Янг!».

— Да?

— Ваш сын, Адам.

Мистер Янг вздохнул.

— Что он еще натворил?

— Вам известно, где он сейчас?

Мистер Янг взглянул на часы.

— Ну, допустим, он собирается спать.

Тайлер усмехнулся, скупое и торжествующее.

— Я сомневаюсь. Не далее чем полчаса назад я видел вашего сына с его друзьями и с его ужасной дворнягой; они ехали на велосипедах в сторону авиабазы.

Мистер Янг продолжал попыхивать трубкой

— Вам известно, зачем они туда отправились? — спросил мистер Тайлер на случай, если до мистера Янга не дошла суть его сообщения. — Вы понимаете, что именно ваш сын подстрекает их на всякие шалости? — добавил он.

Мистер Янг вынул трубку изо рта и задумчиво осмотрел черенок.

— Гм, — произнес он. — Я понимаю, — сказал он. — Хорошо, — сказал он.

И ушел в дом.

А в это самое время четверка мотоциклистов остановилась в нескольких сотнях ярдов от главного входа авиабазы. Всадники выключили свои моторы и подняли забрала шлемов. Вернее, трое из них поднимали забрала.

— Я надеялась, что мы штурмом возьмем эту крепость, — мечтательно произнесла Война.

— Это лишь вызвало бы лишние неприятности, — сказал Голод.

— Ну и отлично.

— Неприятности для нас, я имею в виду. Электрические и телефонные линии, вероятно, уже испорчены, но у них должны быть еще запасные генераторы и наверняка есть рация. Если кто-то начнет докладывать, что на базу ворвались террористы, то люди

начнут действовать сообразно обстоятельствам, и весь наш План провалится.

— Ха.

— МЫ ВОЙДЕМ, ВЫПОЛНИМ ЗАДАНИЕ И ВЫЙДЕМ. МЫ НЕ СТАНЕМ ВМЕШИВАТЬСЯ В ЕСТЕСТВЕННЫЙ ХОД СОБЫТИЙ, ЕГО ОБЕСПЕЧИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА, — сказал Смерть.

— Совсем не так, парни, я все это себе представляла, — сказала Война. — Неужели я ждала тысячи лет лишь того, чтобы повозиться с какими-то проволочками? Такую перспективку не назовешь впечатляющей. Альбрехт Дюрер не зря тратил время на апокалиптические гравюры, уж я-то знаю.

— А я думал, что мы задействуем трубы, — сказал Загрязнение.

— Лучше взгляните на это с другой точки зрения, — сказал Голод. — Мы организуем лишь самое начало. А уж потом отправимся в путь по настоящему. Уж это будет выезд! На крыльях бури и все такое. Нужно проявлять гибкость.

— А разве нам не положено встретиться с... кем-то? — сказала Война.

В молчаливой паузе затихал металлический шум охлаждающихся моторов.

Затем Загрязнение медленно произнес:

— А знаете, я тоже не могу сказать, что представлял себе нечто подобное. Я надеялся, что все начнет-ся в... ну, скажем, в большом городе. Или в большой стране. Может, в Нью-Йорке. Или в Москве. Или в самом Армагеддоне.

Возникла очередная пауза.

Наконец Война спросила:

— А где хоть находится этот Армагеддон?

— Интересный, надо сказать, вопрос, — заметил Голод. — Я тоже все собирався выяснить, где он находится.

— Да есть тут один Армагеддон в Пенсильвании, — сказал Загрязнение. — А может, и в Массачусетсе, в общем, где-то в тех краях. Там орудуют опасные бородачи в черных шляпах.

— Вряд ли, — сказал Голод. — По-моему, он где-то в Израиле.

ГОРА КАРМЕЛЬ.

— А я считал, что там выращивают авокадо.

А ТАКЖЕ ИСХОД ВРЕМЕН.

— Неужели? Да, вот это всем авокадам авокадо.

— Кажется, я был там как-то раз, — сказал Загрязнение. — В древнем городе Мегиддо. Перед самым его падением. Прекрасные места. Впечатляющие царские врата.

Война окинула взглядом зеленые насаждения.

— Слушай, — сказала она, — а может, это мы свернули не в том месте?

— ГЕОГРАФИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНА.

— Не поняла, владыка?

— ЕСЛИ АРМАГЕДДОН ГДЕ-ТО ЕСТЬ, ТО ОН ЕСТЬ ВЕЗДЕ.

— Все верно, — сказал Голод. — Речь уже не идет о заповедном местечке в несколько квадратных миль, где на тучных лугах пасутся козлы.

Последовала очередная пауза.

— НАМ ПОРА ИДТИ.

Война кашлянула:

— Э-э... Я вот только думала, что... *он* пойдет вместе с нами?..

Смерть подтянул перчатки.

— ЗДЕСЬ, — твердо сказал он, — ДОЛЖНЫ
ДЕЙСТВОВАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЫ.

Вот как впоследствии вспоминал сержант Томас А. Дизенбургер события у ворот:

К воротам подъехала большая штабная машина. Хотя она выглядела блестящей и очень представительной, позднее он не мог понять, почему ему слышалось, будто в ней работали мотоциклетные моторы.

Вышли четыре генерала. Опять-таки, сержант не мог толком объяснить, почему он так решил. Они предъявили настоящие удостоверения. Какого вида удостоверения, он, признаться, совсем не помнил, но они были настоящие. Он отдал честь.

Один из них сказал:

— Неожиданная инспекция, солдат.

На что сержант Томас А. Дизенбургер ответил:

— Сэр, у меня нет сведений о том, что на данное время назначена неожиданная инспекция, сэр.

— Естественно, нет, — сказал один из генералов. — Ведь она же неожиданная.

Сержант снова отдал честь.

— Сэр, прошу разрешения подтвердить данные сведения у командования базы, сэр, — отчеканил он без всякой уверенности.

Самый длинный и тощий из генералов лениво отошел в сторонку и, отвернувшись, скрестил руки на груди.

Один из оставшихся дружески обнял сержанта за плечи и с заговорщическим видом склонился к нему.

— Итак, послушай-ка... — он бегло взглянул на именной жетон сержанта, — ...Дизенбургер, я дам тебе еще один шанс. Это неожиданная инспекция, уловил? Неожиданная. То есть никто не должен знать о том, что мы прибыли, понятно? Все должны находиться на своих постах. Я надеюсь, ты правильно понимаешь, что такое солдатская служба, — добавил он. Его прищуренный взгляд устремился на смущенного сержанта. — Иначе ты будешь так сильно понижен в звании, что тебе придется величать «сэр» последнего бесенка.

Сержант Томас А. Дизенбургер внимательно посмотрел на него.

— *Рядового*, — прошипела затесавшаяся в генеральскую компанию дама. Согласно именному жетону, ее имя было Во. Сержанту Дизенбургеру еще не приходилось видеть женщин в звании генерала, но она определенно выглядела потрясающе.

— Что?

— Не бесенка. А рядового.

— Точно. Именно это я и хотел сказать. Да. Рядового. Все понятно, солдат?

Сержант посчитал, что имеющийся у него выбор крайне ограничен.

— Сэр, неожиданная инспекция, сэр? — бодро сказал он.

— На сей раз снабженческо-статистическая, — сказал Голод, который много лет учился тому, как показать товар лицом федеральным властям, и сейчас умудрился вспомнить язык завлекательных формулировок.

— Сэр, крайне полезная инспекция, сэр, — сказал сержант.

— Молодец, — сказал Голод, когда ворота открылись. — Далеко пойдешь. — Он взглянул на часы. — И очень скоро.

Порой человеческие существа ведут себя совсем как пчелы. Пчелы яростно защищают свой улей, не давая чужакам попасть внутрь. Но стоит вам оказаться внутри, как эти трудяги, видимо, предполагают, что ваше присутствие согласовано с начальством, и больше не обращают на вас внимания; именно благодаря этому паразиты жируют на чужих медах. Люди действуют примерно так же.

Никто не остановил эту четверку в их целенаправленном продвижении к одному из длинных одноэтажных зданий, покрытых лесом радиомачт. Никто не обратил на них ни малейшего внимания. Возможно, служащие авиабазы и вовсе ничего не замечали. А может быть, они видели лишь то, что им предписано было замечать, ведь человеческий мозг не настроен видеть Войну, Голод, Загрязнение и Смерть, когда они не хотят быть увиденными и маскируются так хорошо, что зачастую их умудряются не замечать даже тогда, когда они царят повсюду.

А сигналы тревоги были совершенно безмозглыми и, переварив информацию о том, что четыре человека находятся там, где людям находиться не положено, они *мгновенно* подняли тревожный перезвон.

Ньют никогда не курил, он не хотел позволить никотину завладеть входом в храм его тела, или, точнее, в маленькое скромное вместилище души валлийского методиста. Будь он курильщиком, то по-

давился бы сигаретой, которую попытался бы выкурить, чтобы снять нервное напряжение.

Анафема решительно встала и расправила складки на юбке.

— Не волнуйся, — сказала она. — Нас это не касается. Вероятно, что-то случилось внутри.

Она улыбнулась, глядя на его побледневшее лицо.

— Пойдем, — сказала она, — не Дикий Запад.

— Вот именно, — сказал Ньют. — Тут перешли на современное вооружение.

Она помогла ему подняться.

— Неважно, — сказала она. — Я уверена, ты придумаешь что-нибудь.

Так или иначе, но наша четверка не сможет внести равную лепту, подумала Война. Учитывая природное влечение Войны, ее потрясли современные системы вооружения, которые были гораздо более действенными, чем кусочки проникающего металла, а Загрязнение, конечно, посмеялся над защищенными от неумелого обращения и безопасными при поломке приборами. Даже Голод, по крайней мере, знал, что такое компьютеры. В то время как... ну, в общем, он просто околачивался рядом с ними, хотя вел себя при этом весьма уверенно. Войне вдруг пришло в голову, что сегодняшний день может стать началом конца и самой Войны, и Голода, и, возможно, даже Загрязнения — и, вероятно, именно поэтому четвертый и самый страшный всадник всегда держался как-то особняком, выпадал из их компании. Ощущение было примерно такое, словно в вашей футбольной команде играет налоговый инспектор. Здорово, ко-

нечно, иметь его на своей стороне, но с таким типом вам явно не захочется выпить и поболтать в баре после матча. С ним невозможно было чувствовать себя совершенно спокойно.

Пара солдат скользнули по нему глазами, когда он заглянул через тощее плечо Загрязнения.

— ЧТО ЭТО ЗА БЛЕСТЯЩИЕ ШТУКОВИНЫ? — спросил он тоном человека, сознающего, что ему не дано понять ответа, но желающего показать свою заинтересованность.

— Семисегментные индикаторы на светодиодах, — ответил парень. Смерть любовно положил руки на ряд переключателей, расплавившихся от его прикосновения, а потом ввел обойму самовоспроизводящихся вирусов, которые со свистом унеслись в электронный эфир.

— Из-за этих чертовых сигналов тревоги я не могу нормально работать, — пробормотал Голод.

Смерть рассеянно щелкнул пальцами. Клаксоны умолкли, захлебнувшись последним писком.

— Не знаю, мне так они даже нравились, — сказал Загрязнение.

Война добралась до внутренностей очередного металлического шкафа. Такой способ действий казался непривычным, но когда она пробежала пальцами по приборным панелям и даже проникла внутрь электронной установки, то у нее появилось знакомое чувство. То был отголосок приятного ощущения, которое испытываешь, держа в руках меч, и сейчас она испытала трепетное ожидание, предвкушая, как этот меч завладеет всей землей, а также и известной частью неба над ней. Старая любовь не ржавеет.

Пламенеющий меч.

Человечество не слишком преуспело в познании того, что мечи становятся опасными, если бросать их где попало, и к тому же в силу своих возможностей устроило так, чтобы шансы на случайный захват такого оружия были крайне высоки. Какая радостная мысль. Приятно осознавать, что род человеческий видит некую разницу между случайным и запланированным взрывом своей планеты.

Загрязнение погрузил руки в очередной блок дорогостоящей электроники.

Возле дыры в заборе топтался недоумевающий охранник. Он слышал, что на базе началась какая-то неразбериха, но его рация выдавала сплошные шумы да помехи, а взгляд то и дело возвращался к предъявленному удостоверению.

За свою жизнь он повидал множество разных удостоверений личности — военнослужащих, ЦРУ, ФБР и даже КГБ — и, несмотря на молодость, смог прийти к следующему выводу: чем мельче организация, тем более внушительные у нее удостоверения личности.

Это удостоверение было *дьявольски* впечатляющим. Шевеля губами, он перечитал его вновь с самого начала, пытаясь осознать, кто такой «Лорд-протектор Британского Содружества Издержек и Потребления» и зачем требуется принудительное изъятие всех видов растопки, веревок и огненосных масел, а после с удивлением пригляделся к фамилии лица, подписавшего сей документ: Главного адъютанта Армии охотников за ведьмами Славь-Деяния-

Господни-И-Избегай-Блуда Смита. Ньют, пытаясь держаться как Джеймс Бонд, отметил большим пальцем ту строчку, где говорилось о выдаче Девяти Пенсов за Каждую Обнаруженную Ведьму.

Наконец пытливый ум охранника зацепился за более-менее знакомое слово.

— Почему здесь говорится о том, — подозрительно спросил он, — что мы обязаны выдать вам растопку?

— О, потому что она нам нужна, — сказал Ньют. — Мы сжигаем их.

— Сжигаем что?

— Мы сжигаем *их*.

Лицо охранника расплылось в улыбке. А ему еще говорили, что англичане кроткий и терпимый народ.

— Здорово! — воскликнул он.

И тут что-то уткнулось ему в поясницу.

— Бросай оружие, — сказала Анафема, стоящая за его спиной, — или мне придется пожалеть о содеянном.

«Вот уж правда, — подумала она, увидев, как парень застыл от ужаса. — Если он не бросит оружие, то обнаружит, что к его спине приставили палку, и мне действительно придется пожалеть о содеянном. Прежде чем он в меня выстрелит».

У сержанта Томаса А. Дизенбургера, охранявшего главные ворота, также появились проблемы. Коротышка в грязном плаще, бормоча что-то нечленораздельное, тыкал в него пальцем, а дама, слегка напоминавшая мать сержанта, чего-то от него требовала и прерывала сама себя другим голосом.

— *Наш разговор с вашим руководством, право же, является жизненно необходимым*, — взывал Азирафаэль. — *Я даже обязан просить...* Он прав, понимаете, я сказала бы вам, если бы он говорил неправду... *Да, благодарю вас, я думаю, мы смогли бы добиться чего-то, если бы вы любезно позволили мне объясниться... пожалуйста... благодарю вас...* я пыталась лишь замолвить словечко... *Да! Э-э?..* Вы просили его... *да, все верно... итак...*

— Ты глянь на мой палец! — вскричал Шедвелл, чей рассудок еще не оторвался от него вполне, но уже болтался на конце длинной и весьма потрепанной ниточки. — Ты только глянь на него! Вот этот самый палец, парень, может отправить тебя на встречу с Создателем!

Сержант Дизенбургер таращился на черно-красный ноготь, маячивший в нескольких дюймах от его лица. Отличное наступательное оружие, особенно на кухне во время приготовления пищи.

Телефонная трубка выдавала исключительно помехи. Ему было приказано не покидать пост ни при каких условиях. Полученная во Вьетнаме травма вновь дала о себе знать¹. Он подумал, много ли неприятностей сулит ему расстрел штатских, не имеющих американского гражданства.

Четыре велосипедиста остановились неподалеку от базы. Следы шин на дороге и маслянистые пятна показывали, что недавно здесь останавливались другие путешественники.

¹ В 1983 году, находясь в увольнении, он поскользнулся и упал, принимая душ в отеле. Теперь один только вид кусочка желтого мыла мог воскресить в его памяти почти мучительные сцены.

— Почему мы остановились? — спросила Пеппер.

— Я думаю, — сказал Адам.

Мысли его были тяжелыми. Часть его души, которую он познал как *свою собственную*, по-прежнему заявляла о себе, но она пыталась удержаться на плаву в кошмарном источнике мрака. Он уже осознал, что три его спутника были стопроцентными человеческими существами. Раньше из-за его задумок их ругали за порванную одежду, лишали карманных денег — в общем, как-то наказывали, — но на сей раз он придумал такую игру, наказание за которую не ограничится простым домашним арестом или уборкой комнаты.

С другой стороны, ему не к кому было больше обратиться.

— Ладно, — сказал он. — Я думаю, нам нужно раздобыть кое-что. Нам нужны меч, корона и какие-нибудь весы.

Они удивленно уставились на него.

— Что, прямо сейчас? — спросил Брайан. — Здесь же ничего такого нет.

— Ну, я не знаю, — сказал Адам. — Если вы вспомните наши игры и всякие самоделки... Мы же всегда играли понарошку.

Последней каплей, переполнившей потрясенное сознание сержанта Дизенбургера, стала машина, которая подлетела к воротам, по причине отсутствия шин паря в нескольких дюймах над землей... И к тому же она была лишена какой-либо окраски. Зато у нее имелся синий дымчатый хвост, и когда она остановилась, послышалось звонкое потрескивание,

какое обычно издает, остывая, сильно нагретый металл.

Ее окна казались сделанными из дымчатого стекла, хотя на самом деле окна были самые обычные, просто салон оказался заполнен дымом.

Дверь открылась, выпустив удушливое облако. За дымом последовал Кроули.

Он помахал рукой, отгоняя дым от лица, прищурился и закончил взмах дружеским приветствием.

— Всем привет, — сказал он. — Что происходит? Надеюсь, этот мир еще не закончился?

— *Он не разрешает нам войти, Кроули,* — сказала мадам Трейси.

— Азирафаэль?! Ты ли это? Симпатичный прикид, — туманно сказал Кроули. Он чувствовал себя неважно. Последние тридцать миль ему приходилось представлять себе, что тонна горящего металла, резины и кожи является полностью функционирующим автомобилем, тогда как «Бентли» ожесточенно сопротивлялся его представлениям. Чертовски трудно было заставлять эту громадину продолжать движение, когда начисто сгорели универсальные шины. Кроме того, останки «Бентли» норовили внезапно припадать на свои искореженные обода, когда он вдруг переставал представлять, что там были шины.

Он ласково коснулся металлической поверхности, еще достаточно горячей, чтобы на ней можно было приготовить яичницу.

— Таковую гонку не выдержал бы ни один из современных автомобилей, — с любовью сказал он.

Все внимательно смотрели на вновь прибывшего.

Раздался тихий электрический щелчок.

Шлагбаум начал подниматься. Из ниши, где находился электрический двигатель, послышался механический скрежет, и мотор вдруг перестал сопротивляться непреодолимой силе, воздействующей на шлагбаум.

— Эй! — воскликнул сержант Дизенбургер. — Да вы что... кто из вас это сделал?

Зашуршали шины велосипедов. За ними пробежал маленький пес с грязными лапами.

Все изумленно взирали на четверку яростно крутивших педалями велосипедистов, которые нырнули под шлагбаум и исчезли на территории базы.

Сержант взял себя в руки.

— Э-эй, — повторил он каким-то ослабевшим голосом. — По-моему, у одного из этих детей в велосипедной корзине сидел космический пришелец с физиономией, точно как дружелюбная какашка...

— Я так не думаю, — сказал Кроули.

— Тогда, — собираясь с духом, заявил сержант Дизенбургер, — им угрожает большая опасность. — Он поднял свое ружье. Довольно уж тут осторожничать; ему вновь припомнился кусок мыла. — Итак, — сказал он, — пора разобраться с вами.

— Я упредил тебя... — начал Шедвелл.

— *Мы и так слишком надолго задержались здесь*, — заметил Азирафаэль. — *Разберись-ка с ним, Кроули. Достаточно будет изящной затрецины.*

— Гм-м? — сказал Кроули.

— *В моей епархии добрые дела*, — сказал Азирафаэль. — *Не надеешься же ты, что я... а, черт возьми. Стараешься вести себя добропорядочно, и куда это в итоге заводит тебя?*

С этими словами он щелкнул пальцами.

Послышалось тихое шипение, точно вспыхнула старомодная лампа-вспышка, и сержант Томас А. Дизенбургер испарился.

— Э-э, — сказал Азирафаэль.

— Осторожнее, — сказал Шедвелл, который не вполне осознавал принцип действия раздвоенной личности мадам Трейси. — Ничего страшного. Вы держитесь за меня, и все будет в порядке.

— Ловко, — сказал Кроули. — Никогда не думал, что ты на такое способен.

— *И правильно*, — сказал Азирафаэль. — *На самом деле я не так уж ловок. Надеюсь только, что не послал его в какое-нибудь злачное местечко.*

— Тебе стоило бы побыстрее наловчиться, — заметил Кроули. — Тогда ты просто пошлешь их всех куда подальше. Главное, не беспокойся о том, куда они попадут. — Он выглядел восхищенным. — Ты не хочешь познакомить меня с твоим новым обличем?

— *Что? Да. Да, разумеется. Мадам Трейси, это Кроули. Кроули, познакомься с мадам Трейси.* Безусловно, очень рада.

— Давайте пройдем на базу, — предложил Кроули. Он, казалось, был расстроен плачевным состоянием своего «Бентли», но вдруг лицо его прояснилось. К воротам целенаправленно двигался отличный джип, и он, похоже, был забит командой, готовой к тому, чтобы устранить любые препятствия и устроить перестрелку, не особенно задаваясь вопросом о том, на чьей стороне они играют.

Кроули воспрял духом. Это уже входило, если можно так выразиться, в область его компетенции.

Он вытащил руки из карманов, поднял их, как Брюс Ли, и улыбнулся, как Ли ван Клиф.

— Отлично! — воскликнул он. — Вот и наш транспорт.

Эти оставили свои велосипеды около одного из одноэтажных зданий. Уэнслидэйл аккуратно запер свой транспорт на замок. Он во всем любил порядок.

— Ну и как же выглядят эти всадники? — поинтересовалась Пеппер.

— Они могут выглядеть как угодно, — неуверенно сказал Адам.

— Ведь они уже взрослые, я надеюсь? — уточнила Пеппер.

— Да, — сказал Адам. — Я думаю, более взрослых ты вообще никогда не видела.

— Бороться со взрослыми совершенно бесполезно, — с унылым видом сказал Уэнслидэйл. — Все равно в итоге нарвешься на неприятности.

— Вам не придется бороться с ними, — сказал Адам. — Вам достаточно будет сделать то, что я скажу.

Они окинули взглядом захваченные с собой приспособления. Учítывая, что эти орудия предназначались для исправления мира, их едва ли можно было назвать потрясающе действенными.

— Тогда как же мы найдем их? — с сомнением в голосе спросил Брайан. — Я помню, как мы приходили сюда на экскурсию; тут полно всяких комнат и обслуживающего персонала. Множество лабораторий с мигающими огоньками.

Адам задумчиво поглядывал на здания. Устройства тревоги еще испускали сигналы, похожие на традиционные альпийские йодли.

— Так, — сказал он, — мне лично кажется...

— Эй! Что это вы, дети, здесь делаете?

Окликнувший их голос не был исполнен настоящей угрозы, но в нем, несомненно, чувствовалась предельная напряженность, а принадлежал он офицеру, который в течение последних десяти минут пытался осмыслить полную бессмыслицу сложившейся ситуации, слушая, как заливаются сигналы тревоги, и стараясь открыть запертые двери. За ним маячили два не менее встревоженных солдата, пребывающие в недоумении по поводу того, как им поступить с этими четырьмя малолетками, совершенно очевидно отпрысками белой расы, один из которых пусть и в самой малой степени, но уже принадлежит к женскому полу.

— Не беспокойтесь о нас, — беспечно сказал Адам. — Мы просто поглядим тут вокруг.

— Значит, вы просто... — начал было лейтенант.

— Спать, — сказал Адам. — Сейчас вы просто уснете. Все солдаты здесь должны спать. Тогда вас ничто не потревожит. Сейчас вы все просто уснете, *немедленно*.

Лейтенант пристально посмотрел на него, пытаясь сфокусировать взгляд. Затем он медленно опустился на землю.

— Ничего себе, — сказала Пеппер, когда и остальные улеглись спать. — Как ты их усыпил?

— Видишь ли, — осторожно протянул Адам. — Ты помнишь тот гипнотический практикум из кни-

ги «101 увлекательное занятие для юных умельцев», который у нас никогда не получался?

— Ну помню, и что дальше?

— В общем, это что-то вроде гипнотического сна. Я только теперь понял, как это делается. — Он повернулся обратно к зданию, напичканному компьютерной техникой.

Адам собрался; его привычная удобная сутуловатость сменилась некой бравой выправкой, которая очень порадовала бы мистера Тайлера.

— Отлично, — сказал он.

Потом немного помедлил в задумчивости.

А потом сказал:

— Пойдем оглядимся.

Если земля вдруг исчезнет и останется одно электричество, то наш мир будет выглядеть как самая изысканная световая филигрань — сфера мерцающих серебристых линий со случайными проблесками стрел, выпускаемых спутниками. Даже темные районы будут озарены благодаря радиолокационным станциям и коммерческим радиоволнам. Нервная система гигантского планетарного зверя.

Все города — узелки в электрической паутине, но сами электрические связи, по сути своей, были подобны мускулатуре, выполняющей лишь грубую работу. Однако уже примерно полсотни лет люди пользуются «электронным мозгом».

И теперь он вдруг ожил, подобно тому, как оживает огонь. Переключатели стали залипать. Реле начали плавиться. Внутри кремниевых чипов, микроскопическая структура которых по сложности

напоминала карту Лос-Анджелеса, образовались новые связи, породившие перезвон в удаленных на сотни миль подземных лабораториях, и люди в ужасе смотрели на то, что сообщали им давно знакомые экраны. Массивные стальные двери, надежно скрытые в полостях гор, отказывались открываться, и люди барабанили по ним, стараясь справиться с предохранителями, которые уже окончательно сплавилась. В пустынях и тундрах земля вдруг расползалась, впуская свежий воздух в оборудованные кондиционерами склепы и позволяя грубым силуэтам занять свои места.

И поскольку электричество утекало туда, куда не следует, оно иссякало в обычных местах. В городах погасли дорожные огни, затем уличное освещение, а затем и весь свет. Охлаждающие вентиляторы замедлили ход, вздрогнули и остановились. Погасли раскаленные спирали обогревателей. Остановились лифты. Заглохли радиостанции, и умолкла их убаюкивающая музыка.

Говорят, что цивилизация отстоит от варварства всего лишь на двадцать четыре часа с двумя перерывами на обед.

Ночь медленно овладевала вращающейся Землей. Изъявленная поверхность планеты должна была искриться множеством электрических булавонок, дающих свет. Но источник тока иссяк.

Пять миллиардов человек погрузились во мрак. Вскоре могло начаться нечто вроде варварского пиршества или пикника на природе — необузданного, отвратительного и в конечном счете доставшегося муравьям.

* * *

Смерть выпрямился. Видимо, он к чему-то прислушивался. Можно только догадываться, что ему удалось услышать.

— ОН ПРИШЕЛ, — сообщил он.

Три его попутчика оторвались от своих дел. В их внешности и позах произошли едва уловимые изменения. Прежде чем ангел Смерти заговорил, *они* — то есть те их ипостаси, которые не ходят и не говорят, приняв человеческое обличье, — кружили над миром. Теперь они вернулись.

Более или менее.

Вид их стал каким-то странным. Словно у них вдруг появились плохо скроенные тела, наподобие плохо скроенных костюмов. Голод выглядел так, будто слегка изменил свой имидж, и его выработанный годами типаж — приятного, процветающего и заслуживающего доверия бизнесмена — начал вытесняться древним, ужасным оцепенением его исходного воплощения. На коже Войны заблестели капли пота. А кожа Загрязнения блестела просто так.

— Мы обо всем... позаботились, — с некоторым усилием произнесла Война. — Теперь дела... пойдут своим путем.

— В нашем распоряжении не только ядерное оружие, — сказал Загрязнение. — Есть еще химическое. Тысячи галлонов химических веществ... хранятся в бочках во всех уголках мира. Замечательные жидкости... с чертовски длинными заковыристыми названиями. А учитывая... старые запасы. В общем, выбирай, что хочешь. Плутоний может быть

смертоносным тысячи лет, но действие мышьяка вечно.

— Или пусть настанут времена... вечной зимы, — сказал Голод. — Я предпочитаю зиму. Некая чистота... присуща зиме.

— Все птенчики... соберутся в курятнике, — сказала Война.

— Никаких больше птенчиков, — буркнул Голод.

Не изменился лишь Смерть. Кое-что всегда остается неизменным.

Апокалиптическая четверка вышла из здания. Походка Загрязнения также приобрела новые качества — казалось, он не идет, а течет или даже растекается.

Что и было подмечено Анафемой и Ньютом Пульцифером.

На их пути как раз появилось первое здание. Внутри все выглядело гораздо спокойнее, чем снаружи, где уже поднялась большая суматоха. Анафема толкнула очередную дверь, которая изобиловала уведомлениями, предупреждающими о смертельной опасности. Дверь с легкостью распахнулась. А пропустив их внутрь, она тут же захлопнулась и защелкнулась на замок.

У них было мало времени на обсуждение того, зачем побывала здесь эта Четверка.

— Кто они такие? — спросил Ньют. — Может, террористы?

— В самом прямом и точном смысле, — согласилась Анафема. — По-моему, ты попал в точку.

— И о чем же, интересно, был этот странный разговор?

— Наверное, о возможном конце мира, — предположила Анафема. — Ты заметил их ауры?

— Да нет, вроде ничего не заметил, — сказал Ньют.

— Очень расплывчатые.

— А-а.

— То есть, по сути, негативные ауры.

— А?

— Наподобие черных дыр.

— Неужели так плохо?

— Очень.

Анафема пристально взглянула на ряды металлических шкафов и стоек. Впервые, именно сейчас — и то была не игра, а реальность — эта техника, способная разрушить земной мир или по крайней мере ту его часть, что метра на два уходит в землю и поднимается до озонового слоя, перестала работать согласно привычному сценарию. Не видно было никаких больших красных контейнеров с сигнальными огнями. Не удалось обнаружить и никаких свернутых проводов с бросающейся в глаза рекомендацией: «Обрезать здесь». Никаких подозрительно больших цифровых индикаторов, показывающих, сколько еще секунд остается, чтобы предотвратить катастрофу. Вокруг высились только железные шкафы, которые выглядели основательными и непоколебимыми, совершенно готовыми отважно встретить последнее мгновение.

— Что же происходит? — сказала Анафема. — Они ведь что-то сделали, правда?

— Может, здесь есть какой-то выключатель? — беспомощно сказал Ньют. — Я уверен, если мы поищем...

— Такие выключатели обычно встроены в систему. Не говори глупостей. Я думала, ты разбираешься в компьютерной технике.

Ньют в отчаянии кивнул. Эта аппаратура резко отличалась от той, о которой он читал на страницах журнала «Знакомство с электроникой». Пытаясь хоть что-то найти, он разглядывал заднюю панель одного из шкафов.

— Международные связи, — пробурчал он. — Доступны практически любые операции. Можно понизить потребляемую мощность, настроиться на спутники. Все что угодно, абсолютно. Можно... *пи-и...* — согласишься, можно... *пи-и...* ой-ёй, все отлично устроить... *пи-и-и...* вау, только вот... *пи-и-и...* о-о-ох.

— Но ты сумеешь справиться с этой системой?

Ньют облизнул обожженные пальцы. Пока он не обнаружил ничего, что напоминало бы транзистор. Он обмотал руку носовым платком и вытащил пару плат из разъемов.

Один из его журналов по электронике как-то раз опубликовал шуточную схему, которая гарантированно не должна была работать. В итоге они напечатали занимательное сообщение для всех горе-радиолюбителей о том, что если те собрали эту схему и она не заработала, то именно так и должно быть. Данное устройство изобиловало диодами неверно показанной полярности, неправильно включенными транзисторами и неработающими источниками тока. Ньют собрал эту схему, и она приняла радио Москвы. Он написал в редакцию письмо с опровержением, но ему почему-то не ответили.

— Я даже не знаю, как к этому подступить, — сказал он.

— Джеймс Бонд просто отвинчивает всякие штучки, — сказала Анафема.

— Нет, не просто отвинчивает, — с пугающей горячностью возразил Ньют. — И я не... *пш-ш...* Джеймс Бонд. Иначе бы... *вж-и-ик...* эти плохие парни показали бы мне все смертоносные кнопки и объяснили бы, как эта чертовщина работает, разве не так? *Пш-шик...* Да вот только в реальной жизни так никогда не бывает! Я-то ведь не знаю, что происходит, поэтому не могу ничего остановить.

Тучи клубились на горизонте. Над авиабазой синело чистое небо, и колебания воздуха ощущались лишь как легкий ветерок. Но сам воздух был странным, словно кристаллизированным, и казалось, что стоит только изменить угол зрения, чтобы увидеть его новые грани. Он поблескивал. Если бы вы попытались подобрать определения для его описания, то вам невольно пришли бы на ум слова «гнетущий» и «заряженный». Заряженный, насыщенный незримыми жизненными силами, которые лишь поджидают нужного момента, чтобы стать вполне зримыми и материальными.

Адам глянул на небо. В одном смысле над головой был просто чистый воздух. В другом же — в бесконечность уходили ряды воинов, крыло к крылу, — Небесные и Адские воинства. Если бы вы присмотрелись получше, вдобавок имея специально натренированный взгляд, то сумели бы заметить эти особенности.

Тишина крепкой хваткой держала взбудораженный мир.

Из распахнувшейся двери здания вышла Апокалиптическая Четверка. Трое из них уже лишь отдаленно напоминали человеческие существа — они выглядели как некие гуманоидные призраки, сотканные из всех тех атрибутов, которые составляли их сущности. На их фоне Смерть выглядел совершенно невзрачным. Его кожаное пальто и темный шлем с опущенным забралом превратились в длиннополый плащ с капюшоном, но это все мелочи. И пусть под плащом скрывался скелет, даже ходячий скелет, так ведь по крайней мере человеческий; подобный ангел Смерти, в сущности, прячется внутри любого живого существа.

— Да поймите вы, — горячась, сказал Адам, — что они вовсе не настоящие. На самом деле они просто как ночные кошмары.

— Н-но... м-мы же не спим, — с трудом выдавила Пеппер.

Заскуливший Барбос попытался спрятаться за Адама.

— А тот тип выглядит так, точно он плавится, — сказал Брайан, показывая на приближающуюся фигуру, если ее еще можно было так назвать, Загрязнения.

— Вот именно, все верно, — ободряюще сказал Адам. — Разве может такое быть на самом деле? Если рассуждать здраво. Подобные фокусники не могут быть по-настоящему настоящими.

Четверка остановилась в нескольких метрах от них.

— ДЕЛО СДЕЛАНО, — сказал Смерть. Он слегка наклонился вперед, и его незрячие глазницы усталились на Адама. Трудно было сказать, удивлен он или нет.

— Да, все понятно, — сказал Адам. — Одна только загвоздочка: меня не касаются ваши дела. Я никогда не просил, чтобы вы это все творили.

Ангел Смерти посмотрел на трех его приятелей и опять взглянул на Адама.

Возле них затормозил джип. Никто не обратил на него внимания.

— Я НЕ ПОНИМАЮ, — сказал он. — САМО ТВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ БЕЗУСЛОВНО ВЕДЕТ К ЗАВЕРШЕНИЮ ЭТОГО МИРА. ТАК ПРЕДНАЧЕРТАНО.

— Я не знаю, зачем кому-то понадобилось предначертывать какое-то завершение, — невозмутимо сказал Адам. — Этот мир полон совершенно потрясающих вещей, и я еще не успел толком познаться с ними, поэтому я не желаю, чтобы вы валялись тут дурака или что-то завершали, даже не дав мне возможности во всем разобраться. Поэтому я не нуждаюсь в услугах вашей компании, и вы можете удалиться.

(— *Вон он, мистер Шедвелл*, — начал Азирафаэль, но тон его становился все менее уверенным, — *по-моему... тот, что... в футболке...*)

Ангел Смерти молча взирал на Адама.

— Ты... являешься частью... нас, — прошипела Война сквозь зубы, похожие на великолепно выточенные пули.

— *Дельце сделано. Мы создадим... этот... мир... заново*, — прожурчал голос Загрязнения, словно он

был жидкостью, вытекающей из какой-то проржавевшей емкости на водную гладь.

— Ты станешь... нашим... предводителем, — добавил Голод.

И Адам засомневался. Какие-то внутренние голоса еще кричали ему, что все это правда и мир принадлежит ему, надо лишь развернуться и возглавить адское шествие по смятенной планете. Он же из их компании.

На верхних ярусах небесные воинства ждали его Слова.

(— Ты не можешь требовать, чтобы я застрелил его! Он же еще чистое дитя!

— Э-э, — протянул Азирафаэль. — Э-э. Да. Возможно, нам действительно лучше немного подождать, как ты считаешь?

— Пока он не вырастет, ты имеешь в виду? — уточнил Кроули.)

Барбос зарычал.

Адам взглянул на стоявших за ним друзей. Они также его компания.

Нужно просто решить, кто твои настоящие друзья.

Он повернулся обратно к Апокалиптической Четверке.

— Разберитесь с ними, — спокойно приказал Адам.

Вялая небрежность исчезла из его голоса. Он приобрел удивительную благозвучность. Такому голосу невозможно было не подчиниться.

Война рассмеялась и выжидающе взглянула на Квартет.

— Мальчики, — сказала она, — ну что у вас за игрушки. Подумайте, какие потрясающие игрушки я могу предоставить вам... подумайте о всевозможных *играх*. Я могу сделать так, что вы все станете обожать меня, детки. У вас, детки, появятся маленькие ружья.

Она вновь выдала пулеметную очередь смеха, но он оборвался, когда Пеппер выступила вперед и подняла дрожащую руку.

В ее оружии с трудом угадывался меч, но лучшего было не сделать, учитывая, что его соорудили из двух палочек и обрывка веревки. Война пристально посмотрела на нее.

— Я понимаю, — сказала она. — Один на один, да? — Вытащив свой клинок, она взмахнула им, и он издал мелодичный свист, подобный тому, что издает хрустальный бокал, когда по его краю проводят смоченным в вине пальцем.

Соприкосновение мечей породило странную вспышку.

Смерть внимательно посмотрел в глаза Адама.

Послышалось печальное позвякивание.

— Не трогать! — бросил Адам, не поворачивая головы.

Троица проследила, как прокрутившийся меч замер на бетонных плитах.

— Детки, — с отвращением проворчала Пеппер. Рано или поздно каждому придется решать, с кем ему лучше дружить.

— Во дает, — удивленно произнес Брайан, — ее вроде как затянуло в этот меч...

Воздух между Адамом и Смертью начал вибрировать, словно раскалился от жары.

Взглянув в запавшие глаза Голода, Уэнслидэйл расправил плечи. Он держал некое приспособление, в котором при наличии толики воображения можно было узнать весы, сделанные из сучков и веревочки. Подняв руку, Уэнсли начал вращать их над головой.

Пытаясь обороняться, Голод вытянул руку.

После очередной вспышки послышался звон серебряных весов, чашечки которых упали на бетонное покрытие площадки.

— Не... трогать... их, — сказал Адам.

Загрязнение уже приготовился дать деру или по крайней мере побыстрее перетечь куда подальше, но Брайан мгновенно сорвал со своей головы сплетенный из трав венок и метнул его. Наверное, «ко-роной» не следовало бы так бросаться, но какая-то сила просто вырвала венок из его рук, и он завертелся в полете, точно диск.

На сей раз раздался взрыв, и вспыхнувшее пламя породило черный дым с каким-то химическим запахом.

Из дымовой завесы с переливчатым металлическим звоном выкатилась почерневшая серебряная корона и, покрутившись немного, тихо улеглась на бетонную плиту, словно упавший пенс.

По крайней мере, сейчас они не нуждались в предупреждении. Корона сверкала каким-то жутковатым неметаллическим блеском.

— Куда они все подевались? — спросил Уэнсли.

— **ВЕРНУЛИСЬ К СВОИМ СОЗДАТЕЛЯМ,** — сказал ангел Смерти, по-прежнему удерживаемый взглядом Адама. — **В ИСХОДНУЮ СРЕДУ ОБИТАНИЯ. ВЕРНУЛИСЬ В УМЫ И ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ.**

Он с усмешкой посмотрел на Адама.

Послышался треск. Прорвав ткань плаща, раскрылись крылья Смерти. Ангельские крылья. Но без оперения. То были крылья ночи, призрачные крылья, переносящие материальные творения в сокровенную тьму, где мерцали далекие огоньки — возможно, звезды, а возможно, и что-то совершенно иное.

— **НО Я, — сказал он, — НЕ ТАКОЙ, КАК ОНИ. Я АЗРАИЛ, СОТВОРЕННАЯ ТЕНЬ ТВОРЕНИЯ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ. ЕСЛИ НЕ ЖЕЛАЕШЬ УНИЧТОЖИТЬ ЭТОТ МИР.**

Накал их взглядов ослаб. Адам почесал нос.

— Ну, даже не знаю, — сказал он. — Надо подумать. — Наконец он тоже усмехнулся. — В любом случае начатое вами дело надо прекратить, — сказал он. — Всю вашу заварушку с компьютерами. Тебе придется сейчас же выполнить мой приказ, и я приказываю закончить вашу игру.

Смерть пожал плечами.

— **ОНА УЖЕ ЗАКОНЧЕНА, — сказал он. — БЕЗ НИХ, — он показал на жалкие останки трех Всадников, — ОНА НЕ МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ. ТРИУМФ ОБЫЧНОЙ ЭНТРОПИИ. — И Ангел Смерти взмахнул костлявой дланью в некоем приветственном жесте. — НО ОНИ МОГУТ ВЕРНУТЬСЯ, — сказал он. — ОНИ ВСЕГДА ПОБЛИЗОСТИ.**

Взметнувшиеся крылья хлопнули только раз, словно отдаленный раскат грома, и Смерть исчез.

— Ну вот и хорошо, — сказал Адам, сотрясая опустевший воздух. — Просто отлично. Больше ничего не случится. Вся эта чехарда, которую они затеяли... должна прекратиться *сейчас же*.

Ньют в отчаянии смотрел на аппаратные стойки.

— Как ты думаешь, здесь ведь может быть какое-то руководство или справочник? — спросил он.

— Давай посмотрим, не говорила ли об этом Агнесса, — предложила Анафема.

— О, безусловно, — с ехидством заметил Ньют. — Какое разумное предложение! Давай починим испорченную электронную аппаратуру двадцатого века с помощью практического руководства из семнадцатого века! Очень интересно, что ваша Агнесса Псих знала о транзисторах?

— Между прочим, мой дедушка в 1948 году почти точно истолковал предсказание № 3328 и сделал несколько весьма практичных вложений, — сказала Анафема. — Она, конечно, не знала всяких специальных названий и не слишком хорошо разбиралась в общих понятиях электричества, но...

— Я выразился риторически.

— В любом случае тебе не нужно чинить эту систему. Тебе надо окончательно ее испортить. И знания для этого не нужны, а нужно, наоборот, невежество.

Ньют застонал.

— Отлично, — устало сказал он. — Давай попробуем. Прочти какое-нибудь предсказание.

Анафема наугад вытащила карточку.

— Он Не Тот, Коим Предстать Желает, — прочитала она. — Предсказание № 1002. Очень просто. Есть идеи?

— Но послушай, — удрученно сказал Ньют. — Сейчас, конечно, уже поздно говорить об этом, но... — пробормотал он, — но на самом деле я не так уж хорошо разбираюсь в электронике. Даже почти совсем не разбираюсь.

— А... кажется, я припоминаю, что ты говорил, будто разрабатываешь компьютеры?

— Ну, это было слишком громко сказано. То есть, в общем, даже чересчур смело... возможно, в твоём понимании... да, я полагаю, что ты назвала бы мои слова преувеличением. Я могу даже сказать, почему на самом деле так сказал. — Ньют закрыл глаза. — Мне хотелось увильнуть от прямого ответа.

— То есть обман? — снисходительно спросила Анафема.

— Нет-нет, так далеко я бы не зашел, — возразил Ньют. — Хотя, — грустно добавил он, — на самом деле я не разрабатываю компьютеры. Совсем. Даже скорее наоборот.

— Что значит наоборот?

— Если хочешь знать, то всякий раз, как я пытаюсь дотронуться до какой-нибудь аппаратуры, она сразу ломается.

Анафема одарила его легкой понимающей улыбкой и встала в театральную позу, словно иллюзионистка в блестящем платье, отступающая назад, прежде чем показать фокус.

— Вуаля! — воскликнула она. — Почини эту систему, — уверенно предложила она.

— Что?

— Ну, заставь ее работать получше, — сказала она.

— Я не знаю, — промямлил Ньют. — Я не уверен, что сумею. — Он запустил руки под крышку ближайшей стойки.

Что-то заискрило и затрещало; он еще даже не успел понять, что происходит, как треск внезапно прекратился и послышался затихающий вой дале-

кого генератора. На панелях замигали светодиоды, и большинство из них погасло.

Народы всего мира, безуспешно щелкавшие своими кнопками, обнаружили, что их системы заработали. Автоматические выключатели перестали блокировать работу аппаратуры. Компьютерная сеть перестала разрабатывать план Третьей мировой войны и вернулась к ленивому методичному сканированию стратосферы. В бункерах Новой Земли люди обнаружили, что предохранители, которые они так усиленно пытались вытащить, наконец сами выскочили к ним в руки; в бункерах Вайоминга и Небраски сотрудники в спецодеждах перестали размахивать оружием и кричать друг на друга и смогли бы, наконец, выпить пива, если бы на ракетных базах разрешалось употребление алкоголя. Пива не было, но они нашли, чем себя порадовать.

Да будет свет! Цивилизованный мир перестал скатываться в пропасть варварской анархии и принялся строчить в газеты письма о том, как сильно взволновали людей все — даже самые незначительные — происшествия последних дней.

Тадфилдская авиабаза больше не издавала угрожающие приказы. Нечто, заложенное в ее компьютерах, исчезло — по совершенно не зависящим от электричества причинам.

— Обалдеть! — воскликнул Ньют.

— Так-то вот, — подытожила Анафема. — Ты все отлично уладил. Старушке Агнессе можно доверять, уж поверь мне. А теперь давай выбираться отсюда.

— Он не захотел помогать им! — воскликнул Азирафаэль. — Разве не об этом я всегда твердил тебе, Кроули? Если ты возьмешь на себя труд копнуть поглубже любую душу, то обнаружишь, что в самой своей сути все они очень даже...

— Еще не конец, — решительно оборвал его Кроули.

Адам обернулся и, очевидно, впервые заметил их. Кроули не привык, чтобы люди с легкостью узнавали его подноготную, но Адам так проникновенно смотрел на него, словно читал историю всей жизни Кроули, отпечатавшуюся на внутренностях его черепа. Кроули познал мгновения подлинного ужаса. Он-то считал, что ему уже доводилось прежде испытывать подлинный ужас, но по сравнению с этим новым ощущением то был просто жалкий страх. Многие в Преисподней могли прервать существование простого демона, устроив ему множество невыносимых пыток, но этот мальчик одной своей мыслью мог не только прервать твое существование, но, вероятно, устроить все так, словно тебя и вовсе никогда не существовало.

Взгляд Адама переместился на Азирафаэля.

— Простите, а почему это вас двое в одном теле? — спросил Адам.

— В общем, — сказал Азирафаэль, — это долгая...

— Вдвоем в одном теле жить очень неудобно, — сказал Адам. — Я считаю, что вам лучше опять разделиться.

Процесс прошел практически незаметно. Просто рядом с мадам Трейси вдруг появился Азирафаэль.

— Ах, какое трепетное ощущение, — сказала она. Ее взгляд прошелся по Азирафаэлю сверху вниз. —

М-да, — добавила она слегка разочарованно, — почему-то мне думалось, что вы помоложе.

Шедвелл стрельнул в ангела злым ревнивым взглядом и с угрожающим видом взвел курок Громобойного Пугача.

Опустив голову, Азирафаэль оглядел свое новое обличье, которое было, к сожалению, почти таким же, как старое, хотя пальто стало почище.

— Что ж, теперь все в порядке, — сказал он.

— Нет, — возразил Кроули. — Нет. Не все, как ты не понимаешь? Далеко не все.

Над авиабазой уже сгустились облака, клубящиеся, словно лапша в кастрюле при бурном кипении.

— Пойми же ты, — произнес Кроули голосом, исполненным фаталистической мрачности. — Это противоборство не так-то легко остановить. Неужели ты думаешь, что все войны начинались только потому, что пристрелили какого-нибудь герцога, или один идиот отхватил ухо другому, или кто-то неверно выбрал местечко для размещения ракет. Ничего подобного. Все это лишь... ну, в общем, это лишь повод, который не имеет ровным счетом никакого значения. На самом деле войны порождает ненависть, существующая между двумя сторонами, когда сила этой ненависти постепенно нарастает и, наконец, что-то переполняет чашу терпения. Любая мелочь. Как тебя звать... э-э... мальчик?

— Его зовут Адам Янг, — сказала Анафема, быстро подходя к ним вместе с Ньютом, который маячил за ее спиной.

— Именно так. Адам Янг, — подтвердил Адам.

— Славная работенка. Тебе удалось спасти земной мир. Теперь можно и отдохнуть, — сказал Кро-

ули. — Делу время, потехе час, хотя, по большому счету, сам черт не разберет, где кончается одно и начинается другое.

— Думаю, ты прав, — сказал Азирафаэль. — Я уверен, что наши хотят Армагеддона. К великому сожалению.

— Может, кто-нибудь объяснит нам, что происходит? — строго спросила Анафема, скрестив на груди руки.

Азирафаэль пожал плечами.

— Это очень длинная история, — начал он.

Анафема вздернула подбородок.

— Ну так приступайте, — сказала она.

— Пожалуйста. В начале...

Полыхающая молния ударила в нескольких метрах от Адама, связав землю и небо раскаленным столбом с раструбом на конце, словно электричество дикой природы вдруг заполнило незримую форму. Смертные отступили к джипу.

Свечение померкло, а из столба золотистого огня вышел молодой человек.

— Боже мой! — воскликнул Азирафаэль. — Это он.

— Кто он? — сказал Кроули.

— Глас Божий, — сказал ангел. — Метатрон.

Четверка удивленно разглядывала посланца небес.

Наконец Пеппер сказала:

— Нет, не может быть. Метатрон из пластмассы, у него есть лазерная пушка, и он может превращаться в вертолет.

— Так то Космический Мегатрон, — нерешительно возразил Уэнслидэйл. — У меня был такой, толь-

ко у него голова отвалилась. Этот, по-моему, какой-то другой.

Совершенно озадаченный взгляд опустил на Адама Янга и затем вдруг резко переместился на вспучившиеся рядом с ним бетонные плиты.

Из земли медленно выплыла некая персона, похожая на царя демонов из рождественской пантомимы, но если бы сей персонаж участвовал в представлении, то с него никто не ушел бы живым, да еще потом пришлось бы призывать священника для очищения зала огнем. Подъем второго персонажа не слишком отличался от спуска первого, разве что цвет пламени был сине-красным.

— Э-э, — промямлил Кроули, пытаюсь слиться с сиденьем. — Дождались... Гхм.

Красная тварь стрельнула в него взглядом, словно намечая Кроули на роль жертвы для будущего истребления, и затем уставилась на Адама. Но вот он заговорил, и его голос загудел, как огромный рой спешно разлетающихся мух.

Роняемые им слова вызвали у всех смертных ощущение того, будто они слышат и чувствуют скрежет пилы, протягиваемой по позвоночнику.

Он обратился к Адаму, который ответил:

— Что? Нет. Я уже сказал. Меня зовут Адам Янг. — Он смерил краснокожего взглядом. — А вас как зовут?

— Вельзевул, — подал голос Кроули. — Он повелитель...

— Благодарю тебя, Кроули, — сказал Вельзевул. — Позж-же у нас с тобой будет серьезный разговор. Я уверен, тебе придется сообщить мне ужасно много.

— Э-э, — сказал Кроули, — в общем, вы понимаете, то, что произошло, это...

— Молчать!

— Молчу. Молчу, — поспешно сказал Кроули.

— Итак, Адам Янг, — сказал Метатрон, — мы, конечно, ценим твою помощь на данный момент, но мы вынуждены добавить, что Армагеддон должен произойти незамедлительно. Могут возникнуть временные неудобства, однако их надо стойко выдержать ради окончательной победы добра.

— Эй, — прошептал Кроули Азирафаэлю. — Чувствуешь, куда он клонит? Мы должны разрушить этот мир ради его спасения.

— Ради чего придется терпеть, еще неизвестно, — прогудел Вельзевул. — Но все действительно должно решиться немедленно, мальчик. Таково твое предназначение. Так предписано.

Адам глубоко вздохнул. Смертные зрители затаили дыхание. А Кроули и Азирафаэль уже вообще забыли о необходимости дышать.

— Мне совершенно непонятно, почему все живое должно сгореть и так далее, — заявил Адам. — Миллионы рыб, китов, деревьев, овец и всего остального... И было бы еще ради чего! А то ведь просто чтобы посмотреть, кто победит. Прямо как у нас с Джонсонитами. Но даже если вы выиграете, то ваша победа над противниками будет ненастоящей, потому что на самом деле она вам и не нужна. Я имею в виду, ваше противостояние бесполезно. Вы же опять начнете все по новой. Опять отправите на землю своих посланцев, типа этой парочки, — он показал на Кроули и Азирафаэля, — чтобы они дразнили и путали

людей. Человеку и так довольно трудно, даже если ему никто не мешает.

Кроули повернулся к Азирафаэлю.

— Джонсониты? — удивленно прошептал он.

Ангел в недоумении пожал плечами.

— Наверное, какая-то древняя секта, — сказал он. — Вроде гностиков. Или наподобие офитов. — Он наморщил лоб. — Или те назывались сефитами? Нет, надо думать, речь идет о коллиридианах. О Боже... Их было слишком много, крайне трудно понять, о ком он упомянул.

— Люди, люди, — пробормотал Кроули.

— Это не имеет значения! — отрубил Метатрон. — Весь смысл сотворения Земли, смысл Добра и Зла...

— Я не понимаю, зачем было так стараться, создавая людей людьми, а потом расстраиваться из-за того, что они ведут себя как люди, — строго прервал его Адам. — В любом случае если вы перестанете твердить людям, что после их смерти все будет в порядке, то они, возможно, попытаются навести порядок, пока еще живы. Будь моя власть, я бы дал людям возможность жить намного дольше, как старине Мафусаилу. Могло бы получиться очень интересно, ведь если им надо будет прожить сотни лет, то они, возможно, начнут задумываться, стоит ли причинять столько вреда природе и экологии.

— Ага! — воскликнул Вельзевул и даже начал улыбаться. — Ты хочешь править миром. Это больше понравится твоему От...

— Я подумал обо всем этом и понял, что не хочу, — прервал его Адам и, слегка повернувшись, подбавивающе кивнул своим друзьям. — То есть можно было бы, конечно, изменить кое-что, но тогда, мне

думается, люди начнут постоянно обращаться ко мне, чтобы я уладил их дела, избавил от всякого мусора и создал побольше деревьев, а разве в этом есть хоть какой-то смысл? Все равно что прибираться за человека в его спальне.

— Ладно уж, сам-то ты не прибираешься даже в своей спальне, — сказала Пеппер из-за его спины.

— А я и не говорю про мою спальню, — сказал Адам, подразумевая комнату, где ковер потерялся из виду уже несколько лет как. — Имеются в виду обобщенные спальни. При чем тут моя личная спальня? Это такая аналогия. Просто чтобы было понятнее, о чем я говорю.

Вельзевул и Метатрон переглянулись.

— В любом случае, — сказал Адам, — будет совершенно нечестно, если мне постоянно придется придумывать какие-то затеи для Пеппер, Уэнсли и Брайана, чтобы они не скучали, поэтому тот мир, в котором мы жили, меня вполне устраивает. И все же разрешите вас поблагодарить.

Лицо Метатрона начало приобретать выражение, знакомое всем тем, кто внимал своеобразной логике рассуждений Адама.

— Ты не можешь отказаться быть тем, кто ты есть, — сказал он в итоге. — Послушай. Твое рождение и предназначение являются частью Великого замысла. Известные события должны произойти. Выбор уже сделан.

— Бунт, раз-зумеется, славное дело, — прогудел Вельзевул. — Но порой бунт просто невоз-возможен. Ты долж-жен понять!

— Я вовсе не собираюсь бунтовать, — сказал Адам рассудительным тоном. — Я лишь выясняю, что

к чему. Мне кажется, вы не порицаете людей за то, что они пытаются выяснить, что к чему. И мне кажется, было бы намного лучше не затевать борьбу, а просто посмотреть, что люди станут делать. Если вы перестанете мешать им, то они, возможно, найдут правильные решения и перестанут портить собственный мир. Я не говорю, что они обязательно так и сделают, — добросовестно добавил он. — Но у них будет такая возможность.

— Чепуха, — сказал Мегатрон. — Ты не можешь противоречить Великому Замыслу. Тебе следует подумать. Это заложено в твоих генах. Подумай.

Адам нерешительно помедлил.

Его темная затаенная сущность все время была готова вырваться наружу, ее пронзительный шепот кричал: да, так и есть, именно такова твоя судьба, ты должен следовать Замыслу, ведь ты часть его...

Денек выдался не из легких. Адам устал. Спасение мира — слишком тяжелая работа для юного одиннадцатилетнего организма.

Кроули обхватил голову руками.

— На мгновение, всего лишь на миг мне поверилось, что у нас есть шанс, — сказал он. — Он растрогал их. О да, все шло прекрасно, пока...

Он заметил, что Азирафаэль выступил вперед.

— Извините меня, — сказал ангел.

Троица взглянула на него.

— Вы говорили о Великом замысле, — сказал он, — значит, вероятно, вы имели в виду непостижимый замысел, не так ли?

— Это Высший Замысел, — после короткого раздумья категорически заявил Мегатрон. — И вам это

прекрасно известно. Миру отпущено шесть тысячелетий, и он завершится...

— Да, да, все верно, это именно Высший замысел. — Азирафаэль говорил вежливо и почтительно, но всем своим видом напоминал участника политического заседания, который собирается задавать щекотливые и нежелательные вопросы и не намерен умолкать, пока не услышит удовлетворительного ответа. — Я просто спрашиваю, остался ли он непознаваемым. Мне лишь хочется прояснить данный момент.

— Не имеет значения! — поспешно воскликнул Метатрон. — Разумеется, все осталось как прежде!

«Разумеется?» — подумал Кроули. Значит, они ничего не знают наверняка. На губах его заиграла дурацкая улыбочка.

— Иными словами, у вас нет полнейшей уверенности по данному вопросу? — продолжал Азирафаэль.

— Нам не дано постичь непознаваемый замысел, — сказал Метатрон, — но, безусловно...

— Однако этот Великий замысел может быть лишь крошечной частью всеобъемлющей непостижимости, — вставил Кроули. — Вы не можете быть уверены в том, что все эти события не является единственно верными с определенной непознаваемой точки зрения.

— Так предначертано! — взревел Вельзевул.

— Но, возможно, в другом месте будет начертано совершенно другое, — возразил Кроули. — Только об этом вам пока неизвестно.

— Большими буквами, — сказал Азирафаэль.

— Написано и подчеркнуто, — добавил Кроули.

— Двойной чертой, — предположил Азирафаэль.

— Может быть, испытание предназначено не только для мира, — сказал Кроули. — Возможно, испытание должны пройти и небожители? М-м? Интересная мысль?

— Господь никогда не разыгрывает Своих преданных слуг, — возразил Метатрон, но голос его звучал встревоженно.

— Ой ли, — сказал Кроули. — Так уж никогда и не разыгрывал?

Взгляды всех собравшихся вдруг устремились на Адама. Он, казалось, очень старательно обдумывал все услышанное.

Затем он сказал:

— Я не понимаю, почему так важно, что там написано. Даже если речь идет о людях. Ведь можно вычеркнуть одно и написать другое.

Легкий ветерок пронесся над авиабазой. Собравшиеся в небе воинства подернулись рябью, подобно миражу.

Наступил момент такой тишины, которая, возможно, была за день до Сотворения.

Адам стоял, с улыбкой глядя на представителей двух миров, — хрупкая фигурка, уверенно балансирующая между Небесами и Адом.

Кроули подхватил Азирафаэля под руку.

— Ты представляешь, что произошло? — взволнованно зашипел он. — Его предоставили самому себе! И он вырос человеком! Он не стал воплощением Зла или воплощением Добра, он стал просто... воплощением *человека*...

И тут.

— Я полагаю, — сказал Метатрон, — что мне необходимо получить дальнейшие указания.

— Мне тож-ж-же, — сказал Вельзевул. Его ярость выплеснулась на Кроули. — И я доложу о твоём участии, уж можешь мне поверить. — Он полыхнул свирепым взглядом на Адама. — И я даже не представляю, что скажет твой Отец...

В этот момент раздался оглушительный взрыв. Шедвелл, который уже несколько минут пребывал в жутком возбуждении, наконец совладал с собой настолько, что его дрожащие пальцы сумели спустить курок.

Дробь пролетела рядом с тем местом, где стоял Вельзевул. Шедвелл так никогда и не узнал, как ему повезло, что он промахнулся.

Небесный свод покачнулся и стал просто небом. Клубившиеся в вышине облака начали распутываться и растворяться.

Молчание нарушила мадам Трейси.

— Странные какие-то, — сказала она.

На самом деле она вовсе не имела в виду «Странные какие-то»; вероятно, она подразумевала, что ее впечатления может выразить разве что ужасный вопль, но человеческий мозг обладает поразительной способностью к восстановлению, и слова «Странные какие-то» стали частью быстрого целительного процесса. Через полчаса она уже считала, что просто выпила лишнего.

— Теперь уже все, как ты думаешь? — спросил Азирафаэль.

Кроули пожал плечами.

— Не для нас, к сожалению.

— Я не думаю, что у вас есть основания для тревоги, — авторитетно успокоил их Адам. — Мне все известно о вас двоих. Не переживайте.

Он посмотрел на Этих, которые стойко выдержали последнее испытание. И, поразмышляв слегка, он сказал:

— По тем или иным причинам последнее время в мире творилось слишком много беспорядков и неприятностей. Но мне кажется, все будут намного счастливее, если о них удастся забыть. Не то чтобы совсем забыть, просто сохранившиеся воспоминания будут смутными. И тогда мы сможем спокойно разойтись по домам.

— Но ты не можешь оставить все как есть! — проталкиваясь вперед, воскликнула Анафема. — Подумай о том, на что ты способен! О добрых делах.

— Каких это, например? — подозрительно поинтересовался Адам.

— Ну... для начала ты мог бы восстановить численность китов.

Он склонил голову набок.

— А разве это остановит китобоев?

Она задумалась. Было бы так приятно дать утвердительный ответ.

— А если люди опять начнут убивать их, как ты попросишь меня поступить с ними? — сказал Адам. — Нет. Я считаю, что успел кое-чему научиться. Однажды я уже попытался вмешаться, но понял, что мое вмешательство ничего не изменит. Мне кажется, что люди сами должны понять, что если они убьют кита, то получают мертвого кита. Вот единственное разумное решение этой проблемы.

— Это очень ответственная позиция, — заметил Ньют.

Адам приподнял брови.

— Это просто разумно, — сказал он.

Азирафаэль похлопал Кроули по спине.

— Похоже, мы выжили, — сказал он. — Только представь, как ужасно было бы, окажись мы всезнающими.

— Гм, — с сомнением сказал Кроули

— Твоя машина в исправном состоянии?

— По-моему, с ней придется изрядно поработать, — признался Кроули.

— Я подумал, что мы могли бы подбросить этих добрых людей до города, — сказал Азирафаэль. — К тому же я в долгу перед мадам Трейси, она меня потчевала чаем. И перед ее кавалером, конечно.

Шедвелл глянул на него через плечо и перевел взгляд на мадам Трейси.

— О чем это он толкует? — спросил он, глядя в ее торжествующее лицо.

Адам воссоединился с Этими.

— Я думаю, нам давно пора по домам, — сказал он.

— Но что тут произошло на самом деле? — спросила Пеппер. — Вся эта игра была такой...

— Это уже не имеет никакого значения, — сказал Адам.

— Но ты можешь принести так много пользы... — начала было Анафема, когда Эти направились к велосипедам. Ньют мягко удержал ее за руку.

— Вряд ли это хорошая мысль, — сказал он. — Завтра наступит первый день остатка нашей жизни.

— А ты знаешь, — сказала она, — что из всех банальностей эту я ненавижу больше всех?

— А по-моему, здорово сказано, — радостно возразил Ньют.

— Зачем на дверце твоей машины красуется надпись «Дик Турпин»?

— Просто так, ради шутки, — сказал Ньют.

— Ради шутки?

— Ну ведь Дик Турпин разбойничал на больших дорогах, и я тоже, куда бы ни поехал, везде обеспечивал либо пробки, либо аварии, — печально пробормотал он.

Кроули хмуро взглянул на систему управления джипа.

— Мне жаль твой «Бентли», — сказал Азирафаэль. — Я знаю, как ты любил его. Может, если ты попытаешься сконцентрироваться...

— Он будет уже не тот, — сказал Кроули.

— Наверное, ты прав.

— Ты же помнишь, я купил его совсем новеньким. Он стал для меня не автомобилем, а скорее чем-то вроде очень удобной перчатки для тела.

Он приняхался.

— Что-то горит? — спросил он.

Порыв ветра на мгновение взметнул пыль. Воздух, ставший вдруг горячим и тягучим, как сироп, начал засасывать всех, точно мух.

Обернувшись, Кроули увидел окаменевшее от ужаса лицо Азирафаэля.

— Но ведь все закончилось, — сказал он. — Сейчас уже ничего не должно случиться! Наше... наше противостояние, подходящий момент или время... осталось в прошлом! Все закончено!

Земля содрогнулась. Казалось, где-то поблизости с грохотом проносится поезд метро, но только не тот, что проходит под землей. А тот, что выскакивает на поверхность.

Кроули в безумной спешке разбирался с системой включения джипа.

— Это уже не Вельзевул! — крикнул он, перекрывая свистящий шум ветра. — Это уже *Сам*. Его Отец! Но Армагеддона не будет, скорее у Него есть личные счета. Да заводись же ты, чертова тачка!

Под ногами Анафемы и Ньюта задрожала земля, подбрасывая их на волнах вздыбившегося бетона. Из трещин вырывался желтоватый дым.

— Неужели проснулся подземный вулкан?! — воскликнул Ньют. — Ты чувствуешь, что происходит?

— Ясно одно, там кипят какие-то страсти, — сказала Анафема.

Сидя в джипе, Кроули извергал проклятья. Азирафаэль положил руку ему на плечо.

— Здесь есть еще люди, — напомнил он.

— Да, — сказал Кроули. — И я.

— Я хочу сказать, мы должны помочь им выбраться отсюда.

— Что ж... — начал Кроули и запнулся.

— Ведь если подумать, то мы успели доставить им достаточно неприятностей. И ты, и я. За все это время. Что с одной стороны, что с другой.

— Мы просто выполняли свою работу, — буркнул Кроули.

— Да. Ну и что хорошего? Много кто из людей просто выполнял свою работу, а посмотри, сколько бед они натворили.

— Не хочешь же ты сказать, что нам действительно следует попытаться остановить *Его*?

— А что мы, собственно говоря, теряем?

Кроули попытался возразить и понял, что ему нечего сказать. Он и правда уже потерял все, что можно; больше нечего. Он уже испытал все самое худ-

шее, и хуже ему уже все равно не будет. Он испытал, наконец, ощущение свободы.

Он вновь пошуровал под сиденьем и обнаружил какой-то стальной ломик. Вряд ли он поможет, но все-таки хоть какое-то подобие оружия. В сущности, перед Сатаной опаснее предстать с настоящим оружием. А с таким инструментом еще остается какая-то надежда на благоприятный исход.

Азирафаэль подобрал меч, выпавший из рук Войны, и задумчиво прикинул его тяжесть.

— О Господи, как же давно я не держал его в руках, — пробормотал он.

— Около шести тысячелетий, — подсказал Кроули.

— Да, подумать только... — сказал ангел. — Какие времена были. Добрые и старые.

— Не преувеличивай, — сказал Кроули. Шум все нарастал.

— В те дни люди понимали разницу между добром и злом, — мечтательно произнес Азирафаэль.

— Ну, допустим. А если подумать...

— А. Да. Слишком много путаницы вокруг!

— Вот именно.

Азирафаэль поднял меч. Раздался тихий хлопок, и меч воспламенился, словно вспыхнувший магний.

— Однажды научился, никогда не разучишься, — сказал он и с улыбкой взглянул на Кроули. — И еще мне хотелось сказать тебе, — добавил Азирафаэль, — на случай, если мы не выберемся из этой передраги... я всегда буду знать, что в сокровенных недрах твоей души есть искра добра.

— Ой, спасибо, — с горечью ответил Кроули. — Ой, утешил.

Азирафаэль протянул руку.

— Я рад нашему знакомству, — сказал он.

Кроули пожал ее.

— Ну, до следующего раза, — сказал он. — И... знаешь еще что, Азирафаэль...

— Что?

— Просто запомни, что я всегда буду знать — в сокровенных недрах твоей души ты в достаточной степени сволочь, чтобы стать достойным любви.

Послышался звук шаркающих шагов, и между ними встряла маленькая, но энергичная фигура Шедвелла, который решительно взмахнул своим Пугачом.

— Я не доверил бы вам, парочке южных гомиков, убить даже хромую крысу в бочке, — сказал он. — С кем мы теперь сражаемся?

— С Дьяволом, — просто сказал Азирафаэль.

Шедвелл спокойно кивнул, словно ожидал такого ответа, бросил ружье и снял шляпу, обнажив крепкий лоб, который знали и боялись все драчуны на улицах.

— Так я и понял, — сказал он. — Что ж, придется потряхнуть стариной и заняться *рукоприкладством*.

Ньют и Анафема смотрели, как эта странная троица неуверенно удаляется от джипа. Шедвелл шел между демоном и ангелом, а все вместе они напоминали стилизованную букву «W».

— Что же такое они задумали? — сказал Ньют. — И что это происходит... погляди-ка, *что же это с ними происходит?*

Одежды Азирафаэля и Кроули разошлись по швам. Уж если решаться на такое дело, так нужно идти в истинном обличье. Расправленные крылья поднялись к небесам.

Вопреки распространенному мнению, крылья демонов такие же, как крылья ангелов, только более ухоженные.

— Шедвелл не должен идти с ними! — сказал Ньют, пошатываясь от сотрясений земли.

— Что это еще за Шедвелл?

— Он мой серж... да вон тот замечательный старикан, хоть ты и ни за что не поверишь... но мне придется помочь ему!

— Помочь ему? — воскликнула Анафема.

— Я дал клятву и все такое, — нерешительно добавил Ньют. — В общем, нечто вроде присяги. А он выдал мне авансом месячное довольствие!

— А кто же тогда двое других? Друзья твоего... — начала Анафема и умолкла. Азирафаэль сделал полуповорот и закончил свое превращение.

— Я знаю, где я видела его раньше! — воскликнула она, цепляясь за Ньюта, поскольку земля ходила ходуном. — Держись!

— Но, по-моему, сейчас произойдет нечто ужасное!

— Если он угробил мою Книгу, тогда ты чертовски прав!

Ньют ощупал свой лацкан и нашел ведьмовскую булавку. Он понятия не имел, с чем им предстоит столкнуться на сей раз, но булавка была его единственным оружием.

Они побежали...

Адам оглянулся кругом. Посмотрел под ноги.

На его лице появилось точно рассчитанное выражение невинности.

Противостояние закончилось через мгновение.
Ведь Адам был на своей собственной земле.
Окончательно и бесповоротно на своей собствен-
ной земле.

Он взмахнул рукой
и очертил ею расплывчатый
полукруг.

...Азирафаэль и Кроули почувствовали, как мир
меняется.

Грохот затих. Трещины на земле пропали, лишь
в месте зарождения сатанинского вулкана еще вился
исчезающий дымок. А потом в вечернем затишье по-
слышался шум двигателя тормозившей машины.

Это был старенький, но хорошо сохранившийся
автомобиль, хотя за ним ухаживали не по методу
Кроули, у которого все недостатки устранялись сами
собой. Эта же машина выглядела так потому, что —
как вы могли интуитивно догадаться — ее владелец
в течение двух десятков лет исправно и еженедель-
но, каждые выходные, выполнял все действия, пред-
писанные инструкцией. Перед каждой поездкой он
обходил вокруг машины, проверяя фары и пересчи-
тывая колеса. Глубокомысленные усахи, покуривая
трубки, писали глубокомысленные указания отно-
сительно того, что должно быть сделано, и поэтому
он так и делал, ведь он и сам был глубокомысленным
усачом с трубкой и не мог относиться к таким пред-
писаниям легкомысленно, поскольку в ином случае
неизвестно, куда можно докатиться... Он всегда ука-
зывал верную сумму в страховом полисе. Недоби-

рал три мили до предельной разрешенной скорости, а точнее, всегда ездил медленнее сорока миль в час, какой бы ни была разрешенная скорость. И он всегда носил галстук, даже по субботам.

Еще Архимед говорил, что, будь у него достаточно мощный рычаг и надежная точка опоры, он смог бы перевернуть мир.

В качестве надежной точки опоры он мог бы выбрать мистера Янга.

Дверца открылась, и мистер Янг вышел из машины.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Адам? Адам!

Но Эти уже мчались к воротам.

Мистер Янг взглянул на потрясенную компанию. У Кроули и Азирафаэля, по крайней мере, осталось достаточно самообладания, чтобы закрыться своими крыльями.

— Что еще он здесь натворил? — выдавил он, не особенно рассчитывая получить ответ. — Куда этот мальчишка опять помчался? Адам! Вернись сейчас же!

Адам редко поступал так, как хотел его отец.

Сержант Томас А. Дизенбургер открыл глаза. Его удивило лишь то, что окружающая обстановка оказалась очень знакомой. На стене висела его школьная фотография, в его зубной кружке вместе с зубной щеткой стоял американский звездно-полосатый флажок, и даже его плюшевый медвежонок сидел в той же игрушечной одежде. Раннее послеполуденное солнце заливало окно его спальни.

Томас почуял аромат яблочного пирога. По домашнему пирогу он больше всего скучал, проводя длинные субботние вечера вдали от дома.

Он спустился по лестнице.

Его мама стояла у плиты и вынимала из духовки большой яблочный пирог, чтобы остудить его.

— Привет, Томми, — сказала она. — Я думала, ты в Англии.

— Верно, мам, вообще-то я в Англии, мам, защищаю демократию, мам, сэр, — путано произнес Томас А. Дизенбургер.

— Отлично, дружок, — сказала его мать. — Твой папа внизу, на Большом Поле, с Честером и Тедом. Они будут рады видеть тебя.

Сержант Томас А. Дизенбургер кивнул.

Он стянул с головы шлем военного образца, снял форменную куртку и закатал рукава форменной рубашки. Сейчас он выглядел более задумчивым, чем когда-либо в жизни. Его мысли отчасти занимал яблочный пирог.

— Мам, если у какого-то производства возникнет предпосылка войти в телефонный контакт с сержантом Томасом А. Дизенбургером, мам, сэр, то данный индивидуум будет...

— Прости, Томми, не поняла тебя?

Том Дизенбургер повесил свое оружие на стену, поверх старой, заслуженной отцовской винтовки.

— Я говорю, если кто позвонит, мам, я внизу, на Большом Поле, с папой, Честером и Тедом.

К воротам авиабазы медленно подкатил пикап. Он остановился. Охранник ночной смены выглянул в окошко, проверил документы водителя и махнул ему, чтобы проезжал.

Пикап запетлял по бетонке.

Он припарковался на предангарной забетонированной площадке в начале взлетно-посадочной полосы, поблизости от которой сидели два типа, распивая бутылку вина. Один из них был в черных очках. Как ни странно, никто из персонала базы не обращал на них ни малейшего внимания.

— Так ты говоришь, — сказал Кроули, — что Он именно так все и задумал? С самого начала?

Азирафаэль добросовестно протер горлышко бутылки и вернул ее собеседнику.

— Может быть, так и задумал, — сказал он. — Может быть. Ну, я полагаю, всегда можно Его спросить.

— Судя по моим воспоминаниям, — задумчиво произнес Кроули, — а мы с Ним никогда не были, как ты мог бы сказать, в приятельских отношениях... Он точно не склонен прямо отвечать на вопросы. По существу, по существу, Он и вовсе на них не отвечал. Он просто *улыбался*, как будто знал нечто, тебе неизвестное.

— Ну естественно, так оно и есть, — сказал ангел. — А иначе какой же смысл?

В наступившей тишине оба существа задумчиво и отстраненно смотрели вдаль, словно вспоминали события, о которых не думали уже очень давно.

Водитель вышел из пикапа, держа в руках картонную коробку и щипцы.

На площадке лежали весы и потускневшая металлическая корона. Мужчина поднял их щипцами и поместил в коробку.

Затем он подошел к парочке с бутылкой.

— Извините меня, господа, — сказал он, — но где-то здесь вроде бы положено быть еще и мечу, по

крайней мере так написано в моей накладной, и мне хотелось бы знать...

Азирафаэль выглядел смущенным. Слегка озадаченный, он рассеянно оглядел землю вокруг себя, затем встал и обнаружил, что последние полчаса или около того он просидел на этом самом мече. Наклонившись, он поднял оружие.

— Простите, — извинился он и положил меч в коробку.

Водитель пикапа, носивший фуражку с эмблемой «Международной экспресс-почты», сказал «Ничего-ничего» и порадовался тому, что встретил здесь такую любезную парочку, — они были для него настоящей находкой, поскольку кто-то ведь должен поставить свою подпись, засвидетельствовав, что он, согласно инструкции, собрал то, за чем его посылали. Тот еще денек, не правда ли?

И Азирафаэль, и Кроули согласились с его мнением, и Азирафаэль расписался в блокноте, засвидетельствовав, что корона, весы и меч собраны должным образом и в исправном состоянии для доставки по неразборчиво написанному адресу, с оплатой по счету со смазанным номером.

Шофер направился обратно к грузовичку. На полдороге он остановился и обернулся.

— Если бы я рассказал жене, что случилось со мной сегодня, — с легкой грустью сказал он им, — она ни за что бы мне не поверила. И я не стал бы ее обвинять, поскольку я сам не могу в это поверить. — Он забрался в свой пикап и укатил.

Кроули поднялся, слегка пошатываясь. Он протянул руку Азирафаэлю.

— Вставай, — сказал он. — Я отвезу нас в Лондон.

Он решил позаимствовать джип. Никто их не задержал.

В машине имелся кассетный магнитофон. Вообще-то для военного транспорта — даже для американского — это редкость. Однако Кроули садился за руль, будучи уверенным, что в машине, на которой он едет, непременно должен быть магнитофон, — и поэтому через пару секунд он появился.

Уже по пути к Лондону он вставил в магнитофон кассету с этикеткой: «Гендель. «Музыка на воде», и всю дорогу магнитофон играл им «Музыку на воде» Генделя.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Первый день остатка их жизни

Примерно в половине одиннадцатого разносчик доставил воскресные газеты к входной двери Жасминового коттеджа. Ему пришлось возвращаться сюда трижды.

Глухие удары по половику разбудили Ньютона Пульцифера.

Он не стал будить Анафему. Ей, бедняжке, вчера изрядно досталось. Когда Ньют укладывал ее спать, мысли ее были почти бессвязными. Она жила согласно Пророчествам, а теперь Пророчеств больше не осталось. Должно быть, она испытывала растерянность, подобно поезду, которому надо ехать дальше, а рельсы впереди еще не проложены.

С сегодняшнего дня ей, как и всем обычным людям, придется идти по жизни, с удивлением воспринимая все приходящее. Какое счастье.

Зазвонил телефон.

Ньют бросился на кухню и схватил трубку на втором звонке.

— Алло? — сказал он.

В трубке заверещал чей-то неестественно дружеский голос с оттенком отчаяния.

— Нет, — сказал он, — это не я. И здесь нет никаких Гажетов, есть Гаджет. Но она еще спит. В об-

щем, — сказал он, — я более чем уверен, что ей не нужна никакая облегченная кладка. И стеклопакеты также. Да поймите же, что этот коттедж ей не принадлежит. Она просто арендовала его. Нет, я не стану ее будить, — отрезал он. — И скажите мне, мисс, э-э... верно, мисс Морроу, почему бы вам не отдыхать по воскресеньям, как это делают все нормальные люди? Вот именно, *воскресенье*, — подчеркнул он. — Разумеется, не суббота. С чего вы взяли, что сегодня суббота? Суббота была вчера. А сегодня день заслуженного отдыха, воскресенье, я не шучу. Что значит у вас потерялся день? Я лично ничего не терял. Мне кажется, что вы чересчур увлеклись своей торговлей... Алло?

Он с недовольным ворчанием положил трубку.

Ох уж эти телефонные торговцы! Вероятно, у них там произошла ужасная путаница.

На какую-то секунду его вдруг одолело сомнение. Ведь уже наступило воскресенье, верно? Вид воскресных газет вернул ему уверенность. Если воскресная «Таймс» сообщает, что сегодня воскресенье, то можно не сомневаться, что редакция тщательно исследовала этот вопрос. А вчера, следовательно, была суббота, и он в жизни не забудет эту субботу, если только сможет вспомнить, что же именно он не сможет забыть.

Заметив, что он оказался на кухне, Ньют решил приготовить завтрак.

Стараясь никого не разбудить, он обследовал кухонное хозяйство как можно тише, но обнаружил, что все, к чему бы он ни прикоснулся, издает оглушительные звуки. Дверца старого холодильника закрывалась с грохотом, подобным трубному гласу.

Струйка сочилась из водопроводного крана, точно у суслика с энурезом, а шуму от него было как от гейзера. К тому же он не смог найти, где что лежит. В итоге, как любой человек, которому когда-либо от начала времен приходилось самостоятельно готовить себе завтрак в чужой кухне, он попросту залил кипятком черный растворимый кофе без сахара¹.

На кухонном столе лежал некий предмет, напоминавший сильно подгоревший, обтянутый кожей спрессованный угольный брикет. На обугленной обложке можно было различить лишь несколько букв: «Превос... да Недвус...» Каждый день приносит свои сюрпризы, подумал он. Последний превратил этот древний справочник в обычный брикет для барбекю.

И все-таки. Как же она оказалась у них? Ему припомнился пропахший дымом человек, даже в темноте не снимавший черных очков. Вспоминались и другие... мальчишки на велосипедах... какое-то

¹ Исключение составлял Джованни Джакопо Казанова (1725–1798), знаменитый ловелас и литератор, который в двенадцатом томе своих «Мемуаров» между прочим признался, что он всегда возил с собой небольшой саквояж, содержащий: «Буханку хлеба, банку лучшего севильского джема, нож, вилку и маленькую чайную ложку, пару сырых яиц, заботливо завернутых в шерсть, помидор, или яблоко любви, сковородочку, кастрюлечку, спиртовую горелку, жаровню, жестянку с подсоленным маслом по-итальянски и две тарелки отличного английского фарфора. А также сотовый мед, дабы подслащать мою жизнь и мой кофе. Надеюсь, мои читатели поймут меня, если я скажу им всем: истинный джентльмен всегда обеспечит себя всем необходимым для приготовления джентльменского завтрака везде, куда бы ни забросила его судьба».

неприятное гудение... чье-то грязное личико, вставшие дыбом волосы... Все обрывки вчерашних событий кружились в его голове, подернутые дымкой забвения, но тем не менее навеки отложившиеся в укромном уголке памяти, смутным воспоминанием о небывалой истории¹. Пожалуй, тут сам черт не разберется...

Он сидел, вперив глаза в стену, пока стук в дверь не вернул его на землю.

На ступеньках крыльца стоял энергичный коротышка в черном плаще. Держа в руках картонную коробку, он радостно улыбнулся Ньюту.

— Мистер... — он сверился в квитанцией в другой руке. — Пульцифер.

— Пульцифер, — уточнил Ньют, — не через «з», а через «ц».

— Простите, мне очень жаль, — извинился человек. — Не мог знать, как она произносится. Э-э. Что ж, итак. Насколько я понимаю, эта посылка для вас и миссис Пульцифер.

¹ А еще ему, кстати, вспомнился «Дик Турпин». Его старый «Васаби» выглядел таким же, как прежде, за исключением того, что отныне ему хватало одного галлона бензина на 250 миль, ход его стал тихим-тихим (нужно было приложиться ртом к выхлопной трубе, если вы желали убедиться, что мотор работает), а синтезированный голос излагал предупреждения в виде изысканных хокку, исключительно оригинальных и вполне уместных...

*Падают лепестки.
Глупец! Позволь же ремню
Защитить тело.*

...мог он, к примеру, сказать. Или:

*Пал вишневый цвет
Здесь, на голую землю.
Залей-ка бензин.*

Ньют озадаченно глянул на него.

— Здесь нет никакой миссис Пульцифер, — сухо сказал он.

Мужчина стащил с головы котелок.

— Мои соболезнования, — сказал он.

— Я хотел сказать... Есть, конечно, моя мама, — сказал Ньют. — Но она не умерла, просто она живет в Доркинге. А я не женат.

— Как странно. Оставленное нам письмо вполне недвусмысленно утверждает...

— Кому это «нам»? — спросил Ньют. Он стоял в одних брюках, а на крыльце было довольно прохладно.

С трудом уравновесив посылку на одной руке, мужчина выудил из внутреннего кармана визитную карточку. Он протянул ее Ньюту.

Она гласила:

Джайлс Баддикомб

Грабби, Грабби, Панекер и Случайс

Адвокаты

Демдайк-Чемберс, 13

ПРЕСТОН

— Итак? — вежливо сказал он. — Что же я могу сделать для вас, мистер Баддикомб?

— Можете пригласить меня войти, — сказал мистер Баддикомб.

— Надеюсь, вы не намерены вручить мне какой-нибудь ордер? — спросил Ньют. События прошлого вечера маячили в его голове подобно туману, из которого постоянно проступали изменчивые образы,

никак не желавшие складываться в четкую картинку, но Ньют смутно припоминал какие-то испорченные вещи и потому ожидал возмездия в той или иной форме.

— Нет, — сказал мистер Баддикомб, слегка обиженно взглянув на него. — Для таких поручений у нас есть другие люди.

Пройдя мимо Ньюта, он поставил посылку на стол.

— Честно говоря, — заметил он, — мы все очень заинтересовались этим делом. Мистер Случайс хотел лично приехать сюда, но в последнее время он плохо переносит дороги.

— Послушайте, — сказал Ньют. — Я не имею ни малейшего представления, о чем вы толкуете.

— Вот, — сказал мистер Баддикомб, пододвигая посылку к Ньюту и сияя, как Азирафаэль в роли фокусника. — Это вам. Некто оставил указание вручить это вам. Исключительно загадочная история.

— Какой-то подарок? — удивился Ньют. Он взглянул на аккуратно завязанную коробку и порывлся в ящике кухонного стола в поисках острого ножа.

— Мне думается, скорее некое наследство, — предположил мистер Баддикомб. — Видите ли, мы хранили его в течение трех столетий. Простите. Неужели я проговорился? Мне следовало держать это в тайне.

— Да о чем, черт возьми, вы твердите? — спросил Ньют, у которого появилось леденящее душу подозрение. Он высосал кровь из ранки.

— Это забавная история — не возражаете, если я присяду? — и мне, конечно, известны далеко не

все подробности, поскольку я работаю в этой фирме всего пятнадцать лет, однако...

...В давние времена данный сундучок предусмотрительно доставили в маленькую юридическую контору; предприятие Панекера, Случайса и обоих Грабби — оставим в покое мистера Баддикомба — ожидало большое будущее, а вернее, долговременное существование. Старательный конторский служащий, ответственный за прием заказов, удивился, обнаружив, что на крышке обвязанного бечевкой сундучка имеется адресованное ему письмо.

В нем содержались определенные указания и описание пяти интересных эпизодов из истории будущих десяти лет, которые при правильном их использовании сообразительным молодым человеком могли бы принести изрядный доход для обеспечения крайне успешной юридической карьеры.

Ему лишь нужно было проследить за тем, чтобы эту посылку тщательно хранили в течение трехсот с небольшим лет, а потом доставили по известному адресу...

— ...разумеется, за эти столетия наша контора много раз переходила из рук в руки, — продолжал мистер Баддикомб. — Однако посылка неизменно составляла, в некотором роде, часть ее имущества.

— А я и не знал, что в семнадцатом веке уже производили детское питание «Хайнц-бэби», — сказал Ньют.

— Нет, мы просто положили сундучок в коробку, чтобы не повредить по дороге, — пояснил мистер Баддикомб.

— И за все это время никто ни разу не открыл сундук? — спросил Ньют.

— Открывали дважды, насколько мне известно, — сказал мистер Баддикомб. — В 1757 году в него заглянул мистер Джордж Кранби, а в 1928 — мистер Артур Случайс, отец ныне здравствующего мистера Случайса. — Он кашлянул. — Очевидно, мистер Кранби обнаружил там письмо...

— ...адресованное лично ему, — закончил Ньют.

Мистер Баддикомб резко откинулся назад.

— Подумать только. Как вы догадались?

— Мне кажется, я узнаю этот стиль, — уныло сказал Ньют. — И что же с ними произошло?

— Вы, наверное, уже слышали об этом раньше? — с подозрением сказал мистер Баддикомб.

— В каком-то смысле. Они, часом, не взорвались?

— М-да... Полагают, что у мистера Кранби случился сердечный приступ. А мистер Случайс смертельно побледнел, положил письмо обратно в конверт и, насколько я понял, отдал строжайший приказ, запретив открывать эту посылку, пока он жив. Он сказал, что открывший этот сундучок будет уволен без рекомендаций.

— Страшная угроза, — саркастически бросил Ньют.

— Дело было в 1928 году. Во всяком случае, их письма по-прежнему лежат в сундучке.

Ньют открыл картонную коробку.

Внутри оказался окованный железом сундучок. Простой сундучок без всяких запоров.

— Давайте же, поднимайте крышку, — взволнованно сказал мистер Баддикомб. — Должен при-

знаться, мне не терпится узнать, что там. Мы в конторе даже заключили пари...

— Я сообщу вам, что там, — великодушно сказал Ньют. — Вот только приготовлю нам по чашечке кофе, и вы сами сможете открыть коробку.

— Я? Но будет ли это законно?

— Не понимаю, что тут незаконного.

Ньют присмотрелся к висевшим над плитой кастрюлям. Одна из них была достаточно вместительной для того, что он задумал.

— Ну давайте же, — сказал он. — Поработайте за двоих. Я не возражаю. Вы же... вы же имеете какие-то права как представитель адвокатской фирмы.

Мистер Баддикомб снял пальто.

— Ну ладно, — сказал он, потирая руки, — раз уж вы так просите... надеюсь, мне будет что рассказать внукам.

Ньют снял кастрюлю и мягко положил руку на дверную ручку.

— Я надеюсь, — сказал он.

— Так, открываем.

Ньют услышал тихий скрип.

— Ну что там? — спросил он.

— Здесь два вскрытых письма и... о, третье... адресованное...

Ньют услышал, как хрустнула восковая печать и что-то звякнуло об стол. Чуть погодя послышался сдавленный вздох, грохот упавшего стула, и топот бегущих ног, а потом хлопнула входная дверь и взревел мотор машины, уносящейся прочь на предельной скорости.

Ньют снял кастрюлю с головы и вышел из своего укрытия.

Он взял в руки письмо и абсолютно не удивился, прочитав, что оно адресовано мистеру Д. Баддикомбу. Он развернул послание.

В письме говорилось:

«Получи флорин за доставку, законник, да уноси ноги быстрее, покуда мир не познал правду о тебе и содержанке твоей Спиддон, прислуги на все руки, коя стучит по буквопечатательной штуковине».

Ньют взглянул на другие письма. Похрустывающее послание, обращенное к Джорджу Кранби, предупреждало: «Убери свои воровские лапы, господин Кранби. Или я всем поведаю, как ты надул вдову Плашкин в Михайлов день, и все познают, какой ты скаредный и чванный охотник до клубнички».

Ньюта заинтересовало, при чем тут клубничка. Он был готов поклясться, что речь шла не о ягодах.

В том послании, что ожидало любопытствующего мистера Случайса, говорилось: «Ты бросил их, ты — трус. Клади письмо обратно в сундучок, иначе мир познает правду о виновнике несчастий 7 июня 1916 года».

Под письмами лежал некий манускрипт. Ньют пристально взглянул на него.

— Что там у тебя? — спросила Анафема.

Он обернулся. Она стояла, прислонившись к дверной раме, и соблазнительно зевнула, потягиваясь.

Ньют присел на край стола.

— О, ерунда. Ошиблись адресом. Ничего особенного. Просто какой-то старый ящик. Одна макулатура, реклама всякая. Ты же знаешь, сколько..

— В воскресенье? — удивилась она, отодвигая его в сторону.

Он пожал плечами, когда она взяла в руки пожелтевший манускрипт и подняла его к глазам.

— «Дальнейшие Превосходные да Недвусмысленные Пророчества Агнессы Псих, — медленно прочитала она. — Касаемо Мира Грядущего. Сага прададжаица!» О Господи...

Она с благоговением положила манускрипт на стол и приготовилась открыть первую страницу.

Ньют мягко накрыл ее руки своей.

— Подумай о последствиях, — тихо сказал он. — Ты хочешь всю оставшуюся жизнь разбираться в этом наследстве?

Она посмотрела на него. Их глаза встретились.

Наступило воскресенье. Первое утро оставшегося в живых мира приближалось к полудню.

Жизнь парка Сент-Джеймс протекала относительно спокойно. Утки, будучи знатоками политических реалий в аспекте хлебных корок, отметили заметное ослабление международной напряженности. По правде говоря, напряжение в мире действительно ослабло, однако множество людей трудились в поте лица, пытаясь выяснить, почему и куда пропала Атлантида вместе с тремя международными исследовательскими делегациями, а уйма специалистов ломала голову на том, что же случилось вчера со всеми компьютерами.

В пустынном парке маячило лишь несколько любителей прогулок, один сотрудник отдела M19, пытавшийся завербовать кого-то, кто, как выяснилось

позднее к их взаимному смущению, также оказался сотрудником М19, да высокий мужчина, пришедший покормить уток.

И там же прогуливались Кроули и Азирафаэль.

Они брели рядом по траве.

— У меня то же самое, — поддержал Азирафаэль. — В магазине все в порядке. Есть, конечно, следы копоты, но и только.

— Это понятно, но ведь невозможно сотворить некий старенький «Бентли», — сказал Кроули. — Невозможно воссоздать тот милый отпечаток старины. Однако это мой «Бентли», вне всякого сомнения. Появился на улице прямо под моими окнами. Ты не нашел бы ни малейшего отличия.

— Ну, у меня-то обнаружилась масса отличий, — заметил Азирафаэль, — Я уверен, что прежде на моих полках никогда не было книг с названиями типа «Приключения Бигглза на Марсе», «Джек Кэд, герой фронта», «101 увлекательное занятие для юных умельцев» или «Бродяги пиратского моря».

— Вот те на, очень жаль, — сказал Кроули, который отлично знал, как ангел дорожил своим книжным собранием.

— Не стоит, — радостно сказал Азирафаэль. — Зато все они новенькие, исключительно первоиздания, я нашел их в ценовом справочнике Скиндла. Говоря твоими словами, это скорее «ништяк».

— А я-то думал, что он воссоздает мир в точности таким, каким он был, — сказал Кроули.

— Воссоздает, — согласился Азирафаэль. — Более или менее. По мере возможности. Но у него есть чувство юмора.

Кроули скосил на взгляд на ангела.

— Твое начальство входило в контакт? — спросил он.

— Нет. А твое?

— Тоже нет.

— По-моему, они там делают вид, что ничего не случилось.

— Мои тоже, я полагаю. Канцелярская волокита нам на руку.

— И я думаю, что мои ждут, что произойдет дальше, — сказал Азирафаэль.

Кроули кивнул.

— Передышка, — сказал он. — Время для морального перевооружения. Укрепление позиций. Подготовка к главному сражению.

Они стояли на берегу пруда, поглядывая, как резво носятся утки за хлебными корками.

— Не понял? — сказал Азирафаэль. — Мне казалось, что главное сражение уже состоялось.

— Не уверен, — сказал Кроули. — Сам подумай. На мой взгляд, главная заварушка начнется, когда все Наши выступят против всех Этих.

— Что? Ты имеешь в виду, что Небеса объединятся с Адом против человечества?

Кроули пожал плечами.

— Конечно, раз уж он изменил все, то, возможно, и сам изменился. Может, избавился от своих безграничных способностей. Решил стать человеком.

— Будем надеяться, — сказал Азирафаэль. — И все-таки я уверен, что второй вариант не пройдет. Э-э. Неужели ты сомневаешься?

— Не знаю. Никогда нельзя быть уверенным относительно подлинных намерений. Планы внутри планов.

— Не понял?

— Неужели ты никогда не размышлял об этом? — сказал Кроули, который, бывало, предавался подобным размышлениям, пока ум не начинал заходить за разум. — Сам знаешь о чем... об ангелах и демонах, о Небесах и Преисподней, добре и зле, в общем, о такого рода понятиях? Ну, то есть — почему это все так произошло?..

— Насколько я помню, — чопорным тоном произнес ангел, — произошло восстание, и...

— Ах вот как! Но почему же оно произошло, а? Разве оно не *должно было* произойти? — сверкнув глазами, воскликнул Кроули. — Неужели тот, кто умудрился создать целую Вселенную за шесть дней, не предусмотрел, что может случиться такая неприятность? Может, и она была задумана?

— Скажешь тоже. Давай рассуждать разумно, — с сомнением сказал Азирафаэль.

— И ты полагаешь, это полезно? — сказал Кроули. — Совершенно бесполезно. Если ты попробуешь разумно подойти к этому вопросу, то придешь к самым странным выводам. К примеру: зачем было наделять людей любознательностью, а потом подсовывать им под нос некий запретный плод, да еще водружать на него неоновую рекламу с указующим перстом: «ВОТ ОНО»?

— Что-то я не помню никакого неона.

— Я выразился метафорически. Короче говоря, зачем так поступать, если ты на самом-то деле не хочешь, чтобы они попробовали этот плод, скажи на милость? То есть, может, конечно, ему просто захотелось посмотреть, что из этого получится.

Может, это тоже часть великого непостижимого замысла. Как и все сущее. Ты, я, он, весь мир. Может, всем устроено колоссальное испытание, чтобы проверить, исправно ли действует сотворенный мир, а? И приходишь к одному выводу: это не может быть космической шахматной партией; это, должно быть, исключительно хитроумный пасьянс. И не затрудняйся с ответом. Если бы мы постигли его, то уже не были бы сами собой. Поскольку это все... все...

— НЕПОСТИЖИМО, — произнес субъект, кормивший уток.

— Точно. Верно. Спасибо.

Они проводили взглядом высокого незнакомца, который аккуратно выбросил пустой пакет в урну и величаво удалился в глубину парка. Затем Кроули встряхнул головой.

— Так что я говорил?

— Не помню, — сказал Азирафаэль. — Но, по моему, ничего особенно важного.

Кроули уныло кивнул.

— Позволь мне искутить тебя ленчем, — прошелестел Кроули.

Они вновь отправились в «Ритц», где один столик таинственным образом оказался свободным. И возможно, удивительные явления последних дней косвенным образом положительно отразились на природе, поскольку, пока они закусывали, над Беркли-сквер впервые за все времена разносились веселые трели соловья.

Никто не расслышал его из-за шума городского транспорта, но трели, несомненно, звучали.

Час дня, воскресенье.

Последние десять лет воскресный ленч сержанта Армии ведьмоловов неизменно проходил по заведенному порядку. Обычно он сидел за расшатым, прожженным папиросами столом в своей комнате, просматривая одну из потрепанных старинных книг по магии и демонологии из армейской библиотеки¹ — «Некротелекомникон», или «*Liber Fulvarum Paginarum*», или его самую любимую книгу, «Молот ведьм» — «*Malleus Malleficarum*»².

Но вот раздавался стук в дверь, и мадам Трейси объявляла: «Мистер Шедвелл, ленч готов». Шедвелл ворчал себе под нос: «Бесстыдница!», потом выждал шестьдесят секунд, давая ей время вернуться восвояси, а затем открывал дверь, забирал тарелку с печенкой, обычно заботливо прикрытую сверху второй тарелкой, чтобы не остыла. Поставив тарелку на стол, он приступал к ленчу, не слишком заботясь о том, чтобы подливка не испачкала страницы его старинных изданий³.

Так проходили прежде все воскресные ленчи.

Однако нынешнее воскресенье несколько отличалось от всех предыдущих.

¹ Библиотекарь, капрал-ведьмолов Ковролинн, 11 пенсов ежегодной надбавки.

² «Потрясающий блокбастер; рекомендую от всего сердца» (папа Иннокентий VIII).

³ Настоящий коллекционер заплатил бы миллионы за библиотеку ведьмоловов. И ему понадобилось бы не только огромное богатство; ему пришлось бы смириться с жирными пятнами, страницами, прожженными папиросами, заметками на полях, а также и с хобби некоего Уитлинга, покойного ефрейтора Армии ведьмоловов, обожавшего подрисовывать усы и очки всем ведьмам и демонам, изображенным на гравюрах.

Во-первых, Шедвелл не читал. Он просто сидел.

А услышав стук в дверь, он мгновенно вскочил и открыл ее. Хотя мог бы и не торопиться.

Тарелки за дверью не было. Там стояла мадам Трейси собственной персоной, приукрашенная брошью с камеей и новым оттенком губной помады. Кроме того, ее окружало облако ароматных духов.

— Что, Езавель?

Мадам Трейси заговорила оживленным, фривольным и слегка срывающимся от волнения голосом:

— Привет, мистер Ш. Я просто подумала, что после всех треволнений, которые нам с вами пришлось пережить за последние два дня, вроде бы глупо оставлять вам тарелку у дверей, вот и решила пригласить вас в мои апартаменты. Пойдемте...

Мистер Ш.? Шедвелл осторожно последовал за ней.

Сегодня ночью ему привиделся очередной сон. Воспоминания о нем остались смутные; четко запомнилось лишь несколько фраз, все еще звучавших в его голове и тревоживших душу. Этот сон растворился в тумане, так же как события предыдущего вечера.

И звучало в его голове следующее: *«Нет ничего плохого в охоте на ведьм. Мне понравилось быть ведьмоловом. Только... ну, в общем, нужно делать все по очереди. Сегодня мы охотимся на ведьм, а завтра мы будем прятаться, и настанет черед ведьм искать нас...»*

Второй раз за последние двадцать четыре часа — и второй раз в жизни — он вошел в квартиру мадам Трейси.

— Присаживайтесь, — сказала она ему, показывая на кресло. Чистая салфеточка лежала на подголовнике этого мягкого кресла, а рядом стояла скамеечка для ног.

Он сел.

Поставив поднос ему на колени, мадам Трейси наблюдала за тем, как он ест, и убрала тарелку, когда он закончил. Затем она открыла бутылочку крепкого ирландского портера, налила в бокал и подала Шедвеллу, а пока он поглощал напиток, сама потягивала чай. Но вот мадам Трейси поставила чашку, нервно звякнув ею по блюдцу.

— Мне удалось порядком поднакопить, — вдруг сказала она ни к селу ни к городу. — И вы знаете, я иногда подумываю, как было бы чудесно жить в уютном бунгало где-нибудь в сельской местности. Подальше от Лондона. Я бы хотела назвать его «Лаврушки», или «Приют Странника», или... или...

— «Шангри-ла», — подсказал Шедвелл, но, хоть убей, не мог понять, почему ему пришлось на ум такое слово.

— Точно, мистер Ш. Именно так. «Шангри-ла». — Она улыбнулась. — Вам удобно, голубчик?

С нарастающим ужасом Шедвелл осознал, что ему удобно. Ужасно, чертовски удобно.

— Да, — настороженно сказал он. Ему никогда еще не было так удобно и спокойно.

Мадам Трейси открыла следующую бутылку портера и поставила перед ним.

— Единственная проблема с таким уютным бунгалом под названием... — как вы так удачно придумали, мистер Ш.?

— Гм. «Шангри-ла».

— Ах, точно, «Шангри-ла»... состоит в том, что там как-то неуютно жить в одиночестве, правда? Ведь затраты на одного человека ничуть не больше, чем на двоих.

(«Или на компанию из пятисот восемнадцати ведьмоловов», — подумал сержант Шедвелл, припомнив многочисленные ряды своей армии.)

Она хихикнула.

— Я вот только все думаю, где бы мне найти компаньона, который согласился бы поселиться со...

Шедвелл понял, к чему она клонит.

Его одолевали сомнения. Он определенно чувствовал, что поступил неразумно, оставив рядового ведьмолова Пульцифера с той девушкой в Тадфилде, особенно если вспомнить параграфы «Устава процессуальных норм и положений» Армии ведьмоловов. А сейчас ему самому, видимо, предстояло совершить еще более опрометчивый поступок.

Опять же, возраст дает о себе знать, годы берут свое, и уже тяжело ползать по мокрым кустам, когда влажный утренний холод пробирает до костей...

(...а завтра мы будем прятаться, и настанет черед ведьм искать нас...)

Мадам Трейси открыла очередную бутылочку портера и хихикнула.

— О, мистер Ш., — сказала она. — Вы, может быть, думаете, что я пытаюсь подпоить вас.

Он закашлялся. Все нужно делать по форме.

Сержант Армии охотников за ведьмами Шедвелл опорожнил бокал портера и внезапно поставил вопрос ребром.

Мадам Трейси смущенно хихикнула.

— Право, какой вы милый глупышка, — сказала она и вспыхнула как маков цвет. — И сколько же, как вы думаете?

Он снова задал тот же вопрос.

— Двое, — сказала мадам Трейси.

— А, лады. Тогда я удаляюсь на полную пенсию, — сказал Шедвелл, сержант Армии ведьмолотов (в отставке).

В воскресенье днем.

Высоко в небе над Англией с ревом пролетал на запад авиалайнер «Боинг 747». В салоне первого класса мальчик, названный Магом, отложил комикс и посмотрел в окно.

Последняя пара дней прошла очень странно. Он так до конца и не понял, зачем его отца вызвали на Ближний Восток. Он был абсолютно уверен, что его отец также не понимал этого. Вероятно, для налаживания каких-то культурных связей. Все дело кончилось тем, что какие-то странные парни с полотенцами на головах и ужасно плохими зубами показывали им древние развалины. Что касается развалин, то Маг видел и получше. А потом один из этих парней — тот, что постарше, — спросил, нет ли у него какого желания. И Маг сказал, что ему хочется домой.

Его слова их почему-то очень огорчили.

И вот, наконец, он летит обратно в Штаты. Возникли какие-то сложности то ли с билетами, то ли с полетами, то ли с выбором места назначения. Просто фантастика какая-то; он был абсолютно уверен, что его отец намеревался вернуться обратно в Ан-

глию. Магу нравилась Англия. Американцам в ней жилось прекрасно.

В данный момент самолет как раз пролетал непосредственно над спальней Жиртреста Джонсона в Нижнем Тадфилде, который вяло листал иллюстрированный журнал, купленный лишь потому, что его обложку украшала вполне симпатичная фотография тропической рыбы.

Через несколько страниц скучающий палец Жиртреста добрался до разворота со статьей об американском футболе, в которой говорилось о том, что он стал ужасно популярен в Европе. Появление статьи было весьма странным: когда этот журнал печатали, она была посвящена особенностям фотографирования в пустыне.

Эта статья изменит всю его жизнь.

А Маг летел в Америку. Он тоже заслужил кое-что (в конце концов, никогда не следует забывать старых друзей, даже если во время знакомства с ними вам было всего несколько часов от роду), и та магическая сила, что управляла судьбой всего человечества в это самое время, подумала: «Итак, он летит в Америку. Что может быть лучше, чем вернуться в Америку!»

Ведь у них там продают тридцать девять сортов мороженого. А может быть, даже больше.

Воскресный день может подарить множество развлечений мальчику и его собаке. Адам запросто мог придумать четыреста или пятьсот увлекательных занятий. Захватывающие и волнующие приключения, космические полеты и завоевание новых планет, приручение львов, открытие затерянных миров Юж-

ной Америки, где полным-полно динозавров, с которыми нужно подружиться.

Он сидел в саду и с унылым, подавленным видом шуршал ногами по галечной дорожке.

Вчера, вернувшись с авиабазы, мистер Янг обнаружил Адама в кровати — он так мирно посапывал под одеялом, словно спал там уже давно. Даже всхрипнул разок для правдоподобия.

На следующее утро за завтраком стало, однако, понятно, что этого оказалось недостаточно. Мистеру Янгу не понравилось болтаться субботним вечером по окрестностям в погоне за какими-то химерами. И ежели по какой-то невообразимой случайности Адам не виноват во вчерашних вечерних пертурбациях — подробностей не знал никто, но все точно знали, что были какие-то беспорядки, — то он все равно, несомненно, натворил что-то неподобающее. Таков был неизменный исходный принцип мистера Янга, и он исправно помогал ему последние одиннадцать лет.

Удрученный Адам сидел в саду. Августовское солнце стояло высоко в безоблачно синем августовском небе, и над зеленой изгородью разносилось пение дрозда, но от этого настроение Адама портилось пуще прежнего.

Рядом с Адамом сидел и Барбос. Он изо всех сил старался развеселить Хозяина, даже выкопал кость, припрятанную четыре дня назад, и притащил ее к ногам Адама, но Адам лишь уныло посмотрел на нее, так что Барбос утащил ее прочь и закопал снова. Он сделал все, что мог.

— Адам?

Адам оглянулся. Три лица выглядывали из-за садового забора.

— Привет, — несчастным голосом сказал Адам.

— В Нортон приехал цирк, — сообщила Пеппер. — Уэнсли был там и видел их. Они еще только обустраиваются.

— Они привезли шатры, слонов, фокусников и практически диких зверей, настоящих хищников... ну и все в таком роде! — выпалил Уэнслидэйл.

— Мы подумали, может, сгоняем туда все вместе и посмотрим, как они там устраиваются, — сказал Брайан.

Перед мысленным взором Адама проплыли цирковые номера. Цирки становились скучными после открытия. В любое время можно было посмотреть более захватывающее представление по телевизору. Но процесс установки цирка... Конечно, они все могли бы отправиться туда, помогли бы натягивать шатры и мыть слонов, и циркачи так поразились бы умению Адама находить общий язык с животными, что на вечернем представлении сам Адам (в сопровождении Барбоса, Всемирно Известной Дрессированной Дворняжки) вывел бы слонов на цирковую арену и...

Все бесполезно.

Он грустно покачал головой.

— Мне велено сидеть дома, — сказал он. — Мои не пускают.

Последовала пауза.

— Адам, — слегка смущенно спросила Пеппер. — А что же вчера произошло?

Адам пожал плечами.

— Да ерунда всякая. Неважно, — бросил он. — Вечно одно и то же. Стараешься помочь, а все думают, что ты навредил.

Приятели помолчали, грустно поглядывая на их упавшего духом предводителя.

— И когда же они разрешат тебе гулять, как ты думаешь? — спросила Пеппер.

— Лет через сто. А может, через двести. Я уже со-старюсь к тому времени, — проворчал Адам.

— Может, завтра? — спросил Уэнслидэйл.

Адам просиял.

— Ну, завтра все будет прекрасно, — заявил он. — К завтрашнему дню они обо всем забудут. — Он посмотрел на них исподлобья, словно нечесаный Наполеон с развязанными шнурками, изгнанный на Эльбу, огороженную розовыми кустами. — А вы идите, — с глухим смешком сказал он. — Не стоит за меня переживать. Все будет в порядке. Завтра увидимся.

Они колебались. Преданность — прекрасное качество, но не следует вынуждать лейтенантов выбирать между опальным генералом и цирком со слонами. Они убежали.

Солнце сияло. Дрозд пел. Барбос махнул хвостом своему хозяину и начал охотиться на бабочку в траве возле зеленой изгороди. То была внушительная, крепкая и неуязвимая изгородь из густой аккуратно подстриженной бирючины, и Адам отлично знал об этом. А за ней простирались поля, замечательные грязные канавы, недозрелые плоды и разгневанные, но медлительные владельцы фруктовых садов, а также цирки, запруженные речки, заборы и деревья, просто созданные для того, чтобы лазать по их веткам...

Но живая изгородь была непроходимой.

Адам глядел задумчиво.

— Барбос, — строго сказал Адам. — Отойди от изгороди, ведь если ты перелезешь через нее, то мне придется побежать за тобой, то есть выйти из сада, а мне велено сидеть здесь. Но мне пришлось бы... если бы ты убежал.

Пес возбужденно прыгал на одном и том же месте.

Адам осторожно оглянулся вокруг. Потом, еще более осторожно, заглянул сначала Наверх, а потом и Вниз. И, наконец, Внутрь.

И тогда...

Вот тогда-то в изгороди и появилась большая дыра... достаточно большая для любопытной собаки и для мальчика, что протискивается вслед за ней. Совершенно обычная дыра, ей уже лет сто.

Адам подмигнул Барбосу.

Пес нырнул в дыру. И с громкими, отчетливыми криками:

— Барбос, вернись! Ах ты негодник! Стой! Вернись сейчас же! — Адам протиснулся вслед за ним.

Что-то подходит к концу, подсказал ему внутренний голос. Не этот мир, конечно. Только нынешнее лето. Впереди будут другие годы, но такого уже не будет никогда. Больше никогда.

Значит, надо постараться прожить его как можно лучше.

Он остановился посреди поля. Кто-то что-то сжигал. Он увидел струйку белого дыма над трубой Жасминового коттеджа и остановился. Он прислушался.

Адам услышал то, что другие люди могли бы пропустить мимо ушей.

Он услышал смех.

То не был сатанинский смех; то был тихий и земной хохот человека, которому открылись знания, слишком обременительные и даже отчасти вредные для людей.

Белый дымок, вясь, летел над трубой коттеджа. И на долю секунды Адам увидел в этом дыму очертания красивого женского лица. Лица, не виданного на земле более трех столетий.

Агнесса Псих подмигнула ему.

Легкий летний ветерок рассеял дым; и лицо, и смех растаяли.

Улыбнувшись, Адам вновь бросился бежать.

За ручьем, промчавшись наискосок через луг, Адам догнал мокрого и грязного пса.

— Негодник, — сказал Адам, почесывая собаку за ушами. Барбос восторженно твякнул.

Адам поднял глаза. Над головой зеленели ветви старой яблони, толстой и сучковатой. Может, она стоит здесь с начала времен. Ее ветви клонились к земле под тяжестью яблок, мелких, зеленых и незрелых.

Со скоростью атакующей кобры мальчик взлетел на дерево. Через пару мгновений он вернулся на землю с оттопыренными карманами, шумно вгрызаясь в твердую и прекрасную плоть кислого яблока.

— Эгей! Мальчишка! Стой! — услышал он за спиной хриплый голос. — Это ты, Адам Янг! Я тебя узнал! Сегодня же все расскажу твоему отцу, так и знай!

Родительское возмездие теперь неминуемо, подумал Адам, улепетывая со всех ног вместе с собакой и набитыми полными карманами яблок.

Все как обычно. Но кара настигнет его только вечером.

А вечер еще так не скоро.

Швырнув огрызок в сторону своего преследователя, он полез в карман за следующим яблоком.

Он не мог понять, почему люди подняли такой шум из-за любителей этих простеньких древних плодов, но без шума жизнь стала бы гораздо менее интересной. И всегда останутся на земле яблоки, достойные, по мнению Адама, тех неприятностей, которые ты навлекаешь на себя, поедая их.

* * *

Если вы желаете представить себе будущее, вообразите мальчика с друзьями и с собакой. И лето без конца.

Да, если вы желаете представить будущее, вообразите сапог... нет, вообразите развязанные шнурки, теннисные туфли, носки которых подбрасывают камешки; вообразите палку, которой можно пошуровать где угодно или зашвырнуть ее подальше для собаки, которая, может, вернет ее, а может, нет; вообразите немелодичный свист, в котором невозможно узнать новейший музыкальный хит, вообразите того, кто наполовину ангел, наполовину дьявол и вполне человек...

...который радостно бредет в сторону Тадфилда...

...ныне и присно.

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА
К РОМАНУ Т. ПРАТЧЕТТА И Н. ГЕЙМАНА
«БЛАГИЕ ЗНАМЕНЕНИЯ»

БЛАГИЕ ЗНАМЕНЕНИЯ — Название романа — отсылка к фильму Ричарда Доннера «Знамение» (1976; новеллизация Дэвида Зельцера) и его продолжениям: «Демьен: Знамение II» (1978) и «Знамение III: Последняя битва» (1981). Новорожденный сын американского дипломата в Италии был убит, чтобы его место занял Демьен, Антихрист, ибо Армагеддон близится. Второй фильм повествует о детских годах сатанинского отродья, а третий, как ясно из названия, об итоговой победе Сил Добра.

Прим. к тексту на обложке. *...как раз после инцидента на Трехмильном острове...* — В 1979 г. на АЭС «Три-Майл-Айленд» (США, штат Пенсильвания) произошла крупная авария, которая, по счастью, обошлась без жертв, и выброс радиоактивных веществ в окружающую среду был незначительным. Тем не менее, резонанс оказался огромным.

Прим. к тексту на обложке. *Любит, когда его угрожают банановым дайкири...* — Точнее, любил. После выхода «Благих знамений» отбоя не было от читателей, которые рвались угостить Пратчетта этим напитком.

Прим. к тексту на обложке. *Терри Пратчетт встает рано утром, а Нил Гейман — рано днем. Эта книга создавалась в те четыре-пять часов, когда не спал ни один из них.* — Первый черновик романа был написан за полтора месяца. Пратчетт вспоминал:

«Я думаю, это честный отчет о том, как мы писали «Благие знамения». Вести счет довольно просто: мы пересылали друг другу дискеты, а я был Хранителем Официального Экземпляра, — так что я точно знаю, что написал чуть

больше двух третей романа¹. Но мы звонили друг другу по крайней мере раз в день. Если во время совместного мозгового штурма у вас возникла идея — кому она принадлежит? Если один из вас за полчаса после телефонного разговора пишет две тысячи слов, то что произошло на самом деле? Большую часть романа написал я, потому что:

1. Уж так пришлось. Нил работал над новыми выпусками комикса «Песочный человек», а я мог на время отложить «Плоский мир» в сторону.

2. Кто-то один должен быть редактором — чтобы сшивать, дополнять и сокращать, — и, как сказано выше, мы согласились, что редактором буду я. Если бы мы сочиняли графический роман, а не обычный, это кресло занял бы Нил.

3. Я — эгоистичная скотина и решил написать все лучшие куски, пока Нил до них не добрался.

Поначалу я писал почти все об Адаме и Этих, Нил — о Четырех Всадниках, а прочие эпизоды — как придется. Но ближе к финалу большие фрагменты сочиняло двуликое существо по имени Терри-и-нил, кто бы из нас ни стучал по клавишам. Мы условились, что я могу сообщить вам: Агнеса Псих, ее жизнь и смерть принадлежат мне одному. А Нил гордо берет на себя ответственность за личинок. В конце концов, эту книгу написали двое; они разделили деньги пополам, получили огромное удовольствие и ни за какие коврижки не согласятся снова взяться за такое предприятие.

В НАЧАЛЕ

С. 5. *Азирафаэль* — по словам Пратчетта, имя вымышлено, однако составлено из «реальных ингредиентов».

С. 8. *Ночь сулила быть темной и бурной*. — «Ночь была темная и бурная» — начало романа Эдварда Бульвер-Литтона «Пол Клиффорд» (1830). В англоязычном мире — такое же клише, как у нас «Мороз крепчал».

¹ По подсчетам Нила Геймана, он написал примерно 45 000 слов черновика, а Пратчетт — около 60 000.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

С. 10. *Хастур* — древнее божество, придуманное американским писателем Амброзом Бирсом, от него перешедшее к англичанину Роберту Чемберсу, а от него — к Г.Ф. Лавкрафту и лавкрафтианцам. Демон *Лигур*, кажется, вымышлен авторами.

С. 10. *Кроули* — демон получил фамилию и, как мы узнаем позже, инициал, в честь известного британского оккультиста Алистера Кроули (Эдвард Александр Кроули, 1875–1947).

С. 11. *Нарумяненная Иезавель* — т.е. распутная женщина (Иезавель была женой израильского царя Ахава, склонившей его к идолопоклонству).

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

С. 12. *Архиепископ Джеймс Ашер (1580-1656)*, опубликовавший в 1654 году свои «*Анналы Ветхого и Нового Заветов*»... — Здесь и далее авторы дают не вполне точные сведения. Ошибки в датах рождений, смертей и издания книг — как правило, со сдвигом на один год — настолько многочисленны, что не могут быть случайными. Пратчетт и Гейман подчеркивают, что их роман... не вполне исторически достоверен.

С. 13. *Бог играет со Вселенной вовсе не в кости*... — Известные слова Эйнштейна, отрицавшего положения квантовой механики.

С. 14. *А если бы Брюс Спрингстин вдруг собрался записать альбом «Рожденный таиться»*... — В 1975 году он выпустил альбом «Рожденный бежать» (*Born to Run*).

С. 15. *Му* — континент, якобы затонувший в Тихом океане, прародитель многих мировых культур. Концепция появилась в XIX веке в результате неправильного перевода майянской рукописи, была развита оккультистами, и Лавкрафт мимо нее тоже не прошел.

С. 16. Слау — город в графстве Беркшир.

С. 16. ...какое Фредди дело до Никиты Сергеевича Хрущева... — Генеральный секретарь упоминается в песне «Killer Queen» (1975). Оригинал обыгрывает другую ее строку.

С. 25. Единственный раз Кроули купил бензин в 1967 году, чтобы бесплатно заполучить переводную картинку из Джеймса Бонда, фильмы про которого в то время с удовольствием смотрел. — «Живешь только дважды», режиссер Льюис Гилберт. В главной роли — Шон Коннери.

С. 26. ...не та мастика для полов в Низкой церкви, довольно сомнительный ладан в Высокой. — Два направления в Англиканской церкви: первое ближе к пуританству, второе — к католицизму.

С. 33. Предложите людям новое кредо вкупе с новым нарядом, и вы мгновенно завладеете их сердцами и умами. — «Ухватите их за яйца, и вы мгновенно завладеете их сердцами и умами» — этот принцип если не придумал, то популяризировал Чарльз Колсон, советник президента Никсона.

С. 34. ...расследование ведет хрупкая благообразная старушка. И никаких автомобильных гонок, разве что на первой скорости. — Имеется в виду сериал «Она написала убийство» (1984–1996), с Анджелой Лэнсбери в главной роли. (В фильмах о мисс Марпл нет «добродушных шерифов».)

С. 37. Он смотрел однажды фильм Кена Рассела, там тоже были монашки. — «Дьявол» (1971). Действие происходит во Франции XVII века.

С. 40. — А мне Полынь нравится, — сказала монахиня, припоминая классику. — «Звезда Полынь» из Откровения Иоанна Богослова. Полынью зовут мелкого беса из книги К. С. Льюиса «Письма Баламута» (1942); в русском переводе он Гнусик.

С. 40. *Или Демьен.* — См. преамбулу к примечаниям.

С. 41. *И не заградит путь их ни рыба, ни гроза, ни дорога...* — «Ни снег, ни дождь, ни жара, ни мрак ночной не остановит этих гонцов от быстреешего выполнения назначенного службы» — надпись на фронтоне нью-йоркского почтамта, многократно обыгранная в романах Пратчетта.

С. 44. *Дит* — адский город у Данте.

С. 44. *Пандемониум* — столица сатаны в «Потерянном Рае» Джона Мильтона.

С. 45. *«Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»* — Уильям Шекспир. Буря (акт I, сц. 2), пер. М. Донского.

С. 46. *Эррол. Или Кэри.* — Американские актеры Эрролл Флинн и Кэрри Грант.

С. 48. *«Спитфайр»* — английский истребитель времен Второй мировой войны.

С. 54. *Элгар и Лист.* — Эдвард Элгар (1857–1934) — английский композитор, католик. Ференц Лист (1811–1886) в 1860-е годы обращался по преимуществу к духовной музыке, а в 1865 г. принял малый постриг, став аколитом — церковнослужителем-мирянином.

С. 58. *И еще у него был полный набор Нечестивых Библий...* — Большая часть перечисленных книг вполне реальна.

С. 60. *«Мышедавка»* — «Мышеловка», трагедия, которую ставят в Эльсиноре по заказу Гамлета, и одноименная детективная пьеса Агаты Кристи (1952).

С. 60. *«Собрание пророчеств» матушки Шиптон* — книга, впервые изданная в 1641 году. Содержит предсказания, приписывавшиеся йоркширской ясновидящей Урсуле Саутейл (ок. 1488–1561), более известной как Матушка Шиптон.

С. 64. *Дрыхнет под толщей вод, в глубинах потаенных.* — Ангел не вполне точно цитирует стихотворение Альфреда Теннисона «Кракен» (1830, здесь и далее использован перевод Г. Кружкова).

С. 65. *О всех созданиях, больших и шалых. Тьфу, то есть малых.* — Строка из англиканского гимна «О всех созданиях, прекрасных и разумных»; также название американского издания книги английского ветеринара Джеймса Хэрриота (1972).

С. 65. *Знаешь, что такое вечность?* — Кроули пытается пересказать проповедь об адских муках из романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности» (1914–1915).

С. 73. *«Три шестерки»* — и название ресторана, и его адрес подлинны.

С. 77. *Уиндскейл* — город в графстве Камбрия, где в 1957 г. произошла серьезная авария на АЭС.

С. 80. *Аштарот* (Астарта) — древнесемитская богиня любви и плодородия. Астарот — один из князей ада в европейской демонологии. Сатанинская няня есть и в фильме «Знамение».

С. 80. *Скоро ему понадобится трехколесный велосипедик.* — С помощью которого Демьен в фильме «Знамение» столкнулся со второго этажа свою приемную мать.

С. 81. — *Смотри, вот братец Слизняк, — говорил ему садовник.* — Святой Франциск Ассизский (1182–1226), проповедовавший птицам и называвший все сущее в мире своими братьями и сестрами.

С. 81. *О, славный старый герцог Йорк!* — переделанная на сатанинский лад старинная английская песенка.

С. 82. *Мистер Гаррисон рассказывал ему о царе гуннов Аттиле...* — Демьен был Аттилой в своем прошлом воплощении.

С. 82. *Мистер Кортезе рассказывал ему о Флоренс Найтингейл... Опуская связанные с сифилисом подробности.* — Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская сестра милосердия. По недостоверной легенде, умерла от сифилиса.

С. 84. «*Чирс*» — американский комедийный сериал (1982–1993).

СРЕДА

С. 86. *Джон Маскелайн* (1839–1917) — английский иллюзионист и изобретатель.

С. 91. *Это просто счастье, счастье-счастье-счастье...* — Припев из песни Кайли Миноуг «I Should Be So Lucky» (1987).

С. 91. *Дагон* — древнесемитское божество плодородия, упоминаемое в Ветхом Завете и, разумеется, у Лавкрафта.

С. 91. *Повелитель Мух* — одна из этимологий имени Вельзевул.

С. 93. *Голос его Хозяина* — знаменитая фирма звукозаписи, эмблема которой — собака, слушающая граммофон.

С. 95. *Для детей здесь был настоящий рай.* — Главы об Адаме и его друзьях — пародия на серию книг англичанки Ричмал Кромптон «Этот Уильям!» (1922–1970).

С. 103. *Говорят, что все лучшие мелодии принадлежат Дьяволу.* — Фраза восходит к английскому проповеднику Роуленду Хиллу (1744–1833), который защищал церковную музыку, утверждая прямо обратное: «Дьяволу не должны принадлежать все лучшие мелодии!»

С. 105. *Ночь черна... Луна светла...* — вариация на тему «Ведьмовского хорала» английской неоязычницы Дорин Вальенте (1922–1999).

С. 134. ...*У Ве-ельзевула есть черт, припасенный для меня, для меня...* — Кроули не может избавиться от песен группы «Queen», в данном случае — от «Bohemian Rhapsody».

С. 139. *Роберт Никсон* — легендарный предсказатель из графства Чешир. Жил то ли в XV, то ли в XVII веке.

С. 140. «*Голубой Маврикий*» — одна из первых марок острова Маврикий (наряду с «Розовым Маврикием», 1847), крайний филателистический раритет.

С. 140. ...*по сравнению с «Превосходными и Недвусмысленными Пророчествами»* дневники Гитлера казались... ну, просто жалкой подделкой. — «Дневники», опубликованные в 1983 г. журналом «Штерн», и были жалкой подделкой.

С. 140. ...*в 1976 году Элвиса украли пришельцы из космоса...* — Пресли умер в 1977 году. То есть, очевидно, это был не Пресли.

С. 151. *Торремолинос* — курорт на средиземноморском побережье Испании.

ЧЕТВЕРГ

С. 152. *Тадфилская Лига Справедливости* — аналог «Американской Лиги Справедливости» из комиксов. Происхождение других прозвищ аналогичное.

С. 154. «*Мальчи-Каратист*» (1984) — фильм американского режиссера Джона Эвилдсена.

С. 155. ...*Питтин Галадриэль Луннодева*. — «Это наблюдение над жизнью, — поясняет Пратчетт. — Я лично подписал книги по крайней мере двум Галадриэлям и трем Бильбо. Хиппи такие предсказуемые».

С. 157. *Это все некромантия... Точно как в Библии*. — Аэндорская волшебница призвала по приказу царя Саула дух пророка Самуила (1 Цар. 28:7–25).

С. 157. *Бог сильно против некромантии. И против ведьм тоже.* — «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх. 22:18).

С. 160. *Яйца по-шотландски* — разрезанные варенные яйца на хлебе.

С. 171. *Если бы Тернер и Ландсир...* — Перечисляются английские пейзажисты и анималисты: Уильям Тернер (1775–1851), Эдвин Генри Ландсир (1802–1873), Сэмюель Палмер (1805–1881), Джордж Стаббс (1724–1806).

С. 174. *Лей-линии* — каналы энергии Земли. Псевдонаучный термин ввел в 1925 г. археолог-самоучка Альфред Уоткинс (1855–1935), утверждавший, что эти линии соединяют каменные пирамиды и круги, соборы, курганы и т.п.

С. 179. *На том месте, где до сих пор находился реактор, было пусто. Там можно было бы сыграть партию в сквош.* — Сквош — игра в мяч с ракеткой. На площадке для сквоша в 1942 г. Энрико Ферми построил первый ядерный реактор.

ПЯТНИЦА

С. 186. *Чарльз Форт* (1874–1932) — американский исследователь сверхъестественных феноменов. Пришел к сверхъестественным выводам.

С. 193. *Адам сейчас испытывал примерно то же, что и Кортес на Дарьенском перешейке...* — Знаменитый образ из стихотворения Джона Китса «При первом прочтении чапменовского Гомера» (1816):

Вот так Кортес, догадкой потрясен,
Вперял в безмерность океана взор,
Когда, преодолев Дарьенский склон,
Необозримый встретил он простор.

(Перевод С. Сухарева)

На самом деле к Тихому океану вышел не Фернандо Кортес, а Васко Нуньес де Бальбоа.

С. 194. *Преподобный Уоткинс* — см. прим. к с. 174 (*Лейлинии*).

С. 198. *Дэвид Аттенборо* (р. 1926) — натуралист, автор документальных фильмов о природе.

С. 198. *Сайрус Рид Тид* (1839–1908) — американский врач, алхимик, религиозный деятель, мессия по имени Кореш, основатель религии «корешанство».

С. 198. *Эдвард Бульвер-Литтон* (1803–1873) — английский прозаик, поэт, политический деятель (см. также прим. к с. ... [*Ночь сулила быть темной и бурной*]). Здесь имеется в виду его роман о полой Земле «Грядущая раса» (1871).

С. 199. *И еще на северном полюсе есть дыра, чтобы впускать воздух*. — Гипотеза американца Джона Клива Симмса (1779–1829), который популяризировал в XIX веке теорию полой Земли.

С. 202. *Мэтью Хопкинс* (ок. 1620–1647) — историческая личность, славный ведьмоллов. Умер в своей постели, вопреки распространенной легенде.

С. 209. *Да и у женщин явный перебор с руками*. — Имеется в виду индийская богиня смерти Кали.

С. 215. *...мог бы сойти за Кларка Кента*. — То есть за Супермена в «гражданской» одежде.

С. 219. *Чтобы пятого ноября перед самым костром не зарядил дождь...* — 5 ноября, годовщина раскрытия католического «порохового заговора» 1605 года, когда на кострах жгут чучело Гая Фокса, одного из заговорщиков.

С. 220. *Так и в «Разоблачении» Хопкинса сказано*. — «Разоблачение ведьм» (1647), трактат Мэтью Хопкинса.

СУББОТА

С. 227. *«Иди и смотри»*. — «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри» (Откр. 6:1).

С. 229. — *Колокольчик, книга и свеча?* — Атрибуты, необходимые для обряда отлучения от церкви. «Книга» — разумеется, Библия.

С. 230. *Харлоу* — город в графстве Эссекс; «новый Харлоу» был выстроен после Второй мировой войны (упомянутый выше Милтон-Кейнс — в 1960-е гг.)

С. 230. ...*полковника-ведьмолова Не-Вкушай-Мяса-С-Кровью-Не-Ворожи-И-Не-Гадай Далримпла*. — Ср. «Не ешьте с кровью; не ворожите и не гадайте» (Лев. 19:26).

С. 233. *Дик Турпин* (1705–1739) — английский разбойник, фольклорный герой.

С. 235. *Нигирисуши* — простейший вид суши: рис с кусочком сырой рыбы.

С. 235. *«Имею булавку, готов путешествовать»* — «Имею скафандр, готов путешествовать» (1958), фантастический роман Роберта Э. Хайнлайна. *«За пригоршню булавок»* — «За пригоршню долларов» (1964), вестерн Серджо Леоне. *«Человек с золотой булавкой»* — фильм Гая Хэмилтона «Человек с золотым пистолетом» (1974) из серии о Джеймсе Бонде. *«Булавки острова Наварон»* — «Пушки острова Наварон» (1957), приключенческий роман Алистера Маклина и его экранизация (1961) режиссера Дж. Ли Томпсона.

С. 239. *А третий, похожий на перечницу...* — Это «далек», киборг-мутант из британского фантастического сериала «Доктор Кто» (с 1963 г.).

С. 250. ...*настенные ходики с маятником, под который Эдгар По с удовольствием кого-нибудь да засунул бы*. — Отсылка к рассказу «Колодец и маятник» (1842).

С. 251. *Ты еще скажешь мне, что никогда не слышал о сэре Хэмфри Новаторе... который изобрел новаторское приспособление для откачивания воды из затопленных рудников.* — Прототип — английский изобретатель Томас Ньюкомен (1663–1729), сын кузнеца, а не аристократ; один из создателей первого парового двигателя.

С. 255. *Они существуют токмо в вашем Сознании...* — Идея о том, что болезни существуют только в нашем сознании, — одна из основополагающих в учении «христианской науки», которое создала американка Мэри Бэйкер Эдди (1821–1910).

С. 261. *Шангри-ла* — долина в Гималаях, рай земной, аналог Шамбалы. Придумана английским писателем Джеймсом Хилтоном в романе «Пропавший горизонт» (1933), экранизацию которого в 1937 г. снял Фрэнк Капра. «Шангри-ла» — популярное название усадеб (начиная с резиденции Ф. Д. Рузвельта).

С. 264. *Но тогда наш мир захватят гигантские муравьи... Я видел один такой фильм. Или, может, придется вооружиться обрезами, и у каждого будет машина, напичканная ножами и пушками...* — Фильмы «Они!» (1954, реж. Гордон Дуглас) и «Безумный Макс» (1979, реж. Джордж Миллер).

С. 268. *См. Откровение, гл. 6, ст. 10.* — Видимо, имеется в виду восьмой стих шестой главы: «...и дана ему власть над четвертою частью земли».

С. 278. «*Каппа-маки*» — суши-ролл с огурцом.

С. 291. «*Выход дьявола*» — британский ужастик (1968, реж. Теренс Фишер), экранизация романа Дэнниса Уитли (1934).

С. 412. *Мегиддо* — холм и одноименный город в Израиле. «Армагеддон» означает «гора Мегиддо».

С. 303. *Кому из нас повезет?* — Вариация на тему знаменитого монолога Клинта Иствуда из фильма «Грязный Гарри» (1971, реж. Дон Сигел).

С. 311. *Сесил Родс* (1853–1902) — британский бизнесмен, колонизатор, политический деятель. Основным его полем деятельности была Южная Африка.

С. 317. *«Крестный отец»* наверняка получил больше «Оскаров», чем *«Унесенные ветром»*! — У первого фильма — три «Оскара», у второго — восемь.

С. 317. *«Марионетка»*! *Сэнди Шоу*! — Победительница «Евровидения»-1967.

С. 317. 1666!.. Тогда был пожар! Чума была в 1665! — Верно.

С. 318. *Костяшки его пальцев украшали две татуировки: LOVE и HATE.* — Впервые такие татуировки появились, видимо, в американском триллере «Ночь охотника» (1955, реж. Чарльз Лоутон) и быстро распространились в массовой культуре.

С. 319. *...еще спасибо, что какой-то Гидеон оставил там свою Библию.* — Евангелическая организация «Gideons International» распространяет Библии бесплатно по всему миру, главным образом через гостиницы и moteли.

С. 319. *Последний раз мы встречались в Мафекинге, во времена Англо-бурской войны...* — Буры осаждали город Мафекинг в 1899–1900 годах, но так и не смогли его захватить.

С. 322. *В один год с Бингом Кросби. И Марком Бола-ном.* — Оба певца умерли в 1977 году.

С. 327. *Время Сновидений* — в мифологии австралийских аборигенов время первоначала и творения.

С. 328. *Тонтон-макут* — представитель гаитянской гвардии во времена диктатора Франсуа Дювалье (с 1959 г.). Высокопоставленные тонтон-макуты были (или считались) жрецами вуду.

С. 328. *Лоа* — в вудуизме духи-посредники между божеством и человеком.

С. 335. «*The Travelling Wilburies*» — англо-американская супергруппа (1988–1990), в которую входили Боб Дилан, Джефф Линн, Рой Орбисон, Том Петти и Джордж Харрисон,

С. 335. *Кто это написал? Честертон!* — Цитируется стихотворение Г. К. Честертона «Старая песня».

С. 343. *А за ними следовали...* — Ср.: «И ад следовал за ним» (Откр. 6:8).

С. 345. *Джеронимо* (1829–1909) — вождь апачей, тридцать лет воевавший с мексиканской и американской армиями.

С. 348. *Wo bu hui jiang zhongwen?* — Как обнаружили авторы уже после выхода романа, эта фраза означает «Я не говорю по-китайски».

С. 357. *Вы думаете, что в любую секунду эта голова может закружиться, и она начнет извергать гороховый суп.* — Отсылка к фильму «Изгоняющий дьявола» (1973, реж. Уильям Фридкин) по одноименному роману Уильяма Питера Блэтти (1971).

С. 359. *Он и вправду однажды смотрел фильм, посвященный данной теме. Насколько он помнил, там из грузовиков выпадали стекла и отрезали людям головы.* — Все то же «Знамение».

С. 361. *... по сравнению с ним Диана Эфесская кажется практически безгрудой.* — Статуя Артемиды (Дианы) в малоазиатском городе Эфесе изображала богиню многогрудой, что символизировало плодородие.

С. 361. *Кали* — см. прим. к с. 209. [*Да и у женщин явный перебор с руками.*]

С. 362. «Беспечный ездок» — фильм Денниса Хоппера (1969).

С. 374. *...изгнания в 1785 году из Баварии иллюминатов Вейсгаупта.* — Дата, в виде исключения, правильная. Немецкий философ Адам Вейсгаупт (1748–1830) создал в 1776 г. в баварском городе Ингольштадте тайное общество иллюминатов («просветленных»), чтобы распространять просвещение и бороться с абсолютной монархией и государственными религиями. Это общество, вскоре разоблаченное и запрещенное, быстро обросло легендами и является неотъемлемой частью позднейших конспирологических теорий.

С. 390. *Дже-р-р-р-р-о-о-о-ни-моооооо!* — В данном случае это боевой крик американских парашютистов.

С. 423. *По-моему, у одного из этих детей в велосипедной корзине сидел космический пришелец с физиономией, точно как дружелюбная какашка...* — Эпизод из фильма Стивена Спилберга «Инопланетянин» (1982).

С. 444. *Неужели ты думаешь, что все войны начинались только потому, что пристрелили какого-нибудь старого герцога, или один идиот отхватил ухо другому, или кто-то неверно выбрал местечко для размещения ракет.* — Первая мировая война (убийство эрцгерцога Фердинанда), англо-испанская война 1739–1842 гг. («война за ухо Дженкинса», начавшаяся после того, как испанский офицер отрубил ухо британскому капитану торгового судна), Карибский кризис.

С. 446. *Вельзевул... Он повелитель...* — см. прим. к с. 91 [*Повелитель Мух*].

ВОСКРЕСЕНИЕ

С. 468. *И скажите мне... мисс Морфру...* — Пратчетт признался: «Да, нашествие личинок отменил я, приставив пистолет к голове Нила (он вполне понял мои резоны, просто очень любит личинок). На руках Адама не должно быть крови, даже той, которую пролили третьи лица. Никто не должен умереть, потому что он жив».

С. 478. *«Приключения Бигглза на Марсе»* — Бигглз — герой подростковых книг английского летчика У. Э. Джонса. Первая история о Бигглзе была опубликована в 1932 году. Название Азирафаэлевой книги — выдумка авторов.

С. 478. *«Джек Кэд, герой фронта»* — Джек Кэд, предводитель английского крестьянского восстания 1450 г., к Дикому Западу отношения, конечно, не имеет.

С. 481. *...над Беркли-сквер впервые за все времена разносились веселые трели соловья.* — Намек на популярную песню «Соловей пел на Беркли-сквер» (1939, слова Эрика Машвица, музыка Мэннинга Шервина).

С. 482. *«Некротелекомникон», или «Liber Fulvarum Raginarum»* — «Книга желтых страниц» (лат.), телефонный справочник для общения с мертвыми. Упоминается в романе Пратчетта «Творцы заклинаний» (1987) и «Песочном человеке» Геймана (1988).

С. 482. *«Молот ведьм»* — *«Malleus Maleficarum»* — книга доминиканцев Генриха Крамера (Инститориса) и, в гораздо меньшей степени, Якова Шпренгера, изданная в 1487 г.

С. 486. *...мальчик, названный Магом...* — Эпизод добавлен в американском издании романа: тамошние читатели не могли оставаться в неведении насчет судьбы юного гражданина США.

С. 493. *Да, если вы желаете представить будущее, вообразите сапог...* — «Если вам нужен образ будущего,

вообразите сапог, топчущий лицо человека — вечно». Из романа Джорджа Оруэлла «1984» (1949; пер. В. Голышева).

С. 493. ...*который радостно бредет в сторону Тад-филда...* — В оригинале — парафраз заключительных строк стихотворения У.Б. Йейтса «Второе Пришествие»: «...И что за чудище, дождавшись часа, / Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме» (пер. Г. Кружкова). Как и в случае с цитатой из Оруэлла, исходный смысл вывернут наизнанку.

Михаил Назаренко

Литературно-художественное издание

Терри Пратчетт

Нил Гейман

БЛАГИЕ ЗНАМЕНА

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *М. Назаренко*

Художественный редактор *И. Сауков*

Технический редактор *Л. Козлова*

Компьютерная верстка *И. Кондратюк*

Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 22.10.2012. Формат 80×100^{1/32}.

Гарнитура «Mysl». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,7.

Тираж 13 500 экз. Заказ № 3208.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-59223-4

9 785699 592234 >

Оптовая торговля книгами «ЭКСМО»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

Если кому-нибудь это действительно интересно, ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ родился в Англии, в графстве Букингемшир, в 1948 году. Ему удалось уклониться от всех увлекательных профессий, которые так хорошо смотрятся в подобных биографиях. Отдавая предпочтение спокойной жизни, он устроился пресс-атташе в Центральное Управление Электроэнергетики как раз после инцидента на Трехмильном острове, что свидетельствует о его безупречном чувстве момента. В настоящее время (1990 год) живет в Сомерсете с женой и дочерью, занимаясь исключительно литературным трудом. Любит, когда его угощают банановым дайкири (ему известно, что никто не читает справки об авторах, но он все-таки решил, что есть смысл попробовать).

НИЛ ГЕЙМАН был журналистом, но бросил это дело, увлекшись сочинением комиксов, которые считает вполне полноценной художественной формой конца двадцатого века (он даже получил за них несколько премий, так что все в порядке). Его рост 5 футов и 10 дюймов, у него изрядный запас черных футболок, и хотя он не в восторге от бананового дайкири, ему всегда льстит, когда признательные фэны переводят деньги на его счет (он ознакомился с биографией Терри Пратчетта, и хотя сомневается, что из этого будет толк, но решил: «Да ладно, какого черта!..»).

В этом ненадежном мире предпочтительнее доллары.

Терри Пратчетт встает рано утром, а Нил Гейман — рано днем.

Эта книга создавалась в те четыре-пять часов, когда не спал ни один из них.

ISBN 978-5-699-59223-4

9 785699 592234 >

